РАССКАЗЫВАЮТ БРИТАНСКИЕ ТАНКИСТЫ

ДЖЕЙМС ПАЛМЕР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ФРАНЦИЯ, 1940

Джеймс Палмер (James Palmer, 1918-1996) родился в Манчестере. В 1939 году он записался в Милицию/Militia. В военизированных частях этой организации молодых людей возрастом 20-22 года 6 месяцев готовили к военной службе, после чего отправляли в запас. Начавшаяся ВМВ изменила ситуацию, и записавшиеся в Милицию стали обычными армейскими рекрутами. Палмер стал танкистом и впоследствии принял участие в боевых действиях во Франции, северной Африке, Бирме, служил в оккупационных войсках в Ираке и на Ближнем Востоке, сражался в Италии. В конце войны он вновь оказался в Западной Европе, но больше не принимал участия в боевых действиях. Он оставил книгу воспоминаний о войне и умер в 1996 году.

… По прибытии в Шербур мы загрузились в поезд, направляющийся в Neuve Chattel *(вероятно, речь идет о городе Нёшатель-ан-Бре*/*Neufchâtel*-en-Bray, *расположенном в 36 км к ЮВ от Дьеппа – ВК)*, где нам предстояло получить наши танки. Все казалось нам чрезвычайно приятно выглядевшим, когда мы сидели, [в дверях вагонов], свесив ноги и разглядывая пробегавшие мимо нас зеленые поля. Сельские жители махали нам руками, когда мы проезжали через переезды и небольшие станции. Казалось, война от нас была очень далеко.

Эти иллюзии рассыпались около 4-х утра, когда разверзся ад. Большинство из нас дремало, свернувшись в клубок на полу вагона. Затем мы проснулись, услышав свисток паровоза и треск очередей наших пулеметов. Вражеский самолет вынырнул из облаков и обстрелял поезд. Несколько парней высунули пулемет *Брен/Bren* из двери вагона и открыли беспорядочную стрельбу в воздух. Никто из нас раньше не был под огнем, и никто не нашел приобретенный опыт приятным. Самолет растворился в воздухе, и мы успокоились. Потрясение было сильным, и в вагоне повисла странная тишина. Это была война, и мы находились в ее реальности…

Наше путешествие по просторам Франции замедлилось. Время от времени мы проезжали через разбомбленные станции. До этого никто из нас не видел, к чему приводят бомбежки, и вид этих станций сильно отрезвил нас. К вечеру мы, наконец, въехали в Нёшатель – здесь результаты бомбежки были самыми тяжкими из всего виденного нами по пути. Станции больше не было, а от домов, стоявших рядом с ней, остались голые стены и кучи обломков. Бóльшую часть города сровняли с землей. Остов

небольшого склада все еще дымился. Наш машинист, казалось, хотел поскорее избавиться от своего груза и убраться отсюда побыстрее. Видя, что осталось от города, я не винил его…

Когда мы выпрыгивали из вагонов, завыли сирены, что вызвало еще бóльшую панику. Со стороны солнца к нам приблизилась группа самолетов. Бомбы посыпались на нас с тошнотворным воем, после чего началась безумная паника. Некоторые из нас нырнули под вагоны, другие упали на землю, вдавив в нее свои лица. Некоторые побежали и уже не могли остановиться, другие просто окаменели и не могли сдвинуться с места – они просто стояли, уставившись в небо и глядя на небольшие черные комочки, падавшие на землю по пологой кривой. Можно было почувствовать, как их взрывы поднимают землю. В качестве прощального жеста, самолеты сделали круг над станцией, потрескивая пулеметами. Нас по-настоящему встряхнуло, и, хотя мы потеряли всего 15 человек ранеными, нас не нужно было заставлять убираться со станции на максимально возможной скорости.

Наши танки были в лесу в трех милях от городка, и уже вскоре мы начали подниматься по склону, чтобы забрать их. Пехотинцы шли колоннами по одному по обе стороны дороги. Проходя через деревню, мы увидели, что она была покинута жителями. Дома были превращены в щебень и пыль. Я помню, как мне на глаза попались перепачканный кровью матрас, свисающий из окна спальни, и сидевший на нем кот, спокойно вылизывавший свои лапы. Все мы нервничали, на душе у всех было неспокойно, пока мы маршировали, но, добравшись до леса и увидев танки, все пришли в себя. Все нашли свои машины, я оказался среди своих товарищей из группы разведчиков. Раздали карты, мы начали загружать в машины боеприпасы.

Нервотрепка началась опять, когда прозвучал свисток, – это был сигнал о том, приближается самолет. Мы забрались под танки и броневики, или просто запрыгнули в ямки под деревьями. Самолеты покрутились над лесом, и мы поняли, что нас заметили. То, что они ушли, говорило лишь о том, что они позднее вернутся и разбомбят нас к черту. Мне было страшно и наплевать на то что, что кто-то мог это заметить… Следующий час мы потратили на то, чтобы вырыть окопы. Как только они были закончены, мы получили приказ двигаться. Лейтенант, командовавший нашим отрядом, коротко описал ситуацию. Оказалось, что немцы атаковали по всему Северному фронту и прорвались в направлении Соммы. Нам предстояло дойти до Абвиля/Abbeville и не дать немцам переправиться через реку. Или, по крайней мере, задержать их наступление.

Мы начали марш к месту нашего первого боя перед наступлением сумерек. Как только мы покинули лес, вернулись немецкие самолеты и отбомбились по нему – мы убрались как раз вовремя. На марше танки сместились влево, я оставался в группе разведчиков эскадрона *A*. Мы получили задание добраться до реки и понаблюдать, что делает противник. Я должен был подготовить доклад и вернуться с информацией к полуночи. Все это выглядело просто, как во время учений, но здесь разница была в том, что теперь не было места ошибкам, поскольку игры закончились…

… Я был занят чтением карты, пока мы продвигались вперед, делая отметки о нашем перемещении. Неожиданно мы наткнулись на небольшой мост, который охраняли французские пехотинцы. Мост был уже подготовлен к взрыву. Про себя я подумал, что это не вяжется обстановкой, которую нам охарактеризовал наш взводный лейтенант. Предполагалось, что немцы еще не переправились через Сомму, а тут уже были французы, собиравшиеся взорвать мост, расположенный в семи милях от реки на нашей

стороне. Я полагал, что они знают свою задачу, но надеялся, что они знают и то, что я направляюсь к Сомме и должен буду вернуться до полуночи!

Палмер и его товарищ Тафти Картер (Tufty Carter) наткнулись на небольшую ферму с недоенными коровами и попытались добыть себе молока. Особого успеха они не добились, выдоив через час всего кружку…

И тут началось! Нас разбросало, словно щепки. Бомба взорвалась рядом с воротами фермы. Затем, еще до того, как рассеялся дым, еще одна упала прямо рядом с коровником. Нас швырнуло на землю. Все вокруг горело. Еще один взрыв, и обрушилась стена. Затем еще один, который, казалось, заполнил все вокруг летящими обломками кирпичей. Я был слишком напуган чтобы двигаться. Я молился богу, чтобы на этом все закончилось, потому что не хотел, чтобы на нас еще что-то упало. Тафти орал: «Ублюдки, ублюдки!», мир превратился в ад. «Пора убираться отсюда ко всем чертям!» - прокричал Тафти, и мои ноги сами повиновались этому… Крыша фермы горела, коровник дымился. Коровы больше не мычали. Одна из них лежала на боку, ее кишки были разбросаны по покрытой соломой земле…

Наша машина осталась неповрежденной. Мы выкатились через ворота, проехали около трех миль, и тут я понял, что мы заблудились. Тафти ударил по тормозам, когда мы въехали в какую-то рощицу. Казалось, наступила полная темнота, и, когда он остановил мотор, мы услышали шум реки. Стояла тишина, я замерз и онемел. Только люди, которые только что испытали настоящий ужас, поймут, что мы чувствовали. Мы сгорбились на переднем сидении, покрытые соломой с ног до головы. Лицо у Тафти было пепельного цвета, все в копоти. Руки у нас безостановочно дрожали. Мои ноги отяжелели и словно уже не были частью моего тела. По моему лицу и спине стекал холодный пот. Я не мог думать ни о чем, кроме как о том, с каким воем бомбы падали на ферму и железнодорожную станцию, о том, как пулеметные очереди хлестали по нашему поезду. Я никогда не мог и представить себе что-то столь ужасное. У меня щипало в глазах, и тут я понял, что плачу. Справа от себя я услышал негромкий стон – это рыдал Тафти. Никогда не думал, что мужчины могут так в открытую плакать, но мы просто окаменели. Я помню, что не испытывал стыда из-за того, что был в слезах.

Мы посидели там какое-то время, не двигаясь и не переговариваясь – каждый из нас погряз в страхе от пережитого... Постепенно Тафти начал говорить. Сначала его речь была бессвязной, просто бормотание. Затем, когда он начал изрыгать проклятия и ругань, слова стали приобретать форму. Я начал смеяться. Это не был смех от радости, скорее, смех тронувшегося умом. Должно быть, в темноте это звучало жутко, но так я избавился от напряжения внутри себя. «Ты оставил там долбаный котелок, - заорал Тафти. – За каким чертом тебе понадобилось проявлять заботу об этих коровах?» Я оказался виноватым! Тафти просто нужно было оторваться, и я получил по полной от извержения его армейского лексикона.

Я почувствовал себя намного лучше. Мне так и не пришло в голову, насколько нам повезло. Весь эпизод стал приобретать совсем другое звучание. Мы оба решили, что мы оказались просто парочкой долбаных героев. Закурили и успокоились. Я развернул на своих коленях карту, пытаясь понять, где мы находимся. Мозг снова заработал. Согласно карте, река слева от нас вела к Сомме. Она находилась милях в двух от нас по дороге, ведущей через перелесок. Включив фонарик, я показал Тафти предполагаемую дорогу.

Тафти завел машину, и мы осторожно тронулись в путь. Оба молчали, чувствуя каждую кочку и колдобину на дороге. Неожиданно из каких-то ям появились наши пехотинцы и

через несколько секунд окружили нас. Тафти резко остановился, когда ствол пулемета *Брен* чуть было не уткнулся ему в лицо… Пехотинцы были разбросаны по всему перелеску, они всматривались в темноту и находились в ожидании. Река была рядом. Ходили слухи о том, что что-то происходит, и все подозревали, что гусеничные машины противника уже поднимаются от реки вверх по склону. Однако на тот момент никто не пытался форсировать реку.

Время от времени было видно, как трассы очередей пересекают небо, был слышен стук пулеметов. Мы оставили нашу машину, повернув ее в ту сторону, откуда прибыли, пробрались через заросли ежевики и нашли окопчик, из которого просматривалась долина реки. Слева от нас была слышна артиллерийская стрельба, где-то рядом кто-то передавал закодированное сообщение. Обстановка была напряженной, и мы с облегчением услышали приказ возвращаться в эскадрон *А* и доложить об увиденном. Тронулись в путь, оставив за собой место, где каждый ждал, что вот-вот случится что-то страшное. Мои глаза были воспалены, я страшно устал. Мои мысли скакали от одного к другому, страхи накатывали на меня один за другим…

К полуночи мы добрались до эскадрона *А*, расположившегося в небольшой залесенной долине. Экипажи машин находились в счастливом неведении о том, что их ждало завтра утром. Когда не знаешь, что тебя ждет в будущем, это одна из божьих милостей…

Вокруг небольшого грузовичка танкисты установили заслон из своих машин. В грузовичке командир эскадрона изучал большую цветную карту. Карта была усеяна карандашными пометками. Когда я доложил обстановку, командир занялся обновлением своих планов. Тафти и я решили, что планирование – не наше дело, мы свое дело сделали, и все, чего мы хотим, это немного поспать. Мы улеглись на землю рядом с нашей машиной и уснули.

Мы проснулись, разбуженные приглушенным шумом – все пришло в движение. Ребята сворачивали свои одеяла и загружали танки. Вокруг стояли группки парней, спешно глотавших свой чай и жевавших галеты и сэндвичи с тушеной говядиной. Один за другим заработали танковые двигатели. Вскоре вся долина вибрировала, и, казалось, все машины были готовы сорваться с натянутого поводка. Поскольку мы должны были поддерживать связь между эскадроном и штабом батальона, мы уже вскоре были рядом с командирским танком и получали последние инструкции. В воздухе носилось что-то вроде приглушенного возбуждения, и я знал о том, что у многих в животе было неспокойно. Нам предстояло в первый раз вступить в бой…

Все двинулись в сторону реки. Переговариваться было бесполезно, потому что все тонуло в реве двигателей и лязганьи гусениц. Вскоре мы уже скатывались к берегу реки. Винтовочные выстрелы звучали все чаще, треск пулеметных очередей становился уже не таким спазматическим. Артиллерия позади нас открыла огонь, заставляя нас стискивать зубы, когда снаряды со свистом проносились у нас над головами. Мы видели, как там, где они падают на землю, появляются клубы дыма, затем, мгновения спустя, до нас доносился грохот разрывов. Левее от нас по фронту, было заметно какое-то движение, поэтому танковые двухфунтовки выпустили туда несколько снарядов, хотя я не думаю, что хотя бы один из них попал в цель…

Танки эскадрона выстроились в линию вдоль реки. Перед нами была малозаметная грива, дающая нам некоторую защиту. Мы уже могли разглядеть вражеские танки на противоположном берегу. Затем, совершенно неожиданно, весь противоположный берег реки покрылся множеством людей, двигавшихся в нашем направлении. Противник предпринял попытку форсировать реку под прикрытием жесточайшего артиллерийского

огня. Наш эскадрон поднялся на гриву, чтобы принять на себя удар… То, что произошло потом, случилось в полной сумятице. Все случилось так быстро, что мы были просто ошеломлены. Когда мы взъехали на гриву, противотанковые пушки обстреляли нас с правого фланга. Не прошли мы и десятка ярдов, когда четыре наших танка уже были объяты пламенем. Да, мы были просто легкой добычей для них! Весь эскадрон был как на ладони, и все, что нам оставалось, это вести ответный огонь с как можно большей скоростью. Грохот стоял невообразимый, но сквозь него до нас доносились крики и стоны умирающих товарищей…

Тафти погнал нашу машину к командиру эскадрона, который отчаянно пытался перегруппировать танки. Но двигатели глохли, гусеницы слетали, некоторые машины горели. Парни пытались выбраться из горящих машин. Некоторые из них только и успевали, что высунуться из башен до пояса… Я видел, что некоторые лежат на земле рядом со своими танками, придерживая оторванные руки и ноги, и криками зовут кого-нибудь помочь. Я видел, как некоторые парни мечутся между деревьями в комбинезонах, горящих словно факелы… Снаряды прилетали со свистом и взрывались здесь и там, воздух был наполнен дымом и летящей шрапнелью. Парни пытались оттащить своих товарищей прямо по грязи подальше от горящих танков, и я вдыхал запах горящей [человеческой] плоти. Подбитые танки бросали. Люди продирались сквозь кустарник, пытаясь найти укрытие, но не находили его!

Казалось, бежать было некуда. Свернувшись в клубок на полу нашей машины, я слышал звон [попадающих] в нее пуль и стук осколков. «Боже, - подумал я. – Это конец!» Но Тафти продолжал жать на газ, пока мы, слава богу, не добрались до позиций хорошо окопавшейся пехоты, готовой отразить атаку [противника]. Мы добрались до места сбора с таким чувством, что нас хорошо отстегали в нашем первом же бою…

В тот день мы потеряли более 20 человек убитыми и 23 человека ранеными. Из 25 парней, с которыми я служил еще в *Милиции* и которые пришли в эскадрон вместе со мной, остались целыми и невредимыми только четверо. Казалось, мы все повзрослели с того момента, как в то утро наступил рассвет, но на часах было только 8.30. За три часа мы прошли через крещение огнем и первое поражение…

Укрывшись в зарослях, мы выжидали, ждали возможности убраться восвояси, не зная, куда идти. Все молчали. Выяснить, что происходит вокруг или в каком направлении путь открыт, возможности не было. [После попыток что-то выяснить] парни возвращались по двое или по трое, пробираясь через кустарник. Все они выглядели, как испуганные кролики. Притихшие или шумные, все они были бледными от страха… Гул моторов дал нам понять, что наши уцелевшие танки отступают вниз по долине. Понемногу парни один за другим парни стали уходить в сторону леса. Неожиданно один из наших, Ник Бёрнс (Nick Burns), забрался в нашу машину и уселся на переднее сидение. Тафти выволок его с водительского места, но парень по-прежнему не проронил и слова. Он просто смотрел на нас остекленевшими глазами. Его губы обвисли, и из уголка рта сочилась кровь. Комбинезон у его левого бедра был, вроде как, мокрым, и тут мы увидели лужу крови на полу нашей машины…

Я заткнул бинтом дыру в ноге Ника, расположенную прямо под левой половиной его задницы. В результате бинт быстро набух кровью, словно губка. Тафти завел мотор, пока я помогал Нику. Мы въехали в лес, потом добрались до ближайшего перевязочного пункта, откуда санитары уже могли утащить раненых в тыл на носилках. Они осторожно подняли Ника, который к тому времени потерял сознание, и слава богу, потому что теперь он уже не чувствовал боли.

Пока наши танки уходили на юг, подъехали трехтонные грузовики, чтобы забрать раненых. Никто толком не знал, что происходит. Мы знали только то, что никто нас не преследовал. Противник был уверен в том, что разнес нас в пух и прах. Мы следовали за транспортной колонной по лесной дороге, потом она сменилась ухабистой дорогой для телег, огибавшей с юга невысокий холм. Где-то через полчаса мы добрались до небольшой рощи, где находилась передовая, и припарковали машину. Одни солдаты энергично окапывались, другие сидели за своими *Бренами*, направленными в ту сторону, откуда мы только что подъехали. Мы заправили машину, и уже через полчаса колонна тронулась в путь, чтобы присоединиться к нашему батальону где-то в десяти милях дальше к югу. По мере того, как расстояние между нами и рекой увеличивалось, мы расслаблялись все больше и больше. Успокоившись, покуривая сигареты, уже вскоре мы начали переговариваться друг с другом и даже посмеиваться. Однако я должен сказать, что смешки приходилось из себя выдавливать…

В полевом лагере нас ждали, и повар приготовил нам густое жаркое из говядины. С утра мы особо не думали о еде, но теперь чувствовали голод и жажду. Жаркое оказалось более чем кстати. Потом, проверив уровень горючего и масла в машине, мы крепко уснули рядом с ней. Должно быть, было около 9 вечера, когда нас разбудил лейтенант Майк (Mike). Он хотел, чтобы мы отвезли майора в батальонный штаб. Время суток мало что значило для нас, но становилось темно. Большинство парней лежало на земле между грузовиками. Другие были заняты тем, что углубляли свои окопчики. Никто не болтал помногу, даже грузовик повара был загружен и готов в любой момент тронуться в путь. Одна небольшая группка играла в карты, другие на скорую руку кипятили чай. Новостей не было, все, что мы знали, это число остававшихся в батальоне танков – 17 машин. Эти семнадцать танков были собраны в сводный эскадрон и отправлены к реке для поддержки пехоты.

Ожидавшийся прорыв немцев не состоялся, но ходили слухи, что были замечены их передовые патрули где-то в шести милях от нас по дороге. Из леса мы могли посматривать на дорогу, и парни говорили, что видели непрерывный поток гражданских, идущих весь день на юг. Половина наших парней сидела в окопчиках на краю леса, отслеживая, что происходит. Тафти и я получили приказ занять позицию рядом с небольшим мостиком, переброшенным через ручей.

Из нашей ячейки, вырытой за небольшим кустом, мы хорошо видели поле на склоне, спускавшемся к ручью. Проверив наш *Брен* и устроившись с максимально возможным комфортом, мы укрылись противохимическими плащами и стали ждать… Было уже темно, помню, что мы видели в кустах светлячков. Где-то через час небо стало краснеть. За этим последовали грохот артиллерии. Мы вычислили, что обстреливают цели где-то близ Абвиля/Abbeville, но по ночам трудно составить представление о расстоянии. Временами небо освещалось разноцветными сполохами, за которыми неизбежно следовали грохот и шум разрывов. Мы сидели в своей ячейке, наблюдая за фейерверком без особого беспокойства. Все это происходило довольно далеко от нас, и там, куда летели снаряды, нас не было. Казалось невозможным то, что после всего одного дня боев мы были способны наблюдать такое безо всяких эмоций…

Всего лишь прошлым утром Джинджер Блайт (Ginger Blythe) забрался в свой танк, обмотав вокруг своей шеи, словно шарф, чулок своей подруги… Больше ей не придется писать ему письма, в которых она просит его вести себя хорошо. Джинджер уже был мертв. Юный Стэн (Stan) из Скарборо. Парень, который играл на корнете в оркестре Армии Спасения. Застенчивый юный Стэн, которого вырастили в пуританской среде и который не понимал половины наших шуток. Должно быть, ему было трудно оказаться

среди такой грубой солдатской массы. Не было таких, кому Стэн не нравился, и, я думаю, он начал относиться к нам с большей теплотой, несмотря на все наши закидоны. Мы все были поражены, когда Стэн оказался действительно классным наводчиком. Он говорил, что это произошло потому, что на его зрение не было подпорчено выпивкой и всякими дикими штуками. Жаль, что у немцев нашлась пушка получше той, что была в его распоряжении. В его танк попали до того, как он сумел навести ее. Стоки Уайтло (Stalky Whitelaw), Джадж Уотсон (Judge Watson), Сэм Дойл (Sam Doyle), *Тэфф* Эванс (*Taff* Evans – *Taff – распространенное прозвище валлийцев*) – все они остались лежать где-то рядом с рекой, а может все еще тлели в своих сгоревших танках.

Подбитый районе боев у долины реки Соммы британский легкий танк MK VIC

Сполохи освещали небо все чаще. Мы видели, как с севера в нашу сторону небо стали пронизывать трассы очередей. Обстановка накалялась, я стал чувствовать, что мерзну в этом сыром окопе. Я стал молиться: «Господи, сделай так, чтобы нам сегодня больше не досталось!» Сзади донесся какой-то шум, который испугал нас обоих. Тафти повернул назад свой *Брен*, но это был помощник повара Вилли Уайлд (Willy Wild), который пришел сказать нам, что нужно возвращаться в лагерь, поскольку мы вот-вот уходим… Когда мы вернулись в лагерь, конвой уже был в движении, так что мы нашли свою машину и тронулись ему вслед. Никакого света, никакого курения, никаких разговоров в пути – таков был приказ. По дороге мы видели группы французских солдат, сидевших в [придорожных] канавах. Их прислали сюда для того, чтобы они взяли этот сектор фронта под контроль, так как мы уходили в тыл, чтобы переоснастить батальон. Добравшись до главной дороги, мы наткнулись на потоки беженцев, идущих на юг. Впервые в жизни я видел людей, покинувших свои дома и тащивших с собой свои пожитки. Позднее эти ручейки превратятся в половодье, и дороги станут непроходимыми…

Наступил рассвет, и мы увидели этих бедолаг, сидящих на своих мешках по обочинам дорог. Тут были маленькие дети с одеялами, наброшенными на плечи, и люди постарше, которые везли свои вещи на колясках. Автомобили с матрасами на крышах стояли, наполовину съехав в кюветы… Где-то в шесть утра конвой остановился, потому что на дороге случился затор. Через полчаса наша колонна съехала с дороги и двинулась дальше по идущей слева грунтовке. Какое-то время мы двигались вперед с ощутимым результатом.

Затем это случилось, и все, что мы могли сделать, - это наблюдать за происходящим. Из облаков донесся пронзительный вой, и четыре самолета пронеслись над забитым людьми перекрестком. Оттуда, где мы были, - со стороны находившейся в тени деревьев грунтовки, все выглядело, как театральная постановка. Длинные потоки беженцев растеклись по придорожным канавам, бросив свои пожитки на дороге. Некоторые остались стоять, глядя в небо. Какое-то время казалось, что мир замер в ожидании страшного мгновения, с которого начнется побоище. Донесся глухой звук взрыва, и облако дыма закрыло перекресток. Затем с ужасающим воем и треском самолеты обстреляли дорогу. Мужчины, женщины, дети гибли, автомобили горели. Даже на расстоянии мы слышали крики и стоны раненых. Наш ужас обратился в ненависть. Это уже была не война, это было чертово убийство! Теперь мы знали, что в этом холокосте правила соблюдаться не будут… Нам не оставалось ничего другого, как продолжить движение.

Погибшие на одной из дорог французские беженцы

К полудню мы добрались до небольшой деревни, где нам предстояло перегруппироваться и получить новые машины. Деревня выглядела заброшенной, большинство жителей ушли в Руан/Rouen. Дорога была усеяна обрывками бумаги и старыми тряпками. Двери и окна были заколочены. Лишь один или два старых человека сидели на ступеньках у дверей или стояли, прислонившись к стенам. Нас встретили враждебно, и носившаяся в воздухе гнетущая атмосфера была просто заразной…

Штаб располагался во дворе небольшой фермы. Нам сразу нашлось дело, времени на обсуждение недавних событий не было. Вокруг стояли часовые, все машины проверялись. Танкистов без машин сводили в пехотные отделения. Других отправляли в Ле Ман/Le Mans за новыми танками. Боеприпасы собирали и организовывали их складирование. Из-за всех этих занятий у нас осталось всего несколько часов для сна. К вечеру мы в той или иной степени разгреблись со всеми делами. Некоторые из ребят сумели раздобыть какое-то количество курочек, которые окончили свой путь в большом котле…

На следующее утро нас отправили на рекогносцировку, но, казалось, ничего особенного не происходило. Наши позиции, расположенные непосредственно к югу от Абвиля, вроде как, были устойчивыми. Пехота обустраивала оборонительную линию с помощью французов. В 11 утра нам нанесли визит Люфтваффе, но они не причинили нам никакого вреда. Остальную часть дня мы окапывались и зарывались так, чтобы гарантировать себе возможность нырнуть в окоп и залечь на его дне в одно мгновение. К 10 вечера мы подустали и были рады возможности зарыться в солому на полу конюшни и заснуть сном усталого человека.

Через два дня прибыли новые танки. Их было 10, а не 30, как мы ожидали, но мы были рады и этому. Скорость, с которой все делалось во дворе фермы, увеличилась, и мы знали, что снова готовы вступить в бой. На этот раз, как поговаривали, мы будем пытаться взять Абвиль. Когда приблизился вечер, боевая группа начала продвижение на север еще раз. Марш в сторону реки вызывал тяжелые чувства. Воспоминания о нашем прошлом *визите* заполнили мои мысли. Вероятно, на этот раз все будет не так плохо. Вероятно, все закончится быстро, и у нас появится возможность расслабиться. В тот момент я не сомневался, что на следующий день со мной все будет в полном порядке. Мне и в голову никогда не приходило, что я могу быть ранен. Я не особенно беспокоился о будущем, мой мозг сконцентрировался на происходящем в настоящий момент.

Колонна с шумом продвигалась по грунтовой дороге в полной темноте. Между деревьями, сквозь кустарник мы видели язычки пламени, вырывавшиеся из выхлопных труб танков, воздух был спертым из-за дыма от отработанного топлива. Рев моторов и лязг гусениц оглушали. Командиры танковых экипажей стояли – их головы торчали из башен, поверх беретов были видны наушники. Треск радиостанций смешивался с гулом двигателей. Мы продвигались медленно из-з многочисленных остановок. Мало кто говорил о чем-то. Во время остановок у танкистов появлялся шанс высунуть головы из душных и темных внутренностей своих машин и глотнуть свежего воздуха. Кроме деревьев и кустарника ничего не было видно. Когда небо на востоке начало светлеть, мы увидели, что в придорожных канавах полно французских пехотинцев. Это был жалкое зрелище, настолько измученными и апатичными выглядели эти скорчившиеся в грязи люди. Они молчали, просто уставившись на нас своими слезящимися глазами на почерневших лицах. Ожидание, ожидание, ожидание – чего именно, мы не знали. Мы, на самом деле, знали, что что-то шло не так, поэтому не были удивлены, когда все танки съехали с дороги и рассредоточились по лесу. К командирскому танку беспрерывно подъезжали вестовые и тут же отъезжали. Затем мы узнали о том, что атака на Абвиль отменяется!

Когда наступил рассвет, танки были в лесу, а танкисты были заняты приготовлением чая. До нас донеслись новости: немцы обошли линию Мажино, оставив за собой все наши пушки направленными не в ту сторону. Французы совершали тактический отход. Немецкая бронетехника делала свой *блицкриг*, и мы оказались под угрозой окружения.

К этому моменту мы уже видели колонны деморализованной французской пехоты, бредущей вдоль лесных опушек. Связисты прокладывали телефонную линию вдоль дороги. Склады боеприпасов готовили к подрыву. Солдаты продолжали рыть окопы, и ярдах в 50 от нашей стоянки готовили пулеметные гнезда. Все это можно было охарактеризовать словом *паника*, и вскоре стало очевидно, что нам предстоит быть в арьергарде у французов, чтобы дать им возможность перегруппироваться и снова вступить в бой.

Прикатили пушки. Затем артиллеристы начали окапываться, готовясь поддержать французскую пехоту. Мы получили срочный приказ сниматься и двигаться на запад, чтобы занять позиции на гряде, с которой просматривалась небольшая ферма, расположенная на расстоянии около одной мили. Танки с грохотом стали пробиваться через лес, сминая деревья и кустарник. Мы выбрались из леса и, на пути к гряде, оказались на открытой местности. Нам показалось, что противник уже поджидал нас на выходе из зарослей. Засвистели снаряды, раздались первые взрывы. Боже мой, опять нас подловили… Мы даже не знали, что и кто лупит по нам. Вражеская артиллерия вела огонь с большой дистанции. Признаков присутствия наводящих ужас немецких *панцеров* не было. С бронетранспортеров спрыгивали небольшие группки маленьких серых фигурок, но они сразу же начинали окапываться, не предпринимая попыток наступать. Французская пехота вела огонь по этим фигуркам. Когда артиллерия открыла огонь, снаряды стали пролетать у нас над головами. Для нас это было что-то вроде игры *piggy-in-the-middle (детская игра, в которой два или более игрока должны передать мяч другу, в то время как игрок в середине пытается перехватить его) .* Вскоре стало ясно, что наша задача – мобильная огневая поддержка пехоты. Немецкой бронетехники все еще не было видно, и события стали развиваться по схеме *выстрелил-пригнулся/shoot and duck.*

Когда наступил вечер, мы отошли, чтобы заправиться и получить боеприпасы. Пехоте была оказана поддержка, и ей удалось создать удовлетворительную линию обороны. Ожидаемый прорыв *панцеров* не состоялся, и Люфтваффе не проявили совершенно никакой активности. В последующие два дня ситуация оставалась стабильной, затем просочились новости. Немцы нанесли удар к северо-востоку от нас. Кале был взят. Бельгийская армия развалилась, когда немцы обошли Линию Мажино. Теперь немцы стремительно продвигались вдоль побережья и угрожали Шербуру. Весь Британский Экспедиционный Корпус за исключением нескольких малочисленных частей был буквально прижат к проливу в районе Дюнкерка. Вся британская армия оказалась на пляжах, дальше было только море. Мы застряли где-то посередине, окруженными с трех сторон, и не могли двинуться на севере, восток или запад - наше положение было безнадежным! Мы получили приказ отступать на юг и убираться к черту.

Мы направились в сторону Руана, двигаясь по ночам, соблюдая полную светомаскировку. Все дороги были забиты беженцами, некоторые были на телегах, некоторые шли пешком. Казалось, бежит все население, не имея понятия, куда идти. По обочинам дорог стояли машины с матрасами на крышах: в них не было горючего. Всюду валялись предметы одежды и домашняя утварь, в придорожных канавах сидели испуганные люди. Некоторые отрезки дороги, мимо которых мы проезжали, побывали под обстрелом. Это были сцены полного опустошения: сгоревшие машины, перевернутые телеги, кучи пропитанной кровью одежды. Небольшие группы гражданских рыли неглубокие могилы для своих убитых близких….

Мы добрались до Руана рано утром, когда наступал рассвет. В городе стояла странная тишина, казалось, из него ушли все жители. Самолеты появились в воздухе еще раз, когда мы проезжали через центральную площадь близ собора. По нам еще раз отбомбились и нас еще раз обстреляли. На мосту в окрестностях города мы увидели несколько брошенных французских танков. Горожане сидели в своих подвалах… Примерно в 20 милях к югу от Руана мы остановились в деревне, которая, насколько я помню, называлась Catanai (?-ВК). Там мы встретили полковой конвой с грузами. Наши танки выработали свой ресурс, поэтому нам пришлось бросить большую их часть по дороге. Как ни удивительно, наши потери были минимальными за последние пять дней, но все были измотаны до предела.

Прежде чем бросить какой-либо танк, мы разбивали пушечные затворы, чтобы не дать противнику возможности воспользоваться им. Каждому из нас достались либо винтовка, либо пулемет *Брен* в дополнение к имеющимся у нас револьверам. Нам приказали оставить при себе противогазы, противохимические накидки, плащ-палатки, по одному одеялу на человека, личное оружие и столько боеприпасов, сколько мы могли унести. Было очевидно, что мы будем дальше путешествовать налегке. Нас погрузили в трехтонные грузовики, и, перед тем как мы тронулись в путь, все остальные машины, включая легкие танки, были взорваны ручными гранатами.

В каждый грузовик закинули по ящику тушенки, все фляги были наполнены водой… Мы отправились в путь сразу после полуночи, никто не знал, в каком направлении. Кто-то говорил, что мы едем в Испанию, другие – во Французскую Ривьеру. Определенным было то, что мы едем на юг. Мы ехали всю ночь, а когда наступил рассвет, мы въехали в небольшую деревню, носившую название Лавел/Lavel…

… В эскадроне сохранили одну рацию, так что в полдень колонна остановилась, чтобы связаться с кем-нибудь из старших офицеров. Мы использовали эту возможность для того, чтобы заправиться тушенкой и галетами. Когда переговоры по рации закончились, наш командир сообщил нам новости из Дюнкерка. Казалось, все, что ходит по морю, бросилось в путь через пролив, чтобы забрать домой экспедиционный корпус. Эвакуация закончилась. Больше возможностей для вывода войск из Франции не было! Остальных бросили на произвол судьбы. Мы онемели и были ошарашены, однако мы знали, в какой ситуации оказались. Все, что нам оставалось, это ждать немцев, которые подберут нас, а затем провести оставшуюся часть войны в лагере для военнопленных. У меня было такое чувство, что, по крайней мере, для нас все кончилось, и мы все еще были целы и невредимы.

Около восьми [вечера] нам снова приказали рассесться по грузовикам. Мы снова тронулись в путь, на этот раз, сами не зная куда. По крайней мере, мы не собирались сидеть сложа руки и ждать последней поверки. Когда мы ехали той ночью, настроение у всех было такое: будь что будет. Наступил рассвет, а мы все ехали. День был ясным и солнечным, так что мы смогли немного расслабиться. Большинство поспало по нескольку часов, свернувшись на полу кузова… Колонна остановилась на узкой дороге, и нам приказали спрыгнуть на землю. То, что мы увидели вокруг, привело нас в ужас. По обочинам дороги были разбросаны сгоревшие машины. Прочее снаряжение было свалено в огромные кучи и все еще дымилось. Гусеничные машины валялись на боку, у грузовиков были разбиты радиаторы, шины были продырявлены. Из моторов было слито масло, потом их запустили, пока их не заклинило… Одежда, ранцы, спальные мешки, средства связи, планшеты, переломанные винтовки, патронные ящики, цистерны, носилки, каски, ящики с тушенкой, канистры для бензина, джипы, бронетранспортеры, минометы, санитарные фургоны – все было приведено в негодность и брошено...

Машины, брошенные британцами. Франция, 1940

Мы были всего в двух милях от Бреста, и нам сказали, что, возможно, будет судно, которое перебросит нас через пролив. Нам приказали лечь и немного поспать, но быть готовыми тронуться в путь сразу же по поступлении приказа. Свето- и шумомаскировка были обязательными. К этому моменту я попал в одну группу с отделением связистов, и вместе с ними нашел место посуше рядом с перевернутым трехтонником. Уставшие, мы сразу же уснули. Ночь была холодной, и проснулись мы довольно рано. Было темно, стояла тишина. Затем, к нашему ужасу, мы увидели, что все остальные ушли, бросив нас. Мы подобрали все необходимое и пошли дальше по дороге, усеянной следами разгрома и разрушения…

Улицы [Бреста] были пустынными, но, приблизившись к гавани, мы увидели небольшой пароходик, отходящий в море. У пирса стояло еще одно судно, поэтому мы бегом бросились к нему, в горячке выкрикивая: «Господи, не уходите без нас! Подождите, разве вы не видите, что мы бежим к вам?» До нас донесся гул налетевших самолетов, мы услышали спазматическую стрельбу по ним с крыши склада. Самолеты прошли над гаванью совсем низко и обстреляли ее. Мы слышали, как трещат очереди и как пули со звоном отскакивают от стен и пирсов. Все это мы слышали и видели, прижавшись к земле между двумя здоровенными бочками. На этот раз я не молил бога о спасении, я орал на него…

Британские солдаты на пути в гавань Бреста. Июнь 1940 года.

Стоявшее у причала судно было забито канадскими пехотинцами. Оно имело нехороший крен. Крупный мужик из числа шотландских гвардейцев (Scots Guards) орал на них, призывая переместиться к другому борту, чтобы избавиться от крена. Мы стали взбегать по дощатому трапу тогда, когда его уже начали втягивать на борт. Судно медленно начало отходить от пирса. Тут я заметил надпись на одной из шлюпок: «The Lady of Mann». Это был один из паромов с острова Мэнн… Я лежал и истерически хохотал, потому что вспомнил, что это самое судно возило нас на каникулы в лагерь, когда я еще был в *Boys Brigade (международная межконфессиональная христианская молодежная организация)*. Судьба была благосклонна ко мне на этот раз. Я хохотал, но по щекам текли слезы…

Мы были всего лишь в сотне ярдов от берега, когда самолеты вернулись, чтобы расправиться с нами. На этот раз они сбросили бомбы, и одна из них или несколько упали довольно близко. Судно тряхнуло, оно качнулось, волна от взрыва нахлынула на палубу, и мы чуть не захлебнулись в этом потоке. Открыл огонь пулемет, затем еще один, который был ближе к носу, присоединился к нему. В то время все, кто был на палубе, начали пальбу из своих винтовок и *Бренов*. Наша стрельба и вынырнувший из облаков *Спитфайр/Spitfire* отогнали немцев.

На верхней палубе лучше было не задерживаться, и я спустился по трапу на нижнюю. Она была забита солдатами, которые буквально лежали друг на друге… Спотыкаясь об них, я пробрался на другой конец палубы, где находился камбуз размером в четыре квадратных фута. В нем хозяйничал низенький толстый кок, обливавшийся потом и крывший матом всех и вся. Он сильно нервничал, что было понятно. На плите стояла сковорода, на которой готовилось жаркое. Когда я сказал коку, что я из Манчестера, он сунул мне в руки полную миску жаркого и сказал: «Глотай все это, парень, я разбужу

тебя, когда мы дойдем до дома.» Тепло камбуза и жаркое разморили меня, и я уснул с миской на коленках, так и не очистив ее.

Британские солдаты на борту судна, эвакуирующего их из Бреста. Июнь 1040 года

Когда я проснулся, судно опять накренилось на один борт. Все, кто был на нижней палубе, рвались к иллюминаторам, чтобы увидеть берег. «Это Портсмут! Это Плимут! Это Бриксхем!» Я не знал, где мы, или не придавал этому значения, поскольку мы были в Англии. Мы добрались до дома через 15 дней после того, как была завершена эвакуация с пляжей Дюнкерка!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СЕВЕРНАЯ АФРИКА, 1940-1941

Сойдя на берег, мы на грузовиках отправились в зону [Суэцкого] канала. Там нас расселили по палаткам. Танки и разведывательные машины прибыли через пару дней. Затем нам рассказали о том, что нам предстоит делать. Первое – все будущие операции будут сильно отличаться от того, с чем мы столкнулись во Франции. Природные условия будут определять тактику, и нам придется учиться на собственном опыте. Это будут мобильные и более быстрые операции. Ситуация такая: «Ищи и находи.» Но для начала нам придется узнать как можно больше о пустыне. Забудьте о типичных для почтовых открыток видах песчаных дюн с черными силуэтами верблюдов на фоне заходящего

солнца. У нас тут не тур от агентства *Thomas Cook (Британское туристическое агентство, существующее с 1872 года)*. Пустыня – это страшное место. Большая ее часть – это голые камни, на которых нет ничего, кроме пучков верблюжьей колючки. Повсюду раскиданы огромные песчаные дюны, и есть места, плоские как биллиардный стол. Есть плоские места, которые называют солончаками. В скалистых пространствах встречаются небольшие долины с крутыми склонами, известные под названием *вади*…

Днем было очень жарко, по ночам холодно до заморозков. За горизонтом нашим единственным приютом должны были стать наши машины. Нас предупредили об опасности малярии, о летающих кровососах, о неприятностях, которые могут приключиться с кишечником. Фляги для воды должны были всегда оставаться полными, и, там, где возможно, мы должны были пить воду только из цистерн. Каждому выдали обеззараживающие таблетки, которые мы были обязаны использовать. Москиты разносили малярию, поэтому нам предстояло воевать не только с итальянцами. Нас еще будут атаковать мухи, скорпионы, будут донимать пустынные язвы, обезвоживание организма и солнечные удары… Говорили, что, может быть, нам придется выживать без воды и сосать камешки. Все это звучало кошмарно, но все мы думали, что так плохо нам не будет, как нам про это рассказывают. Так они еще не упомянули ни разу горячие ветра и песчаные бури. Все, что нам был нужно сделать, это *анти-то*, *анти-это*, прививки и уколы.

В ожидании последних инструкций перед маршем в пустыню с нами провели вводные занятия по ориентировке на местности. Дорог не будет, но, может, удастся найти какие-нибудь древние верблюжьи тропы. Ориентирование базировалось на компасных измерениях. Все это будет как океанское плавание. Умение читать карту должно будет стать на один уровень с умением читать книгу. Система казалась сложной, пока мы не освоили технику ориентирования. По сути, мы должны были научиться делать следующее: точно определить на карте свое местоположение, затем сориентировать карту. Потом нужно было положить компас на карту и прочертить линию от своего местоположения до пункта назначения. Затем с помощью транспортира можно было узнать, по какому азимуту двигаться. Определив азимут, нужно было сориентировать вдоль него машину и ехать точно по прямой, постоянно сверяясь с компасом. Существенным моментом была сверка расстояния, пройденного по азимуту, с показаниями одометра машины. Так можно было рассчитывать на то, что доедешь до места назначения. На практике мы пришли к выводу о том, что будет лучше, если ориентирование на местности будет обязанностью тех, кто находится в головном танке или машине, а остальные будут просто следовать за ним.

Были случаи, когда компаса под рукой не оказывалось, однако нас научили одному приему, который, я уверен, спас много жизней. Если навести малую стрелку ручных часов на солнце, а затем найти направление на половину расстояния между ней и отметкой 12, это будет направление на север. Ну а раз знаешь, где север, ты еще не совсем заблудился…

Мы получили еще одну, финальную инструкцию: не купаться в канале *Sweetwater* и не пить из него воду. Вода в нем была заражена червяками-шистосомами, которые вгрызались в человеческое тело и могли вызвать тяжелые поражения внутренних органов. Инструктаж о том, что могло быть опасно для нашего здоровья в пустыне и, в целом, в Египте, завершился предупреждением о строгом запрете на любовные приключения, поскольку за этим неизбежно следовали венерические болезни…

Получив всю эту информацию, мы ждали приказа о выступлении. Мне дали знать, что я не отправлюсь в путь со всем батальоном. Меня посылали в Каир на курсы кодирования

и шифрования. После этого я присоединюсь к своим. В чем-то я был немного разочарован, но перспектива пробыть месяц в Каире меня, определенно, привлекала. На следующий день я отбыл в Каир и явился в учебную часть в казармы Аббасия (Abbassia Barracks). Эти казармы находились в трех-четырех милях от Каира и использовались учебной частью, здесь же отдыхали находившиеся в отпусках, через них шел транзит военнослужащих. Жизнь тут просто кипела, приезжали и уезжали люди из разных частей. Все, кто жил в них, были тут проездом или обучались на курсах. Тут были пехотинцы, артиллеристы, связисты, танкисты, саперы. Большая часть этих парней прослужила в Египте значительное время и определенно знала, что тут и как.

Я подружился с группой ребят из стрелковой бригады. Они рассказали мне многое о пустыне. О том, что вдоль границы между Египтом и Ливией проходила полоса заграждений из колючей проволоки шириной ярдов в 25, вытянувшаяся от Саллума/Sallum до оазиса Сива/Siwa на юге. Вдоль *проволоки* располагался, казалось, самый горячий сектор [фронта]. Итальянцам помогали ливийские части, и к тому моменту нашим нужно было предотвратить их вторжение в Египет. Первоначально казалось, что серьезной угрозы прорыва не существует, поскольку ни одна из сторон не прибегала к чему-то большему, чем редкие вылазки, прощупывая боевые возможности друг друга. Кроме информации о происходящем на фронте они рассказали мне о жизни в Каире. Было важно знать, где были лучшие кафе и от каких районов было лучше держаться подальше.

Я начал свой учебный курс, и, прежде всего, мне пришлось подучиться тому, как принимать передачи, закодированные с использованием азбуки Морзе. Я не был в этом силен и никогда не умел работать с Морзе на хорошей скорости. Следующим шагом было изучение систем кодировки, что, определенно, было довольно сложным. Мы получали послания на запутанном жаргоне (mumbo jumbo), и их нужно было раскодировать и преобразовать в осмысленную информацию. Нам нужно было выучит наизусть коды и системы преобразования. Я думал, что никогда с этим не справлюсь, но, со временем, все встало на свои места, и я стал делать все не так уже и плохо. Каждый день мы потели над кодами и шифрами до 4 часов, а потом могли делать то, что хотели. Стройподготовки не было, никто нас не доставал, так что ближе к вечеру я писал письма домой. Вечером я ходил смотреть фильмы, которые крутили в казармах, шел в какой-нибудь клуб *NAAFI* или отправлялся в Каир вместе с парнями из стрелковой бригады…

Когда учебный курс закончился, я был готов вернуться в свой эскадрон, но сделать это было не так просто. Меня должны были подобрать ребята из *RASC (Royal Army Service Corps - Служебный корпус - представлял собой корпус британской армии, отвечающий за транспорт, администрирование казарм, пожарную службу армии, штабные подразделения штаба, снабжение продовольствием, водой, топливом и бытовыми материалами)* и отправить по маршруту на машинах колонн снабжения. То есть, меня должны были подхватывать, ссаживать, затем мне нужно было ждать попутную машину и т.д.

Я покинул Аббасию на трехтонном грузовике вместе с примерно пятнадцатью другими парнями, всем нам предстояло добираться до своих частей. Проехав через Каир, мы вскоре оказались на приморском шоссе, идущем на запад. Местность была каменистой и пустынной. По ухабистой грунтовой дороге, идущей параллельно шоссе, шел непрерывный поток машин, поднимающих облака пыли. Хотя мы ехали по шоссе, предположительно, с хорошим покрытием, наш грузовик трясся и подскакивал на буграх и колдобинах. Мы видели раскиданные по пустыне огромные склады и пункты

снабжения, и, казалось, многое двигалось взад-вперед. Мы ехали весь день, иногда останавливались выпить чаю или дать двигателю возможность остыть. Мы видели пехоту, бронетранспортеры с пулеметами *Брен* – все это шло на запад. Иногда в поле зрения попадали группы танков, рассредоточенных и прикрытых маскировочными сетями.

К вечеру мы подъехали к большому пункту снабжения к югу от Фуки/Fuka. Склады здесь были сильно разбросаны, и все это занимало большую площадь – так принимали меры безопасности на случай авианалета… Мы спрыгнули с грузовика, получили продовольственные пайки и небольшую бензиновую плитку. Затем нам сказали ждать до завтра, когда нас подберет другой грузовик.

Наш грузовик уехал, но капрал из *RASC* остался, чтобы передать нас, кому положено, на следующий день. Он сказал, будет лучше, если мы выроем для себя окопчики на ночь. Пункты снабжения часто были целью воздушных атак, особенно в сумерках и на рассвете. У пехотинцев были с собой небольшие саперные лопатки, и уже вскоре мы занялись рытьем. Грунт бы скалистым, твердым, так что мы углубились не больше чем на фут, но сочли, что этого будет достаточно. Когда мы заканчивали, становилось темно, так что мы свернулись в наших закопушках и попытались поспать. Это была наша первая ночь в пустыне под открытым небом, и было довольно холодно…

С неба доносился гул, который становился все громче и громче – он говорил нам о том, воздух патрулируют самолеты. Мы не знали, наши это или вражеские машины, так что просто задержали дыхание и вдавили головы в землю. Ночь была такой холодной, что, когда на востоке появились первые признаки рассвета, мы просто окоченели. Капрал приказал нам вставать и кипятить чай, и до чая мы еще разогрели банку соевых сосисок. Время суток было такое, что можно было ожидать визита итальянских бомбардировщиков, так что мы держались поближе к своим окопчикам. Я был рад тому, что мы переоделись в полевую форму из плотной материи перед отъездом из Каира, настолько было холодно.

Вскоре мы уселись в грузовик и были в пути, снова по приморскому шоссе в направлении города Мерса Матрух/Mersa Matruh. Однако через какое-то время мы скатились с шоссе и повернули в пустыню. Местность теперь была куда более каменистой, местами с высокими скалами и глубокими *вади*. Водитель сказал нам, что это Катарская впадина, которая уходит далеко на юг. Мы остановились ближе к ланчу рядом с небольшим складом боеприпасов. Снова нам сказали, что придется ждать следующего дня, когда подъедут другие машины, чтобы подхватить нас. Вскоре появился грузовик, который забрал восьмерых пехотинцев из стрелковой бригады. Было неизвестно, когда подберут остальных, поэтому мы подогрели тушенку и вскипятили чай.

Парни из *RASC*, заведовавшие складом, подошли к нам и попросили помочь им. Нам нечего было делать, и мы согласились. Они дали нам ящики с патронами калибра 0.303, несколько ящиков с пулеметными лентами и попросили набить ленты патронами. Нам пришлось забивать патроны в ленты и скатывать их определенным образом, а затем запихивать в специальные узкие коробки. Весь оставшийся день мы сидели и возились с этим, пока вокруг нас не выросла стена из узких металлических коробок, забитых пулеметными лентами. Парни из *RASC* вскипятили нам чаю, достали консервные банки с фруктами, ветчиной и галетами. Мы хорошо поели и вспомнили, что еще не вырыли себе окопчики на ночь. Это и стало нашей следующей задачей. Ночью мы видели вспышки в небе, слышали грохот и разрывы. Бои шли гораздо ближе к нам, чем раньше, но все еще на изрядном расстоянии. Утром нас подобрала машина и отвезла в штаб

бригады где-то далеко на юг от Мерсы. Оттуда меня быстро довезли до моей части, где я присоединился к своим товарищам из разведывательного подразделения.

Мне рассказали о том, что происходит. Оказывается, итальянцы заняли город Сиди Барани/Sidi Barani, и их небольшие группы просочились в район к югу от города Мерса Матрух. Боевые действия были малоактивными, поэтому наша часть была занята в основном рекогносцировками и редкими стычками с небольшими группами итальянских разведывательных танков и моторизованной пехоты. В последние несколько дней, однако, дела стали погорячей, и настроение было таким, что вскоре мы будем на марше.

Нашими новыми танками были машины *A13*, которые были куда лучше, чем старые легкие танки, которые были у нас на вооружении во Франции. Они были быстрее и гораздо маневреннее. Ребятам они нравились. Пушки этих танков стали намного лучше. Бронетехника находилась где-то в миле от штаба, машины были замаскированы сетками, в десяти ярдах от каждой были вырыты глубокие окопы. Окопы были разбросаны, и каждый экипаж готовил еду себе сам. Каждый день грузовики подвозили провиант, боеприпасы, горючее и воду из тыла. Ничего особенного пока не происходило.

Британские танкисты осматривают недавно доставленный танк A13. Египет, ноябрь 1940 года

Я подзабыл даты, но, должно быть, было начало сентября, когда мы получили боевой приказ. Нам предстояло атаковать *(речь идет об операции Compass в декабре 1940-го – январе 1941-го - ВК)*. Грациани продвинулся слишком далеко, и его нужно было отбросить к Саллуму и Тобруку. Два дня мы трепали итальянские и ливийские войска, сбивая их небольшие оборонительные пункты в пустыне. Постепенно, при поддержке австралийцев и индийцев, Сиди Барани и Саллум были отбиты у противника. Мы продвигались по каменистым сухим ручьям и солончакам, вступая в бой с легкими итальянскими танками *M14*. Бои были куда более открытыми, чем во Франции, но пыль,

запах бензина, загазованность в башне танка, визг снарядов, дым - все это было как раньше. Бои были простыми и прямолинейными – попади в него, или он попадет в тебя.

Итальянцы построили пункты обороны по всему району. Небольшие «форты» или огневые точки, сделанные из подручного камня, были серьезно насыщены артиллерией, тяжелыми пулеметами и противотанковыми пушками. Их танки обычно находились за оборонительными пунктами и выдвигались вперед только тогда, когда мы атаковали. Часто случалось так, что, атакуя, мы наталкивались на передовые патрули противника на легких бронетранспортерах или танках. Если мы атаковали их, то оказывались под огнем из оборонительных пунктов. Боевые действия ускорялись и становились более решительными. Быстрый рывок вперед, пара часов на стрельбу и сокрушение укреплений, потом дым рассеивался, и мы снова перегруппировывались и приводили себя в порядок.

Некоторые танки, само собой, выходили из строя. Некоторые теряли гусеницы, в некоторые попадали снаряды противотанковых пушек врага. В этих боях постоянно трещали пулеметы. Танки вели огонь из них еще до того, когда в атаку шла пехота и зачищала [позиции противника]. В этих боях мы узнали, что такое боль в ногах, что это такое, когда воспалены глаза, и что такое тошнота, которую чувствуешь постоянно.

У один из наших штабных танков заклинило башню. Он шел в атаку на противотанковую пушку противника, находившуюся в орудийном окопе. Не сворачивая, водитель пошел на таран, и смял пушку со всем расчетом… Ливийцы и итальянцы не оказывали упорного сопротивления после того, как были подавлены их артиллерийские позиции и были обращены в бегство или уничтожены их танки. Сбор пленных был некоторой проблемой, потому что их было очень много! На захваченных позициях итальянцев чего только не было. Кроме пустых ящиков из-под боеприпасов и раздавленных пулеметов мы находили там тысячи пачек с сигаретами и маленьких бутылочек с минеральной водой *Vichy*. Иногда мы натыкались на склянки с духами и коробки с презервативами. Земля была часто усыпана порнографическими фотографиями. Единственным сувениром, который все жаждали заполучить, был маленький штык, который носили с собой итальянские пехотинцы. Этот штык был очень полезной вещью. Еще мы охотились за небольшими спальными мешками с камуфляжным чехлом. Из них можно было делать небольшие палатки. Сигареты, однако, были набиты ужасным темным табаком, назывались они, если я запомнил правильно, *Tres Stellas*.

Итальянские военнопленные, захваченные в Бардии. 6 января 1941 года

С захватом Тобрука армия Грациани оказалась выбитой из Египта, и теперь мы были на земле Ливии, на пути у итальянцев между Газалой/Gazala и Дерной/Derna. Мы понесли тяжелые потери, и у нас в строю осталось только 18 танков. Австралийцы, продвигаясь вдоль приморского шоссе, прошли Дерну на пути к Бенгази. Вместо того, чтобы двинуться к побережью и соединиться с австралийцами, мы ушли далеко в пустыню и вышли к А*дж*едабии/Agedabia, расположенной где-то милях в 100 к югу от Бенгази. Это был форсированный 150-мильный марш через пустыню сильно потрепанной танковой группы. Остатки батальона свели в эскадрон численностью в 16 машин. Он был прикомандирован к командирской части, и путешествие началось. Только человек, который испытал долгий изматывающий марш через пустыню может представить себе, насколько могут быть измотаны люди. Пыль и грязь прилипают к коже, глаза краснеют и наливаются кровью, голова трещит, суставы костенеют. Через какое-то время были мы превратились в зомби. Делаешь все автоматически, и сам не знаешь зачем. Думаю, наши мозги по дороге отключились. Останавливались мы только для того, чтобы удостовериться в правильно выбранном азимуте движения. Пустыня – это богом проклятое место! За нами шли грузовики с горючим и боеприпасами, и каждую ночь мы выбирались из танков, чтобы заправиться и дать двигателям остыть. Каким облегчением была возможность вдохнуть немного свежего воздуха. Через пару часов мы снова трогались в путь, чтобы продвинуться как можно дальше на юго-запад до первых лучей рассвета.

По радио мы узнали, что Бенгази взят австралийцами. В тот же день мы достигли пункта Беда Фомм/Beda Fomm. Я думал, это было 1-е февраля [1941 года], на самом деле, это было 7-е, но в последнюю неделю время для нас не имело значения. Дорога к югу от Бенгази шла вдоль побережья и далее на запад в направлении [портового городка] Марса Бреги/Marsa Brega и [населенного пункта] Эль Агейла/El Agheila, где-то миль 500

на запад от Триполи. Мы расположились за небольшим холмом, который прозвали *Прыщ/The Pimple*. Глядя на дорогу Бенгази-Триполи, мы не могли поверить своим глазам. Вся армия Грациани уходила из Бенгази. Насколько мог видеть глаз, всюду были колонны грузовиков, танков, автоцистерн, пушки, бронетранспортеры. Бог мой! Это была легкая добыча!

К этому времени у нас осталось всего 14 танков. Были вызваны грузовики с боеприпасами, и каждый танк загрузился ими настолько, насколько было возможно. Бензобаки были заполнены доверху, и мы были готовы атаковать. Итальянские легкие танки продвигались по обе стороны от колонны, словно эсминцы, эскортирующие конвой. Мы выехали из-за *Прыща*, рванулись к дороге и вышли прямо к колонне, ведя огонь на ходу с максимально возможной скоростью. Грузовики начали гореть, и через минуту дорога была заблокирована объятыми пламенем машинами. Итальянцев охватила паника. Люди соскакивали с грузовиков, паля во все стороны. Застучали пулеметы, и мы услышали звон пуль, ударяющихся о броню нашего танка. Все пространство внутри танка наполнилось дымом и газами. Наводить пушку нужды не было: каждый выстрел попадал в цель!

Из колонны выкатили противотанковые пушки, которые открыли по нам огонь в упор. Солдаты бросали в нас ручные гранаты, когда мы со скрежетом двигались вдоль дороги. Итальянские танки были рядом с нами там и тут, они стреляли, но в полной панике. Они попадали даже в свои грузовики, иногда даже в свои танки.

Пыль была такой плотной, что мы видели не больше чем на пару ярдов. Все горело, до нас доносились крики и стоны. Горели танки, в них взрывались боеприпасы. В некоторые из наших машин тоже угодили снаряды, и экипажи выбирались из пламени и бежали, чтобы укрыться между камней. Визжали пули и летящие осколки. Клубился дым, грохотали взрывы. Шум стоял невообразимый… Весь бой продолжался меньше, чем два часа, после чего стрелять уже было не во что. Конвой горел, все вражеские танки были подбиты или брошены. Уцелевшие итальянцы размахивали белыми флагами. Раненые рыдали, вопили и умирали. Смотреть на это было тошно. На протяжении двух часов мы сходили с ума от азарта, стреляя и убивая, а теперь мы были оглушены и сконфужены…

Разгромленная итальянская колонна. 1940 год

Мы медленно вернулись к *Прыщу*. Тем временем итальянские санитары пытались понять, что к чему и подобрать раненых. Наши потери были минимальными. Несколько осколочных и пулевых ранений, раны от осколков брони. Я знаю, что и по сей день в мозгах участвовавших в этом побоище танкистов остались шрамы.

На следующий день мы отправились на вывозку итальянских танков. В воздухе, среди тлеющих обломков, стоял запах сгоревшей плоти. Наполовину высунувшиеся трупы свисали из башен. Их ноги были сильно обгоревшими и отваливались, когда мы вытягивали тела. Внутри некоторых танков мы увидели кучи липкой сажи. Эти кучи были останками человеческих тел. Это был вид, который я никогда не забуду, и я знаю, что моя душа будет проклята за то, что я принял в этом участие! Уцелевшие итальянцы рыли могилы, но мало кто говорил о чем-то. По лицам людей текли слезы, и с обеих сторон парни говорили, что они сожалеют о случившемся.

Мы сидели посреди того, что осталось после побоища, и угощали итальянцев сигаретами. Для них война закончилась. Все, что им оставалось, это ждать, когда их увезут. Это была наша победа, но, если это было победой, я больше не хотел ничего подобного. Я был ошарашен жестокостью войны и случившимся кровопролитием.

Прибыли танкисты 6-го Танкового Полка (6th Royal Tank Regiment), чтобы занять наши позиции. Они вооружились уцелевшими итальянскими танками. Прибыла еще пехота, которая закрепилась на позициях к западу от Эль Агейлы. Мы покинули это место, чтобы «зализать раны». Хотя, в конечном итоге, мы разбили Грациани, у меня было такое чувство, что это *пиррова победа*. Психологически я был не в порядке и подавлен. Не было у меня никакого восторга, определенно, никакой гордости по поводу случившегося, только депрессия и чувство вины…

Шли разговоры о броске на Триполи, но в Греции наши дела шли плохо. Поддерживавшая нас австралийская дивизия была отведена и послана туда, чтобы остановить развал фронта. В дополнение к этим неприятностям, в Триполи прибыли немцы, и теперь всеми силами *Оси* в Северной Африке командовал Роммель. Итальянская армия почти полностью прекратила существование, и нашим противником теперь был не Грациани, а Роммель. Без подкреплений марш на запад, на Триполи, был невозможен.

Уже через несколько недель немцы начали наступать на восток в направлении Эль Агейлы. До того, как появились проблемы, нас отвели и вернули в Египет на переформирование. Наша база находилась в четырех милях от Александрии в месте, носившем название Сиди Бишр/Sidi Bishr. Через два дня после прибытия туда я заболел лихорадкой, связанной с укусом летающего насекомого, и чесоткой и был отправлен в полевой госпиталь близ Алекса *(по-видимому, так Палмер называет портовую часть Александрии – ВК).* Там я пробыл три недели.

Вернувшись в часть, я обнаружил, что нас переоснащают, и все получили возможность так или иначе отдохнуть. В основном мы ничего делали, просто расслаблялись, купались в море или проводили время в Алексе. Алекс мне нравился, хотя доставал отвратительный смрад с сыромятни, окутывавшая городок. Однако морской бриз был прохладным и солоноватым. Могло просто показаться, что ты находишься где-то в субтропическом Блэкпуле. В порту кипела жизнь, с судов непрерывно сгружали машины. Танки, бронетранспортеры, пушки и бесконечные войсковые колонны. Почти каждый день на порт совершала налеты вражеская авиация. С пляжа, расположенного где-то на расстоянии в милю, мы ложились на песок среди дюн и смотрели, как многочисленные зенитки палят по самолетам противника. Зенитки были повсюду, и в

дополнение к ним огонь вели корабли и эсминцы, находившиеся в порту. Падали бомбы, было много взрывов, но мы видели и сбитые самолеты, падающие в море…

Алекс был городом моряков, они были повсюду. Там был большой клуб моряков, носивший название *Fleet Club*. Он был нашим любимым местом времяпровождения. Здесь по-крупному играли в *Housey Housey (разновидность лото – ВК)*, при этом на кону бывало более 1000 пиастров *(ориентировочно 20-25 американских долларов – ВК)*. Там было полно дешевых сигарет и пива. Ну, мы еще завели себе хороших друзей среди военных моряков. Еще одним популярным местом была улица *Rue Des Soeurs*. Тамошние девочки предпочитали моряков. Однако одной ночью случился авианалет, и после прямого попадания бомбы в *веселый дом* погибло семеро парней из Полка *7th Queen's Own Hussars (полк 7-й Бронетанкововой Дивизии – ВК)*…

Наши дела в пустыне шли плохо. Роммель наступал от Эль Агейлы через Марса Брегу и Бенгази. Затем вдоль побережья он вышел к Тобруку. Тобрук удержали, но он окружил и осадил его. Роммель продолжил наступление в направлении Саллума и перевала Халфайя/Halfaya. Близ форта Капуццо/Capuzzo его войска закрепились. Британцы готовились к наступлению, накапливая силы в районе Мерса Матрух и вдоль линии, проходившей к западу от Сиди Барани. Было начало мая, когда мы вернулись в пустыню. Это был период ветров, носивших название *Хамсин*. Жара стояла страшная, и броне танка можно было жарить яичницу… Мы заняли позиции к югу от Барани и стали ждать. Концентрация наших сил была потрясающей. Я до этого никогда не видел столько танков и бронемашин!

15 мая мы атаковали Саллум и Форт Капуццо *(речь идет о неудавшемся наступлении британцев – операциях Brevity и Battleaxe – май-июнь 1941-го – ВК)*, но продержались там только пару дней, прежде чем отступить назад к югу от Барани. Через неделю мы были готовы еще раз атаковать Капуццо. Атаковать предстояло со стороны побережья, и, если станет возможным, вынудить Роммеля оставить перевал Халфайя. Мы выступили на рассвете 15 июня. Со стороны Сивы налетела песчаная буря. Раньше танкисты во время маршей привязывали свои спальные мешки и камуфляжные сетки в задней части танка, но опыт показал, что горячие осколки легко поджигают их и танк может загореться безо всяких попаданий вражеских снарядов… Поэтому до начала марша части снабжения собрали наши спальные мешки и сетки. Еще какое-то время у нас не будет возможности поспать, и, определенно, не ожидалось достаточно продолжительных остановок, во время которых могут понадобиться маскировочные сетки.

Приближаясь к Капуццо с юго-востока, мы натолкнулись на интенсивный противотанковый огонь артиллерии, который прижал нас до того момента, пока наша мобильная артиллерия не подавила их огневые позиции. Атака развивалась медленно. Многие наши танки были подбиты, и какое-то время мы дрались вслепую в условиях песчаной бури. Было страшновато натыкаться на легкий немецкий танк прямо броня к броне, когда он выплывал из пыли и дыма. Удача сопутствовала тому, кто успевал выстрелить первым…

Целый день мы крутились, стреляя, продвигаясь вперед и вновь отходя, но так и не пробились к Капуццо. Дым был повсюду, все грохотало, лязгало, ревели моторов, визжали пули и снаряды. Внутри машин люди обивались потом, матерились и орали. Мы пока не вступали в бой с тяжелыми немецкими *панцерами*, но понимали, что их придерживают в резерве до той поры, когда мы сточимся в бою против легких машин и противотанковой артиллерии. Неожиданно мы увидели немецкие танки, перемещающиеся вдоль фронта в юго-восточном направлении к Сиди Омару/Sidi Omar.

Мы оказались в ловушке! Поскольку продвижение на Саллум было остановлено Роммелем, мы получили приказ отвернуть от Капуццо и двинуться на юго-восток, чтобы остановить *панцеры*, устремившиеся к Сиди Омару. Но они оказались быстрее нас: появившись к югу от Сиди Омара, они повернули прямо на восток в направлении Сиди Сулеймана/Sidi Suleiman, отрезая нас [от нашего тыла]. Если мы не доберемся до Сиди Сулеймана первыми, мы потеряем контакт с нашими силами, пытающимися наступать на запад в направлении Тобрука и Саллума. Мы, как сумасшедшие, рванулись к Сиди Сулейману. Когда мы смяли проволочное заграждение, по нам отстрелялась наша авиация, которая приняла нас за *панцеры*… К этому времени сражение уже было нами проиграно. Роммель продолжал удерживать перевал Халфайя. Саллум и Тобрук остались в осаде. Мы отступили, чтобы зализать раны, в то время как Роммель привел в порядок свои оборонительные позиции на перевале и стал ожидать наших дальнейших действий…

От преследования нас спас сам Роммель из-за грандиозных событий, случившихся в Европе. Гитлер начал свое вторжение в Россию, так что Роммелю осталось только сидеть и ждать без особой надежды на получение подкреплений на протяжении определенного периода времени. Ему не повезло, зато нам улыбнулась фортуна: мы получили возможность отступить и перегруппироваться к югу от Мерса Матруха в районе Баррини/Barrini.

Следующие четыре месяца обе стороны консолидировали свои позиции. Тобрук все еще удерживали наши, и он был колючкой в глазу у Роммеля. Его линии снабжения были растянуты до предела до Бенгази и Триполи. Ему пришлось как следует закрепиться на перевале Халфайя и близ Саллума, и в то же время он пытался избавиться от этой колючки у себя в тылу. Тем временем Уэйвелл (Archibald Wavell, 1883-1950 до 21 июня 1941 г. – командующий британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке) был освобожден от своей командной должности, и его сменил Окинлек (Claude Auchinleck, 1884-1981).

Было подозрение, что Роммель планировал решительную атаку на Тобрук в середине ноября. Ходил слух, что у Окинлека были свои идеи и что он складирует большие объемы [бое- и других припасов] между Мерса Матрухом и Сиди Барани. В то же время он строил основательные оборонительные позиции к северу от Катарской впадины в районе Эль Аламейна на случай, если немцы прорвутся и большими силами устремятся к Александрии…

В пустыне главная проблема – это поддержание [на должном уровне] снабжения войск и радиосвязи с боевыми частями. Снова и снова передовые части обеих сторон продвигались вперед на расстояние до 100 миль в результате быстрых прорывов. Затем им приходилось немедленно отступать из-за того, что их линии снабжения и коммуникаций оказывались чрезмерно растянутыми. Еще одна проблема, с которой сталкивались обе армии – это природные условия пустыни. Был мало участков, на которых можно было построить оборонительные позиции, так что на протяжении все кампании они концентрировались вокруг таких мест, как Эль Агейла на западе, Джебель Ахдар/Jebel Akhdar в районе Бенгази, Газала, Тобрук, перевал Халфайя, Саллум и, позднее, Эль Аламейн.

Июль, август, сентябрь и октябрь стали месяцами восстановления сил и переоснащения. Пустыня оставалась сама по себе главной проблемой для обеих сторон. Дующие целыми днями пыльные горячие ветры, миллионы мух, скука и *пустынная депрессия*. Как говорили бедуины: «Если *хамсин* дует десять дней кряду, у тебя есть право убить свою жену!» Временами мы чувствовали себя страшно одиноко.

Люди становились нервными и раздражительными. Чтобы преодолеть монотонность, мы организовали охоту на газелей и стали выезжать в пустыню на джипах, чтобы поохотиться на этих выглядевших как *Бэмби (Bambi - олененок, персонаж одноименной книги и серии диснеевских мультфильмов)* животных. Стейки из мяса газелей были великолепны! Некоторые парни организовывали бои между скорпионами и делали денежные ставки. Ловили двух скорпионов, с предосторожностями, затем делали круг на песке струйкой бензина. Скорпионов осторожно помещали в этот круг, поджигали бензин и заставляли драться не на жизнь, а на смерть. Еще мы охотились на тушканчиков, приручая этих маленьких пустынных крыс…

17 ноября мы перешли в наступление *(речь идет об операции Crusader – ВК)*. Основные силы продвигались в сторону побережья от Барани к Саллуму и Халфайя. В районе Саллума противник оказал ожесточенное сопротивление. 7-я Бронетанковая Бригада наступала на юг в направлении пункта Сиди-Резег/Sidi Rezegh (к югу от Тобрука). Новозеландцы пробивались к Тобруку, обойдя Саллум и перевал Халфайя. На юге южноафриканцы атаковали итальянские дивизии *Ariete* и *Folgore.* Основной удар наносила 7-я Бронетанковая Бригада с расчетом на то, что гарнизон Тобрука нанесет удар на юг и продвинется в направлении [аэродрома] Эль Адем/El Adem.

В ночь перед наступлением случился жесточайший ливень, который затопил аэродром в районе Фуки/Fuka, так что наша авиация не смогла подняться в воздух и поддержать нас. Продвигаясь в направлении пункта Сиди-Резег, мы попали под сильный обстрел немецких 88-миллиметровок и противотанковых пушек калибром поменьше. Всюду и везде рвались дымовые снаряды, вынуждая нас терять ориентировку. Навстречу нам двинулись легкие танки противника, и вражеский огонь еще более усилился. Далеко справа от нас мы видели артиллерийские позиции немцев. Сначала там появлялось облачко дыма, затем до нас доносился вой, потом взрыв, за которым вздрагивала земля и следовал стук осколков о броню. Из танков слева и справа от нас валил дым, треск пулеметов был непрерывным. Каждый стрелял по всему, что двигалось перед ним. Мы останавливались, снова трогались вперед, бросали машину то вправо, то влево. Мы налетали на подбитые машины, а затем лезли дальше, туда, где горели танки. Отовсюду доносились вопли умирающих и отвратительный запах горящей человеческой плоти. Кому-то из танкистов удавалось выбраться из горящих машин до того, как они взлетали на воздух… Позднее этот участок боев получил название *Котел/The Cauldron*, и по праву...

Мы мало что видели: внутреннее пространство танка было загазовано и задымлено. Гремели пустые снарядные гильзы, затвор пушки раскалился докрасна. Казалось, что грохот разрывов сам по себе отправит нас в *Царствие Небесное*, но тут наступила мертвая тишина, так же быстро, как и все это началось. Затихли танковые моторы. Мы прошли через *Котел*. Теперь мы были на открытой местности с примерно двенадцатью уцелевшими танками. Слева от нас было небольшое *вади*, поэтому мы тронулись в путь, рассчитывая на какое-то продвижение вперед. Вскоре мы наткнулись на четыре легких итальянских танка. Увидев нас, итальянцы запаниковали. Они резко повернули вправо, прямо на немецкое минное поле. Мы наблюдали за тем, как до них дошло, куда их завела паника. Они начали метаться вправо-влево в поисках выезда с минного поля, но под грохот взрывов они один за другим канули в вечность…

Мы еще два дня бились с немецкими танками и артиллерией. Был один перерыв, когда нам пришлось отойти, чтобы заправиться и пополнить боезапас, но и тут все происходило под интенсивным артобстрелом. Все еще не было признаков того, что наши прорываются из Тобрука, а сражающиеся к северу от нас новозеландцы

натолкнулись на ожесточенное сопротивление. Южноафриканцы к югу от нас наконец вынудили итальянские дивизии отступить на северо-запад в сторону Газалы. Теперь основные бои шли на участках Сиди-Резег и Эль Адам. Немецкая пехота в районе Эль Адам дралась с фанатическим упорством, и их воля к сопротивлению была невероятной. Весь этот район напоминал кладбище наших сгоревших танков. Всюду и везде в небо поднимались столбы дыма от этих погребальных костров.

Район Сиди-Резег после танкового сражения…

Мы были измотаны, но в нас больше не было страха. Ничто не могло быть хуже, чем то, через что мы прошли. Мы прошли через все ужасы танковых сражений, и не осталось ничего из того, что могло быть хуже увиденного нами. У нас теперь был иммунитет от всего этого, примерно, как у немецких пехотинцев, которые столь часто сражались в настоящем аду, отключив мозг таблетками *бензедрина*. У нас больше не было угрызений совести, когда мы выпускали снаряды и видели, как вражеские танки взрываются, объятые пламенем. Мы уже прошли через весь спектр эмоций и думали только о том, как выжить. В моем понимании осталось только две разновидности солдат: шустрые и мертвые! Когда нам удавалось уничтожить еще один вражеский танк, моей единственной мыслью была следующая: «Этот не будет по нам больше стрелять.»

Где-то через четыре дня, наконец, пришли новости. Новозеландцы вошли в Тобрук, дав возможность силам гарнизона вырваться и двинуться на юг в направлении Сиди-Резег. После это основные бронетанковые силы немцев, дислоцированные к западу от Тобрука, двинулись на юг в направлении Сиди Омара, а потом повернули на восток в направлении Сиди Сулеймана и *проволочного заграждения* [на границе Египта и Ливии]. Определенно, их целью было уничтожение 7-й Бронетанковой Бригады, которая перегруппировалась к югу от Капуццо.

Мы понесли тяжелые потери, но все еще могли сражаться. Отступая на восток, мы смяли *проволочное заграждение* непосредственно к югу от Саллума. Тем временем танки Роммеля прорвались непосредственно к северу от Форта Магдалена/Fort Magdalene. Затем они повернули на север и попытались перерезать линии снабжения

новозеландцев. Больше недели Роммель атаковал, но новозеландцы удержались. Тобрук остался в наших руках.

Число оставшихся в строю *панцеров* к этому моменту упало до нескольких десятков. Британские танковые и броневые части тоже понесли тяжелые потери и были здорово потрепаны, но к нам подходили подкрепления, и наши линии снабжения были в безопасности. Этого нельзя было сказать про танкистов Роммеля. Он оторвался на 60 миль от своих основных сил и сильно углубился в нашу территорию. Подкреплений до него доходило мало и совсем мало необходимых материалов. Фактически, *Лис Пустыни* проиграл это сражение! В первую неделю декабря от отвел то, что осталось от его сил, откатился на юг и затем отошел к Газале. Немцы отошли от Тобрука и присоединились к итальянцам, чтобы создать оборонительную линию. Они остались на перевале Халфайя.

Мы расположились непосредственно к западу от *проволочного заграждения*, в то время как британцы и новозеландцы перешли в наступление в направлении Газалы и далее – на Бенгази. К Рождеству 1941-го Бенгази снова был в руках союзников. Немцы отступили в район Агабедии/Agabedia и Беда Фомм.

Мы двигались на восток мимо Сиди Барани и Фуки. Когда мы добрались до Мерса Матруха, нам сообщили, что нас выводят из пустыни. Нашу бригаду заменят новые танковые части. Где-то неделю мы ждали, приводили себя в порядок, отмывались и расслаблялись. На запад двигались большие массы войск. Мы желали им удачи. Наша кампания в пустыне закончилась. Когда мы прибыли в Исмаилию/Ismaillia в зону [Суэцкого] канала, слухи стали распространяться, как лесной пожар. Кто-то говорил, что мы отправляемся домой, кто-то, - что в Индию. Слух, который мне понравился больше всего, заключался в следующем: мы отправляемся в Австралию, чтобы создать там учебный танковый полк для обучения местных. Мы не знали, что будет с нами, но я определенно не думал, что нас отправят домой.

Все произошло очень быстро. Через пару дней после получения новых танков мы в Порт Саиде погрузились на судно *Ascanius*. Пройдя канал, мы повернули влево, в Красное море, и взяли курс на Индию. Нашей первой остановкой было Коломбо. Оттуда я послал телеграмму Мюриэл, но не мог сказать ей, куда мы направляемся. В этой части света события тогда происходили так быстро… Пал Сингапур, японцы захватили Яву. В начале февраля 1942 года мы высадились в Рангуне…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БИРМА – 1942

Сцены, которые мы увидели, войдя в дельту Иравади, были унылыми и тревожными. Причалы Рангуна были пустыми, в поле зрения было только несколько судов. Краны были неподвижны. Все складские помещения порта были закрыты. Мы заметили некоторое количество индийских солдат и один или два грузовика, в которые закидывали что-то из штабелей, расположенных у причалов. Все определенно выглядело не так, как мы того ожидали.

Батальон быстро покинул судно и затем промаршировал к казармам, находившимся в паре миль от порта в городе. Танкисты и водители остались у причалов, чтобы сгрузить машины. Все портовые рабочие сбежали! Вскоре мы узнали о том, что в Бирме, по сути, не осталось армии. Оставались только 17-я Индийская Дивизия и какое-то число бирманских стрелков. И те, и другие были совершенно недостаточно оснащены для войны в джунглях. 17-я Дивизия была обучена только для боевых действий в пустыне. Мы были с ними ***в одной лодке***, но, по крайней мере, мы привезли с собой танки, которые должны были прибавить нам огневой мощи в войне против японцев…

Японцы полностью захватили Малайзию и затем вторглись в Бирму с востока, в край, где джунгли перемежались с каучуковыми плантациями. Их немного попридержали у реки Билин/Bilin, но быстро продвигающиеся через джунгли японцы маневрировали лучше британцев, оттесняя 17-ю Дивизию в сторону Рангуна. Вскоре мы поняли, что японцы – мастера войны в джунглях, которые не беспокоились о том, что их линии снабжения могут оказаться чрезмерно растянутыми. Они просто пробивались вперед небольшими группами, рассчитывая на успех энергичных и молниеносных атак. На короткое время они консолидировали свои позиции, а затем продолжали продвижение по лесным тропам, чтобы обойти позиции оборонявшихся британцев с флангов. В войне такого типа все происходило очень быстро. В итоге 17-я Дивизия оказалась растянутой по очень большой площади, не имея возможности сконцентрировать свои силы.

Через реку Ситтанг был только один мост, и, хотя он был под нашим контролем, его постоянно атаковали с воздуха японцы. Ситуация была отчаянной, а стала еще более трудной из-за того, что мы застряли в Рангунском порту, поскольку нам было необходимо сгрузить свои машины. Пока это происходило, батальон был реорганизован в пехотные отделения. Было очевидно, что каждый человек в таком подразделении будет бойцом-одиночкой. В этой кампании можно было не рассчитывать на войска, находящиеся в тылу.

В середине февраля оборона на реке Билин развалилась, и 17-я Дивизия была вынуждена отступить к мосту через Ситтанг. Мы выдвинулись к городу Пегу *(около 40 км к западу от моста через Ситтанг – ВК).* Ожидалось, что японцы высадят воздушный десант, чтобы захватить мост. Ситуация была безнадежной, почти все силы 17-й Дивизии находились между рекой Билин и мостом через Ситтанг. Захвати японцы мост, и никто бы уже не остановил их на пути к Рангуну. Было принято решение взорвать мост и далее удерживать позиции на западном берегу Ситтанга, и это означало, что 17-я Дивизия будет брошена на произвол судьбы… Тут еще случилось окончательное несчастье! Когда 17-я Дивизия пробивалась к мосту, ее атаковали с воздуха наши собственные самолеты. [У командования] не осталось другой альтернативы, как взорвать мост и оставить войска на восточном берегу реки…

И тут произошли поразительные события! Японцы переместились на 10 миль севернее вверх по течению, чтобы построить новый мост. Это была невероятная удача, и это позволило большому числу солдат 17-й Дивизии переплыть через реку. Само собой, они бросили все свое снаряжение и технику, но к нам прибавилось несколько тысяч человек. Однако большинство из них были чуть ли не голыми, и ни у кого из них не было винтовок…

Положение было отчаянным: мы знали, что Рангун не удержать и что нам придется эвакуироваться. Остаткам наших войск в Бирме предстояло отступать на север в направлении Индии и Ассама. Нас ждал не тактический отход, а полномасштабное отступление. Никакого снабжения: нам предстояло жить на подножном корму…

О том, чтобы создать оборонительную линию, не было и речи. Нужно было двигаться быстро. Доки, склады, портовые сооружения – все это должно было взлететь на воздух. Оставлять что-то было нельзя. Мы могли взять с собой только то, что могли унести с портовых складов. Всех без исключения погнали в порт, чтобы помочь при погрузке. Консервы с фруктами, бутылки с минеральной водой, медикаменты, провиант, боеприпасы, одежда, бензин, ящики с молочными консервами, сигареты, банки с пивом, ножи, веревка, запасные шины, масла, одеяла. Мы взяли все, что, как считали мы, могло нам приходиться. Весь доступный транспорт был загружен, и каждый из нас заполнил рисом по одному чулку. Каждый из нас взял про запас еще одну противохимическую

накидку, чтобы использовать ее как палатку. Затем мы начали все взрывать. Все, что стояло, нужно было снести под корень. Весь провиант, который мы не могли увезти с собой, нужно было уничтожить. Все лишние машины нужно было сжечь, а лишние снаряды – сбросить в реку. Когда мы покидали Рангун, город горел…

Тем временем японцы наступали в направлении Пегу. Наши танки двинулись им навстречу, чтобы попытаться удержать их на расстоянии от дороги к городу Пром/Prom *(ныне город Пьи - ВК)*, далее идущей на Мандалай. Это был тот момент, когда у нас начались проблемы, и случилась наша первая стычка с японской пехотой. Близ Пегу мы столкнулись с группами японцев, которые просочились через наши оборонительные позиции, и уже вскоре попали под убийственный минометный и пулеметный огонь. В густых джунглях не разглядишь маленьких желтых человечков, и эти места не годились для применения танков! Японцы вышли из боя и повернули на север, в сторону дороги на Пром. Колонна, отступающая из Рангуна, была задержана ими примерно в 20 милях от города, когда японцы вышли к дороге на участке, который мы назвали *Red Track*. Участок находился среди каучуковых плантаций. Японцы перерезали дорогу и установили заслон. Они продолжили движение на Аракан и в направлении долины реки Иравади. Теперь они намеревались атаковать Рангун с запада, а не с востока, как мы раньше ожидали…

Когда мы поспешно отступили от Пегу, чтобы сбить заслон японцев с *дороги*, нам снова сопутствовала удача. Мы на два дня застряли на участке *Red Track*. Все части, находившиеся в колонне, окопались по обе стороны дороги, словно пехота, в то время как танки засыпáли снарядами заслон [японцев].

После второй ночи танки прорвали заслон и открыли дорогу на север. Японцы к тому времени сдвинулись влево и вошли в Рангун с запада, в результате чего оказались позади нас. Назад пути не было, порядок наших действий стал однозначным. Перед нами были заслоны на пути на север, и еще нам предстояли арьергардные бои в тылу. Предстояла настоящая война в джунглях, для которой танки были малопригодны. Мы теперь, по сути дела, превратились в пехоту, у которой не было линий снабжения. Перспективы у нас были невеселыми, но был один луч надежды – китайская армия Чан Кайши, завязавшая бои против японцев в районе Лашио/Lashio.

Было принято решение, согласно которому нам было лучше не оставаться в одной большой колонне, а разделиться на несколько групп меньшего размера, каждая из которых будет продвигаться на север самостоятельно. Вероятность того, что нас атакуют с севера, уменьшилась, благодаря чанкайшистам. Все это означало, что части нашей отступающей армии будет более рассеянными. Также это означало, что японцы, пытающиеся выйти к дороге на Пром, будут вынуждены раскидать свои силы, чтобы охватить больший сектор фронта…

Пока наши транспортные средства были в порядке, больных и раненых можно было везти на север, где находились передовые медицинские пункты. Оттуда, из Мейтхилы и Мандалая, мы уже могли эвакуировать их на самолетах в Индию. Нам нужно было отступать на север как можно быстрее. Колонна двигалась днем и ночью, перед ней, в авангарде, шли пехотные патрули. Когда эти патрули натыкались на группы японцев, колонна останавливалась, пока пехотинцы отгоняли противника. Группы танков были приданы каждой колонне и участвовали в зачистке дороги от заслонов, поддерживая пехоту. Мы медленно шли на север, оставаясь в контакте с передовыми патрулями и колоннами. Система движения определилась: передовые колонны будут продвигаться с удовлетворительной скоростью, при этом они неизбежно наткнутся на японский заслон. Возникнет транспортная пробка. Японцы будут атаковать колонну с флангов

ручными гранатами, минометами, огнем из стрелкового оружия. Наша пехота займет оборонительные позиции по обе стороны дороги. Ожесточенные бои будут продолжаться какое-то время, потом японцы растворятся в джунглях…

Мы шли днем и ночью, когда это было возможно. Для отдыха мы останавливались только на несколько часов. В эти моменты мы выставляли оборонительные посты вокруг занимаемых нами участков. К этому времени к нам присоединились группы гуркхов и солдат и офицеров Западно-Йоркширского полка. Хотя мы не проходили пехотную подготовку, они уже вскоре организовали нас в эффективные пешие патрули. Время шло, мы все больше уставали и изматывались, становились все более нервными. Все, что нам хотелось, - это лечь и поспать, но мы боялись делать это. Среди нас было много легкораненых – люди с пулевыми и осколочными ранениями и т.п. Мы называли их *ходячими ранеными/walking wounded*. Кого-то перевязали, кому-то руку подвесили, и нет проблем. Людей с более серьезными ранами торопились увезти на север поближе к полевым госпиталям. Оттуда их уже могли эвакуировать самолеты…

Мясные консервы и другой провиант, который мы прихватили с собой в Рангуне, к тому времени уже почти закончились, так что нам приходилось есть все, что удавалось найти. Отряды фуражиров отходили на небольшое расстояние от дороги в заброшенные деревни. Там они старались отловить бесхозных курей и собрать все съедобное, что было брошено местными. Как-то раз такой отряд притащил с собой целую воловью тушу. Они нашли вола, увязшего в болоте. Нам повезло, а вот волу не очень. У нас всегда был доступ к диким бананам, а в некоторых пустых деревнях мы находили запасы имбирных цукатов, из которых в тех краях делали пальмовое вино (Palm Toddy). Гуркхи даже пытались приучить нас есть жареных змей! Прошло немало времени, прежде чем я научился переваривать этот специфический деликатес… Почти все деревни, через которые мы проходили, были брошены жителями, за исключением небольшого числа стариков и *pongee*. *Pongee* были буддийскими монахами. В своих желтых одеяниях, с бритыми головами, они всегда носили с собой миски для сбора милостыни. Начиная с рассвета, каждый день, они бродили по деревням в поисках пропитания.

В каждой деревне был небольшой деревянный храм с небольшой статуей Будды на возвышении и миской для подаяний у его ног. В этих храмах мы всегда могли найти несколько горстей риса и вазу с орхидеями из джунглей *(орхидеи действительно могут быть употреблены в пищу или использованы для заварки – ВК)*. Хотя этот рис предназначался для Будды, мы решили, что нам он нужнее, и оставляли в себе надежду на то, что он нас за это простит.

Джунгли были шумным местом, в котором жили подобные сверчкам создания, издающие жужжащий или гудящий звук с утра до ночи. В патруле, когда мы лежали, укрывшись маскировочной сеткой, неожиданное кудахтанье и вопль экзотической птицы часто были для нас сигналом тревоги. Что-то или кто-то двигался, и мы ставили свое оружие на боевой взвод. Иногда мы ползли через кустарник, и тут нас встряхивал громкий треск фейерверков. Затем сквозь заросли до нас доносился голос: «Томми, сдавайся! У тебя нет шансов! Ты окружен! Какой смысл в том, чтобы лежать здесь? Сдавайся, или ты умрешь.» Казалось, они были везде и играли с нами в кошки-мышки. Это действовало на нервы и оказывало деморализующее воздействие. Иногда самолеты [противника] обстреливали дорогу, а потом сбрасывали листовки. На листовках были грубоватой рукой нарисованы британские женщины, которых насилуют американские солдаты. Подписаны рисунки были так: «Идите домой и защитите своих любимых.»

Как-то раз, в патруле, мы выехали на открытую местность недалеко от Магуэ/Magwe. Сойдя с дороги, мы заметили на мягкой земле следы танковых гусениц, разрыхливших землю и обнаживших множество земляных орехов - арахиса. Прокатившись по полю, засеянному арахисом, мы собрали орехи в десятки мешков и отвезли их парням, идущим в колонне. Арахис, бананы и консервированное молоко. Это была довольно убийственная смесь, и неудивительно, что мы все подхватили дизентерию и прочие проблемы с кишечником…

Где-то в это время со мной произошел несчастный случай, который усугубил для меня все. Пятигаллонная бочка с бензином свалилась с грузовика, когда мы заправляли один из танков. Я оказался именно под ней, и бочка ушибла мне ступню. После этого я не мог одеть башмак, и мне пришлось привязать к ноге мягкий тапок. То, что на тот момент я был в пехоте, никак не улучшило ситуацию, так что весь остаток пути на север я ковылял на своих двоих. Мой большой палец начал гноиться, нога опухла. Сделать я ничего не мог кроме того, чтобы двигаться дальше. Все было не так плохо, когда я уезжал на патрулирование в разведывательной машине в роли пулеметчика, но в пеших патрулях я был мертвым придатком.

Большинство из нас к тому времени покрылось вызванными царапинами тропическими язвами, которые кровоточили и гноились. Дизентерия и понос расцвели буйным цветом, тропическая лихорадка ударила буквально по всем. Текший ручьями пот и постоянная тошнота выматывали нас физически, и мы выглядели и в самом деле жалко. Идти дальше после нескольких часов привала требовало больших усилий, и наши дневные переходы становились все короче. Мы брели вперед, и каждая миля казалась длиннее, чем только что пройденная до нее…

Танкисты Эскадрона А, 2-й Королевский Танковый полк. Бирма, 1942

Влажная жара джунглей выматывала нас даже в тени. Мы все чувствовали себя настолько усталыми и изможденными, что единственным желанием было лечь,

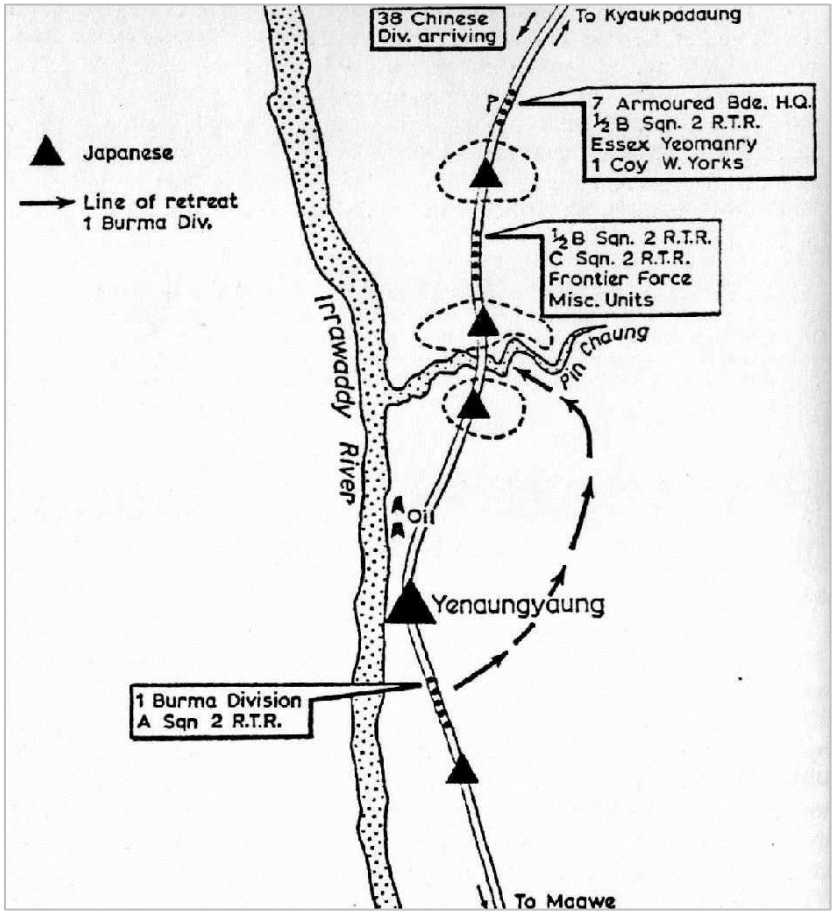
свернуться калачиком и остаться наедине… *Желтые ублюдки* не оставляли нас в покое. Они следовали за нами, словно туча пчел, кусаясь и цепляясь к нам. Мы знали, что они выжидают момента, чтобы уложить нас в землю.

Если какая-то машина выходила из строя, ее приходилось уничтожать, но мы не могли жечь их, потому что это выдало бы противнику наше местоположение. Нам оставалось только разбить мотор, проткнуть шины и выбросить куда-нибудь карбюратор и стартер. Припасы, которые мы захватили с собой, были уже почти полностью израсходованы, так что оставшиеся машины везли только самое необходимое: бензин, боеприпасы и раненых. Мы знали, что уже довольно скоро наступит момент, когда наш транспорт встанет, и нам придется бросить раненых. Надежда на то, что нам удастся добраться до гор Нага/Naga *(горы на границе Бирмы и Индии – ВК)*, таяла с каждым днем. Нашим единственным спасением был выход к границе с [китайской] провинцией Юньнань, к позициям, занимаемым Чан Кайши и его войсками. Мы были уже недалеко от нефтяных приисков Иенангьяунг *(ныне – Енанджáун – ВК)*/*Yenangyaung. Приближаясь к долине, мы могли уже разглядеть нефтяные вышки, горевшие, словно свечи. Все [промышленные] постройки были взорваны, повсюду текли реки нефти… Когда мы проходили через прииск, горящая вышка упала на наш танк. Мы остановились и выбрались из горящей машины. Наш механик-водитель был объят пламенем, затем огонь добрался до топливного бака. Прогремел взрыв, и наш танк взлетел в воздух. Мы лежали в кустах, парализованные страхом, но, по счастью, все мы выжили и отделались небольшими ожогами рук.*

Вечером того же дня мы расположились на привал рядом с колонной. Пехотинцы расставили оборонительные посты вокруг лагеря. К ночи мы уже, знали, что попали в большую переделку: японцы окружили нас. Они засели на холмах, окружающих равнины Иенангьяунга, и все пути были для нас отрезаны. В два часа утра, после того, как я пробыл на посту всю ночь, к нам пришел священник, предложив нам причаститься. Мы все думали, что нам пришел конец. На рассвете мы планировали дать врагу последний бой. Японцы готовились к тому, чтобы спуститься с окружающих холмов и покончить с нами.

Японцы вот-вот пойдут в атаку на позиции британцев в районе нефтяных приисков Иенангьяунг

Наступил рассвет, с ним вместе загрохотали артиллерия и минометы на склонах холмов. Все, кто был в лагере, залегли вокруг машин, создав внутренний оборонительный периметр. Затем танки выдвинулись вперед, создав внешний оборонительный периметр. Вражеские снаряды продолжали взрываться, треск стрелкового оружия засевших на склонах холмов японцев достиг крещендо. Несколько танков загорелось от прямых попаданий вражеских снарядов и мин. Вокруг бегали санитары с носилками, раненых оттаскивали на сделанный на скорую руку перевязочный пункт, расположившийся между развалинами двух сараев. Гуркхи вытащили свои ножи *кукри* (вынутый из ножен *кукри* должен попробовать вкус крови, как они говорили нам). И тут неожиданно атака японцев с окрестных холмов остановилась. Где-то на севере кто-то открыл огонь, и слева от нас начали падать снаряды, поражая японскую пехоту. Мы уже больше не были под ударом: японцы стали отступать вверх по склонам, за ними продвигались одетые точно как они какие-то другие маленькие человечки. Это были китайцы, прорвавшиеся через кольцо окружения и давшие нам шанс выбраться из ловушки. Наши танки пошли вперед, чтобы поддержать китайцев, и мы консолидировали свои позиции уже очень скоро. Затем мы выбрались через просвет, пробитый нашими китайскими спасителями *(всего около 7 000 британцев вырвалась из окружения – ВК)*. Группа наших танков осталась на позициях китайцев еще где-то на неделю. Позднее некоторые из членов их экипажей были награждены *Орденом Желтого Дракона*.



Схема, иллюстрирующая окружение британцев в районе прииска Иенангьяунг и спасший их прорыв 38-й Дивизии китайцев

Бирма, 1942. Раненые китайские солдаты в полевом госпитале

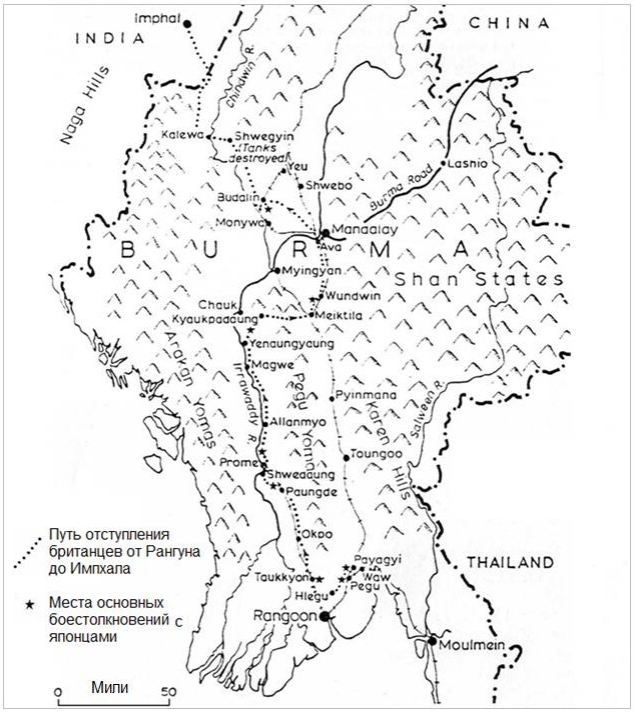
Наши войска оставили Мандалай и аэродром в Мейтхиле. Однако мы нашли кое-какое горючее в Мейтхиле. Нехватка бензина становилась проблемой, так что мы постепенно стали избавляться от лишних машин, чтобы сэкономить бензин. Несколько жизненно необходимых небронированных машин мы оставили, чтобы везти раненых, больных, боеприпасы и горючее. Большинству из нас, тем не менее, не оставалось ничего другого, как брести пешим ходом. Все мы были больны и измотаны сверх того, что может вынести человек. Мы плелись с закрытыми глазами, волоча ноги и мечтая о том, чтобы выспаться. Большинство из нас растеряло снаряжение – остались только патронташи, винтовки или автоматы *Thompson/Томпсон*. Гимнастерки превратились в лохмотья, у многих их просто уже не было. Мы тащили на себе свернутые в скатки противохимические накидки. По-прежнему у каждого был чулок, набитый рисом и фляга с водой на поясе. Большинство обросло бородами, и выглядели мы словно лесные чудовища… Колонны потеряли связь друг с другом, сходили с дороги и уходили в джунгли по тропам, но все стремились к реке Чиндуин/Chindwin. Танки по-прежнему были в авангарде, но, сойдя с дороги, мы больше не сталкивались с заслонами [японцев]. Как-то на рассвете мы вошли в небольшую деревню и наткнулись на два танка из нашего эскадрона *A* без экипажей. Парни были жестоко убиты! Руки у них были связаны за спиной, их убили выстрелам в затылок. Одним из них был капрал по имени Чарли. Он родился в Ливерпуле в семье китайцев… Так они не застрелили его – ему отрезали голову. Она валялась в луже крови рядом с его телом. До чего жуткое было зрелище! Мы похоронили убитых в братской могиле…

Время потеряло значение для нас, день проходил за днем, ночь следовала за ночью. Все это время мы теряли людей. Иногда человек сходил с тропы и засыпал навсегда где-то в джунглях. Некоторые из наших танков исчезали в зарослях и не возвращались. К этому времени у нас остался один грузовик и три разведывательные машины. Каждый из нас тащил бандольер с патронами, свой чулок с рисом, свою флягу и свою скатку. Мы

были армией оборванцев, которые не смогли бы отразить атаку пацанов-бойскаутов. Мы уже кончились, да и сезон муссонных дождей должен был вот-вот начаться. Не доберемся до реки Чиндуин до начала дождей, надежды дойти до Ассама и до хребта Чин/Chin *(горы на северо-западе Бирмы – ВК)* уже нет…

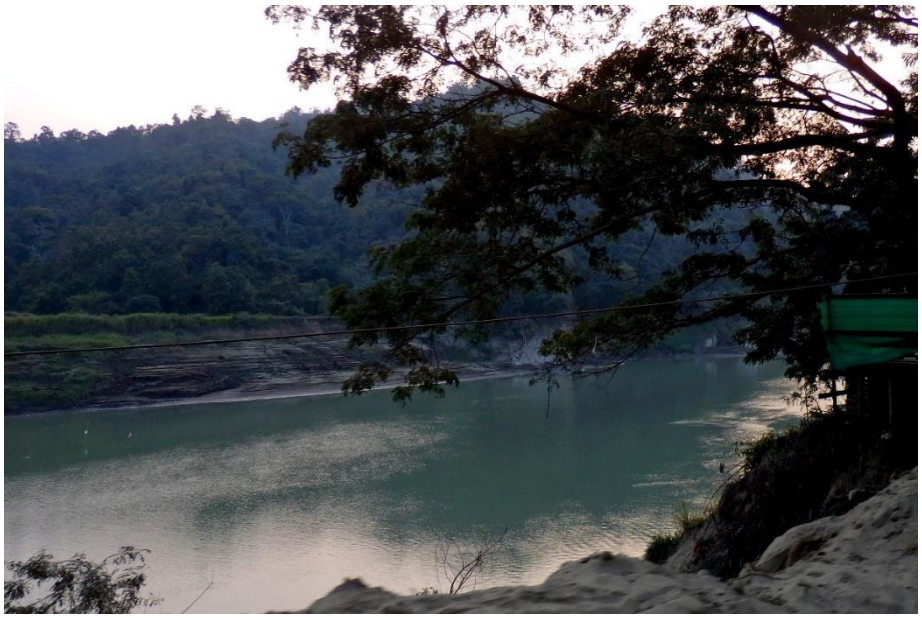
Танки в пути. Бирма, 1942

В одну ночь пошел дождь, засверкали молнии и загрохотал гром. Через час тропы превратились в полноводные ручьи. Мы продолжали идти всю ночь, переходя вброд потоки воды, увязая в грязи и проползая через кустарник словно крысы. Наступил рассвет, и мы оказались у реки. Вода в русле поднялась и уже начала подмывать борта долины… Тут дождь прекратился, и мы поняли, что, если переберемся через реку, то японцы не смогут преследовать нас. Мы слили масло из танков и запустили моторы, пока их не заклинило. Потом мы разбили затворы пушек, ударники и оптику, там, где было возможно. Мы также взорвали цепные колеса танков, а оставшиеся автомашины были нами уничтожены полностью …



Схематическая карта Бирмы и сопредельных территорий, показывающая путь отступления британцев от Рангуна до Импхала

В деревне Калева/Kalewa обнаружился небольшой паром. Некоторые из нас туда отправились пешим ходом вдоль берега реки, таща на сделанных на скорую руку носилках раненых, а дальше переправились на пароме. Вода в русле все поднималась, и после двух рейсов паром унесла река. Мы перебросили веревки через реку, чтобы перебраться на другой берег, держась за них. Нескольких парней погибли после того, как их унесло вниз по течению, некоторые добрались до противоположного берега, некоторых вернулись туда, откуда начали переправу. Опять пошел дождь, река вздулась, вода словно закипела. Казалось, этот муссонный дождь вот-вот затопит весь мир.



Река Чиндуин в районе деревни Калева. Современный снимок в сухое время года

Мы провели целый день у переправы, снова перебрасывая веревки после того, как их рвало течение. Затем мы связали простенькие плоты по три ствола в каждом. Их отпустили вниз по течению – парни, вцепившиеся в них, надеялись, что их вынесет на противоположный берег. Кого-то из них смыло с плотов, кого-то сорвало с хлипких веревок и унесло вниз. Кому-то повезло, и их вынесло на наш берег *(судя по всему, автор воспоминаний уже перебрался к тому времени на противоположный берег – ВК)*, кого-то снова на тот берег, с которого они начинали, но ниже по течению. По крайней мере, последние могли добраться до деревни и снова попробовать переправиться, держась за веревку. Многим не повезло, и они исчезли в кипящей пене… К ночи мы сделали, все что могли, и просто ждали на другом берегу еще кого-то из тех, кто смог переправиться. В итоге веревка была перерезана, чтобы японцы воспользовались ею для погони за нами. Мы были в безопасности!

Мы лежали на земле в полной темноте, мокрые, трясясь от холода, но нам нужно было спешить, чтобы отойти от реки еще до рассвета. Прошло немного времени, и мы снова растянулись в цепочку на тропе, ведущей к горам Нага. Был уже июнь 1942-го, больше четырех месяцев с той поры, когда произошла наша судьбоносная высадка в Рангуне. Мы прошли почти 800 миль до реки Чиндуин. Мы шли, брели, спотыкались и ползли через джунгли. В иные дни мы проходили всего по две-три мили. В иные дни мы оставались на одном месте, прижатые к земле в кустарнике, пытаясь прорваться через японские засады или заслоны. По нам стреляли, на нас сыпались оскорбления и насмешки врага. Мы ели манго, плоды хлебного дерева, бананы, плантаны – все, что попадало под руку. Мы были полностью измотаны. Мы оставили Бирму, будучи побитым и деморализованным войском, примерно в таком виде, в каком нас эвакуировали из Бреста два года назад. Июнь остался в моей памяти очень плохим месяцем…

Когда мы брели по облесенным склонам, малорослые люди из племени Нага выходили нам навстречу откуда-то из-за камней и кустов. Они были совершенно голыми, и каждый был вооружен духовой трубкой. Их дружелюбие было очевидным, и они пытались эмоционально болтать. Они немедленно помогли нам в переноске раненых на самодельных носилках. Вскоре они показали нам лучшие тропы. Некоторые ушли вперед, а потом вернулись с какими-то тощими птицами, похожими на курей. Они запекли их в огромных пальмовых листьях, помогли нам сделать из листьев и кустарника что-то вроде шалашей. Разожгли костры, в огромном котле был сварен суп из листьев, корней и кусков какого-то похожего на свинью животного, которое они притащили с собой. Десятки этих маленьких людей присматривали за нами, словно за потерявшимися детьми. Они посылали разведчиков в горы, чтобы убедиться в том, что там нет солдат противника, преследовавших нас. К ночи большинство из нас улеглось спать.

Пока местные жители помогали нам организовать следующий этап нашего путешествия, мы дали некоторым из них винтовки и патроны, чтобы они поохотились. На следующий день мы начали восхождение по поднимающейся круто вверх тропе, ведомые десятком маленьких человечков из племени Нага. Наших раненых несли на носилках местные подростки.

Два дня мы медленно шли в направлении Импхала. На второй день мы остановились на отдых и стали ждать, когда вернутся посланные вперед на разведку люди из племени Нага. Шел дождь, и, поскольку у нас у всех были проблемы с кишечником, мы назвали этот лагерь *Dysentery Hill.* К вечеру с севера подъехал грузовик, проводником для которого был человечек из племени Нага. Грузовик приехал из Импхала и привез одеяла и кое-какой провиант для нас. Водителем его был решительный шотландец, еще в нем

сидел лейтенант одного из пехотных полков. Уже вскоре мы организовали кухню, на костре в здоровенном котле начали готовить жаркое из тушеной говядины, тут же кипятили чай. Тарелками нам послужили листья плантана, ели мы руками, чай пили из жестяных коробок от сигарет. Мы получили одеяла, кому-то достались новые гимнастерки, все разжились сигаретами…

Дождь все лил и лил, громыхал гром, но мы уже чувствовали себя намного лучше. Мы улеглись спать, укрывшись противохимическими накидками. Наше путешествие закончилось, и, что бы ни случилось, все теперь должно было быть к лучшему по сравнению с тем, что происходило с нами последние четыре месяца. Теперь наше будущее представлялось всем нам ярким и светлым, но нам предстояло проявить терпение…

Мы не видели существенных свидетельств наличия беженцев во время нашего отступления по дороге на Мандалай, но здесь, в горах Чин, их группы стали постепенно собираться вместе. Здесь до нас дошли страшные слухи. В одном из наших лагерей разразилась эпидемия холеры, и нам не разрешат покинуть эти места, пока не будут определены размеры этого бедствия. Командование не хотело, чтобы эпидемия распространилась на Индию, так что мы должны были остаться, пока со всем этим не разберутся. Раненых эвакуировали в Димапур/Dimapur, но нам предстояло проторчать здесь еще несколько дней.

Через четыре дня нас посетил генерал Александер (Harold Alexander, 1891-1969, на тот момент командующий британскими войсками в Бирме), который поблагодарил нас со словами «за спасение Индии.» Однако он сказал и то, что как боевая сила мы теперь были бесполезны, а также то, что нас как можно быстрее отправят в Индию для отдыха и восстановления сил. Прошло еще два дня, прежде чем пришли грузовики, которые отвези нас на железнодорожную станцию в Димапур, откуда мы отправились в путь.

Путешествие было долгим, поезд останавливался каждый час или около того, чтобы мы могли спрыгнуть с него и оправиться. Нас всех терзал понос. Пока поезд пересекал Индию, мы, в основном, спали на полу, мало на что обращая внимание. В конце концов мы прибыли в город под названием Донд/Dhond, откуда нас отвезли в палаточный лагерь. Там уже были пехотинцы, которые оставили нам палатки и переселились в какой-то дом. На следующий день они отдали нам свои рационы пива и сигарет и даже принесли нам еду, поскольку мы продолжали спать еще дня два. Нам давали таблетки, и постепенно наши животы пришли в норму. Делать нам было нечего, кроме того, чтобы приводить себя в порядок. Тем временем медики пичкали нас таблетками и лечили наши царапины и порезы…

После всего этого было решено, что нам предоставят двухнедельный отпуск, как только мы окончательно поправимся. Мы могли ехать, куда заблагорассудится. Я решил, что хочу уехать как можно дальше, и, посмотрев на карту, решил, что это будет Бангалор. Большинство ребят решило ехать в Бомбей, но меня туда не тянуло. Перед отъездом мы должны были посетить медика для окончательной проверки. Увидев мою ногу, которая была все еще опухшей и на которую я все еще был вынужден надевать только тапок, он не разрешил мне никуда ехать. Ни за что, пока я не смогу одеть надеть на ногу башмак.

Я был просто убит. Поспешно вернувшись к моим друзьям Фреду и Эгги, я рассказал им об этом. Они сказали, что сделать можно только одно – доказать, что башмаки налезают мне на ноги. Они рывками натянули башмак мне на опухшую ногу и зашнуровали его. Было дьявольски больно, но мне оставалось только делать вид, что все в порядке. Фред

и Эгги почти что принесли меня к медику и оставили у двери. Я браво промаршировал последние несколько шагов, каждый шаг был мучением. Медик заставил меня потопать больной ногой, на его лице появилась улыбка, когда он увидел, как я стараюсь не подавать виду. Затем он подписал мой отпускной билет, однако заставил пообещать, что я покажусь в военном госпитале в Бангалоре. Он также сказал, что, когда я буду там, мне понадобятся еще перевязки. Я доковылял до своих друзей, и они оттащили меня обратно в палатку, где сняли с меня башмаки и заменили спортивными тапочками большого размера. На следующий день мне сказали, чтобы я пришил себе две лычки – я стал исполняющим обязанности капрала.

Путешествие в Бангалор было долгим и нудным – мы ехали на юг два полных дня и одну ночь. Большую часть времени мы спали. Когда поезд останавливался на небольших станциях, мы сходили с него и прогуливались по платформе. Везде были шум и суета. Казалось, Индия переполнена людьми, большая часть из которых живет в страшной бедности и одета в тряпье. Всюду были попрошайки, и гвалт на станциях был невообразимый. Казалось, все находятся в движении, при этом стояла страшная жара. Мы не увидели никакого *восточного* величия, всюду царила безнадежная бедность. Местные все время подкатывали к нам с чем-то, бормоча «сагиб то, сагиб это», но я как-то не доверял им ни в чем… Вскоре мы приспособились к ритму этого путешествия, обнаружив, что, если найдем подходящего носильщика, он даст телеграмму на следующую станцию, и там нас будет ждать горячая еда. На всех станциях были доступны фрукты, манго, яйца и хлеб…

Южнее, после Хайдерабада и на пути к Мисору/Mysore, мы уже ехали через зеленые поля и залесенную местность, переезжали через реки. Повсюду бродили дикие буйволы. На каждой станции, через которую мы проезжали, казалось, была своя колония обезьян, что-то стрекотавших и повизгивавших. Ослы, горбатые коровы, собаки, пронзительно вопящие птицы, корзины со змеями, печальный вой флейт – все это сливалось в общий гул. Таким было мое впечатление от Индии. Казалось, все о чем-то спорили, орали, просили милостыню, воровали, пытаясь выжить. В воздухе стоял запах горящих углей, экскрементов, оставляемых животными, пота. Всюду были мухи. Жара давила, даже дожди были теплыми. Мне Индия не нравилась!

По прибытии в Бангалор первым делом нам нужно было найти офис *YMCA (Young Men's Christian Association — Юношеская христианская ассоциация - молодёжная волонтерская организация)*, где нам могли бы помочь с жильем. Нам удалось снять комнату с тремя койками и умывальной раковиной. Этого было достаточно. Теперь мы могли побродить и увидеть, что к чему…

Бангалор оказался прекрасным городом с хорошо ухоженными садами и чистыми улицами. В центре находилась огромная площадь, носившая название Майдан/Maidan. Здесь какие-то военные устроили себе лагерь. Мы с радостью узнали, что это были ребята из Западно-Йоркширского полка, которые переправлялись с нами через Чиндуин. Мы приняли их приглашение воспользоваться их столовой. В лагере была передвижная киноустановка, а *YMCA* кормила людей омлетом и картошкой. Вот теперь у нас все было в порядке!

С нами случилась и небольшая неприятность, когда мы узнали, что самый лучший клуб оказывает услуги только офицерам и уорент-офицерам. Нам оставалось только одно. Мы моментально смотались на базар. Там портной пришил к нашим гимнастеркам по три лычки каждому. Повысив себя в звании, мы пошли в клуб для сержантов, чтобы выпить пива. Не успели мы рассесться, когда кто-то заорал на нас: «Какого черта вы здесь делаете?» Голос напомнил мне голос нашего сержант-майора в Плимуте, когда

мы вернулись из Франции… Но на этот раз это был сержант-майор эскадрона *A*. Это был достойный малый, он купил нам выпивку, а затем сказал проваливать и содрать лычки с наших гимнастерок. Однако этот заход была удачей, а у нас про запас еще оставалась столовая западных йоркширцев.

Мы превосходно и мирно провели время в Бангалоре. К концу недели, после пары походов в госпиталь для перевязки, я уже мог избавиться от своего тапка и натянуть на ногу башмак. Рядом с Бангалором был прекрасный парк, где мы провели много часов, рассекая на лодке по большому озеру и подремывая на солнце. Но скоро все это закончилось, и пришло время возвращаться в Донд, чтобы узнать, что для нас припасло будущее. На самом деле, ничего особенного не происходило, кроме того, что нас оснащали новыми танками *Шерман/Sherman*.

В части мне сказали, что в будущем я буду капралом, находящимся под началом у офицера разведки. Это было делом хорошим. Моим делом теперь было раздавать карты, когда мы готовились перемещаться куда-то, и помогать офицеру поддерживать связь со штабом Бригады. Потом, когда мы вернулись с учений, я помогал офицеру вести журнал боевых действий части. Я остался в разведывательном отряде, и мне это вполне подходило.

Дело шло к концу октября, когда мы получили приказ отбыть со всей техникой в Бомбей для погрузки на суда. Мне напомнили о старой песенке, которую пели кадровые танкисты: «Войсковое судно покидает Бомбей, курс на берега Блайти/Blighty (так британские военные часто называли Великобританию)». Однако на этот раз мы отправлялись не в Блайти. Мне выдали новые карты, которые предстояло раздать, и каков было мое удивление, когда я понял, что мы направляемся в Палестину…

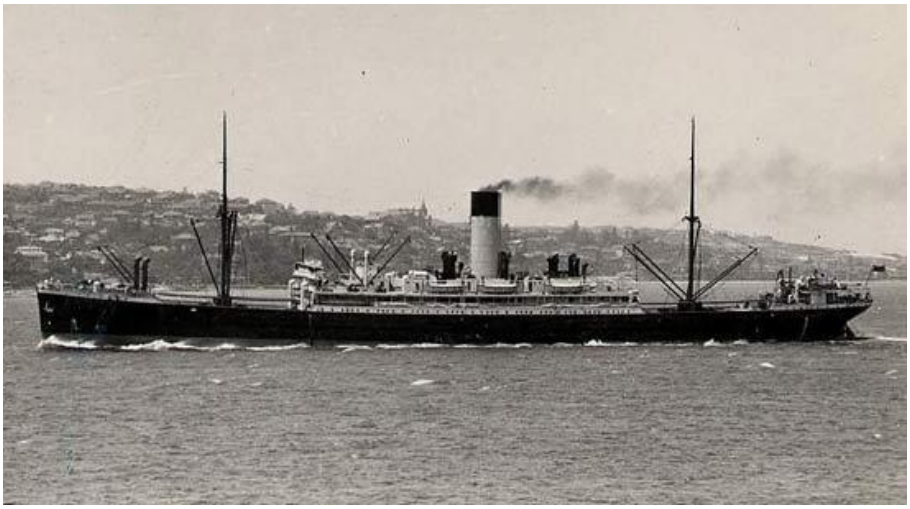
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ИРАК И СИРИЯ

Ближе к концу октября [1942 года] мы получили приказ следовать с нашими новыми танками *Шерман/Sherman* в Бомбей для отправки за моря. Я вспомнил старую песню танкистов, которую они пели в прошлые года, находясь [в учебном центре] в Уорминстере/Warminster: «Транспорт войсковой покидал Бомбей, уходил к английским берегам.» На этот раз, однако, мы отправлялись не в [старую добрую] Англию. Мне выдали новые карты, которые я должен был раздать людям, и, к большому моему удивлению, я узнал, что мы отправляемся в Ирак и Палестину.

В Северной Африке дела шли неплохо. Немцев остановили под Эль-Аламейном (1, 2), так что я думал, что мы снова попадем в пустыню, и мне определенно не нравилась перспектива оказаться в Ираке. Означало ли это, что *Второй фронт* будет открыть на Балканах? В Ираке не происходило ничего, внушающего тревогу. Рашид Али предпринял попытку переворота в мае 1941 года, но его усилия, направленные на поддержку Оси, не привели ни к чему. Если события в пустыне были подходили к критической точке, я, лично, совершенно не чувствовал дискомфорта, размышляя о том, что не приму в них участия. Те ранние дни войны под фортом Капуццо/Fort Kapuzzo, Сиди Сулейманом/Sidi Suleiman и Сиди Омаром/Sidi Omar все еще были свежи в памяти… Когда до нас дошли новости о победе под Эль-Аламейном, я вздохнул с облегчением. Мне стало легче на душе, потому что мне не пришлось участвовать в разгроме *панцеров*. Хоть и странно об этом говорить, но я испытывал симпатию к немецким танкистам…

Мир полон чудес, и вы можете себе представить, как я был удивлен, когда узнал, что мы отправляемся в Басру на судне *Ascanius*. Это было то самое судно, на котором мы прибыли в Рангун в феврале 1942 года. Моряки рассказали нам, что успели выбраться

из гавани непосредственно перед тем, как мы взорвали портовые сооружения. С той поры они базировались на Цейлоне.



Военный транспорт Ascanius. 30 июля 1944 года он был торпедирован немецкой подводной лодкой U-621 к югу от Портсмута, но остался на плаву и дошел до причала

В последние дни октября мы шли по Персидскому заливу в направлении Басры, и тут начался новый этап наших странствий. Американцы высадились в Тунисе, немцы отступали в западную Ливию. В Сталинграде потерпела крах операция *Барбаросса*, и русские перешли в контрнаступление. Немцам, по-всякому, приходилось тяжко.

Мы приближались к порту Басры через дельту Тигра и Евфрата, в долину Шат-эль-Араба. Перед нами были заросли пальмовых деревьев, покрывавшие зеленые берега. Я вполне мог себе представить, что здесь когда-то находились библейский *Сад Эдема*. Река была забита лодками *dау/dhow (небольшие арабские парусники – ВК)* и десятками других маленьких лодок, имевших форму надувных плотов и болтавшихся на воде без особых целей. Позднее мы узнали, что они носят название *гуффа/guffa*. Вдоль берегов стояли тростниковые хижины, рядом с которыми в большом количестве паслись козы. Ярко светило солнце, с моря дул прохладный бриз. Все это выглядело весьма приятно, но это было всего лишь иллюзией. Это был не настоящий Ирак.

Сойдя на берег, мы перебрались в лагерь, расположенный близ Шаибы/Shaibah. Потом мы поняли, зеленая растительность не уходит далеко вглубь страны. В пяти милях от реки мы въехали в негостеприимную пустыню. Плодородные земли находились близ речных русел или ирригационных каналов, которые ответвлялись от них. Ирак полагался на вырытые людскими руками для орошения земли каналы на протяжении тысяч лет. Осадков здесь выпадает очень мало, а те, что есть, уносятся реками еще до того, как от них успевают принести какую-либо пользу. Древние водяные колеса толкали воду в сторону от рек по узким канавам на поля. Некоторые из них были огромными и представляли из себя источник жизни для фермеров с библейских времен. Сельское хозяйство здесь было очень примитивным: быки вращали жернова мельниц и так проводили всю свою жизнь, ходя по кругу. Этот образ жизни [местных жителей] оставался неизменным тысячи лет. Было очень жарко, сухо и пыльно, хотя считалось, что в это время года должно быть довольно прохладно. Деревни были небольшими и состояли из домов, построенных из тростника. В них проживали в больших количествах изможденные собаки и козы. Домашний скот был худосочным и выглядел оголодавшим.

Поселившись в нашем лагере в Шаибе, мы начали интересоваться тем, за каким чертом нас занесло в эту дыру. Войны здесь не было, так что мы гадали, какой будет наша роль. Через какое-то время мы поняли, что представляем из себя в той или иной степени силы безопасности. Мы были здесь для того, чтобы демонстрировать наш мощный боевой потенциал. В свое время имелись опасения, что немцы могут прорваться через Кавказ к нефтяным месторождениям северного Ирака. Этот страх более или менее улетучился тогда, когда их наступление на русских провалилось в особенности благодаря той доблести, которую русские проявили в боях за Сталинград. У нас было такое чувство, что приближается зима, и вскоре немцы покатятся назад, как Наполеон в 1812-м.

Через несколько недель мы приступили к организации боевой подготовки к быстрой поездке по Ираку для демонстрации мощи нашей бронетехники. Сначала мы отправились на север, и, хотя наш лагерь оставался в Шаибе, близ Багдада, мы проводили большую часть нашего времени в пустыне, путешествуя на восток, запад и на север. Мы вели *пустынный* образ жизни, каждую ночь разбивали новый лагерь и провели много недель к югу от Багдада. Каждый день мы отправлялись в путь в составе конвоев и небольших бронетанковых частей, путешествуя от деревни к деревне в центральном Ираке. Заезжали мы и туда, где сохранились руины древних городов, таких как *Арка Ктесифона (Arch of Ctesiphon, современное название - Таки-Кисра/Taq Kasra)* и Вавилон. Я был глубоко разочарован видом последнего! Руины города Ниневия/Ninewe и водяные колеса *Нории Хамы (англ. - Norias of Hama)* произвели на меня значительно большее впечатление. Города Самава/Samawah и Габбания/Habbania оказались совсем неинтересными.

Британская автоколонна неподалеку от Багдада, 1943

Мы стали практиковать использование технического новшества – трейлеров для перевозки танков. На ранней стадии боевых действий в Африке мы обнаружили, что, если мы выдвигаемся далеко в пустыню, танки или изнашиваются, или приходят в неисправность до того, как мы выходим на боевой рубеж. Теперь танки грузили на огромные низкие прицепы и увозили на многие мили к месту боя. Быстрое перемещение бронетехники и избавление от проблемы ее скоротечного износа стало огромным преимуществом и добавило нам мобильности и ударной мощи.

Вернувшись на место постоянной дислокации, мы столкнулись с необходимостью готовиться к холодной зиме. Для проживания мы нуждались в чем-то лучшем, чем

палатки. В это время года в той местности господствовали очень сильные ветра, и, когда шел дождь, он лил как из ведра, заливая водой все вокруг. Мы вырыли себе блиндажи глубиной около пяти футов и поставили над ними палатки. Это сильно добавило нам жизненного пространства! Мы даже сложили печки с трубами из камней и обожженной глины. Топить их мы могли только кустарником и верблюжьим навозом.

В ноябре и декабре было очень холодно, и нам пришлось влачить довольно жалкое существование. Каждую пятницу мы были вынуждены очищать лагерь от бродячих собак. Они приходили из пустыни в поисках пропитания. Их было великое множество, этих лохматых пустынных собак, так что нам пришлось посылать группы людей на отстрел максимально возможного их числа. Через неделю их снова было столько же, сколько до недавнего отстрела. Мы понять не могли, откуда они берутся… С уничтожением собак была одна проблема. У нас был собственный пес по кличке *Басти/Busty*. Его подобрал один из танковых экипажей, и он больше не уходил от них. Даже когда мы выезжали на учения, он сидел на броне в передней части танка, под пушкой, и лаял, лаял и лаял. Он никогда не уходил со своего поста, постоянно охраняя этот танк. Каждый четверг, вечером, его отвозили из лагеря в Багдад, где оставляли на попечение одной из дам в одном кафе на Ривер Стрит. По пятницам, вечером, его забирали и привозили домой после того, как заканчивался очередной отстрел.

Багдад был людным местом с его мостом через Тигр и забитым людьми базаром. В чем-то он напоминал мне Каир со своим шумом и суетой, своими запахами, бесконечными жаровнями на угле и ароматом специй и благовоний. Базар соответствовал моим ожиданиям в плане того, что ждать от Востока. Там были орды попрошаек и хромых нищих. Там были ювелиры, работавшие с серебром, и лавки, в которых торговали шелком. Там продавали огромное количество резных изделий из дерева, и, само собой, там везде и всюду были порядком надоевшие верблюды и ослы. Там были открытые кафе, где сидели арабы, попивая чай с анисом и покуривая кальян. После полудня все закрывалось, и все торговцы шли спать, точно, как в Каире.

В мае 1943-го мы снова снялись с места, отправившись в Палестину. Северная Африка была зачищена от войск Оси, но мы по-прежнему не могли понять, что ожидает нас в будущем. Прошло 10 месяцев, как мы не были в бою, но чувствовали, что такая удача вот-вот покинет нас. Наверху для нас должны были запланировать что-то неприятное! Возможно, мы должны были стать частью *Второго фронта*, создания которого в *подбрюшье* Европы ждали все. Где это должно было случиться: во Французской Ривьере, Италии или Греции?

Мы отправились в Палестину через пустыню, на юго-запад, следуя древнему караванному пути, идущему по Иорданской долине и через Иудейские горы. Это было кошмарное путешествие, для которого было выбрано неправильное время года. Солнечные лучи обжигали нас, отражаясь от камней, и впервые в моей жизни я испытал тепловой удар. Ситуация была настолько угрожающей, что по всем пустынным дорогам пришлось создавать специальные пункты, где людей выхаживали после солнечных ударов. Число пострадавших было колоссальным. День за днем мы продвигались на запад, потом по Иорданской долине, пока не вышли к мосту Элленби/Allenby Bridge. Здесь мы переправились через реку сразу к северу от Мертвого моря и продолжили марш на Иерусалим. Оттуда мы направились на север, прошли мимо Елеонской горы в направлении Галилеи и Назарета. Когда наш путь лежал вдоль берегов Галилейского озера мимо Вифлеема, я увидел крутые и обрывистые горные склоны, и моя память стала возвращать меня к зарождению христианства и библейским историям…

Мы шли маршем через Палестину с севера на юг более месяца. Слева были горы, справа – Иорданская долина. Затем мы вступили в восточную часть Сирии, в долину Бекаа. Бекаа – это огромная равнина, с запада ограниченная сирийскими горами и зарослями ливанского кедра. Жаркое, пыльное место, тусклое и пустынное. Мы разбили лагерь с видом на римские развалины Баальбека. Там мы простояли несколько недель, ничего не делая. С севера дули ветры, и мы жили в условиях, казалось, непрерывной песчаной бури. Это было что-то похожее на ветер *Хамсин* в [североафриканской] пустыне. Я могу сравнить это только со струей горячего воздуха, которая вырывается из печи, когда ты открываешь ее дверцу.

Становилось все жарче и жарче, и все, что нам оставалось, это жариться на солнце и слушать версии наших офицеров происходившего на войне, включая детальное описание сражения под Эль-Аламейном. Делать нам было нечего. Мы чувствовали себя так, словно нас оставили там гнить, как кучку бесполезных бедуинов. Прошло какое-то время, и мы стали выходить на полевые занятия по чтению карт в расположенные к западу от нас горы. Как-то раз, хорошо прожарившись на солнце на равнинной местности, мы ушли в горы на большее расстояние, чем раньше, и добрались до зарослей ливанского кедра. К нашему удивлению, мы обнаружили в верхних частях склонов снежный покров толщиной в три дюйма! Колонна остановилась, и мы устроили массовую перестрелку снежками.

Через несколько недель мы отправились на север, в направлении Алеппо. Нашей задачей была расстановка макетов танков близ холмов у турецкой границы. Танковые макеты успешно использовались к югу от Эль-Аламейна, где с их помощью удавалось сбивать с толку пилотов [вражеских] самолетов-разведчиков. Это были трехтонные грузовики с картонными надстройками и фальшивыми пушками, торчавшими спереди. С высоты в несколько тысяч футов их было легко принять за настоящую бронетехнику. Мы должны были расставлять эти фальшивые танки по парковкам, таким образом создавая представление о большой концентрации бронетанковых частей на севере Сирии. Я не знаю, чего мы надеялись добиться с помощью этих трюков. Возможно, это нужно было, чтобы выиграть время, пока шла подготовка к вторжению в Европу, а может это была дезинформационная тактика, в то время как шло вторжение на Сицилию, - ведь дело было в июле [1943-го].

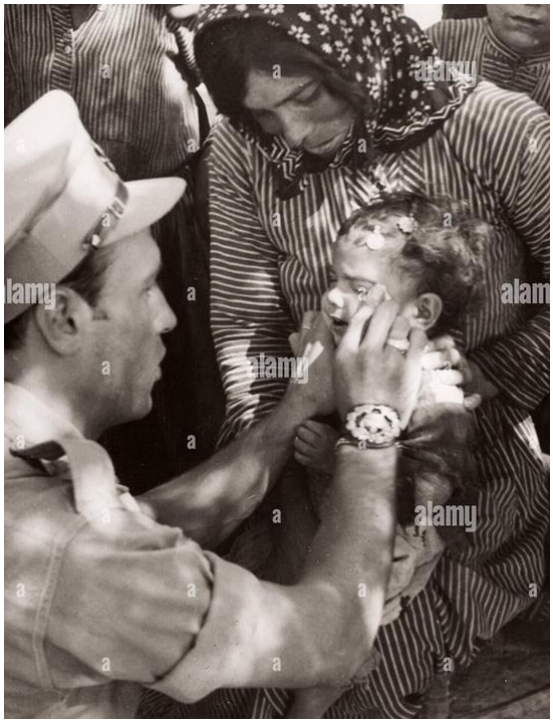
Как-то раз, когда мы были заняты расстановкой этих фальшивых машин, над нами появился неизвестный самолет. Он сделал несколько кругов и потом сбросил одну-единственную бомбу. Мы увидели, как эта бомба медленно падает на землю, залегли под камнями и кустарником и стали ждать взрыва. Все просто застыли в ожидании: не забывайте, что в тот момент мы впервые оказались под огнем почти за целый год. Задержав дыхание, мы ждали и ждали, но ничего так и не грохнуло. К тому моменты, когда мы выбрались из укрытий, самолет уже исчез. Мы ожидали увидеть неразорвавшуюся бомбу посреди нашей парковки, и точно: там она и оказалась, рядом с комом верблюжье колючки.

Троих парней послали посмотреть на нее вблизи. Они поползли туда с предосторожностями, ярд за ярдом. Остальным приказали переместить парковку, поскольку бомбу должны были подорвать выстрелом из винтовки с 200 ярдов. Те трое парней добрались до нее, и через несколько все они поднялись на ноги, закурили сигареты и уселись на нее. Мы не могли поверить своим глазам и подумали, что у них крыша поехала. Мы стали кричать им, чтобы они вернулись, пока эта штука не взлетела на воздух, но они сидели и смеялись, а потом прокричали в ответ: «Эта бомба сделана

из дерева!» Деревянные бомбы и фальшивые танки, просто смех один! Мы так никогда и не узнали, откуда она взялась, была она немецкой или турецкой…

Во время полевых занятий в горах к югу от Алеппо наш офицер приказал нам остановиться, после чего сказал нам собраться вокруг него, чтобы он мог показать нам наше местоположение на карте: «Вот тут турецкая граница, ни при каких обстоятельствах мы не должны пересекать эту линию невысоких деревьев. Турция – нейтральная страна, и любое нарушение ее нейтралитета вызовет серьезные последствия.» Мы столпились вокруг разложенной на земле карты, пока он объяснял нам что и как. Неожиданно раздался рев моторов, и четыре турецких бронеавтомобиля подкатили к нам и окружили нас. Мы не могли понять, почему и что они кричат, но сомнений в том, что они были настроены серьезно, наведя на нас свое оружие, у нас не было. К нам медленно подошел турецкий офицер, помахивая тяжелым револьвером. На ломаном английском он проинформировал нас о том, что по другую сторону от невысоких деревьев находится не Турция, а Сирия. Мы оказались не на той стороне от границы! Мы посмеялись над тем, как наш офицер в явном смущении попытался объяснить свою ошибку, указывая на карту. Потом все утряслось, турецкие солдаты спрыгнули со своих машин и опустили свое оружие. Мы расселись, вскипятили чай и обменялись с ними сигаретами. День был слишком хорош для того, чтобы ссориться, а этот инцидент его даже украсил.

Я должен рассказать вам про Алеппо и крепость на холме. Это очень древний город, грязный и переполненный людьми с большим, чем положено, количеством попрошаек и бродяг, но базар и рынок производили грандиозное впечатление. Рынок был вкопан в склон холма, прямо под древний замок. Входя в тоннель, ты попадаешь в пещеру Алладина, украшенную с восточной роскошью. Красивейший шелк, свисающий сверху, украшения и утварь из меди, лампы Алладина, стоящие рядами, мечи, кинжалы, охотничьи ножи, все это с пышной резьбой и эмалью, выставленные сотнями, великолепно раскрашенные чаши, вазы и кувшины. Шали и ковры с великолепным рисунком, сложенные в большие кучи вместе с меховыми накидками и шубами. Серебряные безделушки, тарелки и чаши в стопках на грубо отесанных деревянных столах. Шелковые одеяния и халаты всех цветов радуги висели повсюду, словно экзотические цветы. Воздух был заполнен благовониями, запах которых смешивался с запахом фруктов, насыпанных в кучи словно из рога изобилия. Экзотические ароматные духи стояли рядами в красивых кувшинах. Это был настоящий рынок из *Тысячи и Одной Ночи*! Там можно было оставаться часами, впитывая дух этой древней колыбели человечества. Я купил старую книгу *Рубаи Омара Хайяма* и до сих пор с удовольствием читаю этот поэтический шедевр.



Британский медик оказывает помощь сирийскому ребенку. В то время в Сирии трахома глаз была большой проблемой

В августе мы свернули наш лагерь близ Алеппо и отправились в горы к западу от Ливана. Нашим пунктом назначения была Сленфа/*Slenfah или Slinfah (ВК)*. Там мы должны были пройти курс подрывного и минно-саперного дела и подготовку к ведению боевых действий в горах. Мы устанавливали заслоны на дорогах из больших бочек для нефти, а потом подрывали их. Мы также учились делать взрывные ловушки, охотиться на мины, неравномерно уложенные на дорогах, их обочинах и мостах. Мы проводили по много дней в горах, имея с собой пищевые рационы лишь на несколько дней, потом нас бросали там, и мы должны были выбираться в лагерь сами. Иногда мы блуждали по нескольку дней, но никто о нас не беспокоился. Если бы мы забрели слишком далеко на запад, то могли попасть в окрестности Бейрута при том условии, что не попались бы под руку черным гадюкам, обитавшим в горах.

Наш лагерь находился на небольшом ровном участке посреди зарослей кедра и сосны. Это было приятное место, в его центре стояли наши палатки, а по периметру – наши машины. Ночью мы разводили здоровенный костер и сидели вокруг него часами, попивая дешевое вино и закусывая орехами и изюмом. На кухне всегда водилась колбаса сверх нормы, так что мы еще делали для посиделок сэндвичи, которые запекали на самодельном очаге.

Сидя вокруг костра в окружении темных зарослей, мы часто видели яркие маленькие глаза где-то в кустах. Это были небольшие сирийские медведи, которые в высоту достигали примерно трех футов. Когда мы расходились по палаткам, то видели, как они шастают близ кострища и подбирают корки хлеба и все съедобное. Это было приятное время, беспокоиться было не о чем, но у всех было такое чувство, что это не будет длиться вечно…

Мы покинули Сленф, уехав на запад, на побережье, через Сирийские горы и заросли ливанских кедров. Хотя мы провели в горах более месяца, мы ни разу не пересекали их до западных склонов. Горные дороги отличались крутыми подъемами и спусками, были

извилистыми, проходили по узким каньонам и долинам. Чтобы подняться на 50 футов, нам часто приходилось покрывать 5 миль, разворачиваясь и делая зигзаги по горным склонам. Нашим танкам приходилось тяжело, но мы тогда не понимали, что это была хорошая подготовка к тому, что ждало нас впереди. Часто наша колонна останавливалась, потому что одна из машин не могла пройти крутой разворот дороги. Потом нам приходилось затрачивать часы, продираясь через эти углы, там, где бровки обрывов находились лишь в нескольких дюймах от колес. Иногда дороги были такими узкими, что нам приходилось рубить деревья или двигать большие камни, чтобы расчистить себе путь…

Мы видели множество построенных крестоносцами замков высоко в горах. По большей части, они уже превратились в развалины, но в них все еще жили горцы. Мы часто просили этих жителей гор показать нам дорогу. Они отлично знали местность, но иногда заводили нас туда, где по узким дорогам не могли пройти танки, и нам приходилось тратить многие часы, чтобы выбраться оттуда. По ночам мы устраивали себе бивуаки в стороне от дорог. Нас не волновало то, сколько времени мы еще проведем в горах. По ночам не было холодно, а вокруг нас вечно крутились эти маленькие сирийские медведи, которые забавляли нас.

Наконец мы вышли на перевал. Оттуда мы могли видеть голубые воды Средиземного моря. Это был великолепный вид с солнцем, освещавшим зеленую прибрежную равнину. Спуск с гор был быстрым и приятным. Скалистые залесенные горы начали сменяться растущими на террасах виноградниками. Виноград рос повсеместно, даже узкая дорога ограничивалась им с обеих сторон. Мы срывали целые гроздья и поедали его на каждой остановке. В небольших деревнях нам давали сладкое вино, вкусное как нектар.

Вдали мы видели наш пункт назначения – небольшой прибрежный городок Сидон, расположенный в нескольких милях к югу от Бейрута. По прибытии мы разбили лагерь на поле, которое полого спускалось к морю. Здесь росла густая зеленая трава, а оливковые рощи давали тень. Погода была великолепной, солнечной и теплой. Следующие четыре или пять недель были лучшим временем из того, что мы провели на военной службе вдали от дома.

Странное дело, но нам выдали спецрационы, и то, что нам готовили повара, было выше всяких похвал. Баранина, зеленый горошек и сладкий картофель, консервированные фрукты, даже заварной крем. Мы жили по-царски и не могли понять, чем мы это заслужили. Наши повара, казалось, превзошли сами себя и как-то даже испекли пирожные с кремом.

Бейрут находился в 15 милях к северу от нас. Каждый день, после нескольких часов общего техобслуживания танков, мы получали увольнительную в город на вторую половину дня. Некоторые предпочитали после полудня загорать на пляже, уезжая в Бейрут уже после ужина. Для этого всегда имелись грузовики, которые привозили нас лагерь после 11 вечера. Это было прекрасное время. Бейрут был полным очарования чистым, ухоженным городом с чудесными садами и современными зданиями. Здесь была просторная гавань, по берегам обсаженная пальмами. Там находились база подводных лодок и превосходный военно-морской клуб с собственным бассейном. Вход туда для нас был открыт всегда. Кафе на открытом воздухе были полны людей, обслуживание было превосходным, еда хорошей и недорогой. Рынок в тыльной части города был суматошным и колоритным местом. Больше нигде я не видел такого изобилия вкуснейших свежих фруктов. Я провел много часов в этой *Жемчужине Средиземноморья* и всегда вспоминаю об этом с удовольствием.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Не помню, было это в конце августа или в начале сентября, когда мы отправились обратно в Палестину по приморской дороге. Путешествие было расслабляющим и приятным. Казалось, никто никуда не торопился. Мы знали, что нас отправят обратно в Египет, но думали, что это может быть промежуточной остановкой на пути в Англию. Мы очень надеялись, что отправляемся домой.

Вдоль приморского шоссе росли апельсиновые рощи и было много ухоженных полей с ирригационными каналами, приносившими жизнь в пустыню. Воздух был наполнен ароматом апельсинов, бриз мягко покачивал пальмовые листья. Если мы собирали апельсины сами, целый мешок стоил всего шиллинг *(2.9 британских фунта в 2023 году – ВК)*. Определенно, это была страна молока и меда! Мы проехали через Тель-Авив и Хайфу по дороге в Египет. Добравшись до Порт-Саида, с его тусклыми, пыльными и наводящими тоску складами и причалами, мы вспомнили старое бедуинское изречение: «Тот, кто пил воду из Нила, вернется на его берега.» В нашем случае это оказалось правдой.

В июле-августе 1943 года союзники захватили Сицилию, и вторжение в Европу должно было вот-вот случиться. По нашему мнению, для нас имелись две альтернативы: отправляться в Италию или в Англию, чтобы принять участие во вторжении в континентальную Европу. Мне ни одна из них не была по душе, но мы все понимали, что благословенные времена, которые выпали на нашу долю в последние недели, подошли к концу. Время игры в солдатики кончилось… Из Порт-Саида мы переместились в зону Суэцкого канала, чтобы ждать распоряжений и решения, касающегося нашей дальнейшей судьбы. Наш лагерь был рядом с Исмаилией/Ismailia, и мы погрузились в рутинную лагерную жизнь еще на несколько месяцев, просто ожидая приказа отравляться в путь.

Союзники вторглись в Италию с носка ее *сапожка*, а мы все размышляли о том, что нас придерживают до того момента, пока не определится место вторжения в Европу, в котором мы будем принимать участие. Мы были уверены в том, что нас пошлют обратно в Англию, чтобы там погрузить на корабли, которые вскоре пересекут Ла-Манш. Мы даже потренировались в гидроизоляции наших танков для десантирования на пляжи с транспортов и барж. Все покорились судьбе и с тревогой вглядывались в будущее. Пока судьба была к нам более чем благосклонна. В какой-то мере, у нас был превосходный опыт, но было бы слишком опрометчиво ожидать, что когда мы в следующий раз пойдем в бой, то все мы снова останемся целыми и невредимыми *(we would all come out Scott free)…*

Вторжение в Италию шло неплохо для союзников. В ноябре итальянцы запросили мира, но немцам это было ни к чему, и они заняли оборону в континентальной Италии. В марте 1944 года нам сообщили, что для нас нет места в планах по вторжению в Европу. Нам предстояло отправляться в Италию, чтобы снова вступить в бой против германской армии. Помню, в то время я подумал о том, что кампания в Италии представляет из себя меньшее из двух зол. Я без энтузиазма относился к возможности принять участие в боях на береговых плацдармах французского побережья.

Мы отплыли в Таранто, и на входе в его гавань увидели остатки итальянского флота, корабли которого были разбросаны по своим кладбищам на морском дне. Самая трудная из наших военных кампаний должна была вот-вот начаться.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ИТАЛИЯ И ГЕРМАНИЯ, 1944-1945

В ИТАЛИИ

Мы высадились в Таранто в марте 1944 года и совсем скоро уже были на марше в направлении Неаполя. Здесь мы присоединились к армии генерала Кларка (Mark Clark, 1896-1984, командующий американской 5-й Армией) для очередного наступления на Кассино. Тем временем союзники осуществили еще две десантные операции в районе Анцио/Anzio и Неттуны/Nettuna, но оба десанта стали топтаться на одном месте, что сохранило роль Кассино как главного препятствия для какого-либо продвижения на север. Наш марш на запад прошел через горы и вывел нас к долине реки Вольтурно/Volturno к югу от Рима и к востоку от Кассино. Только тут мы поняли, что наша боевая подготовка в горах Сирии не была пустой тратой времени.

Местность была гористой и почти непроходимой для гусеничной техники. Все мосты через реки были взорваны немцами. Их небольшие оборонительные пункты были во всех речных долинах и на всех скалистых вершинах. Эта местность очень подходила для ведения оборонительных боев, а немецкая пехота в тактике таких боев весьма поднаторела. Немецкая артиллерия была мобильной и эффективной, и она делала наше продвижение вперед трудным и медленным, но встречных сражений здесь не происходило. Для нас это стало зачисткой какого-нибудь перевала, затем обнаружением следующего, на котором был небольшой заслон из пехоты, поддержанной тяжелой артиллерией. Наши танки были почти бесполезны в этом сценарии боевых действий, и мы поняли, что не можем маневрировать здесь достаточно быстро… Это был край, где должна была сражаться пехота, и последовательность событий для нас была всегда одной и той же. Немцы удерживали позиции, британская пехота медленно продвигалась вперед. Затем немцы отходили, взрывали мосты и оставляли минные поля. Потом вперед двигались наши танки, чтобы закрепиться на линии максимального продвижения пехоты. Сделав это, мы выясняли, что немцы отошли на несколько миль и закрепились на новых позициях. Следствием было то, что мы всегда оказывались напротив заслонов, расположенных на горных вершинах. Немцы на своих оборонительных позициях всегда оказывались в более выгодном положении, чем мы.

К маю 1944 года очередное наступление на Кассино должно было вот-вот начаться. К армии генерала Кларка присоединилась армия генерала Александера. У последнего в распоряжении была смесь британских пехотных и танковых частей, поляков и французов, а также обстрелянных ветеранов 4-й Индийской Дивизии. Тех, кто сражался столь отважно в [североафриканской] пустыне.

Прелюдией к финальному аккорду сражения за Кассино стали бомбежка и артобстрел города и монастыря на вершине. Бомбардировка была столь интенсивной, что развалины и воронки стали проблемой для наших собственных бронетанковых частей, которые не могли оказать пехоте должную поддержку. Поляки форсировали реку Рапидо к северу от города и продвигались к монастырю из района Понтекорво/Pontecorvo. Наша пехота медленно пробивалась через город к подножию горы. Начались уличные бои, снайперы противника вели огонь из-за каждой полуразрушенной стены и из каждой воронки… Наши танки использовались для мобильной огневой поддержки пехоты. Пехоту можно было снабжать только с помощью мулов, поэтому ведущие в гору тропы были усеяны их трупами, растерзанными бомбами и снарядами…

Линия Густава была прорвана, когда наши части форсировали реку Рапидо и вышли в долину реки Лира/Lira. В то же время поляки пошли на штурм монастыря между Понтекорво и Фрозиноне/Frosinone. Где-то в середине мая наступила мертвая тишина. Прекратился треск пулеметов, перестали падать снаряды, дым куда-то улетучился. Наступил конец сражения, но мы не моли в это поверить. Все онемели, измотанные

боями. Группы немецких юнцов медленно спускались вниз по склонам с поднятыми руками. Они сваливали свое оружие в огромные кучи прямо на улицах города. Для них война окончилась…

На севере американцы прорвались через периметр, окружающих плацдарм у Анцио. Дорога на Рим была открыта. Немцы отступили на север от Рима и закреплялись на следующей оборонительной линии. Это была Готская Линия…

Бронетанковые части хлынули через Кассино, на север двинулись и пехотные батальоны. Резервные части сменили сильно потрепанные войска. Инженерные части бульдозерами расчищали дороги от обломков. Всюду были санитарные фургоны, которые развозили раненых по перевязочным пунктам. Уставшие солдаты сидели по обочинам, покуривая, попивая чай и глядя на все происходившее без особого интереса. Да, это была пиррова победа! Я пришел к выводу, что май и июнь были для меня дурными месяцами. Май 1940 – отступление из Франции. Май 1941 – форт Капуццо, Сиди Омар и Сиди-Резег в пустыне. Май 1942 – отступление из Бирмы. Теперь, в мае 1944 – холокост под Кассино. Но я все еще оставался целым и невредимым, так что все еще было не так уж и плохо!

Танкисты 2-го Королевского Танкового Полка осматривают уничтоженную Пантеру

Наше продвижение вверх по долине реки Лира был замедлено обилием оставленных немцами минных полей к северу от Линии Густава. Кроме того, тут оказалась вторая линия обороны немцев, которую они называли Линия Гитлера. Немцы использовали *задерживающую тактику*, и это вправду замедляло наше продвижение. Поляки, которые столь храбро сражались под Кассино, прорвали оборону немцев и захватили Пьедмонте только к концу мая. Теперь дорога на Рим была открыта окончательно… В воскресенье, 4 июня, в Рим вошли союзники, а через два дня мы узнали о вторжении в Нормандию. Дела наши шли хорошо, и если бы мы продолжили наступление на север, силам Кессельринга (Albert Kesselring, 1885-1960, командующий немецкими силами на Итальянском фронте) не хватило бы времени на то, чтобы закрепиться на линии Пиза–Римини. Мы могли бы оттеснить немцев к Альпам, и Итальянская кампания была бы завершена. Но этому не суждено было тогда случиться…

После падения Рима мы обошли город с севера и встали. Тем временем существенная часть сил генерала Кларка была снята с фронта для участия во вторжении в Южную Францию и отвлечения сил противника от Нормандии. То же произошло в феврале 1941-

го, когда мы обратили итальянскую армию Грациани (Rodolfo Graziani, 1882-1955), в бегство. Тогда мы могли бы продолжить наступление на Триполи и тогда уже закончить Североафриканскую кампанию. Но произошло так, что австралийцев перебросили на Крит. А так я все еще считаю, что в Североафриканской и Итальянской кампаниях часть сил немцев была связана, и, таким образом, это ослабляло их давление на европейских театрах военных действий…

В конце июля мы переместились в район, расположенный непосредственно к северу от Рима, для короткого отдыха. Место называлось Лидо де Рома/Lido de Roma. Было жарко и не было житья от мух, но мы несколько дней отдыхали и наведывались в Рим. Въехав в город, мы поняли, что недавние бои не нанесли ущерба городу… Он производил впечатление, которое портили разложение и коммерциализация. Продуктов не хватало, на улицах было жарко и пыльно. Восхитительные дворцы и храмы с красивыми фонтанами и садами затмевали грязь и нищету задворков и бедных кварталов. Попрошайки, сутенеры, проститутки, ворье и спекулянты были везде и всюду. Никто никогда не хотел иметь Муссолини [у власти], или так теперь все говорили. И определенно никто никогда не был фашистом! Я тогда думал, что итальянцы – скользкий народ, и лично я не хотел ничего от Рима с его тлением и аморальностью. Я считаю, что мы должны были оставить их с их германскими хозяевами.

В конце июля мы двинулись на восток в направлении Адриатического побережья. Здесь начиналась трудная кампания, продолжившаяся зимой. Наша следующая операция имела место в глубине Апеннин, в районе городов Спулетто/Spuletto и Перуджа/Perugia. Это была отвратительная местность, совершенно не подходившая для использования танков. Говоря об оборонительных линиях, таких как Линия Густава, Линия Гитлера или Готская Линия, я хотел бы охарактеризовать их следующим образом: эти линии не были непрерывными, как Линия Мажино во Франции. Нет, Линия Мажино была жесткой линией окопов с артиллерийскими позициями, проволочными заграждениями и ДОТами, протягивающаяся на многие мили. Линии Густава и Гитлера и Готская Линия, на самом деле, состояли из изолированных узлов обороны на вершинах гор или в глубоко врезанных долинах. Эти узлы были словно бусины на шнурке.

В обычных условиях можно было бы атаковать «бусины» с фронта или обойти их с флангов, отрезав пути снабжения. Можно было бы атаковать их и с тыла. В Италии все эти сценарии были невозможны из-за характера местности. Нашей бронетехнике негде было маневрировать, так что от танков толк мог быть разве что на равнинах к востоку или в широких долинах По и Лиры.

У немцев было преимущество, поскольку их линии снабжения на севере были в безопасности, а располагая позициями на горных вершинах, они могли наблюдать за всеми нашими перемещениями. Несколько 88-миллиметровок, расположенных на вершине горы, и хороший пункт наблюдения, корректирующий стрельбу, могли задержать целую дивизию на несколько дней. Стоило одному нашему танку сдвинуться с места, как на него обрушивался шквал снарядов… Пехоте приходилось биться за каждый дюйм, продвигаясь вверх по горным тропам, но стоило ей взять один узел обороны, как выяснялось, что противник отошел и обосновался на другом, расположенном на следующей горной гряде.

Само собой, немцы оставляли за собой взорванные мосты и разбросанные по горным дорогам мины. Они начали использовать мины нового типа в деревянном корпусе, которые было крайне трудно обнаружить с помощью обычного миноискателя. Это были противопехотные мины, взрывавшиеся где-то в одном над землей. Пострадавшему почти гарантированно отрывало ноги ниже коленей.

Их артиллерия была также весьма эффективной. Их 88-миллиметровки намного превосходили наши пушки, и еще у них были многоствольные минометы под названием *Nebelwerfer*, выпускающие шесть снарядов сразу. Характерной особенностью Итальянской кампании был постоянный беспокоящий огонь противника. Смотришь на другую сторону долины, видишь вспышку, затем слышишь ужасающий свист летящего над головой снаряда. Затем видишь облако дыма там, где он упал, за чем следует грохот взрыва. Наихудшим вариантом было падение снаряда неподалеку от тебя, после чего воздух наполнялся раскаленной шрапнелью, которая с шипением осыпала нас белым металлическим дождем. Не думаю, что между июнем и ноябрем 1944 года был день, когда бы не было артобстрела. Мы были в радиусе действия артиллерии противника постоянно. В предыдущих кампаниях мы всегда могли убраться из обстреливаемого пространства, перегруппироваться и подготовиться к следующему встречному бою. Здесь встречных боев просто не было: было постоянное прощупывание [обороны противника] со скоротечными боями, которые продолжались пару часов. Наши концентрированные атаки натыкались на ожесточенное сопротивление фанатично настроенных немецких юнцов, которые считали, что умереть, стреляя по врагу из пулемета, - прямой путь в *Вальхаллу (в германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде, куда попадают после смерти павшие в битве воины)*…

Один такой бой случился близ Перуджи на восточных склонах Апеннин. Мы очень медленно продвигались на север, по нескольку миль в день. Лил дождь, горные ручьи превратились в бурные потоки. Пехотинцы перемещались от одной воронки к другой, в то время как мы поддерживали их огнем, когда они натыкались на огневые точки врага. Дважды нас просили выдвинуться вперед и подавить пулеметные гнезда. Стоило нам выкатиться впереди пехоты, как на нас обрушился жесточайший огонь артиллерии и минометов. Огонь вели с окружающих высот, нам он большого ущерба не нанес, но у пехотинцев защиты не было. Они стали орать на нас, требуя, чтобы мы убрались, так как наша попытка помочь только ухудшила их положение. Вот так бывало: пехоте была нужна наша поддержка, но когда мы двинулись вперед, бедных парней в их воронках и закопушках начало перемалывать, поскольку танки стали целью противника…

Был день, когда мы атаковали невысокую гору близ города Урбино/Urbino. В конце, когда местную деревню штурмовали пехотинцы, противник отступил к кладбищу на северных склонах горы за деревню. Немецкая пехота засела за гранитными памятниками с пулеметами. Сцена боя была мрачной. Обе стороны вели огонь из-за памятников, расположенных всего в 25 ярдах друг от друга. С обеих сторон стреляли минометы, а мы, танкисты, могли только наблюдать за этим со стороны, опасаясь открывать огонь, потому что могли попасть по своим. Все было так, будто мы смотрели кино. Все казалось нереальным. Могилы раскрывались от прямых попаданий, в воздух взлетали кости и целые скелеты. Раненые оставались лежать среди останков давно умерших людей. Мы просто стояли, смотрели на это, остолбенев, и просто не верили в то, что это действительно происходит. Я помню то, о чем думал тогда, - я думал, что схожу с ума. Когда же это кончится? Уже больше четырех лет я участвовал в преднамеренном уничтожении части человечества. Мне казалось, что с каждым днем я все глубже погружаюсь в бездну людского безумия. Это когда-нибудь закончится? Закончится ли это тем, что я стану одной из жертв этой истерии? Я чувствовал, что мне дурно от всего этого, что я уже отчаялся от этого сумасшествия. При этом я окончательно потерял веру в священность дара жизни…

После этого боя мы оказались в независимом государстве Сан-Марино с его замком на вершине горы. У Сан-Марино была собственная маленькая армия. Ее военнослужащие были одеты как оловянные солдатики из итальянских опер. Когда мы прибыли на место,

все гражданское население укрылось в железнодорожном тоннеле. Немцы ушли. Наша танковая колонна съехала с горной дороги. Справа от нас находился обрывистый склон речной долины. Уже четыре дня постоянно шел дождь, и дорога шириной всего в 20 футов утопала в грязи. Вниз по склону стекали потоки воды, они скатывались с дороги словно водопад. Танки прижались к склону и оставались там до рассвета. Затем мы обошли гору, чтобы присоединиться к нашей пехоте, которая продвинулась вперед в направлении города Каррара/Carrara. Наша колонна снабжения расположилась в долине в нескольких милях от фронта. Нам разрешили поспать, и мы улеглись под машинами, укрывшись плащ-палатками. Места, чтобы вытянуть ноги, не было, мы были мокрыми по уши, настолько мокрыми, что останься мы под дождем, было бы ненамного хуже…

Где-то в два часа ночи мы проснулись от грохота, доносившегося со стороны тыла. Грохот усилился. В свете луны мы увидели, как склон горы сползает к дороге. Пока мы смотрели на это, последний танк в колонне, казалось, перевернулся и утонул в грязи. Затем вся дорожная выемка соскользнула сползла в реку с оглушительным грохотом. Танкисты, спавшие под своей машиной, утонули. Поднялась паника, и мы умчались со склона горы, словно *летучие мыши из ада (like bats out of hell).*

Союзники взяли город Римини, расположенный на восточном побережье, и Готская Линия была прорвана. Мы были на пути к долине реки По, и гористая местность стала сменяться волнистыми равнинами. Нам было приятно снова оказаться на открытом пространстве… Когда мы подошли к городу Модена/Modena, нас отправили на патрулирование. Наступил момент, когда нам пришлось вернуться, чтобы дозаправить машину. Мы укрылись за небольшим зданием фермы, и вошли в дом. Там мы наткнулись на небольшую группу пехотинцев, которые отдыхали и ждали, чтобы их подбросили в тыл. Пришла их очередь отдыхать, и их сменщики только что прибыли на передовую. Они растянулись на полу и кипятили чай. Дымились сигареты… Помещение было довольно большим, и двое парней установили пулемет в одном из окон, на всякий случай. В другом конце комнаты была здоровенная печь. На полке над ней стояли красивые часы с мраморным корпусом и позолотой. Это было превосходной добычей, и я пошел туда, чтобы прихватить их. Я не сделал и двух шагов, как пехотинцы завалили меня на пол регбийным захватом. «Ты – долбаный придурок! Это заминированная ловушка!» - орали они. Я тут же понял, какую глупость собирался совершить… Чай уже был почти готов, когда из дверей донесся шум. Рыча и хохоча, в комнату завалились пятеро гуркхов. Эти гуркхи были отличными ребятами, они всегда улыбались, и, по моему мнению, были лучшими в мире солдатами. Их всюду и всегда приветствовали. Один из них глянул на часы, и, прежде чем мы сумели остановить его, он приблизился к часам и взял их в руки. Оказалось, что никакой ловушки там не было, так что он уложил часы в свой ранец. Мы покатились со смеху, обозвали его нахалом, но никто из нас не испытывал зависти…

Флоренция была взята, пал и город Римини. Готской Линии больше не было, и немцы отошли к реке По. Наступил зима, полетели снежинки, вершины гор стали белыми. Стало холодно, сыро и мерзко. Всюду была грязь, артобстрелы продолжались днем и ночью. Мы были измотаны, настроение становилось все более подавленным. Конца всему этому не было видно. Каждый раз перед нами оказывалась еще одна река, которую нужно было форсировать, или еще одна гора, на которую предстояло взобраться. Погода ухудшалась. Радости от того, что мы теснили противника к Альпам, на самом деле, было мало. Нам казалось, что надежды на то, чтобы закончить бои с этими бесчувственными немецкими пехотинцами, просто нет. Они и сам не знают, побиты они или нет. А правда заключалась в том, что мы были измотаны до предела.

С холмов мы смотрели вниз на долину реки По с ее разбросанными там и тут скальными выступами. Отсюда мы рассчитывали нанести завершающий удар. В это время я работал с офицером разведки и как-то получил приказ срочно привезти офицера разведки в штаб Бригады на бронетранспортере. Что-то происходило. Во-всяком случае, я ехал в тыл, где будет поспокойнее. Я также надеялся сменить одежду и хорошо выспаться. По прибытии в штаб я оставил офицера и нашел кухонный грузовик. Там оказались мои приятели из подразделения связистов. Я немедленно получил кружку чаю и сэндвич с тушеной говядиной. Парни из тыловых частей, казалось, знали больше обо всем, чем мы на передовой. Говорили о том, что что нас отведут в тыл, как только мы переправимся через реку.

На следующий день, когда мы возвращались на передовую, офицер сообщил мне действительно радостную новость. Пришел приказ о том, что солдаты, прослужившие три года заграницей, будут отправлены домой, в Англию! Я был ошеломлен. Быстро произведя расчеты, я осознал, что не был дома с апреля 1940, не считая короткого отдыха после Дюнкеркских событий. Я пробыл за морями более четырех лет и теперь имел право вернуться домой. Это сработала схема *Python*! Я просто не мог этому поверить!

Посчитали, что в нашей части таких было, по меньшей мере, девяносто человек. Все они находились в рядах батальона с самого начала, с первых дней во Франции, и все они отправляются домой. Это означало, что с передовой будет отведен весь батальон, оставив полк ослабленным, пока не прибудут подкрепления.

Когда мы вернулись в часть, новости добрались до всех остальных. Все лихорадочно взялись за расчеты – кому ехать, а кому оставаться. У тех, кто не прошел, никакой злобы не было, но тех, кто заслужил отъезд, прозвали *Ублюдки Джэмми/Jammy Bastards (жаргонное определение для удачливых парней)*. Через какое-то время списки были утверждены, а танковые экипажи реорганизованы. Те, кому повезло, были вывезены в небольшую деревню под названием то ли Кастель Френтано/Castel Frentano, то ли Кастель Сант-Анджело/Castel Sant'Angelo. Оставшиеся [без экипажей] танки были отведены в резерв ждать пополнений, ожидаемых через несколько дней.

Тем временем меня послали в замок на горе, с которой просматривалась долина реки По. На мне были обязанности наблюдателя и артиллерийского корректировщика. У меня были радиостанция и подробная карта. Я выходил на связь, когда видел вспышки выстрелов вражеских пушек. Эти вспышки было необходимо привязать к карте, чтобы на них можно было навести огонь и угомонить их. Хотя замок был за линией фронта, он все еще находился в поле досягаемости для вражеской артиллерии, так что его регулярно обстреливали каждый день. По счастью, его стены были 7-8 футов в толщину. Единственной проблемой были осколочные снаряды… Дорога, ведущая к замку, поднималась по северному склону горы. Все, что двигалось к воротам замка, было открытой целью для противника. Когда подъезжали грузовики, их до ворот замка сопровождали белые облака дыма от разрывавшихся за ним снарядов. Некоторые получали повреждения и оставались на дороге, подъезжающие позднее сталкивали их на обочину. В сам замок снаряды попадали постоянно, но они всего лишь царапали его толстые стены…

Дни были долгими, и я опять меня одолели тяжелые чувства. Я знал, что вскоре меня здесь не будет, но меня одолевали мрачные предчувствия. Я знал, что в последний момент удача может покинуть меня. На одном из этих снарядов окажется мое имя. Я был пуглив и насторожен. Я даже стал бояться спускаться вниз из башни в столовую. Когда летел осколочный снаряд, я забивался в щели в стенах и молил бога о том, чтобы

он дал мне немного больше времени, чтобы убраться отсюда. Вспоминая об этом, я теперь осознаю, что, когда дела становились невыносимыми, я всегда молился богу. В прочие моменты я даже не думал о нем…

Я нервничал все больше и больше, был в страхе и даже слегка помутился разумом. Каждый день я пытался узнать, когда они собираются снять меня с моего боевого поста в замке. То, что я был тут в большей безопасности, чем в течение многих месяцев до этого, никак не влияло на мое депрессивное состояние. Я все еще был убежден в том, что не дотяну до конца. Но, в конце концов, я получил сообщение о том, что посылают замену, и мне нужно собираться. Шел дождь, когда я увидел разведывательную машину, забирающуюся на гору. Она прошла где-то полпути, когда начался артобстрел. Клубы дыма поднялись в воздух перед машиной и за ней. Каждый, казалось, падает ближе, чем предыдущий. Я вжался в щель в стене, глядя, как машина подъезжает все ближе и ближе. Помню, что я плакал, молился и сыпал проклятиями. Я не мог оторвать глаз от небольшой беспомощной машины, прорывающейся через разрывы. Шрапнель осыпала стены замка, но я стоял, остолбенев и обливаясь потом… Сделав последний рывок, небольшая машина влетела во двор замка, закрытый внутренними стенами. Я в горячке слетел со ступенек, ведущих из башни, прижимая к себе свой пулемет и небольшую сумку. За день до этого я нашел в башне старый сундук и внутри него – красивую скатерть. Я затолкал ее себе в сумку, и она до сих пор хранится у меня, но она такая большая, что у меня нет такого большого стола, на который ее можно было бы постелить…

Разведывательная машина развернулась, я запрыгнул в нее, а мой сменщик выпрыгнул из нее. Все за одно мгновение. Не останавливаясь, водитель проскочил через ворота в замок и покатился вниз под гору. Не успели мы отъехать, как снаряды снова начали падать и грохотать. Я визжал и орал, я просто бесился. Низко пустив голову, я молился: «Господи, будь добр, дай мене еще пять минут!» Мы съехали к подножию горы и нас занесло влево, за какие-то каменные глыбы. Мы были в безопасности! Обстрел прекратился, я начал истерически хохотать, в то время как водитель, Фред, повел машину одной рукой, другой зажигая две сигареты для себя и для меня… Мы присоединились к другим парням, ожидающим отъезда. Потом, вечером, когда деревня попала под бомбежку, мы тронулись в путь на юг в направлении Неаполя. Я был цел и невредим!

Путешествие в Неаполь был долгим и утомительным. Утешало то, что мы едем в правильном направлении. Мы проехали вдоль Адриатического побережья до города Фоджа, затем повернули на запад, пересекли Апеннины и приблизились к Неаполю на небольшом расстоянии пешего хода от подножия Везувия и древнего города Помпеи. Мы быстро глянули на руины, а затем съехали вниз к окраине города и большому транзитному военному лагерю посреди большого поместья.

Это было мерзкое место, забитое военнослужащими, перебрасываемыми с места на место. В основном это были подкрепления, направляющиеся к линии фронта. Здесь были тысячи людей с изрядной долей тех, кто дезертировал с передовой. Никто не знал, кто есть кто, всюду был просто полный хаос. Чтобы тебя накормили, нужно было получить купон в лагерной комендатуре. Очередь на завтрак начинала выстраиваться в 6 утра и стояла, пока не кончалась еда. В иные дни приходилось стоять в очереди до 9 утра, чтобы узнать о том, что тебе ничего не осталось. Чтобы получить ланч, нужно было становиться в очередь в 10 утра, и тебе везло, если ты получал еду до 2 часов дня. Что касается ужина, никто о нем и не беспокоился, предпочитая получить увольнительную в Неаполь еще до того, как заканчивался ланч.

Мы жили в палатках, но наши вещи не были в безопасности, если мы не оставляли рядом с ними кого-то в качестве охраны. Мы с приятелями по очереди дежурили, чтобы палатка никогда не оставалась без присмотра. Половина людей в лагере были либо дезертирами, либо находились в нем неофициально. Никаких проверок не было, если не считать редких рейдов Военной Полиции. В нашей группе все получили справки о том, что мы находимся тут легально и ожидаем репатриации.

Я уже упоминал разложение, с которым мы столкнулись в Риме, но Рим был *воскресным школьным пикником* по сравнению с Неаполем. Город был забит дезертирами как из британской, так и американской армий. Эти две группы людей контролировали все: кафе, магазины, проституцию, сутенеров, даже снабжение бензином. Черный рынок процветал. Было трудно поверить в то, что творилось. Иногда между двумя группами происходили боестолкновения, и открыто объявлялись границы зон, контролируемых каждой из групп.

Никто не был в безопасности, и нам приходилось ходить по городу небольшими группами. Неаполитанцы растеряли все свое достоинство, предлагая все что угодно за еду или деньги, чтобы эту еду купить. Даже десятилетних детей предлагали купить за несколько лир. Существовала система рационирования еды, но продуктовые карточки, которые были у гражданского населения, были совершенно бесполезными. Все контролировалось спекулянтами. Несмотря на нехватку продуктов, в магазинах получше продавали деликатесы, и неаполитанцы позажиточнее, казалось, жили совсем неплохо. В недавнем прошлом в городе случилась эпидемия тифа. Что тут удивляться: весь город был грязным, замусоренным, вонючим, а водоснабжение было строго ограниченным.

Когда мы вечером возвращались в лагерь, нас заставляли выстраиваться где-то в миле от входа в него. Затем группами по 20 человек нас отводили в лагерь в сопровождении военных полицейских. Этим старались не дать кому-либо ограбить нас перед самым возвращением. Это было отвратительное место, так что мы вздохнули с облегчением, когда услышали новости о том, что нам пора упаковывать вещи и 23 ноября мы будем отправлены в Англию. Наконец-то мы были на пути домой, покидая этот город греха и лишений. Есть такие слова: «Увидеть Неаполь и умереть.» Что касается меня, то лучше всего видеть Неаполь с борта судна, которое проходит мимо острова Капри/Capri, когда город тает вдали, а дым Везувия тихо поднимается в небо…

ДОМА

По пути домой я думал о том, что раз война изменила многое во мне, насколько она изменила Мюриэл? Я знал, что стал трудным в общении и временами циничным. Я боялся, что долгая разлука затруднит наше возвращение к тому, с чем мы расстались четыре года назад. Однако мои страхи оказались беспочвенными. Когда мы с Мюриэл встретились на вокзале, я уже знал, что все страдания и одиночество остались позади. Опять были слезы, но, на этот раз, это были слезы радости… Нам нужно было очень многое рассказать и сделать. Увидеть друзей, и вообще восполнить все то, что было потеряно за это время. Нужно было узнать, что произошло, где все были это время. Кто женился или вышел замуж, а кого мы больше никогда не увидим. Люди хотели услышать от меня рассказы о том, что было на войне, но я чувствовал, что лучше говорить поменьше. Какие-то из воспоминаний были слишком болезненными, и я хотел просто забыть об этом. Я был рад тому, что живой, что прошел через все это целым и невредимым, но знал, что шрамы в моей памяти останутся навсегда…

Мой брат Деррик служил на юге Англии, и ему удалось приехать домой через несколько дней. Мой другой брат, Лисон (Leason), служил в Военной Полиции, так что мы с ним провели вместе совсем мало времени. Две недели пролетели быстро, но это было самым счастливым временем в моей жизни…

В ГЕРМАНИИ

Наступила весна, война в Европе подходила к концу. Войска переправились чрез Рейн в районе Ремагена/Remagen и Весселя/Wessel. К марту канадцы прорвались через Голландию к побережью Северного моря. Они захватили пусковые площадки для ракет, которые навели столько страху на города южной Англии. В первую неделю апреля были взяты Мюнстер, Оснабрюк и Минден/Minden, потом – Ганновер. И тут неожиданно пришла новость – меня отправляют в Германию! Я не мог поверить в это. Война почти окончилась, а мне опять в путь. Я был страшно расстроен!

Мы отплыли из Дувра и сошли на берег в Остенде/Ostende. Там мы уселись в грузовики и отправились в Германию. Все происходило очень быстро. К нам присоединялись другие транспортные колонны, и все это продвигалось на север-восток. Бронетехника и машины с войсками имели право первоочередного проезда, так что нам часто приходилось съезжать на обочины… Мы услышали о том, что немцев оттеснили к Берлину. Русские вошли в город и на Эльбе соединились с американцами. В Бремене были тяжелые бои, и ходили слухи о том, что экипажи подводных лодок сражались вместе с пехотинцами. Но и Бремен был взят.

Войска союзников захватывали каждый день новые города и деревни. Час за часом немецкая армия таяла. Был взят Мюнхен, немецкие войска в Италии капитулировали. Муссолини был схвачен итальянскими партизанами, его повесили и расстреляли - говорили, что вверх ногами. Мы проехали через развалины Оснабрюка и направились вглубь страны, останавливаясь только для того, чтобы дать дорогу боевым частям, наступающих на Гамбург. К началу мая все немецкие войска, находившиеся Дании, Нидерландах и Северной Германии, капитулировали. Мы были просто зрителями. Мы даже из наших *Бренов* не сделали ни одного выстрела по врагу…

Русские наступали стремительно, вынуждая немецкие войска откатываться на запад, чтобы убраться подальше от своего злейшего врага. Ни один немец не хотел сдаваться русским. Позднее мы узнали, они пытались подписать сепаратный мир с британцами и американцами, но предложение было отвергнуто. Гитлер покончил с собой в своем бункере. Война закончилась. Мы въехали в Гамбург через несколько дней после того, как он был взят. Вид города был ужасающим. Внутренняя часть города и порт были разнесены вдребезги. Там, буквально, не было двух кирпичей, находившихся один на другом. Город превратился в кучу щебня. Пожары в пустых коробках домов все еще не прекратились. Были видны следы *Огненного Смерча/Fire Storm*, случившегося в городе во время ковровых бомбардировок. Бульдозеры сгребали щебень в кучи на обочины того, что когда-то было улицами и дорогами. Эти разрушения напомнили мне о Кассино… Зоопарк тоже был разбомблен, и животных можно было разглядеть сквозь руины. Над одной из стен торчала голова жирафа, возле озера бродил страус, вполне себе беззаботно. Саперы задействовали слона в сносе небезопасных зданий. Все эти сцены были жутковатыми и нереальными. Как кто-то или что-то могли выжить после таких бомбардировок, оставалось непонятным.

Вот уже три недели мы ехали по полностью разрушенной стране. Целые деревни были сожжены. Посевы были растоптаны и потравлены, дороги завалены. Гражданские сидели по обочинам дорог со своими пожитками в тачках и ручных тележках. Повсюду

были тысячи немецких солдат, ожидающих, когда их соберут в колонны пленных. Вокруг было множество машин и грузовиков, брошенных из-за отсутствия бензина. Противотанковые пушки валялись на боку, рядом стояли немецкие солдаты, перевернувшие их в знак капитуляции.

Из Гамбурга мы тронулись на юго-восток через сосновые леса, в направлении города Целле/Celle, расположенный к югу от Ганновера. Это была страна Ганса Кристиана Андерсена и Братьев Гримм. Страна сказок и лесов. В лесах все еще попадались снайперы, и иногда были слышен визг пуль. Недавние военнопленные - русские, поляки, другие перемещенные лица – преследовали небольшие группы немцев. По всей этой территории были разбросаны лагеря для военнопленных, из которых они вышли на свободу.

Мы въехали в небольшую деревню Фаллинбостель/Fallinbostel, стоявшую на реке Аллер/Aller. Предполагалось, что это будет конечным пунктом нашего путешествия. Планировали, что здесь будет лагерь для резервных частей, но все пошло несколько по-другому. Бои закончились, так что нашей задачей стало поддержание безопасности и администрирование лагеря для резервов. Через день командование выяснило, что в лесах, вроде, находится, концлагерь, и с ним нужно разобраться… На следующее утро мы уселись в грузовики и отправились по проселкам через лес. Сначала все было тихо, хотя мы натыкались на проволочные заграждения и бетонные ДОТы. Двигаясь глубже в лес, мы переехали и противотанковый ров. В итоге мы подъехали к воротам огромного концлагеря, огражденного высокими проволочными заборами с наблюдательными вышками. Над воротами была надпись: «Belsen». Мы все слышали рассказы о концлагерях, но были настроены слегка скептически по отношению к тому, насколько вероятны такие зверства. Но здесь мы у были у врат самого ада…

Подразделение саперов было уже в лагере. Первое, что нам предстояло сделать – доложить о себе в дезинфекционном пункте. Рядом с пунктом висел указатель: «Typhus, Report Here/Тиф. Пройдите сюда.» Нам выдали комбинезоны, бахилы и лицевые маски, затем осыпали каким-то порошком. Вонь стояла ужасная, и нам сказали, когда мы проходили через ворота, что нас ждет шок. Так или иначе, это место нужно было очистить. Все бараки предстояло сжечь, а нашей задачей был контроль над работой бывших охранников-эсэсовцев, которые перетаскивали умирающих и хоронили умерших.

Когда мы вошли в лагерь, слева от нас стояла сенная телега с высокими стойками по бокам. Она была заполнена обнаженными трупами. Мертвецы, дети и младенцы. Ужасное зрелище, страшная вонь. Некоторых из нас стошнило. Все тела выглядели, словно обтянутые кожей скелеты, из которых торчали кости и у которых были вспучены животы и отечные, принявшие форму яиц головы. Глаза их запали в глазницы, нижние челюсти висели. Мы даже не знали, были это женщины или мужчины. Все было неподвижным и выглядело, как куча мусора. На некоторых были полосатые брюки, другие были голыми. Тела были грязными, серого цвета, усеянными мухами…

В одной из углов лагеря бульдозеры вырыли огромную траншею. Она была футов восемь в ширину и пятьдесят в длину. Еще дальше группа эсэсовцев сбрасывали трупы в подобную траншею. Трупы укладывали рядами. Немцам приходилось ломать им руки и ноги, чтобы уложить их пологими слоями. Бульдозеры закапывали ямы с трупами, но до того, как земля закрывала братские могилы, на трупы высыпали известь из бочек…

У бараков не было окон, поэтому нашим глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к мраку после того, как мы входили в них. В бараках были ряды нар по обе стороны,

почти до крыши. На нарах лежали людские тела, голые и издававшие смрад. Некоторые из них слабо стонали и спазматически подергивались. Они были слишком слабы, чтобы кричать. Запах был невыносимым и тошнотворным… Группы молоденьких британских солдат медленно и осторожно вытаскивали их на носилках и укладывали в грузовики. Их отвозили в расположенный неподалеку тренировочный центр танкистов СС, который превратили в госпиталь.

Эсэсовцы собирали мусор в большие кучи и жгли их. Всюду были крысы размером с кролика, некоторые из них обгрызали трупы, все еще валявшиеся вдоль проходов. Некоторые бывшие заключенные бродили по лагерю, потеряв рассудок. Одна женщина сидела и, смеясь, гладила дохлую крысу… Временами было трудно отличить труп от живого человека. Иногда одно из тел, уже уложенных в траншею, начинало двигаться, и его приходилось вытаскивать из могилы. Многих, должно быть, похоронили живыми.

Женщин-охранников держали в большом деревянном бараке. Они были угрюмы и не показывали признаков раскаяния. Среди них была высокая блондинистая бестия. Нам сказали, что это Ирма Грезе (Irma Grese), подруга коменданта лагеря Крамера. Каждый день ее водили по лагерю под конвоем, закованной в цепи.

После того, как бараки были очищены от остававшихся в них людей, часть из которых оказалась в госпиталях, а часть в братских могилах, мы сожгли их с помощью огнеметов. Местную *знать* и чиновников привезли в лагерь из близлежащего города Целле. Им показали свидетельства зверств их нацистских хозяев. Затем их заставили рыть туалеты и помогать в захоронении [умерших] в братских могилах. Все бургомистры и чиновники клялись, что они не знали о происходившем здесь. Они говорили, что доступ к этому участку был ограничен и никому не разрешалось находиться даже в нескольких милях от лагеря. Они знали, что тут был концлагерь, но никому не было разрешено побывать на его территории. Они даже стали обвинять *RAF* в создании препятствий для подвоза продовольствия и медикаментов [в лагерь]. Сам Крамер признался в том, что не мог справиться [с проблемами]. У него не было продовольствия, медикаментов или людей, чтобы содержать лагерь в сносном состоянии. Он сказал, что захлебывался от потока людей. Лагерь предназначался для 3 000 человек, но под конец в нем было в 10 раз больше. В дополнение к этому, прекратился подвоз продовольствия. Это было его отговоркой, но он не объяснил, чем являлось подразделение для медицинских экспериментов и или для чего были нужны газовые камеры с крематорием. И как он мог объяснить присутствие абажура из человеческой кожи на лампе в своем офисе?

Бывшие охранники-эсэсовцы складывают трупы в прицеп грузовика. Гражданские лица из соседних городов «знакомятся» со свидетельствами зверств нацистов

Каждый день в течение недели мы приезжали в лагерь. Отделяли живых от мертвых, жгли бараки. Каждый день в братские могилы нужно было уложить сотни трупов. Меня тошнило от этого, как ни от чего другого, что я испытал в прошлом. Это был сам ад. Каждое утро мой желудок выворачивало наизнанку, когда я входил на территорию лагеря. Я ничего не ел целую неделю. Было это тем, ради чего случилась война? Выбросило ли людское бесовство свой последний козырь? Мир сошел с ума, и Бельзен был *Армагеддоном* вселенной…

Британцы сжигают постройки концлагеря Берген-Бельзен

На нашу базу прибыли новые подразделения, так что мы вернулись в резервную часть в Фаллингбостель. Я попрощался навсегда с крематорием и вернулся в мир

относительного благоразумия. Но память обо всем этом осталась со мной навсегда. Даже сегодня эти воспоминания врываются в моей голове, и я обливаюсь потом и трясусь от ночных кошмаров в собственной постели…

Заключенные Берген-Бельзена

В этом районе было много лагерей для военнопленных, и, по мере того, как заключенных увозили домой, эти лагеря заполнялись немецкими солдатами. Каждое утро мы собирали до 50 немецких военнопленных и развозили по лагерям. Там их заставляли наводить чистоту и выполнять все необходимые работы. Я проводил целые дни, командуя 25 военнопленными, наблюдая, как они роют себе сортиры, чистят старые конюшни и проводят свои лагеря в порядок.

Все они говорили одно и то же. Никто из них не был нацистом, они просто выполняли приказы. Они не хотели этой войны. Их заставили принять в ней участие. Гитлер был сумасшедшим, а настоящими правителями были СС. У них был выбор: или выполнять приказы, или быть расстрелянным, или же, что было хуже всего, - отправиться на *русский* фронт. Лучшее, на что они могли рассчитывать при неподчинении приказу, - это быть отправленным в концентрационный лагерь. Все, что случилось, - это не их вина: они были просто пешками в параноидальных планах Гитлера.

Наконец пришло лето, стало тепло и солнечно. Суматоха постепенно ушла в прошлое, стал формироваться кое-какой порядок. Тысячи перемещенных лиц, которых загнали в трудовые батальоны Рейха, разбрелись по стране после капитуляции Германии. Поляки, русские, украинцы, эстонцы, венгры и чехи стали собираться в банды, одержимые чувством мести. Они стали заниматься разбоем в районе Ганновера и Люнебурга/Luneburg. Монтгомери издал приказ британским военным о «запрете на братание» [с местными]. Ни один из военнослужащих не имел больше права контактировать или вступать в беседы с немецкими гражданскими лицами за исключением ситуаций, связанных с несением службы. Это противоречило настрою большинства [наших] парней, которым было присуще добродушие…

Тем временем по всей стране пронеслась волна грабежей, мародерства и изнасилований. К этому прибавились отвратительные *Рейды Мести/Vengeance Raids* на немецкие фермы и деревни. Все немецкое разрушалось без разбора. Фермы сжигались, скот убивали, женщин насиловали. Погромщики уничтожали посевы, разбивали трактора, рушили постройки. Все это делалось в лихорадочных порывах мести за годы плена и рабства и было движимо накопленной ненавистью. Восстание против немцев перешло в бесконтрольный садизм… Мы получили приказ организовать патрули, охраняющие небольшие фермы и деревни, и защитить немецкое население от гнева бывших военнопленных и рабов. Это стало нашим вкладом во внутреннюю безопасность…

Неподалеку от Фаллингбостеля было создано два лагеря для перемещенных лиц. Один был для поляков, другой для русских. Это было то же самое, что пытаться смешать воду и масло. Поляки ненавидели русских, а русские – поляков. Бои между теми и другими стали повседневностью. Некоторыми ночами, проведя время в центре *YMCA* в соседней деревне, мы возвращались в свой лагерь ползком, по канавам, пока противоборствующие стороны палили друг в друга поверх наших голов. Наступило утро, когда мы обнаружили, что русские прислали поезд, чтобы забрать своих, так что их лагерь опустел. Страсти после этого поостыли.

Наша часть к этому времени была уже хорошо организованной. Каждый день приезжали новые люди. Кто-то уезжал в отпуск, другие. Мне поручили отвечать за развоз резервов. У нас было десять трехтонных грузовиков, каждый день в них усаживали людей и отправляли в их части, разбросанные по всей стране. Некоторые из этих поездок занимали до десяти дней. Было приятно ездить через леса и поля в летнее время. Как долго занимала поездка, никого не волновало. У нас было разрешение брать себе пищевые рационы и бензин где только возможно. Мы жили хорошо и выбирали себе наилучшие места для ночлега. Никто нас не контролировал, время принадлежало нам…

Наконец стала известна точная дата моего отъезда. Я должен был быть демобилизован 23 января 1946 года. Покинуть свою часть и отправиться в Англию мне предстояло в начале января. В ночь перед моим отъездом ребята решили организовать большой банкет. На тот момент мы жили в конюшне. Каждое стойло было личным спальным местом. В центре конюшни мы поставили большие деревянные столы и печки, которые где-то раздобыли. Печки гудели весь день. Немецкие военнопленные были нашими денщиками, и им полагалось следить за тем, чтобы для печек всегда было топливо.

Банкет был хорошо организован, повара постарались на славу. Были пирожные, банки с фруктами, колбаса, ветчина, жареные цыплята и полно вина и пива. Все перепились, закончилось все тем, что все нарядились туземцами из джунглей. Солому из-под винных бутылок использовали для юбочек, кожу вымазали гуталином и какао. Ближе к полночи заявился майор, но, увидев, что мы играем в *Тарзана (Тарзан - вымышленный персонаж, созданный писателем Эдгаром Райсом Берроузом)*. Присутствовал во многих экранизациях между мировыми войнами), прыгающего с лианы на лиану, выпил разок и оставил нас в покое.

Утром еще с десятком парней я уселся в грузовик. Он был украшен флагами и гирляндами, на нем был баннер с надписью: «Следующая остановка – Англия!» Мы остановились у офиса *YMCA*, чтобы попрощаться. Нам всем вручили по упаковке сигарет и пожелали всего наилучшего… В Ганновере мы уселись на поезд, и началось ужасное путешествие в Кале. Мосты были раздолбаны, купе были просто холодильниками, а ехали мы медленно, как никогда. Однако это было наше последнее путешествие по Германии, и каждая миля означала, что мы на милю ближе к дому. Море

на пути из Кале штормило, но я был настолько возбужден, что мне показалось, что оно заняло одно мгновение.

Белые клифы Дувра приближались. И вот я спускаюсь с деревянного трапа и сажусь на поезд, идущий на север… Как давно меня призвали на службу в *Милиции* всего на шесть месяцев – было это в июле 1939 года…

ПИТЕР УИЛЛЕТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛИНИЯ ГАЗАЛА - 1-Е СРАЖЕНИЕ ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ - БОЙ У ГРЯДЫ АЛАМ ХАЛФА – ВЕСНА-ЛЕТО 1942 ГОДА

Питер Уиллет (Peter Willet, 1919-2015, на фото слева), воевал в Северной Африке и Италии в составе 2-го Полка Гвардейских Драгун/2nd Dragoon Guards, также известного как Гнедые Королевы/Queen's Bays.

Несмотря на гибель Питера Глинна (Peter Glynn), я не сразу стал командиром взвода. Вместо этого меня отправили в Вардиан/Wardian, в расположенные на ближней окраине Александрии мастерские ROAC *(Royal Army Ordnance Corps – части британских ВС, занятые ремонтом и техобслуживанием боевой техники – ВК)*, чтобы забрать несколько обновленных Крусейдеров/Crusader. Частые поломки, связанные с утечкой воды, вызвали обеспокоенность у командования, и на место был прислан инженер Бирмингемского завода для надзора за модификацией боевых машин, что, как все надеялись, поможет устранить проблему. Его звали Хакер (Hucker), в последующие месяцы, когда нам приходилось мучиться с этими машинами, их так и прозвали – Huckers.

Я прибыл в мастерские и доложил об этом старшему офицеру, майору с кустистыми усами и добросердечными манерами. «Рад видеть вас, старина, - приветствовал он меня, - но, боюсь, танки еще не полностью готовы для вас. Не могли бы вы прийти снова через три дня, и они будут готовы. Искренне сожалею.» Устроив проживание для механиков-водителей, которых я привез с собой, я отправился в отель Cecil, лучший в Александрии, который был меккой для любого офицера, прибывшего из пустыни… Через три дня я вернулся в мастерские. «Рад видеть вас, старина, - сказал майор, - но, боюсь, мы еще не готовы. Лучше будет, если вы придете через четыре дня.» Это повторилось потом еще раз, пока танки не были выданы нам.

Обратное путешествие через пустыню в пункт, расположенный в 15 милях южнее порта Тобрук, прошло без приключений. Все четыре Крусейдера прошли 300 миль без поломок просто каким-то чудом или, вероятнее всего, благодаря экспертным инженерным навыкам мистера Хакера. Он сопровождал нас на случай, если понадобится мелкий ремонт: правда, бедный инженер был плохо экипирован для путешествия через пустыню. Он уже был сам на себя не похож, почти не мог говорить, но, надо отдать ему должное, ни разу не пожаловался. Я так и не узнал его имени, не помню, как он выглядел, но он оставил хорошую память о себе: танки Крусейдер по прозвищу Хакеры.

Потом я неделями был занят тем, что подвозил конвои из грузовиков в расположение танков на расстояние в 20 миль. Видимость была, по большей части, хорошей, и находить дорогу на местности даже там, где не было никаких ориентиров, было просто. Однако в марте начался сезон хамсинов – жарких южных ветров, дующих из сердца Сахары и раскаляющих абсолютно все, находящееся и под солнцем, и в тени, так, что ни к чему нельзя было прикоснуться. Видимость ухудшилась, временами до нулевой, из-за пылевой мглы. Однажды мы попали в песчаную бурю. После полудня огромное черное облако появилось на горизонте и медленно приблизилось к нам, увеличиваясь в размерах и постепенно закрыв все небо. На несколько минут стало обманчиво спокойно, безветренно и тихо. Затем облако окутало нас, завыл ветер и стал молотить по нам жалящими песчинками, которые проникали повсюду, где была обнажена кожа, и которые забивали глаза и уши. Переговариваться и передвигаться стало невозможным. Все, что можно было сделать, - это завернуться в одеяло, залечь и дожидаться, пока не кончится этот шторм. Ураган стих через какое-то время, которое показалось бесконечностью, но, на самом деле, он продолжался не более двадцати минут. Когда он прошел, установилась зловещая тишина, а видимость стала ослепительно великолепной. Повсюду были кучи песка: у колес и радиаторов грузовиков, там, где были развалы камней, над палатками, поваленными ветром. Понадобился целый день, чтобы привести машины в рабочее состояние, и намного больше времени, чтоб отмыться, поскольку дневной рацион воды был равен половине галлона (~1.9 л) на человека на все и про все. Иногда к этому рациону добавлялось небольшое количество воды, которую удавалось раздобыть в Тобруке. Там воды было в избытке – она сочилась из скалы, где находились родники, но не была благословением божьим: она была настолько солоноватой, что добавленное в заваренный в ней чай сгущенное молоко моментальной сворачивалось, а после добавления в виски, этой драгоценной для нас влаги, вкус напитка становился отвратительным. В то время местность внутри Тобрукского периметра представляла собой пустыню безо всякой растительности, хотя там был один ухоженный участок с оливковыми деревьями. Наш лагерь был в 15 милях вглубь суши, и каждую ночь мы наблюдали за зрелищными фейерверками, когда волна за волной приходили бомбардировщики Оси, чтобы отбомбиться по порту и британским судами и кораблям, а трассы зенитного огня прочесывали небо под глухой грохот и треск разрывов…

Одним, казалось, мирным утром пятеро из нас сидели и завтракали вокруг раскладного стола, стоявшего рядом с полевой кухней и помещенного в специальный окоп: Годболд (Godbold) по кличке Сладкий/Fruity, принявший на себя командование Штабным Эскадроном, падре Морсон (Morson), интендант Хэрри Спенсер (Harry Spenser), Крошка Блэйр (Tiny Blair) – капитан из RAOC, прикомандированный к нашему полку, и я. Тут мы услышали гул мотора самолета, делающего круги над нами. «Давайте посматривать на этого паренька,» - сказал Блэйр, и через мгновение до нас донесся рев нырнувшей в нашем направлении Штуки. Мы тоже нырнули в окоп, вырытый для грузовика. Бомба упала ярдах в 300 от нас, рядом с местом скопления грузовиков, взорвавшись и подняв столб черного дыма. Между грузовиков немедленно забегали люди, словно муравьи, жилище которых было потревожено. Кого-то подняли и потом положили на песок. Я побежал к ним, чтобы посмотреть, что произошло. Руди Мэлкомсон (Rudi Malcolmson), сержант-интендант, был ранен. Он лежал, уткнувшись лицом вниз, его голова лежала на руке, с него были спущены брюки, и можно было разглядеть его раны. Могло показаться, что кто-то надрезал его бок сразу над ягодицами и рассек кожу наискось через спину. Едва ли была видна какая-либо кровь и казалось, что ему не было больно и что рана не выглядит серьезной, но три дня спустя он умер в госпитале. Руди был очень обаятельным парнем, готовым обнадежить товарища и посочувствовать ему…

В начале мая я был назначен на должность командира 1-го Взвода Эскадрона *A*, в который входили три танка *Крусейдер*. Мне повезло: мне достался первоклассный экипаж – механик-водитель Нед Лорд (Ned Lord), рассудительный и исключительно надежный парень, сын владельца паба из Ланкашира, наводчик Эдди Пэриш (Eddy Parish), на гражданке – клерк автобусной компании *Hastings and St Leonard*, и радист, капрал Фостер (Foster), которого его прежний комвзвода называл *одним из лучших*. Эскадроном командовал майор Джон Небуорт *(Alexander Edward John Bulwer-Lytton, Viscount Knebworth, 1910-1942, в тексте – Lord, внук вице-короля Индии в 1876-1880 гг., на фото слева)*, недавно вернувшийся в полк после поездки в Штаты, где он читал лекции. Джон был невероятно наивным парнем, для которого были характерными проявления чувств и энтузиазма, типичные для школьника. Когда ему сказали, что в дневном рацион нет хлеба и свежего мяса, к чему мы привыкли в период затишья после боев под Мсусом/Msus, и придется есть консервированную говядину и галеты, он воскликнул: «О! Чертовски грустно! (What a beastly swizz!)» К тому времени мы уже пообвыклись в пустыне, могли найти дорогу и чувствовали ее нутром. Для Джона ориентирование в пустыне было тайной за семью печатями, и когда бы комвзвода ни удавалось вывести эскадрон в назначенное место, он выражал свой восторг. Он был человеком, который раздражал тех, кто служил под его началом…

Приближался конец мая, и в воздухе усилилась напряженность. Все знали, что долгий период бездействия подходит к концу и что вопрос был в том, какая из сторон будет готова атаковать первой, хотя всегда казалось, что это будут немцы. К 24 мая наш полк стоял под невысоким уступом в рельефе близ дороги *Trigh Capuzzo*, ведущей от форта *Capuzzo* к египетской границе и, далее, к Мсусу. В нескольких милях к востоку был *Knightsbridge*, перекресток, у которого закрепилась пехота. В предстоящем сражении на *Линии Газала* он станет ключевым участком…

Утром 27-го мы были на ногах с первыми лучами солнца, готовыми тронуться в путь по первому приказу. В тот момент мы слышали звуки ожесточенного боя к югу от нас и часам к 9-10 уже знали, что весь *Африканский Корпус* (15-я и 21-я танковые дивизии и 90-я Дивизия Легкой Пехоты) окружила Бир-Хакейм на южном окончании *Линии Газала*, застала врасплох и рассеяла 7-ю Танковую Дивизию, после чего начала марш на север вдоль восточного края наших неприкрытых минных полей. Это был решающий момент в боевых действиях в пустыне. Наступление *Африканского Корпуса* в обход южного фланга *Линии Газала* в районе Бир-Хакейма продолжалось в ночь с 26 на 27 мая. За ним следили экипажи наших бронемашин, которые отправляли в штаб 7-й Танковой Дивизии подробные радиосообщения о развитии событий. Это должно было дать возможность 4-й Танковой Бригаде, имевшей по два эскадрона танков *Грант/Grant* в каждом из ее трех полков, занять подготовленные окопы для бронетехники в пункте *A,* в 5 милях к югу от Бир-Хакейма. Однако события стали развиваться совсем по другому пути. Чарлз Армитедж (Charles Armitage), командир батареи полевой артиллерии 7-й Танковой Дивизии на тот момент, так написал об этом в письме своему отцу: «По какой-то невероятной причине 4-я Танковая Бригада не была проинформирована о перемещениях противника, и, хотя мы были на ногах уже на рассвете, нас притормозили в 06.15, и мы так и остались раскиданными по нашей лагерной стоянке. Оливер Ньютон (Oliver Newton) и его стрелковая рота находились в пункте *A*, занимаясь доводкой до нужного состояния своих позиций. Оливер выбрался из-под одеяла в 06.00 и,

осмотревшись вокруг, пришел в ужас, увидев в 2 000 ярдах к юго-западу от себя двигающуюся в его сторону массу вражеских машин, впереди которой шло большое количество танков. Противник даром времени не терял. В результате этого полторы сотни танков быстро скатились со склона гряды тогда, когда мы только начали понимать, что происходит. Мгновение назад еще никто не знал о том, что сражение началось, а в следующее мгновение мы были в нем по шею.

Танкисты 8-го Гусарского Полка (Hussars) были ближе всего [к противнику], и шансов у них не было. Их застали, когда они были у подножия склона, они не успели укрыться по башню в окопах, у них просто не было времени, чтобы даже завести моторы. Командир танкового взвода сидел рядом со своим танком и брился… Танкисты дрались, как тигры, но оказались под ударами с трех сторон и надежды на то, чтобы отбиться, у них не было.»

4-я Танковая Бригада была рассеяна, дивизионный штаб смят, а командир дивизии, генерал-майор Мессерви (Messervy), взят в плен. События утра 27 мая склонили чашу весов на *Линии Газала* в пользу немцев. Несколькими часами ранее противоборствующие стороны были равны по силам, и, возможно, недавно прибывшие на фронт *Гранты* давали британцам небольшое преимущество. То, что было смертельно опасным пренебрежением обязанностями в работе штабистов 7-й Танковой Дивизии, дало немцам колоссальное преимущество во внезапности и имело катастрофические последствия для британцев, приведя к долгому отступлению к Эль-Аламейну и поставив под угрозу в целом стратегические позиции британцев на Ближнем Востоке.

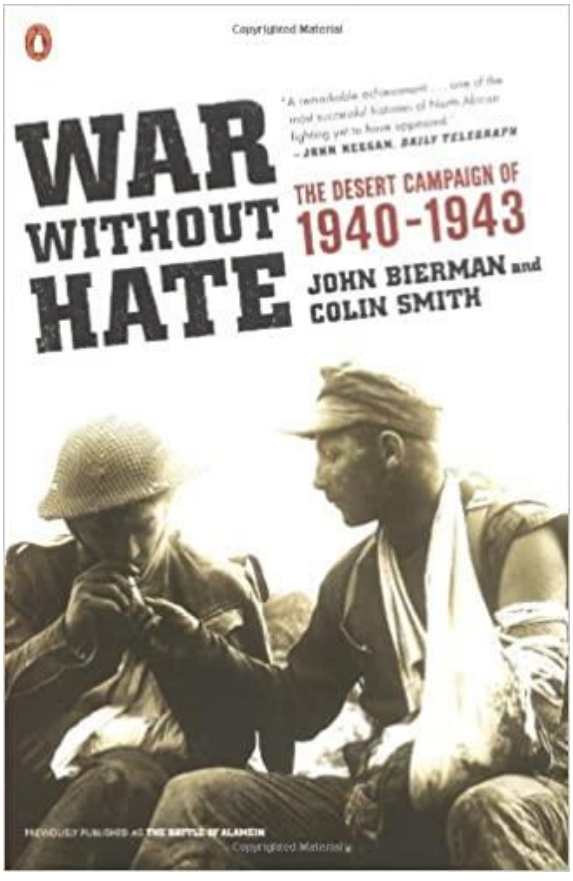
Когда, наконец, мы получили приказ двигаться на юг, чтобы встретить немцев, мы въехали на гряду и с уступа разглядели на нашем западном фланге большую массу вражеской техники. Мы повернули вправо, что встретить их лицом к лицу. Видя перед собой немецкие танки, транспортные средства и артиллерию, я не переставал удивляться тому, как это могло случиться: как полоса местности за *Линией Газала* за предшествующий день превратилась в коридор длиной 30 миль и шириной 10 миль, занятый немцами в течение нескольких часов? А тот факт, что этот коридор так и не был ликвидирован несмотря на плохо скоординированные контратаки британцев, сначала танковые, а позднее пехотные, поддержанные бронетехникой, означал, что решающая победа немцев стала неизбежной. Если бы сообщения экипажей бронемашин 12-го Уланского Полка (Lancers) и южноафриканцев не были проигнорированы, все могло пойти по-другому, потому что 7-я Танковая Дивизия на южном фланге нашей линии не была бы застигнута врасплох и смята…

После паузы, во время которой противник попал под огонь нашей артиллерии, вся бригада атаковала развернутым строем. Мы продвигались вперед преднамеренно медленно, плотной фалангой боевых машин, которые, должно быть, выглядели угрожающе для защищающей свои позиции вражеской пехоты, которая, тем не менее, вела беглый огонь из противотанковых пушек и пулеметов. Немногочисленные немецкие танки, приданные вражеской колонне, исчезли из поля зрения: очевидно, их командиры предпочли не вступать в конфронтацию с противником, столь существенно превосходившим их в численности. В основном, немецкие снаряды пролетали над нашими головами, в то время как мы поливали их из пулеметов. Вскоре мы уже были посреди их позиций, и немецкие солдаты повсеместно стали выскакивать из своих наскоро вырытых ячеек с поднятыми руками. Мы смяли батальон 110-го Полка Моторизованной Пехоты, взяв в плен более 250 человек. Это была единственная за всю войну возможность, представившаяся нашей бригаде для концентрированной атаки

подобного рода. Победа в первом боестолкновении сражения на *Линии Газала* не обошлась без потерь: в Эскадроне *A* танк Гордона Энтони (Gordon Anthony) на открытом правом фланге нашего строя был подбит, а Гордон тяжело ранен, выбыв из строя до конца войны. В той атаке я чувствовал себя застрахованным от опасности, … но вечером, думая о ранении, полученном Гордоном, я осознал, что столь же уязвим, как и все остальные.

На следующее утро, под первыми лучами солнца, мы увидели на невысокой гряде к западу от нас скопление вражеских машин, по-видимому, брошенных противником. Меня послали туда, чтобы прояснить ситуацию. Они и правда были брошены, но там оставался один человек, который оказался, [как позднее выяснилось], лейтенантом Гриммом (Grimm). Он стоял в кузове грузовика, разбираясь с бумагами, лежавшими в портфеле, и не уделил мне ни малейшего внимания. «Давай, иди сюда!» - крикнул я ему, угрожающе помахивая револьвером. Гримм подержал в руках еще какие-то бумаги, потом повернулся и с нахальным видом направился к моему танку. Это был крупный, хмурый малый ростом более 6 футов, по годам, вероятно, ближе к тридцати, - наиболее высокомерная разновидность нациста. Глядя на меня, он положил руку на бок моего танка и сказал агрессивным, гортанным голосом: «Вам не победить в этой войне.» Мгновение спустя на бронетранспортере подъехал лейтенант Сорболов (Sorbolov), из *белых* русских, служивший в Стрелковой Бригаде/Rifle Brigade, посадил Гримма в машину и увез в штаб бригады. Уже там, когда появился бригадир, стоя на подножке своей машины, Гримм, стоявший неподалеку, встал по стойке *смирно*, выбросил вперед руку в нацистском приветствии и прокричал *Heil Hitler!* Как только эти слова вылетели из его рта, Сорболов засветил ему кулаком в челюсть, после чего тот свалился как бревно. Так лейтенант Гримм стал военнопленным…

Я высоко оценил свою встречу с Гриммом. Хотя она продолжалась не более 10 минут, она подтвердила мое представление о немцах как о высокомерных нацистах, которых трудно описать словами. Был он исключением, каким-то монстром, не похожим на миллионы немцев, которые слепо и беззаветно пошли за Гитлером и Гиммлером по пути войны и геноцида? Правда заключалась, вероятно, в том, что Гримм был типичным, законченным нацистом.



Позднее, во время отступления к Аламейну в июне 1942 года, я на какое-то время оказался в компании молодого сержанта и горстки людей из полка Дерхемской Легкой Пехоты/Durham Light Infantry, которые побывали у немцев в плену, но сумели бежать. Для сержанта пребывание в плену было своего рода откровением. Немцы, как он объяснил, были, по существу, порядочными людьми. Они дали ему воды из собственных скудных запасов, и он дал понять, что в прошлом его заставили плохо думать о немцах, в то время как они были, на самом деле, такими же людьми, как и мы. Я почувствовал прилив гнева из-за такой

наивности, но придержал язык. Было бы глупо вступать в жесткий спор с подофицером из другого полка. Правдой было то, что немцы, в целом, хорошо вели себя в пустыне, там, где было очень мало евреев и русских комиссаров, присутствие которых подвигло бы их на бесчестные поступки. Джон Бирман (John Bierman) и Колин Смит (Colin Smith) не без основания назвали свою книгу о войне в пустыне *Война Без Ненависти/War Without Hatred*, воспользовавшись названием, которое дал Роммель своим мемуарам – *Krieg ohne Has.* Они поместили на обложку фотографию, на которой раненый немец дает прикурить раненому британцу. Их командующий, Эрвин Роммель, определенно был человеком с рыцарскими принципами, однако эти соображения не оправдывают преступления нацистского режима против человечества или порочность его философии. Сказав это, следует выразить восхищение боевыми качествами солдат *Африканского Корпуса*, превосходно оснащенных и имевших отличных командиров. Они были просто самыми лучшими…

Сражение продолжалось. В истории полка можно прочесть следующие строки о нашем участии в нем:

Сражение на Линии Газала, продолжавшееся с 27 мая по 14 июня, носило совершенно запутанный характер, в максимальной степени, для танковых полков. Гнедые постоянно находились в бою, не имея возможности отдохнуть, с первого дня до последнего. Сначала их бросали в одном направлении, потом в другом, они никогда толком на знали, что происходит, и не имели понятия о том, кто же выигрывает сражение, вплоть до финального дня.

Мои личные впечатления были, скорее, более определенными, потому что с первых дней боев я чувствовал, что мы проигрываем медленно, но верно. Падение Бир-Хакейма, бастиона на южном окончании линии, который храбро защищали *Свободные Французы*, и укрепленного периметра 150-й Бригады в главном секторе *Линии Газала*, который открывал немцам путь для переброски грузов и подкреплений их группировке, попавшей в так называемый *Котел/Cauldron,* сделали итоговую победу немцев неизбежной в условиях превосходства их бронетехники. Долго планировавшаяся, но постоянно откладывавшаяся контратака нашей пехоты, когда она, наконец, состоялась, стала катастрофическим провалом.

Командир полка Гнедых Том Дрэффен рядом с Черчиллем во время визита британского премьер-министра. 1941 года

Хотя *Гнедые* перемещались множество раз за девятнадцать дней боев, они, вероятно, потратили неделю на стояние напротив немцев на восточном фланге *Котла*. Это были спокойные дни, но в поздние послеполуденные часы начинались ожесточенные артобстрелы, которые называли *вечерами ненависти* и которые иногда сопровождались атаками немецких танков. Одним утром, по какой-то непостижимой причине, Джон Небуорт решил покататься на своем танке вперед-назад и влево-вправо, поднимая демаскирующие клубы пыли тогда, когда мы должны были скрывать от противника наши позиции. В конце концов наш командир Том Дрэффен (Tom Draffen) потерял терпение и сказал ему по радио: «Ради Бога, остановите его, не давайте ему мотаться туда-сюда, и пусть он повернется фронтом на запад.

На протяжении всего сражения Том Дрэффен и его адъютант Джон Тэйтэм-Уортер *(John Tatham Warter, на фото слева, он погибнет в Эль-Аламейнском сражении)*, забыв о пальбе и пролетающих рябом снарядах, сидели на складных матерчатых стульях, закрепленных в задней части их танка. Они были храбрыми парнями и были словно заговоренными, поскольку ни одного из них ни разу не зацепило во время сражения на *Линии Газала*. Джон был крепким парнем, то же можно сказать о его близких. Его младший брат, Дигби (Digby), был награжден *Крестом за Отличие в Службе/Distinguished Service Order* за исключительные хладнокровие и храбрость, проявленные под Арнемом. После войны он стал фермерствовать в Кении.

В ту неделю на процедуру оправки Джона Небуорта легли суровые ограничения. Обычно человек отстегивал лопату, прикрепленную ремнями к задней части танка, отходил на 50-100 ярдов, выкапывал ямку в песке, присаживался, оправлялся в нее, засыпал песком и возвращался назад. Однако Джону этого было недостаточно: он уходил и долго-долго шел, пока не превращался для наблюдающего за ним в крошечную фигурку, тем самым достигая желаемого уровня приватности. Он не мог делать это на краю котла: с одной стороны там были немцы, с трех других – наши части.

По сравнению с *вечерами ненависти* утренние часы были довольно спокойными. Одним утром мы увидели, как к нам со стороны *Котла* приближается открытый *Фольксваген*, в котором находилось двое человек. Очевидно, они заблудились и думали, что находятся на контролируемой немцами местности, и подъехали к нам ярдов на 200, после чего поняли, что ошиблись, развернулись и рванули куда подальше на полной скорости. Шестеро наших пулеметов открыли огонь: их пули поднимали фонтанчики пули рядом с несущейся машиной, которая делала зигзаги вправо-влево и не дала нашим толком прицелиться. Так она и исчезла из поля зрения.

Позднее, в ходе сражения, мы оказались на северном фланге *Котла*, занимая позицию на гряде, с которой просматривалось поле боя. Одним ясным утром в сражении наступило затишье, все выглядело тихо и мирно. Позади нашей позиции остановилась штабная машина, из которой вышел какой-то человек. Это был генерал-майор Херберт Ламсден (Herbert Lumsden), командир 1-й Танковой Дивизии. Худощавый, с аккуратными усиками, он носил аккуратную тропическую униформу с бросающимися в глаза генеральскими знаками различия и берет с красной полосой. Он прошелся мимо танков, потом прополз последние несколько ярдов, чтобы улучшить обзор из-за верхней бровки склона гряды, и минуту-две разглядывал поле боя через бинокль. Проходя мимо танков на обратном пути, он сказал: «Вы поставили нас в трудное положение этим утром.» На самом деле, мы в то утро не были в деле, но его жизнерадостная манера вести себя и излучаемая им уверенность прибавили нам настроения.

Позднее нам пришлось сделать крюк, чтобы выйти к южному флангу *Котла*. В один из вечеров поступило сообщение о приближающейся со стороны Бир-Хакейма колонне, и меня отправили туда, что разведать, что к чему. Солнце уже село, и быстро темнело. Примерно через милю я уже видел колонну машин, пересекающих пространство

напротив меня по диагонали справа налево. Я остановился, чтобы присмотреться и понять кто это, потому что немцы часто использовали трофейные грузовики, поэтому наличие британских машин не давало уверенности в том, что это свои. Наконец я увидел полугусеничную машину, в которой сидели люди с кепи *Африканского Корпуса* на головах, и я уже знал, что это та самая немецкая колонна, о которой поступило сообщение. «Переключись на передачу,» - сказал я Фостеру, намереваясь доложить об увиденном по радио. В этот самый момент немецкая болванка пробила дыру в передней части моей машины и прошла через тело Фостера, моментально убив его и разбив рацию. Это было абсолютно тихое убийство: ни один звук не вылетел из его рта, ни одного звука не издало его тело. Он просто бесшумно сложился вдвое, свалился на дно танка между рацией и затвором двухфунтовой пушки и превратился в неподвижную фигуру, практически невидимую в темноте. Трудно было представить, что жизнь могла покинуть человека более стремительно и ужасно, чем так, как это случилось. И, как и в случаях гибели других *Гнедых* в то время, крови не было. «Трогайся вперед, побыстрее,» - сказал я Неду Лорду, и когда танк пришел в движение, следующий выстрел вырвал кусок из ствола моей пушки. Тело Фостера, вероятно, спасло остальных членов экипажа, потому что благодаря ему танк не загорелся или болванка не стала рикошетить по всему внутреннему пространству машины, убивая нас. Танк продвигался вперед, и тут индийский солдат в голубом тюрбане с винтовкой в руках, выскочил из стрелковой ячейки почти из-под танка и исчез в темноте, - это стало ярким отражением того, в какой ужасной изоляции от товарищей может оказаться пехотинец-одиночка на поле боя… Мы набрали скорость, держа направление прямо на вражескую колонну, и тут я обнаружил, что танковое переговорное устройство вышло из строя и я больше не могу поддерживать связь с механиком-водителем. Столкновение было неизбежным, так как танк катился вперед вне моего контроля, прямо на немецкую полугусеничную машину, тащившую за собой противотанковую пушку. Мы врезались в нее, нас встряхнуло, борт транспортера вогнуло вовнутрь, и танк начал вползать на эту груду железа. Потом он замер, его вышедшая из строя пушка уперлась в небо, и машина зависла на несколько секунд. Я посмотрел вниз на сцену, которая напоминала картину Брейгеля, в которой человеческие фигуры молча застыли, ожидая, что что-то вот-вот произойдет: один человек свернулся в клубок в углу кузова транспортера, тогда как другой, оказавшийся прямо подо мной, одной рукой схватился за борт своей машины, а другую поднял, словно стараясь защититься от удара. Тут передок танка свалился вниз, подминая под себя все из металла и человеческой плоти, что оказалось под ним, прежде чем со скрежетом двинуться вперед, преодолев это препятствие. Вражеского огня не было: должно быть, от пушки, которая убила Фостера, нас заслонили другие машины немецкой колонны. Я выбрался из башни на передок танка и начал колотить по люку механика-водителя. Нед Лорд открыл его, и у меня появилась возможность указывать ему направление движением рук. Мы описали, с разворотом влево, дугу вокруг передней части остановившейся колонны и укатили в направлении позиций своего полка. Я собирался доложить то, что собирался передать по радио, но все это уже было никому не нужным, потому что полк получил приказ двигаться. Времени на то, чтобы похоронить Фостера, у нас не было. Наступила ночь, но над нами повисла полная луна, излучающая достаточно света, чтобы танки в колонне могли поддерживать контакт друг с другом. Через короткий промежуток времени полк остановился. С большим трудом мы извлекли тело Фостера из танка и положили его на землю. Нед вырыл неглубокую могилу, и Джон Небуорт уже начал читать полагающуюся по случаю погребальную молитву, когда донесся крик: «Вперед, едем дальше!» Нам пришлось оставить труп Фостера на корпусе в задней части танка, но тут одна его нога соскользнула через край его кормы и стала как-то дико болтаться, пока кто-то не закинул ее обратно. Нам пришлось проделать эту мрачную процедуру дважды, пока мы, наконец, не сумели

похоронить его. Он был прекрасным парнем и хорошим солдатом, обладающим всеми качествами, характерными для кадрового бойца.

Утром 12 июня, на семнадцатый день сражения, полк занимал позиции над бровкой склона вдоль обращенной на юг линии, в нескольких милях к востоку от узла обороны *Knightsbridge*. Напротив нас находилась сильная бронетанковая группа немцев, упорно пробивающаяся в направлении Тобрука, в то время как слева от нас наступали вражеские части, стремившиеся окружить нас. Я получил другой танк, в моем экипаже по-прежнему были Нед Лорд и Эдди Пэриш, а танкист Мэйдмент (Maidment) занял место погибшего Фостера. Он был хорошо образованным человеком и имел высокий уровень квалификации в делах, связанных с работой радиста. В боях под Мсусом он был в экипаже Элекса Баркли (Alex Barclay) и, будучи не самым атлетичным парнем, проявил во время пешего перехода решимость прошагать много миль, чтобы не попасть в плен.

Эскадрон *C*, находившийся в центре, принял на себя главный удар атакующих *панцеров*.

Он был оснащен танками *Грант*, которые были гораздо мощнее *Стюартов К)*, которые они заменили незадолго до боев. Они были также надежны в техническом плане, имели более толстую броню и мощную 75-мм пушку, которая могла соперничать с пушками *панцеров* на равных, хотя ее размещение не в башне, а в спонсоне корпуса, имело свои лимитации. 12 июня, тем не менее, они оказались в численном меньшинстве, и британские танковые части полагались на ненадежные *Крусейдеры*. С моей позиции на левом фланге я мог наблюдать за тем, как развиваются события. *Панцеры*, которые выглядели словно маленькие черные жучки на фоне тусклых красок пустыни, подползали все ближе, покрывая одну сотню ярдов за другой. Их пушки выплевывали пламя и вели огонь по *Грантам* Эскадрона *C*. Эскадрон был вынужден понемногу отступать, в то время как мы, на своем левом фланге, также были вынуждены откатываться назад, создавая изгиб в общей линии, чтобы противостоять угрозе окружения. К поздним послеполуденным часам мы все были уже оттеснены к северу склона, сжавшись в жалкую горстку машин – оставалось шесть *Грантов* и пять *Крусейдеров*. *Гранты* понесли тяжелейшие потери, при этом на машине Роберта Кросби-Досона (Robert Crosbie-Dawson, на фото слева, награжден *Военным Крестом* за этот бой) насчитали 19 отметок от прямых попаданий [вражеских снарядов], но ни один из них не пробил броню.

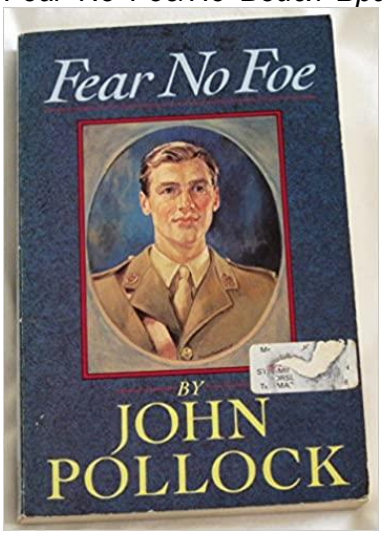
В официальном отчете день 12 июня был отмечен как день, в который решилась судьба сражения: тяжелейшие потери британцев в танках оставили 8-ю Армию в безнадежном положении. Это суждение уводит в сторону от истины. С точки зрения соотношения потерь в танках оно, может быть, и было точным, но победа армий *Оси* – немецкой и итальянской, на самом деле, была предопределена с падением Бир-Хакейма несколькими днями ранее.

Вечером этого дня наступил конец моему участию в сражении на *Линии Газала*, тогда как остатки полка дрались еще два дня до самого конца. Я был отправлен в Эшелон *B*, вглубь Тобрукского периметра, туда, где 9-я Австралийская Дивизия и, позднее, 70-я Британская Дивизия продержались в осаде семь месяцев в 1941 году. Забитый отступающими войсками и транспортом в конце сражения периметр превратился в легкую цель для немецких пикирующих бомбардировщиков – *Штук (Ju-87).* На второй вечер моего пребывания там мы ели с раскладного стола, установленного рядом с

кухонным грузовиком, когда до нас донесся вой *Штуки* где-то над головой. Когда *Штука* устремилась в пике со стороны солнца, мы – где-то с полдюжины парней – тоже нырнули в соседний окопчик. Нарастающий вой *Штуки*, от которого кровь стыла в жилах, достиг крещендо и превратился в визг, когда самолет вышел в горизонтальный полет и сбросил свою бомбу, которая упал на безопасном расстоянии в 50 ярдах от нас, окутав нас черным дымом и осыпав комьями земли. Никто не пострадал, кроме одного человека – Майкла Поллока (Michael Pollock), который был глуховат и не расслышал начала пикирования *Штуки*. Он на мгновение опоздал с тем, чтобы вовремя нырнуть в окопчик… Крошечный осколок бомбы попал ему в левый висок, и он потерял сознание. Было очень мало крови, и рана не выглядела слишком опасной, но он умер в госпитале, в Каире, через шесть недель, во время операции по удалению осколка, проникшего в мозг. Слух Майкла постоянно ухудшался со времени боев под Мсусом. В апреле полковник Дрэффен снял его с должности командира взвода в Эскадроне *A*, назначив помощником адъютанта по техническим вопросам. Это назначение было серьезной ошибкой, так как его нужно было отправить из пустыни на базу, но, понятное дело, он стал бы этому сопротивляться изо всех сил. Этот светловолосый парень был спокойным, добродушным, сознательным человеком, с сильным религиозным стержнем…

Еще одним глубоко религиозным человеком в полку был Майкл Халстед (Michael Halstead), который тоже пострадал в сражения на *Линии Газала*. Он потерял один глаз, и его нога была сильно покалечена в ходе атаки на 110-й Полк Моторизованной Пехоты противника в первый вечер сражения. Он выжил и потом более тридцати лет прослужил в британских консульствах в разных странах мира. Поллок, Гордон Энтони и Даглас Маккэллэн (Douglas Maccallan) учились в одно время в [школе-интернате] *Charterhouse* (Годалминг, графство Суррей), и Даглас стал единственным из футболистов клуба *Old Carthusians*, не пострадавшим в этом сражении…

Я принял у Майкла Поллока командование взводом Эскадрона *A*, когда его перевели на техническую должность. Он был близким другом капрала Фостера, который погиб за несколько дней до того, как Майкл был смертельно ранен. Майкл говорил об этой дружбе в письме своему брату Джону, который написал о нем биографическую книгу *Fear No Foe/Не Бойся Врага (на фото слева – обложка этой книги с портретом Майкла Поллока)*. В другом письме брату он писал: «Когда ты находишься в пустыне, и рядом с тобой только пыль, ветер и горячее солнце, внутреннее понимание того, что о тебе заботится каждую минуту дня и ночи сам Благословенный Господь, делает жизнь и вправду стоящей того, чтобы жить.» Его, по существу, простая и прямая вера отделяла его от тех офицеров, кто был скептически настроен [в этом плане]. Большинство из них были не просто скептиками – они были совершенно нерелигиозными и рассматривали веру как аспект классовой принадлежности, как что-то, характерное для барчуков. Однако люди принимали за своего и уважали любого офицера, который не надувал щеки, который интересовался тем, как идут дела у его солдат. В полевых условиях офицер танкового полка пил со своими людьми чай, вскипяченный на бензиновой горелке, умывался и брился, используя то же мизерное количество воды, залитое в брезентовое ведро, подвешенное на затвор танковой пушки, которое полагалось каждому из членов экипажа. Что касается Майкла, то его искренность и добрая воля навсегда завоевали теплые чувства у его людей…



В течение нескольких следующих дней мы ехали по *Приморскому Шоссе/Via Balba* – прибрежной дороге, построенной итальянцами и ведущей через границу в Египет. Где-то там нам зачитали приказ командующего 8-й Армией, в котором говорилось о том, что хоть мы и потерпели поражение на *Линии Газала*, не все было потеряно. Границу защищала более сильная группировка, чем когда-либо ранее, а Тобрук обороняло больше войск, артиллерии и танков, чем когда-либо в период недавней осады. Поглядывая по сторонам из грузовика, в котором я ехал, я видел солдат 1-й Южноафриканской Дивизии, сидевших за выложенными из камней укрытиями. Скалистый грунт здесь был слишком твердым для того, чтобы рыть в нем траншеи. Эти укрытия выглядели, как что-то временное. Идея была таковой, что нет смысла снова вкладывать усилия в оборону Тобрука, так как его снабжение в период осады было слишком большим бременем. Но эта крепость стала таким важным элементом британского престижа, что против его оставления в последний момент выступил сам Черчилль, и были осуществлены поспешные приготовления к его удержанию. В период осады Роммель сконцентрировал свои атаки на юго-западном углу периметра, где оборонительные позиции были наиболее сильными. В июне 1942 года он атаковал юго-восточный угол, где оборона была послабее и простреливалась с высот Эль Дуда/El Duda. Он намеревался атаковать там в ноябре 1941-го, но его опередили наступление в рамках операции *Crusader* и прорыв гарнизона из Тобрукского периметра.

На этот раз под атаками пикирующих бомбардировщиков, под артобстрелами и под ударами *панцеров* оборона периметра рухнула, практически, безо всякой борьбы, и немецкие танки прорвались к гавани. Все было кончено через несколько часов. Оборону держали, в основном, небстрелянные части 2-й Южноафриканской Дивизии, которой командовал малоопытный генерал Клоппер (Klopper). 33 000 пленных, большое количество различных припасов и горючего попали в руки немцев. Это был сокрушительный удар по делу союзников.

После того, как пал Тобрук, больше не было возможности удерживать неустойчивую линию обороны на границе или еще где-то посреди полосы плоской пустынной местности шириной 150 миль, протягивающейся от границы до крохотного порта Мерса Матрух. Не было шансов и на то, чтобы удержать сам Матрух, хотя он был расположен на высотах и защищен обширными минными полями. Был один просвет в вытянутом с севера на юг минном поле, через который проходило приморское шоссе, и там сформировалась большая транспортная пробка из тысяч бегущих на восток от наступающих *панцеров* машин. Каждый терпеливо ждал своей очереди, чтобы проехать дальше, за исключением одного человека – какого-то майора из Стрелковой Бригады, сидевшего в джипе и все время пытавшегося прорваться через очередь. «Я должен присоединиться к группе управления на дальнем конце минного поля в 3 часа после полудня. Бригадир будет очень зол на меня, если я опоздаю,» - говорил он, объясняя свое нетерпение. «Хватит шуметь. Мы все в одной лодке,» - говорили ему. Это был Вик Тёрнер (Victor Turner, 1900-1972), который получит *Крест Виктории/Victoria Cross* за Эль-Аламейн, где он будет командовать 2-й Стрелковой Бригадой и руководить отражением танковой атаки противника на позиции *Snipe*.

Немцы без проблем прошли мимо Мерса Матруха и, казалось, с какой-то неотвратимостью, рассеивали и обходили одну за другой части [союзников], стоявшие у них на пути на протяжении всех 120 миль от Матруха до *Аламейнской Линии*. Не имея танка, я снова оказался в Эшелоне *B*. Потом меня вызвали к командиру эшелона *Фрути* Годболду, от которого я получил приказ возглавить конвой из шести цистерн для перевозки горючего и довезти его до расположения полка, машины которого остались почти с пустыми баками в 30 милях к западу. Я проложил маршрут по карте и тронулся

в путь в голове конвоя, растянутого в цепочку. Проехав 10 миль, я разглядел какой-то ствол и человеческую голову над поросшем травой холмике прямо по курсу. Друг или враг? Я остановил конвой и тронулся вперед на своем грузовике, чтобы разобраться, что к чему. Когда я подъехал к этому бугру ярдов на 500, над головой у меня просвистела пуля. Вот и ответ, и я быстро развернулся и поехал обратно к своей колонне. Очевидно, передо мной стояла невыполнимая задача, и я потратил полчаса на то, чтобы связаться со штабом по рации. Наконец капитан Артур Ролэнд (Arthur Rowland) из полкового штаба вышел на связь и сообщил мне, к моему изумлению, что их позиции находятся не к западу, а к востоку от меня. Случилось вот что: Том Дрэффен, застрявший с полком далеко за передовой линией немцев, ночью решил проскочить через полосу фронта, рассчитав, что у него должно хватить горючего на 40 миль. Они проехали мимо несколько лагерей противника и прямо через них, вплотную объезжая спавших на земле солдат, и каким-то чудом выбрались на контролируемую британцами территорию… Добравшись до расположения полка со своим конвоем, я пошел доложить о своем прибытии старшему офицеру, остановив свой грузовик и решив пройти оставшиеся 200 ярдов пешком. На мне были новые пустынные башмаки, которыми я сильно растер свои пятки, и подошел к полковнику, терпя боль и медленно ступая по мягкому песку, утопая в нем по щиколотку. «Что случилось с твоими колесами *(sproggs или sprockets – шипованные колеса, в данном случае, видимо, шутливое обозначение для башмаков – ВК)?»* - спросил Том Дрэффен, и с этого момента до конца войны *Sproggs* стало моей кличкой…

Весь июль прошел в не приносившем результата противостоянии на *Эль-Аламейнской Линии*, хотя *1-е Сражение под Эль-Аламейном* справедливо рассматривается как успех британцев, так как бесшабашное немецкое наступление со стороны Газалы было остановлено самым решительным образом. *Аламейнская Линия* в западной части Египта была наилучшим образом подготовлена к обороне: она протягивалась на 40 миль, упираясь у моря в Аламейнский оборонительный периметр и на юге в Катарскую впадину, покрытую зыбучими песками, непроходимыми для машин. Немецкий агрессивный запал к тому моменту, когда они вышли к Эль-Аламейну, угас. У них осталась лишь горстка боеготовых танков, а их пехота, пытавшаяся пробиться к Аламейнскому периметру, оказалась прижатой к земле концентрированным огнем артиллерии. Генерал Окинлек, командующий 8-й Армией и всеми силами союзников на Ближнем Востоке, продолжал выпускать приказы, суть которых заключалась в следующем: «Молодцы, 8-я Армия. Противник истощен. Вам нужно только держаться, и он будет побежден.»

В то время меня интересовало, откуда он получает столь точную информацию о состоянии дел у противника. Само собой, он пользовался разведанными, которые получал из *Блетчли-парка*, но, конечно же, мы узнали об этом источнике только десятилетия спустя. Наступательный порыв немцев иссяк еще не полностью. Как-то утром мы находились на оборонительных позициях и увидели медленно бредущую мимо нас по вязкому песку колонну индийских солдат – это были те, кто уцелел после успешной атаки немцев на [расположенный в центре *Эль-Аламейнской Линии*] оборонительный периметр *Деир эль Шейн/Deir el Shein (деир – плоская депрессия, представляющая собой котловину выдувания - ВК)*. После этого обстрелянная 9-я Австралийская Дивизия была брошена в бой и приступила к атакам на севере линии, в то время как на южном ее окончании атака итальянских дивизий *Littorio* и *Ariete* была остановлена 2-й Новозеландской Дивизией *(речь идет о 1-м сражении под Эль-Аламейном – ВК)*.

Постепенно инициатива перешла от Роммеля к британцам. Окинлек предпринял серию атак, пытаясь добиться прорыва линии фронта. Некоторого прогресса он добился, но наступательный порыв войск иссяк, и занятые участки приходилось оставлять под напором контратакующего противника. *Материалов* для поддержания наступления просто не хватало. В ходе 1-го сражения под Эль-Аламейном *Гнедые* ни разу не участвовали в бою как самостоятельная часть. Иногда мы собирали эскадрон, которые присоединялся к эскадронам двух других полков бригады, которые сливались во временный полк. Приходившие на замену из мастерских вышедшим из строя машинам танки прибывали постоянно, но они были отремонтированы на скорую руку и часто снова ломались еще до того, как доходили до передовой. Джон Небуорт был убит на гряде Митейрия/Miteiriya, командуя эскадроном, состоявшим из танков *Гнедых* и 4-го Гусарского Полка, сразу к югу от Аламейнского периметра. Он только-только принял капитуляцию у большой группы немецких пехотинцев, когда его танк вспыхнул после попадания в него снаряда, а сам он был застрелен, когда пытался уйти в безопасное место на своих двоих. За этим происшествием последовал рапорт о том, что Джон был убит солдатами противника, которые сложили оружие и, по сути. являлись военнопленными. Это рапорт проигнорировал тот факт, что его машина была подбита из противотанковой пушки, расчета которой не было среди капитулировавших, и никто не знал, откуда прилетела убившая его пуля. При всех своих недостатках Джон был храбрым и сознательным офицером…

Одним из самых серьезных провалов у британцев было отсутствие связи между танками и пехотой. Значимый пример того, как дорого это может стоить, приводится в рассказе новозеландского бригадира Ховарда Киппенбергера (Howard Kippenberger, 1897-1957), который позднее командовал 2-й Новозеландской Дивизией в Италии, а после войны был главным редактором книги *Official History of New Zealand in the Second World War*. Его бригада осуществила ночную атаку на гряду Рувейсат/Ruweisat – заметный скалистый элемент рельефа, вытянутый на несколько миль сразу к востоку от *Эль-Аламейнской Линии*. Атаку была успешной, они пробились к западному окончанию гряды, но были отрезаны на рассвете в ходе немецкой контратаки и понесли тяжелые потери. Киппенбергер наблюдал за последними эпизодами сражения со своего командирского танка, когда Ламсден, командир 1-й Танковой Дивизии, подъехал на своей штабной машине и спросил о том, какие новости приходят с поля боя. Киппенбергер взорвался. Он сказал, что ему обещали, что танки присоединятся к его пехоте до того, как наступит рассвет, чтобы помочь отбить контратаку, но их там и в помине не было – это было возмутительно. Ламсден спрыгнул с танка и пошел к своей штабной машине: как полагал Киппенбергер, для того, чтобы отдать приказ о немедленном вступлении в бой танков. Вместо этого Ламсден снял лопату, закрепленную в задней части машины, приподнял ее и с силой обрушил на скорпиона, ползущего по песку. Потом он вернул лопату на место и укатил…

Случилось, на самом деле, вот что: полк не был предупрежден об атаке новозеландцев и не получил приказа о том, что должен ее поддержать. Позднее, в тот же день, Джекки Хармэн *(Jack Harman, 1920-2009, в 1978-1981 годах – заместитель командующего Союзными Силами в Европе - ВК*), на тот момент командир Эскадрона *А*, посетил штаб полка и, вернувшись, сказал мне: «Новозеландцы атаковали прошлой ночью, но ушли слишком далеко и были отрезаны.»

26 июля *Гнедые*, на тот момент представленные Эскадроном *А,* и эскадроном 9-го Уланского Полка, приняли участие в операции *Manhood*, также известной как последний бой Окинлека. План Окинлека включал в себя атаку австралийцев, южноафриканцев и британской 69-й Бригады, которая должна была пробить брешь в обороне войск *Оси*.

Через нее должны были пройти танки, чтобы развить успех на открытой местности дальше к западу. План провалился: ресурсов для такой амбициозной операции не было. Даже если бы пехота пробилась через минные поля, чего она на сделала, для развития успеха имелось лишь небольшое число изношенных танков, которого было явно недостаточно. С точки зрения танкистов все было организовано на уровне хаоса. Освещенные полосы местности должны были привести танки к просвету в минном поле, но осветительные приборы часто отсутствовали или просто не работали, так что обнаружение дороги было делом очень медленным. Когда рассвело, мы все еще были в начале пути через минное поле, а после этого большую часть утра оставались на месте в ожидании приказов. С нашей точки зрения, *последний бой Окинлека* был обречен на неудачу. Действия танкистов вызвали много критических комментариев. Эта критика была связана с непониманием того, в каком дрянном техническом состоянии находились машины, того, что танковые части, большей частью, представляли собой наспех сколоченные эскадроны или полки, а в действиях армии в целом отсутствовала слаженность.

Этот последний бой ознаменовал окончание 1-го сражения под Эль-Аламейном, когда атаки и контратаки сменяли друг друга на протяжении почти всего июля. Фронт стабилизировался, и основные события переместились в Каир, где произошла реорганизация верхнего эшелона командования. Окинлек был снят с должности. Он всегда выглядел, как профессиональный офицер, от него исходил командный дух, он был решительным, прагматичным и имевшим ясный ум человеком. Его главной проблемой было неумение подбирать себе подчиненных. Назначение Нила Ритчи (Neil Ritchie), который никогда ранее не руководил войсками в боевых условиях, на пост командующего 8-й Армией в критический момент операции *Crusader* в ноябре 1941 года, было ошибкой. Это назначение было, скорее, преждевременным, чем фундаментально неверным. Позднее он вернул себе доброе имя, командуя корпусом в ходе боевых действий в северной Европе…

Я провел весь август с Эскадроном *A*, охраняя минные поля на южном окончании *Аламейнской Линии*. Слева от нас возвышалась лысая и белая гора Карет эль Химеймат/Qaret El Himeimat с ее крутыми склонами, на запад от нее протягивалось

такое же голое плато. Были сообщения о том, что итальянская часть *(40-я Пехотная Дивизия – ВК)* с романтическим названием *Африканские Охотники/Cacciatori d'Africa* проявляет активность на этом плато, но мы ни разу не видели признаков ее присутствия. Местность на нашей стороне от минного поля была сильно расчлененной, со множеством мелких *вади/wadi (сухих русел – ВК)*, бугров и песчаных дюн. Нам было трудно скрыть свое присутствие от противника. Эскадрон расположился лагерем в понижении в рельефе в полумиле от минного поля, и командирам приходилось ползать к небольшому окопчику, расположенному на невысокой гряде, с которой просматривалось минное поле. Там офицер должен был оставаться целый день, держа под наблюдением плоскую равнину, протягивающуюся перед его взором до горизонта. Тени там не было, и солнечные лучи середины лета выжигали все. Когда пришла моя очередь вести наблюдение, кожа с моего носа стала облезать слой за слоем, и, когда пришло время возвращаться в эскадрон, я сильно обгорел. Ричард Димблби (Richard Dimbleby, 1913-1965, на фото слева), корреспондент *BBC*, ведя свои передачи из Каира, сказал, что танки так нагреваются [под солнцем], что на крышке башенного люка можно жарить яичницу. Поскольку я в пустыне ни разу не держал в руках яйца, я не мог заверить эту теорию на практике.

На ранней стадии боев большое количество итальянских танков было подбито, и они остались на ничьей земле с разлагающимися трупами членов экипажей. Эту местность прозвали *Долиной Смерти/Death Valley*. Из-за гниющих трупов здесь развелись миллионы мух, которые уделяли внимание всем живым существам на мили вокруг. Если тебе давали кружку чая, тот немедленно покрывался мухами, и, если ты убирал их ложкой, они налетали снова еще до того, как ты успевал поднести кружку ко рту. Как-то в полдень меня скрутили сильная боль в животе и приступы тошноты, которые закончились тем, что из меня стала выходить зеленая желчь. Я решил, что на следующее утро доложу о том, что заболел, но, когда я проснулся, обнаружилось, что каким-то чудом я выздоровел. Мух привлекали не только чай и пища, но и мерзкие язвы на коже, которые появлялись все время и вызывали сильно раздражение. Из-за отсутствия перевязочных материалов мы пытались прикрыть язвы носовыми платками, которые вдали от мест, где можно было что-то постирать, редко бывали чистыми.

Как-то раз меня послали в мастерские, чтобы я забрал оттуда два танка, которые были в ремонте. На пути назад я приблизился к котловине выдувания и, глядя на ее плоское дно, разглядел пересекающую ее штабную машину. Над ее радиатором развевался флаг командующего армии, и на ее заднем сидении была видна небольшая фигурка с четкой прямой осанкой и беретом *Королевского Танкового Полка* на голове. Это был *Монти* [Бернард Монтгомери (Bernard Montgomery)]. Странным образом, у меня неожиданно поднялось настроение, и вот я уже был преисполнен оптимизма. На меня произвела глубокое впечатление мощная, почти мессианская харизма Монти…

Из младших офицеров за последнее время в Эскадроне *A* появился Дерек Коттиер (Derek Cottier). У нас был приказ передвигаться как можно меньше и как можно медленнее, чтобы не выдать противнику свое местоположение. Как-то утром Дерек въехал на своем танке в лагерь, делая зигзаги и поднимая клубы пыли. Джекки Хармэн, замкомандира эскадрона, ясно показал ему рукой, что нужно сбавить скорость, однако Дерек интерпретировал этот сигнал как приветствие. «Доброе утро, Джекки,» - прокричал он. Худощавый Дерек с его тонкими чертами лица располагал привлекательной внешностью, но вместе с тем был крайне тупым малым…

С приближением последних дней августа стало ясно, что затишье подходит к концу. Джимми Дэнс (Jimmy Dance), командир Эскадрона *A*, был вызван в полковой штаб и по возвращении сказал собравшимся командирам, что, как ожидается, Роммель пойдет в атаку в ближайшие дни. Мы все застонали. В прошлом атаки Роммеля влекли за собой поражения и унижения для британцев, а мы-то думали, что вынудили его сидеть тихо в июле. «Нет-нет, - Джимми быстро переубедил нас. – На этот раз мы готовы встретить его и задать ему трепку.» Через день Джимми заболел, и его сменил Джон Тэйтэм-Уортер.

Атака немцев началась в ночь с 31 август на 1 сентября. Взвод Питера Джилла (Peter Gill) был на передовой линии, когда итальянские саперы появились в поле зрения и начали убирать мины. Питер занимал превосходную позицию для эффективной стрельбы, но, когда он сообщил по рации о том, что увидел, ему приказали не вступать в перестрелку, а отойти в спокойное место туда, где находятся остальные машины эскадрона. Роль сводного полка, частью которого был эскадрон, заключалась не в том, чтобы противостоять атаке противника, а в том, чтобы наблюдать за ним, сообщать о его передвижениях и выманивать его к основной оборонительной позиции на гряде Алам Халфа/Alam Halfa, расположенной севернее. Однако отвод танка Питера был точно преждевременным, так как он мог существенно задержать расчистку противником

пути через минное поле, по которому собирались пройти две итальянские танковые дивизии – *Ariete* и *Littorio*.

Гряда Алам Халфа простиралась под прямым углом к вытянутой с севера на юг *Аламейнской Линии*. Она уже долгое время считалась ключевым элементом рельефа для удержания всей линии, но за короткий срок после прибытия Монтгомери позиции на ней были еще в большей степени усилены: там были размещены две дивизии недавно прибывшей на фронт 44-й Дивизии и машины 10-й Танковой Дивизии. Остановленные у этой гряды *панцеры* оказались под сильным огнем британской артиллерии и под бомбежками с воздуха, и через три дня Роммель признал поражение, начав отвод своих войск. Отход сводного полка привел нас на запасную позицию к северу от гряды. Когда сражение закончилось, мы оставили наши танки в заранее условленном месте, чтобы места в них заняли другие люди. Сами мы отправились на грузовиках в Хататбу/Khatatba, расположенную недалеко от дороги между Александрией и Каиром, чтобы начать подготовку к решающему сражению *Войны в Пустыне*…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОЕ СРАЖЕНИЕ (ОСЕНЬ 1942 ГОДА) И БОИ В ТУНИСЕ (ВЕСНА 1943 ГОДА)

Начальная фаза Эль-Аламейнского сражения состояла из атаки четырех пехотных дивизий (9-й австралийской, 51-й Горцев, 2-й Новозеландской и 1-й Южноафриканской) на хорошо укрепленные позиции в северном секторе оборонительной линии противника. План заключался в том, что вслед за прорвавшейся в открытую местность пехотой пойдут танки. *Гнедые*, входившие в 1-ю танковую Дивизию, были неотъемлемой частью танкового клина. Дела пошли не так, как планировалось, поскольку полоса обороны, в особенности, минные поля, оказалась намного глубже, чем рассчитывали планировщики. В результате только после двенадцати дней непрерывных атак *Panzerarmee* была побеждена и оставила свои позиции.

Мои воспоминания о сражении фрагментарны и будут дополняться детальными описаниями начальной стадии боев, составленными Майком Томкиным (Mike Tomkin), в то время командиром взвода в Эскадроне *B*, сразу после битвы. Майк был очень эффективным командиром с хорошим чувством юмора, который после этих боев стал адъютантом полка и пережил войну. Вот что он писал:

Сражение началось в ночь 23 октября. 19-го мы были все далеко – лишь на краю Дельты [Нила]. В ту ночь мы выдвинулись к пункту, находившемуся на полпути к линии фронта, и оставались там до ночи 21-го. После полудня того же дня полковник рассказал нам в деталях о том, что должно было произойти, в том числе, изложил план генерала Монтгомери, - это означало, что каждый солдат 8-й Армии узнал о том, что нас ждет. Было ясно сказано, что это сражение имеет важнейшее значение для исхода войны в целом и увязано с другими операциями. Это раскрылось нам позднее, когда произошло англо-американское вторжение в Северную Африку.

Вечером 21-го мы переместились на место сбора, находившееся примерно в 10 милях от края минных полей и близ моря. Мы прибыли туда в 01.00 22 октября и весь остаток дня спали, купались и занимались последними приготовлениями. Фредди Барнадо (Freddie Barnado) организовал получение всех необходимых карт, которых, казалось, было очень много и которые мы сумели затолкать в свои планшеты.

На следующий день, 23-го утром, к нам обратился наш бригадир, который сказал всея. Что от него ожидали. Он прочитал приказ генерала Монтгомери, в котором тот выразил уверенность в том, что, если каждый офицер и рядовой пойдет в бой, полный решимости драться и убивать, мы выкинем противника из Северной Африки.

Был получен оперативный приказ, после чего мы должны были нанести все, связанное с ним, на карты. Больше ничего не оставалось делать, как ждать вечера. У нас был хороший ужин, который включал в себя определенное количество ирландского виски. Все были в отличном расположении духа и в хорошей форме. В Эскадрон В входили его командир Хамфри Велд (Humphrey Weld), кроме него, Джордж Рич (George Rich), Даглас Маккэллэн (Douglas MacCallan), Фредди Барнадо, Дэвид Гэй (David Gay), Билл Уэйтс (Bill Waits) и я. Мы тронулись в путь вскоре после 7 часов вечера и далее продвигались довольно медленно. Мы были передовым эскадроном с несколькими бронемашинами впереди нас. В 21.40 началась артподготовка, и, хотя мы были все еще довольно далеко [от передовой], это было фантастическое по своей мощи зрелище. Все небо озарили вспышки пушечных выстрелов. Мы остановились: поступил приказ дозаправиться. На часах было около 23.00. Впереди нас в атаку шла пехота, и наше дальнейшее продвижение зависело от того, сумеют ли они выйти к намеченным рубежам. Я вытащил свой складной стул и уселся поудобнее. До нас дошла неясная информация – австралийцы, которые были прямо напротив нас, атаковали вполне успешно и к тому моменту вышли ко всем намеченным целям. Ровно в 2 часа ночи мы снова тронулись с места – на этот раз нам предстояло пройти весь положенный путь через минные поля.

До них оставалось еще определенное расстояние, и вскоре мы вышли на одну линию с артиллеристами, откуда могли наблюдать за артобстрелом с близкой дистанции. Я видел, как возвращались одна или две санитарные машины. Над нашим минным полем висел плотный слой пыли, что несколько ухудшало видимость. Мы продвигались вперед относительно спокойно, пока шли через британские минные поля, но потом ненадолго остановились, потому что произошла какая-то задержка в расчистке проходов через минные поля немцев. Длинная колонна Шерманов производила грандиозное впечатление, и позднее я слышал, что пехотинцы сильно взбадривал вид такого большого числа танков. Я сказал механику-водителю и стрелку-радисту закрыть свои смотровые щели, потому неподалеку рвались немецкие снаряды. Я командовал последним взводом в эскадронной колонне. Фредди шел впереди, за ним был Дэвид, потом Хамфри, за ним – штабной взвод, Билл и я. За нами шел Эскадрон С.

Приказ ПО МАШИНАМ! Британские танкисты забираются в свои Шерманы…

Теперь впереди нас все пришло в порядок, и мы продвигались вперед между фонарями (?-ВК), которыми был размечен проход в первом минном поле немцев. Я ожидал увидеть большое число убитых, раскиданных повсюду, но не увидел ни одного. Вот еще одна остановка перед выездом на второе минное поле. Уже был виден неясный свет на востоке, и я уже начал задумываться о том, сумеем ли мы пройти через минные поля до рассвета. Радио заработало, предположительно, имел место первый контакт с противником. Я с облегчением услышал голос командира и другие знакомые голоса в эфире. До меня донесся голос Фредди, подтвердивший, что можно продолжить движение. Вокруг стало рваться больше снарядов. Я тронулся в путь, и дальше случилось вот что - танк Дагласа Маккэллэна налетел на мину. Кроме того, что взрыв сорвал гусеницу, других повреждений не было. Мы объехали его танк, после чего два или три танка Эскадрона С подорвались на минах, так что мне повезло, что я проскочил. Снова задержка впереди, потому что там оказалось еще одно небольшое минное поле, а тем временем приближался рассвет. Командир (Элекс Баркли), судя по его голосу в эфире, казалось, немного побаивался того, что мы не пройдем [через минные поля] до рассвета. Однако Фредди, проявив немалую инициативу, продолжил движение и обнаружил, что через последнее минное поле уже есть проход. Наш эскадрон прошел по нему и развернулся насколько можно дальше, шедший за нами Эскадрон С тоже сумел выбраться. Становилось довольно светло. Первым делом мы увидели множество (пехотных) танков Валентайн/Valentine, поддерживавших австралийцев. Царила неразбериха. Никто из нас не понимал полностью, где находились австралийцы по отношению к нашему сектору фронта или то, во что ввязались Валентайны. Мы сами были очень далеко от рубежа, к которому должны были выйти к рассвету, главным образом, потому, что пехота не достигла всех поставленных перед ней целей.

Танкисты Эскадрона С в Ливии

Наконец Хамфри провел эскадрон через последнее минное поле, и он стал более или менее единым целым. Положение прояснилось. Часть высот в миле слева от нас все еще удерживал противник. На горизонте можно было разглядеть 1-2 немецких и несколько итальянских танков и грузовиков, так что мы открыли огонь по ним с большого расстояния. Наша позиция была отвратительной, укрыться было негде, не было возможности съехать пониже так, чтобы над землей осталась только башня. Я рассматривал горизонт в бинокль, давая наводчику разные цели и корректируя огонь. Неожиданно механик-водитель сказал мне, что зацепило перед нашей машины. «Какие-либо повреждения?» - спросил я. - «Нет, сэр.» - «ОК, продолжайте вести огонь.» Голос механика прозвучал снова: «Еще одно попадание, сэр. На этот раз [через пробоину] виден дневной свет.» Итак, я подумал, что будет лучше, если мы немного поменяем позицию. Мы это сделали и снова открыли огонь. Я вел наблюдение с макушки башни, когда случились две вещи. Что-то очень громко брякнуло о перед башни, и внутрь нее полетели голубые искры (оказалось, что это было попадание 50-мм снаряда в маску пушки), после чего меня сильно ударило в левый локоть. Я подумал на мгновение, что меня зацепило, но заряжающий показал, что мой локоть был позади пушки, когда ее затвор отлетел назад [после выстрела] … Я подумал, что большой травмы от этого не будет, и продолжил вести бой. Затем я заметил позади нас небольшую песчаную гривку, которая могла быть кое-каким укрытием. Связался с Хамфри и сказал ему об этом, и он отправил взвод Фредди мне на помощь. Мы воспользовались моментом и осмотрели повреждения. Снаряд, который ударил в переднюю часть башни, оставил в ней большую вмятину. Два снаряда, попавшие в корпус напротив сиденья водителя не оставили больших следов… Мы по-быстрому вскипятили чай – это было совсем другое дело.

В строю оставались все наши машины, и те, которые подорвались на минах, снова присоединились к нам. Было сделано много рекогносцировочных вылазок, и, в конечном итоге, около 18.00, полковник сказал по рации, что предлагает попытаться взять намеченную цель, Высоту 33, на которой мы должны были оказаться к утру этого дня. Казалось, Хамфри несколько сомневался в такой необходимости. Однако мы развернулись, приготовившись к атаке: Эскадрон В справа, Эскадрон С слева. Затем, неожиданно для нас, все пошло не так. В танк Хамфри попал снаряд, и его охватило пламя. Я видел, как он и его экипаж выпрыгивают из машины и залетают в окоп. Хамфри прижимал руки к лицу. Еще один танк в штабном эскадроне был подбит, потом еще один в Эскадроне С. Все это произошло в ходе контратаки немцев, обходивших сзади наш левый фланг и танки 9-го Уланского Полка/9th Lancers. Теперь у меня было приблизительное представление о том, что происходит. Кто-то выпустил дымовой снаряд напротив нас. Мы сделали то же самое. Ситуация складывалась довольно неприятно. В эфире прозвучал голос полковника, приказывающий нам смещаться влево, то есть, вдоль кромки минного поля, чтобы поддержать 9-й Уланский Полк. Эскадрон А с его Крусейдерами должен был идти первым. Мы последовали за ним настолько быстро, насколько было возможно. Казалось, все происходит крайне медленно. Мы вели огонь по немецким танкам, находившимся справа по фронту от нас, и я увидел, что один или два загорелись. Мы дошли то угла минного поля, потом повернули, и танки 9-го Полка оказались перед нами. Мы слились с ними и сформировали линию, обращенную фронтом к противнику. По пути мы потеряли только один танк. Казалось, 9-й Уланский к тому моменту хорошо отстрелялся по врагу. Напротив нас я разглядел несколько горящих немецких танков, остальные отстреливались или откатывались назад. Довольно большое количество итальянцев бежало нам навстречу, размахивая теми белыми предметами, которые были у них под рукой, от газет до жилетов или брюк. Казалось,

они испытали такой ужас, что слетели с катушек.... Быстро темнело, и положение, в какой-то степени, стабилизировалось. Боезапас 75-мм снарядов подходил к концу, да и из пулеметов мы постреляли на славу.

Когда стало довольно темно, мы сместились влево и назад и разбили ночной лагерь вместе с парнями из 9-го Уланского. Я собрал машины Эскадрона В вместе и обнаружил, что у нас под рукой 7 или 8 танков. Дэвид Гэй пропал. Потом мы узнали, что его нашли раненым: взорвавшийся снаряд откинул крышку люка его башни ему на голову. Танк Билла получил попадание в бак для горючего, и, вроде как, ему надо было отводить его в тыл на ремонт. Мы расположились на ночлег, который не обещал быть особенно комфортным. Джон Полли (John Weller Polley), артиллерийский наблюдатель, приданный 9-му Уланскому, присоединился к нам, и мы с Фредди поделили с ним нашу еду, - то, что приготовил капрал Лин (Lean): чай, жаркое из мяса и овощей и немного виски из того, что было у меня в машине. Все были, скорее, мрачноватыми и подавленными, особенно Фредди.

Трудная ночь. Через наше расположение пролетают пулеметные очереди, кое-где падают снаряды. Ночью прикатили грузовики с горючим и боеприпасами. Один из грузовиков Эскадрона В подорвался на мине, так что нам пришлось одалживаться у Эскадрона С. Принято решение слить эскадроны В и С в единый эскадрон из Шерманов под командованием Билла Мэйнджера (Bill Manger), заместителя Джорджа Рича, со следующими командирами взводов: Фредди, Стивен Кристи-Миллер (Stephen Christie Miller), Дик Уорд (Dick Ward) и я. Со мной по-прежнему оставался мой взводный сержант Уэйхилл (Weyhill) со своим танком, моим третьим танком командовал сержант Карри из взвода Дэвида.

Идет загрузка боеприпасов. На переднем плане – Даглас Маккэллэн из Эскадрона В

Сначала мы покинули лагерь, организованными в вышеописанном порядке, впереди нас двигался взвод броневиков и несколько разведывательных машин. Мы намеревались дойти до Высоты 33 – нашей цели на вчерашний день. Мы продвигались прямоугольным строем, впереди шли танки Фредди и Стивена, и проехали около четверти мили, когда напротив нас я заметил бронемашины и остановился. Мы также разглядели трассы 88-мм снарядов. Продолжили путь и вскоре столкнулись с неприятностями. Эскадрон попал под сильный огонь 88-миллиметровок с левого фланга. Снаряд попал в башню танка Фредди, я помню, как в воздух взметнулись осколки и обломки, а его фуражка вылетела из башни и упала на землю позади танка.

Затем, в быстрой последовательности зацепило еще один танк из его взвода и танк Стивена, и еще танк сержанта Карри (Currie) из моего взвода. Ситуация выглядела довольно мрачной. Помню прозвучавший по радио совершенно спокойно голос полковника: «Если у вас проблемы с 88-миллиметровками, поставьте дымовую завесу, и все будет ОК.» Мы продолжали маневрировать во все стороны, оставаясь на одном месте не более чем на несколько секунд. Помню, как Джордж стоял на корме своего танка, покуривая сигару, потом я обнаружил, что он помогает своему наводчику, которого ранило. Я заметил, что танк сержанта Уэйхилла подбит и горит. Мы отошли немного, укрывшись за дымовой завесой, и оглянулись. Отвечая полковнику, который спросил, как идут дела и все ли в порядке, Билл Мэйнджер ответил: «Да, но [нас] осталось немного.» Это было правдой, потому что из 12 танков и у нас, вроде как, осталось 4. Мы остались на месте, ведя огонь по разным целям с большого расстояния. Позднее подвезли боеприпасы. Заправляя машину, я нашел сержанта Уэйхилла, который выглядел потрясенным, но держался. Остальные парни из его экипажа погибли, погиб и один из офицеров в своей разведывательной машине.

Остаток дня мы провели на том же месте. Справа от нас итальянцы атаковали австралийцев, но были отброшены, потеряв 13 танков. Вечером танки 10-го Гусарского Полка/10th Hussars атаковали гряду прямо в лоб. Они ничего не добились: наскочили на мины и потеряли пять машин, уничтоженных 88-миллиметровками. Позднее мы подавили одну из них. начиная с этого момента дела пошли интересные во всем, что касалось нас.

Теперь взглянем на события с точки зрения Эскадрона *A*.

Утром 24 октября Эскадрон *A* рассредоточился на открытой местности между двумя параллельными минными полями противника. На протяжении нескольких часов ничего не происходило. Затем, когда начинался вечер, пришел приказ атаковать *Высоту 33* – едва заметный бугор, с которого открывался хороший вид на обширное пространство. Эскадроны *B* и *C* пошли вперед с Эскадроном *A*, следовавшим за ними в резерве, но они не продвинулись далеко, попав под град 88-мм снарядов, потеряв несколько танков. Мы получили приказ изменить направление атаки, повернув левее, вдоль кромки минного поля, туда, где действовал 9-й Уланский. Когда мой танк повернул влево, я проехал мимо горящего танка Хамфри Велда (на фото слева), командира Эскадрона *B*, который скорчился на земле, укрывшись за своей машиной. У него сильно обгорели руки. Мы проехали мимо танков 9-го Уланского, которые перегруппировывались, чтобы развернуться фронтом к *Высоте 33*, и заняли позицию слева от них. И тут незамедлительно множество немецких танков пошли в атаку вниз по склону *Высоты 33*, но были встречены огнем 9-го Уланского. Многие вражеские танки были подбиты, и атака захлебнулась. Обездвиженный немецкий *Pz. III* остановился в нескольких сотнях ярдов напротив меня, и я продолжал вести огонь из своей мортиры, целясь рядом с ним, на случай, если рядом с ним укрывались члены его экипажа. Но быстро темнело, и мы встали на ночь лагерем. Я нашел итальянский окоп и проспал в нем всю ночь.

Утро 24 октября 1942 года. Шерманы 2-й Танковой Бригады выдвигаются на стартовый рубеж для атаки. Горизонт освещен орудийными вспышками – артобстрел немецких позиций продолжается

С первыми лучами солнца эскадроны *B* и *C* получили приказ возобновить атаку на *Высоту 33*, н снова были отброшены огнем 88-миллиметровок. Фредди Барнадо и Стивен Кристи-Миллер, двое лучших и храбрейших командиров взводов, были убиты. Те, кто видел первого перед атакой, говорили, что на его лице можно было увидеть печать смерти, настолько тяжкими были предчувствия, [которые он испытывал.] На самом деле, атакующий танк не имеет шансов против 88-миллиметровок, способных уничтожить любую машину с расстояния до 3 000 ярдов. Попытки захватить *Высоту 33* силами танков 2-й Бригады без поддержки [пехоты] пришлось оставить…

Когда полностью рассвело, мы, танкисты Эскадрона *A*, смогли увидеть, что находимся на южном краю неглубокого понижения [в рельефе], лишенного всякой растительности. Напротив нас, в миле, находилась невысокая гряда, и в тот момент перед нами открывалась невероятная картина. Слева направо, за грядой, перемещался поднятый под крутым углом к горизонту ствол огромной пушки недоступного глазу танка или самоходки. Наши артиллеристы открыли огонь и благодаря невероятной удаче не только добились прямого попадания в эту машину, но и вывели ее из строя. Ствол пушки резко остановился, и над ее местонахождением начали подниматься клубы черного дыма. Она продолжала гореть весь день, но мы так и не узнали, на каком шасси эта пушка перемещалась.

Был еще один небольшой признак перемещений на позициях противника. Очевидно, они держали нас под наблюдением, и мой танк был целью постоянно ведущегося с большого расстояния огня из противотанковой пушки. Один снаряд падал в нескольких ярдах перед танком, поднимая небольшое облако пыли, за ним следовал другой снаряд, падавший в нескольких ярдах позади меня. После этого я перемещал танк на 100 ярдов вперед или назад, чтобы сбить противнику прицел, потом эта последовательность событий повторялась снова и снова. Так продолжалось большую часть дня, но им так и не удалось добиться попадания.

Разглядывая пустую низину через бинокль, я заметил темное пятно на ее охристом днище, - это мог быть стрелковый или орудийный окоп. Я рассчитал расстояние до него – что-то около 1 500 ярдов, - как раз в зоне досягаемости моей мортиры – и открыл огонь. Первый снаряд лег прямо перед этим пятном, второй – сразу за ним, и я уже готовился выпустить третий, когда Джекки Хармэн *(Jack Harman, 1920-2009, в 1978-1981 годах – заместитель командующего Союзными Силами в Европе, слева на послевоенном фото - ВК)*, замкомандира взвода, вышел на связь и сказал, что видит, куда я целюсь, но этот объект находится за пределами моей досягаемости. На самом деле, он, должно быть, ошибся в определении того, что было моей целью, до которой я вполне мог дотянуться, но мне пришлось прекратить стрельбу.

Вечером этого дня я получил приказ передать свой танк другому экипажу, вернуться в тыл, получить новый танк после его доставки и остаться в резерве. Полк оставался на передовой еще несколько дней, но почти не вступал в бой, а потом был отведен в резерв для того, чтобы принять участие в финальном ударе, который планировался в тот момент. Первоначальный план, заключавшийся в прорыве силами бронетехники, потерпел неудачу. Оборонительные линии противника, расположенные за удачно выложенными минными полями, оказались подготовленными на бóльшую глубину, чем мы рассчитывали, на несколько дней сражение превратилось в то, что Монти (Бернард Монтгомери) назвал *перемалыванием*, в ходе которого силам вражеской пехоты методично наносились потери нашими атаками ограниченного масштаба. Главным инструментом этого *перемалывания* была 9-я Австралийская Дивизия, которая показал себя лучшей пехотной частью в пустыне. Каждый день я ходил в полковой штаб, чтобы изучить карту текущей ситуации, и каждый день я видел, что австралийцы снова добились продвижения вперед, в северном направлении, угрожая этим перерезать приморское шоссе и изолировать немецкую 164-ю Дивизию, удерживающую северное окончание линии обороны противника. Это было высшим проявлением героизма, которое вынудило Роммеля сконцентрировать резервы в этом секторе фронта и ослабить оборонительные позиции южнее. Это дало Монти такую возможность маневра, которую он использовал, и обеспечило осуществление операции *Supercharge*, которая решила исход сражения под Эль-Аламейном.

Операция *Supercharge* началась с атаки 2-й Новозеландской Дивизии и двух британских пехотных бригад, которые пробили брешь глубиной 4 000 ярдов в позициях немцев. За этим последовала атака 9-й Танковой Бригады, нацеленная на прорыв противотанковых позиций на гряде Тель-эль-Аккакир/Tel el Aqqakir и дальнейшее выдвижение 1-й Танковой Дивизии на оперативный простор открытой местности. Пехотная атака достигла полного успеха. Атака 9-й Танковой Бригады провалилась, потому что задержалась на полчаса: вместо прорыва в темное время суток танкисты атаковали с первыми лучами солнца, когда силуэты их машины стали хорошо видны на фоне светлеющего неба. Несмотря на высочайшую храбрость танкистов и уничтожение ими большого числа [противотанковых] пушек атака не достигла поставленных целей. Монти сказал Карри (Currie), командующему бригадой, что он готов смириться с потерями в 100% [для достижения успеха] - это было не самым разумным высказыванием, потому что, если ты потерял 100% своих людей, ты проиграл сражение…

К тому моменту. Когда 1-я Танковая Дивизия догнала 9-ю Танковую Бригаду, последняя прекратила свое существование как боевая часть. Королевские Уилтширские Йомены/Royal Wiltshire Yeomanry имели в строю лишь две машины, танкисты 3-го Гусарского Полка – семь и Уорикширские Йомены/Warwickshire Yeomanry – 8 *(перечисляются полки, в состав которых входили танковые батальоны 9-й Бригады – ВК)*, еще два танка осталось при штабе бригады. Из первоначального состава – 94 танков – 75 были потеряны. В бой пошли 490 человек из 9-й Бригады, 230 из них были убиты или ранены. Эта атака была подобием атаки *Легкой Бригады* под Балаклавой, случившейся 88 лет назад почти день в день.

Как следствие, перед 1-й Танковой Дивизией не было открытого пути для превращения тактического прорыва в оперативный. Мой взвод был первым в передовом эскадроне передового полка 1-й Танковой Дивизии. Когда мой танк вырвался из облаков пыли, поднимавшихся над полосой минного заграждения, я уже мог видеть далеко впереди хаос, возникший в результате попытки прорыва 9-й Бригады. Огневые трассы пересекали небо во всех направлениях, мелькали вспышки пушечных выстрелов, танки взрывались, выбрасывая клубы дымы и языки пламени. Взвод Тома Толлера (Tom Toller), проследовавший вторым через минное поле, должен был выйти на одну линию с моим, справа, но, казалось, на это может уйти целая вечность. С моим левым флангом все было в порядке: о нем побеспокоились танкисты 9-го Уланского Полка. Меня беспокоил правый фланг. На той стороне все еще было очень темно, и эта стена тьмы создавала ощущение какой-то непостижимой угрозы. Наконец танк Тома встал рядом с моим, его голова и плечи, его куртка из овчины были видны над башней. В этот момент в темноте сверкнула вспышка пушечного выстрела, и в танк Тома угодил снаряд. Он остановился, и в то же мгновение Том вылетел из башни… Передовой офицер-наблюдатель из поддерживающего нас артиллерийского 11-го Полка Королевской Конной Артиллерии/Royal Horse Artillery следовал за передовой группой машин. Он резко повернул свой *Стюарт/Stuart* в направлении ствольной вспышки, но следующий выстрел пробил его лобовую броню убил его. Том, по счастью, остался целым и невредимым, но его механик-водитель был убит…

Передовая группа машин был остановлена огнем 88-миллиметровок у гряды Тель-эль-Аккакир, и в течение следующих двух дней движения было очень мало. Том Дрэффен (Tom Draffen, комполка) получил повышение и занял должность замкомандира бригады, а командование полком было передано Элексу Баркли, бывшему командиру Эскадрона *A*. Элекс был наиболее уравновешенным из всех командиров. На протяжении долгого времени он был очень немногословным. Как-то раз, уже после окончания боев в Африке, я сидел рядом с ним в предбаннике столовой и ждал, когда нас позовут на ланч. 10 минут он молчал, а потом спросил меня: «Питер, как ты думаешь, правда ли, что противотанковая пушка главнее танка на поле боя.» -«Да, полковник,» ответил я. «О да, вижу,» - сказал он, после чего замолчал еще на пять минут. В своих послевоенных делах он проявил себя, в некоторой степени, шарлатаном, но в сражении на него можно было положиться и быть уверенным в том, что он не совершит что-то глупое и непродуманное. Он был идеальным командиром в бою у гряды Тель-эль-Аккакир.

Проникновение вглубь обороны противника в ходе операции *Supercharge* был столь глубоким, что эта гряда стала последним бастионом на пути полного прорыва, и немцам оставалось или удерживать ее, или проигрывать сражение в целом. Каждый танк, каждая противотанковая пушка, каждое полевое орудие, которые они могли найти, были брошены в бой против нас. Пули и снаряды непрерывно сыпались на нас, и к концу второго дня мои нервы единственный раз за всю войну начали сдавать. Джон Тэйтэм-Уортер выжил в сражении на *Линии Газала*, сидя вместе с Томом Дрэффеном на корме

его командного танка. Подставлять себя подобным образом под куда более плотный огонь у гряды Тель-эль-Аккакир было самоубийственной храбростью, и он был убит, когда стоял на корме своего танка и направлял действия своего эскадрона. Его сменил Джекки Хармэн. Джон и Джекки были выпускниками Веллингтонского Колледжа/Wellington Colledge в Беркшире/Berkshire, и Эскадрон *A* был эскадроном *Старых Веллингтонцев*, поскольку я и еще один комвзвода, Питер Джилл (Peter Gill), учились в этом колледже.

Во время одного из редких затиший какой-то пехотинец с непокрытой головой вылез из соседнего окопа, подошел к моему танку и протянул свою пустую флягу. Мы наполнили ее из запасной канистры, и, прежде чем вернуться в свою ячейку, он положил свою руку на бок танка и сказал: «Вы бы не заставили меня залезть в этот долбаный передвижной гроб…»

На второй день атаки *Supercharge*, 2 ноября, имела место наиболее решительная контратака Роммеля. В помутненном от полуденной жары воздухе *панцеры*, шедшие рядами один за другим и поддержанные итальянскими танками, атаковали участок фронта, удерживаемый 2-й Танковой Бригадой. Так сгорела вся 21-я Танковая Дивизия немцев. *Шерманы* собрали большую жатву, и когда контратаки прекратились в конце дня, были уничтожены 117 танков *Оси*. Один из них подбил Джордж Рич, замкомандира Эскадрона *B*. Элекс Баркли вызвал его по рации, чтобы поздравить: «Какое было расстояние?» - спросил Элекс. – «Ну, с пятнадцати сотен [ярдов], за двумя поворотами, не знаю, сколько это всего,» - ответил Джордж… 21-я Дивизия *панцеров* прекратила свое существование как боевая часть.

Прорыв, который произошел через два дня, был осуществлен силами пехоты южнее от нас. Когда мы повернули, чтобы воспользоваться им, мы проезжали мимо мертвого немецкого офицера, распластавшегося на земле. На шее у нее сверкал бинокль. Это показалось мне прекрасной возможностью обзавестись первоклассным биноклем, но, помня о том, как немцы любят оставлять мины-ловушки, я решило проигнорировать ее.

Окончательный прорыв произошел в секторе [итальянской] дивизии *Trieste*, оборона которой развалилась. Не получив никаких сведений от этой дивизии о ее разгроме, фон Тома (von Thoma), командующий *Африканским Корпусом*, отправился туда на своем командирском танке, чтобы разобраться что к чему, и был взят в плен Грантом Сингером из разведвзвода 10-го Гусарского Полка. Вечером того же дня фон Тома был приглашен Монти на ужин, за которым ему сообщили, Сингер был убит после полудня. Потом, уже из плена, фон Тома написал родителям Сингера письмо с соболезнованиями…

Продвинувшись за последнюю оборонительную линию войск *Оси*, мы оказались совсем в другой обстановке. Многие дни мы были окружены танками, ведущими бой или превратившимися в горящие груды обломков, нас оглушала какофония сражения, а теперь мы были на открытой местности, где в поле зрения не было ничего, кроме маячивших вдалеке групп машин, принадлежавших убегающим немцам машин или представленных нашими броневиками. Стояла тишина, нарушаемая только гулом моторов наших танков и грохотом их гусениц. Мы продвигались курсом на северо-запад, рассчитывая выйти на приморское шоссе в 20 милях к западу от Эль-Аламейна с Эскадроном *A* на левом фланге и сводным эскадроном, составленным из остатков эскадронов *B* и *C*, на правом. Мы продвигались так около двух часов, когда сводный эскадрон наткнулся на одинокую 88-миллиметровку, расположившуюся на какой-то гряде. 88-миллиметровка была выведена из строя первым же выстрелом идущего впереди *Шермана*. Единственный уцелевший артиллерист из ее расчета сбежал с гряды и, находясь в поле зрения Эскадрона *A*, запрыгнул в пустой глубокий окоп, вырытый для

машины. Один из командиров танковых экипажей швырнул туда гранату, стоя в башне. Она, подпрыгивая, покатилась вниз по склону гряды в направлении окопа, словно мячик. Немецкий солдат, окаменев, стоял и смотрел на нее, одна его рука была вытянута назад и касалась стенки окопа. В нескольких ярдах перед ним граната взорвалась.

Было это убийством невооруженного солдата? Кто-то стал бы утверждать, что так и было. С другой стороны, у немца была возможность сдаться, но он этого не сделал, а попытался бежать, чтобы сражаться и дальше. Обязанностью танкистов было предотвратить это любым способом. Это была одна из моральных дилемм, на которую не было ответа и которые неизбежно возникают на войне, когда нет времени на рассмотрение альтернатив…

Приморское шоссе, до которого мы добрались через час, представляло собой сцену полного хаоса. Повсюду были видны немецкие грузовики, повернутые во всех направлениях и брошенные из-за отсутствия горючего. Некоторые были пустыми, в некоторых их груз оставался нетронутым. В одном мы нашли упаковки с нижним бельем, вне всякого сомнения, готовые к раздаче в преддверии зимы. Задний откидной борт был опущен, некоторые упаковки были вскрыты, и земля поблизости была усеяна белыми жилетами и кальсонами. В тот вечер наши бронемашины вышли к уступу, ниже которого находилась Фука *(приморский городок – ВК)*, в 40 милях к западу от Эль-Аламейна.

Ноябрь – это месяц, когда время от времени в пустыне идут дожди. 7 ноября пошел ливень, охвативший полосу между Аламейном и Мерса Матрухом и превративший обширные пространства в топкие болота, непроходимые для колесного транспорта. Целые 12 часов грузовики с горючим не могли добраться да расположения *Гнедых*, и танки остановились в нескольких милях от цели – от пункта, где они должны были перерезать приморское шоссе. Если бы погода осталась сухой, мы бы, вне всякого сомнения, отрезали бы большое количество отступающих немцев, но, вероятно, не всех, поскольку практически было бы невозможно поймать в ловушку целую армию, имея открытым весь пустынный фланг. Немцы столкнулись с этой проблемой и не сумели справиться с ней, когда 8-я Армия в полном составе отступала от *Линии Газала* пять месяцев назад.

Монтгомери подвергся критике современными военными историками за свою нерешительность в преследовании *Panzerarmeecле* после Аламейна, но, с моей точки зрения, эти нападки лишены оснований. Ни Монти, ни Ламсден (Herbert Lumsden, командир 10-го Корпуса британцев) не продемонстрировали отсутствие решимости в этом вопросе, но они не могли взять под контроль силы природы.

Двумя днями позднее я наткнулся на группу утративших боевой дух итальянских солдат, бредущих через пустыню и потерявших ориентировку. На них была драная, измятая и грязная серая униформа, у них не было оружия, они вымокли, были голодными и выглядели жалко. Они не представляли собой никакой угрозы. Я не мог ничего для них сделать, кроме того, чтобы показать им, где восток и сказать идти дальше, пока они не наткнутся на какую-нибудь часть, которая возьмет их в плен. У итальянцев, как у солдат, была плохая репутация. Их немецкие союзник презирали их и дурно с ними обращались, а противником рассматривались как бездельники. По правде говоря, такая репутация не была полностью оправданной. Их лучшие части, такие как воздушно-десантная дивизия *(на самом деле, бригада – ВК) Folgore*, которая сражалась бок о бок с ни с чем несравнимой бригадой немецких парашютистов *Ramcke* под Эль-Аламейном, заслуживала уважения. Но у них было слишком много проблем, которые нужно было преодолевать. Ими плохо командовали, дальность стрельбы их полевых пушек не шла ни в какое сравнение с британскими 25-фунтовками, их танки имели слабые вооружение

и броню, их автотранспорт не годился ни с точки зрения качества, ни с точки зрения количества для условий пустыни. Многие из их грузовиков имели сплошные резиновые шины, из-за которых езда по каменистой поверхности была страшно некомфортной, а сами грузовики от тряски разваливались, не проехав и сколь-нибудь большого расстояния. Только немногие итальянские солдаты были настроены сражаться, и та группа, которую я встретил после Аламейна, была полностью деморализована. Было невозможно не испытывать к ним симпатии, - к людям, которых отправили на безнадежную войну в погоне за нереалистичными амбиция *Дуче*.

Итак, армия Роммеля была побита по всем статьям. Теперь, когда его тылам угрожали высадившиеся в Алжире союзники, у него не было другого выбора, кроме как вести арьергардные бои, пока его войска не доберутся хотя бы до границы Ливии и Туниса. До этого у *Гнедых* не было возможности принимать участие в активных боевых действиях.

Эль-Аламейнский мемориал. Автор воспоминаний у памятника танкистам

Второй Эль-Аламейн стал триумфом тактики и стратегии *Монти*. Александер, который сменил Окинлека на должности главнокомандующего на Ближнем Востоке и был старшим над Монти, оставил за последним организацию и руководство боевыми действиями в этом сражении. Харизма Монти, тщательный подход к планированию, умелое использование массированного артогня, способность перебрасывать резервы к линии развертывания на наиболее важные участки и в самое нужное время, несокрушимая уверенность в себе – все это были составные части его успеха. Его единственной слабостью была неспособность видеть ограниченные возможности бронетехники, когда существует примерное равенство в качестве танков и противотанковой артиллерии, как это случилось под Эль-Аламейном. Когда существует таков равенство, танк эффективнее в обороне, чем в атаке, как это стало очевидным при разгроме *панцеров* у гряды Тель-эль-Аккакир, где наши танки вели оборонительный бой, или на участке *Snipe*, где сражалась 2-я Стрелковая Бригада, уничтожившая с помощью своих 6-фунтовок 57 танков и самоходов *Оси*.

Его первоначальный план прорыва танковыми силами был нереалистичным в тех обстоятельствах, и эта проблема усугубилась из-за серьезной недооценки ширины немецких минных полей на глубину. Но все эти ошибки командующего армией не идут в счет, так как сражение под Эль-Аламейном было выиграно, и война в Африке стала приближаться к ее неизбежному концу…

События зимы 1942-1943 годов, последовавшие за Эль-Аламейном, потускнели у меня в памяти. Наш полк не участвовал в преследовании Роммеля, и я признателен Уилли Беддингтону (Willy Beddington), оставившему книгу *History of The Queen's Bays*, в которую вошли очерки происшедшего в те месяцы. К середине ноября наш полк остановился в Акроме/Acroma, в нескольких милях от Тобрука, где большая часть *Шерманов* была передана 22-й Танковой Бригаде для использования в погоне за отступающими немцами. Вот что он писал:

На следующий день полк тронулся в путь по приморскому шоссе и, пройдя десять миль вглубь пустыни, остановился лагерем. Этот участок пустыни должен был стать его домом на следующие три с половиной месяца. Были организованы [учебные] курсы и отдых, предоставлялись отпуска. Грунт выровняли, чтобы можно было поиграть в футбол и хоккей. Освещение и радио работали от танковых аккумуляторов, и, в какой-то степени, были обеспечены цивилизованные условия и здоровый образ жизни, так, чтобы у людей были заняты мозги и гасился [избыток] энергии…

Даже по стандартам Ливийской пустыни окрестности лагеря были крайне тусклыми, непримечательными и негостеприимными. Монотонность серой плоскотины была нарушена лишь однажды. В середине января хлынул сильный ливень, сопоставимый по масштабу с тем. что случился 7 ноября, но тогда как за ноябрьским дождем последовали дни с низкой, свинцовой облачностью, и пустыня осталась покрытой топкой грязью, за январским ливнем пришли солнечные дни. За сорок восемь часов крошечные цветы покрыли пустыню до горизонта ковром-калейдоскопом желтого, фиолетового и красного цвета. Недавно пришедший командир взвода Джон Норт (John North по кличке *Cushy*), увлеченный своим делом цветовод, который после войны занялся разведением хризантем в Сассексе, выкопал несколько растений и поставил их в середине стола столовой Эскадрона *A* (он был сделан из большого дорожного знака.) Благодаря заботливому уходу, они продержались дольше, чем мириады цветов, оставшиеся в земле, которые исчезли через несколько дней…

Однажды я отправился в Бенгази, чтобы прикупит продуктов. Мы нашли группу бедуинов-пастухов, рассевшихся на земле под городской стеной, но все, что они могли продать, это бараньи яйца. Однако мы раздобыли большое количество консервных банок с зеленым горошком и фасолью из итальянских армейских пищевых рационов. Их содержимое оказалось на удивление сочными и вкусными, особенно фасоль. Я лишь еще один раз выбрался из лагеря с группой из примерно 20 офицеров из нашего полка, из 9-го Уланского и 10-го Гусарского на место боя под Антелатом/Antelat, Саунну/Saunnu и близ *Колодца с Ветряным Насосом/Well with Windpump*, туда, где 2-я Танковая Бригада год назад потерпела сокрушительное поражение, за которым последовал разгром под Мсусом *(речь идет о 2-м наступлении Роммеля – ВК)*. На разных участках офицеры из каждого полка вспоминали о своем участии в этом сражении, но свежие мудрые мысли не прозвучали, разве что все сошлись на том, что принятый в то время способ атаки, когда эскадрон танков надвигается на противника по диагонали, разворачивается под углом 90 градусов и быстро уходит, ведя интенсивный огонь на

каждой стадии этого маневра, был бесплодным и вел к катастрофе. Теперь он отсутствовал в *репертуаре* офицера-танкиста.

До места, где 1-й Танковой Дивизии и, что более важно, *Гнедым* предстояло вступить в следующую схватку было расстояние в 1 150 миль – от Мерса Матруха до *Линии Марет/Mareth Line*. Узкое, отсыпанное щебнем полотно дороги, соединявшей эти два участка, проходила через Джебель Ахдар/Djebel Akhdar – *Зеленую Гору*, где были построены образцовые деревни для итальянских колонистов. Они были брошены людьми зимой 1942-1943 годов, и здешняя плодородная земля осталась невспаханной…

Прошло много времени между 7 ноября 1942 года, когда полк прекратил преследование отступающих после Эль-Аламейна немцев, и 13 марта 1943 года, когда полк прибыл на участок в районе французского городка Меденин/Medenine, расположенного близ Ливийско-Тунисской границы, не доходя 10 миль до *Линии Марет*. Все эти месяцы *Гнедые* не жили в полной изоляции от того, что происходило на фронте. Джек Даллас (Jack Dallas), один из самых живых и восхитительных парней в полку, служил в штабе Армии в качестве офицера связи в период преследования Роммеля вплоть до Триполи. В один из вечеров он был вызван к командующему Армией. Монти вышел на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей в его фургон, и сказал ему жестко и отрывисто: «Я хочу, чтобы вы нашли генерала Уимберли (Douglas Wimberly, 1896-1983) и передали ему следующее сообщение. Он должен продолжить оказывать давление [на противника] с максимальной энергией, скорость является наиболее существенным фактором.» Даглас Уимберли командовал 51-й Дивизией Горцев (Highland), которая в тот момент была в авангарде, на расстоянии примерно 100 миль от Триполи. После долгих поисков Джек нашел Уимберли, дело было ночью, когда ярко светила Луна. Он был на дне глубокого *вади/ручья*, - генерал подпирал плечом 3-хтонный грузовик, помогая другим вытолкать его из зыбучего песка. Джек встал на кромку борта *вади*, отсалютовал и сказал: «Командующий Армией шлет вам свои наилучшие пожелания. Вы должны продолжать преследование в самом быстром темпе, скорость – наиболее существенный фактор.» Не оставляя усилий, Уимберли повернулся на пол-оборота и бросил, задыхаясь, через плечо: «Хорошо, вы можете сказать командующему армией, что я делаю все от себя зависящее.»

Близ Меденина полк стал лагерем на травянистой равнине, которая растянулась на 10 миль до подножия гор Матмата/Matmata и *Линии Марет*. Несколькими днями ранее здесь имела место контратака войск *Оси*, с помощью которой они намеревались задержать какие-либо попытки прорыва через *Линию Марет*. 8-я Армия была готова к этому, и ее противотанковый заслон, включавший новые 17-тифунтовые пушки, которые были в состоянии уничтожить любой немецкий танк, вступил в бой. Итоги боя под Меденином показали, что Роммель, как и Монти, мало что понимал в ограниченном характере возможностей танков, когда им противостоят хорошо окопавшаяся противотанковая артиллерия и танки, равные твоим собственным танкам по боевым характеристикам. Атака была отражена, 10-я, 15-я и 21-я дивизии *панцеров* понесли тяжелейшие потери – 50 машин. 8-я Армия не потеряла ни одной…

Вади Зигзау/Zigzaou. На переднем плане – сухое русло, заполненное зыбучими песками, над крутым бортом – ДОТ

Линия Марет была сильнейшей оборонительной полосой между Эль-Аламейном и Тунисом. Построенная французами для обороны от возможного вторжения со стороны Итальянской Ливии, она закупоривала 15-мильный просвет между морем и сильно расчлененными горами Мамата. Она опиралась на глубокий и топкий *вади* Зигзау, представлявший собой эффективный противотанковый ров.

Укрепления представляли собой развитую на глубину полосу бетонных ДОТов и укрытых в окопах огневых позиций, практически неуязвимых для огня полевой артиллерии. Монотонность плоской равнины здесь нарушалась лишь присутствием изолированной вершины высотой до 2 000 футов, прозванной британцами *Эдинбургским Замком/Edinburgh Castle* и доминировавшей над обширной местностью. Чтобы рассмотреть подходы к *Линии Марет*, где мы, как ожидалось, будем сражаться, я с Джекки Хармэном в один из дней решил подняться на вершину *Эдинбургского Замка*. Единственная существующая узкая тропа виляла между скальными выходами и по узким промоинам, и, когда мы прошли где-то две трети пути, мы увидели, к своему ужасу, Монтгомери в сопровождении адъютанта и штабного капитана, приближавшегося к нам на пути вниз. Мы боялись, что он начнет задавать вгоняющие в краску вопросы, но деваться было некуда: слева от нас был вертикальный скальный уступ в рельефе, справа – крутой обрыв высотой несколько сотен футов. Он приветствовал нас словами *Добрый день, джентльмены*, произнесенными в веселом духе, и спросил, сколько времени мы уже провели на Ближнем Востоке. Мы ответили, что прошло шестнадцать месяцев. «Это недолго, - сказал он. – не стану посылать вас домой, когда все это закончится. Оставлю вас здесь, чтобы вы и дальше продолжали делать дело.» Он

оказался неправ по отношению к тому, что стало с Джекки: его отправили домой вскоре после того, как война в Африке закончилась, - через два месяца.

Бои на *Линии Марет* начались в ночь с 20 на 21 марта с уже традиционной артподготовки, за которой последовала атака пехоты. Первоначальный план включал в себя прорыв *Линии* силами пехоты для развития успеха силами 1-й Танковой Дивизии, включавшими *Гнедых*, которые должны были войти в него и развернуться на открытой местности за полосой обороны. Пехота успешно прорвала линию обороны, но поддерживавшие ее танки и буксируемые противотанковые пушки застряли в *вади* Зигзау и попали под сильнейший артиллерийский огонь противника. Пехота попала под сильный контрудар немецких танков и уже не могла удержать свой передовой рубеж. Казалось, *Линию Марет* будет невозможно прорвать лобовым ударом. Монти немедленно принял это как должное и решил перенести фокус атаки левее, на западные отроги гор Матмата. Изменения в планах повлекли за собой для 2-й Танковой Бригады и *Гнедых* очень долгий марш через один из горных проходов и далее на северо-запад, - в общей сложности, 40 миль до участка, где 2-я Новозеландская Дивизия уже натолкнулась на вторую полосу обороны и 21-ю Дивизию *панцеров*. На протяжении многих миль этот марш был тяжелейшим испытанием, наихудшим из тех, которые выпали на нашу долю в пустыне. Наш путь проходил через, казалось, бесконечную полосу дюн, разделенных зарослями колючей травы, и темп нашего продвижения упал до скорости пешего хода. Мы потратили 13 часов на то, чтобы пройти 43 мили, прежде чем разбили лагерь на ночь. Оставалось еще 30 миль до участка развертывания перед атакой, но дальше дело пошло намного лучше.

Атака началась в поздние послеполуденные часы 26 марта. На ее острие были две бригады 2-й Новозеландской Дивизии вместе с 8-й Танковой Бригадой, и она стартовала от руин древней стены римских времен, протянувшейся от гряды невысоких холмов под названием Джебель Тебага/Djebel Tebaga на западе до гор Мамата на востоке. Она проходила при мощной поддержке *Военно-Воздушных Сил Пустыни/Desert Air Force*, чьи *Харрикейны/Hurricane*, *Томагавки/Tomahawks и Спитфайры* обрушили шквал бомб и свинца на немецкие позиции. Они проносились с нарастающим диким воем над нашими стоявшими в ожидании танками так низко, что, казалось, вот-вот сорвут наши радиоантенны. В 17.30 поступило сообщение о том, что новозеландцы достигли поставленных целей, и наступила очередь 2-й Бригады входить в прорыв и развивать успех. Наступали сумерки, землю заливали красноватые отсветы заходящего солнца. Сначала сопротивление противника было хаотичным. Прошло немного времен, и в ответвлении узкой долины мы разглядели ярдах в 100 от нас пушки полевой артиллерийской батареи с кучами нерасстрелянных снарядов, сложенными рядом с ними, и стоявшие поблизости расчеты с непокрытыми головами. Наше появление застало их врасплох. Они, по-видимому, не имели понятия о том, как глубоко прорвались новозеландцы, и сдались, не оказав и малейшего сопротивления. Двести пятьдесят пленных немцев были отправлены в тыл. Мы остановились, когда наступила темнота, и прождали два часа, пока не взошла луна. Потом наступление продолжилось: 9-й Уланский продвигался справа, *Гнедые* – слева от вытянутой с юга на север дороги, идущей к стоявшей в оазисе деревне Эль Хамма/El Hamma, являвшейся нашей целью и отстоявшей от стартового рубежа атаки на 10 миль. В рядах немцев царила неразбериха. Время от времени одиночные машины противника проносились мимо нас, трясясь и подпрыгивая на пересеченной местности в слабом свете луны, пытаясь убежать. Один из командиров взводов Эскадрона *A*, Питер Джилл, сумел перехватить и захватить огромную 210-мм пушку. По мере нашего продвижения к Эль Хамме сопротивление противника усилилось. Несколько танков и 88-миллиметровок преградили нам дорогу, и, пытаясь найти укрытие от огня, один из танков Эскадрона *B*

слетел с дороги и сполз в кювет, после чего на него немедленно обрушился вражеский огонь. Я был в передовом танке Эскадрона *A* на левом фланге полка на каком-то странном участке, когда какой-то бешеный немецкий грузовик прогрохотал где-то рядом со мной, объезжая эти бугры так быстро, что исчез из поля зрения до того, как я успел навести на него свой пулемет. В пятистах ярдах впереди меня я увидел тусклый контур окружающей деревню каменной стены и полосу деревьев за ней. Шквальный огонь артиллерии и танков сделал дальнейшее продвижение полка невозможным. В 04.30 утра мы получили приказ остановиться и ждать рассвета.

Генерал-лейтенант Брайан Хоррокс (Brian Horrocks), командующий 10-м Корпусом, руководивший этой атакой, в своих мемуарах *A Full Life* вспоминал:

Это была самая захватывающая и беспокойная ночь в моей жизни. Поскольку мой небольшой тактический штаб, состоявший из трех танков, занимал позицию посреди массы бронетехники, я хорошо понимал, что, если атака сорвется, сомнений в том, чья голова окажется на плахе, не будет.

Но дело пошло. Ночная танковая атака была чем-то новым, и она целиком и полностью вывела немцев из равновесия. Долина, через которую прошла британская бронетехника, могла бы стать идеальным местом для засады в дневное время, но немцы вообще не ожидали ночной атаки, особенно с участием танков.

Хотя мы не смогли [сразу] захватить конечную цель, Эль Хамму, исключительно дерзкая и инновационная ночная атака Гнедых и 9-го Уланского Полка достигла успеха в обходном маневре на фланге Линии Марет и в том, что войска Оси были вынуждены оставить ее. Сильное фланговое охранение противника в районе Эль Хаммы было сбито, тогда как гарнизон, оборонявший Линию Марет, бросился отступать через так называемый горный проход Габес/Gabes – коридор шириной 10 миль между морем и непроходимым солончаковым болотом Chott Djerid (это пересыхающее в сухой период озеро – ВК). Полоса нашего ночного продвижения была усеяна уничтоженными немецкими танками и прочими машинами. Один сгоревший грузовик представлял собой мрачное зрелище. Его задний откидной борт был опущен, и один из находившихся в нем немцев сгорел, пытаясь выскочить из машины. Казалось, он оперся на локти, наполовину свесившись из кузова. Обгорел он страшно. Вся его одежда и ноги были сожжены, на нем вообще ничего не осталось, а голова и торс превратились в какую-то розовую бесформенную массу, словно что-то, наполовину слепленное из пластилина…

Следующий рубеж, на котором немцы оказали сопротивление, находился на горной гряде в нескольких милях от прохода Габес. Крутизна горных склонов и глубина вреза *вади* Акарит/Akarit, который стал созданным природой противотанковым рвом, лишили командование возможности использовать *Гнедых* в попытке прорвать эту линию обороны. Это стало работой для гуркхов 4-й Индийской Дивизии, которые превосходно проявили себя в ночном бою, в котором с ужасающей эффективностью использовали свои ножи *кукри*. *Гнедые* позднее приняли участие в преследовании врага, отступавшего на север. Они продвигались миля за милей через оливковые рощи мимо портов Сус/Sousse и Сфакс/Sfax.

Североафриканская кампания приближалась к завершению. Роммель был отозван в Германию, превратившись в больного, лишенного всяких иллюзий человека. 1-я Итальянская Армия и немецкая 5-я Танковая Армия оказались загнанными в непрерывно сжимавшийся в размерах угол Туниса наступавшими с юга британцами 8-й Армии и с запада британцами 1-й Армии и американцами. Завершающий удар

наносился в секторе 1-й Армии, атаковавшей вдоль дороги от Меджез-эль-Баба/Medjez el Bab до столицы страны, хотя три войсковые части, переброшенные в этот сектор из сектора 8-й Армии (4-я Индийская, 7-я Танковая и 200-я Гвардейская Бригада) также должны были принять в этом участие под командованием генерал-лейтенанта этой армии Хоррокса. Атака началась 6 мая, пробила брешь в обороне немцев, и через 36 часов британские бронемашины уже были в столице страны – Тунисе.

Гнедые продвигаются через проход Габес

Тем временем 2-я Танковая Бригада, включавшая *Гнедых*, продвигалась к основанию полуострова Кап Бон/Cap(e) Bon, достигающим в длину 20 миль и в ширину 5 миль и вдающемуся в Средиземное море сразу к востоку от столицы Туниса. Мы шли по зеленой равнине, покрытой виноградниками, цитрусовыми садами и рощицами лиственных деревьев с разбросанными там и тут деревнями-фермами. Мы столкнулись с кое-каким сопротивлением – огнем 88-миллиметровки со стороны одной из деревень покрупнее под названием Кретевиль/Creteville, но скоро он был подавлен усилиями моего взвода из Эскадрона *A* и эскадрона мотопехоты прикомандированных к нам Йоркширских Драгун/Yorkshire Dragoons. Стоявшие впереди горы полуострова казались существенным препятствием. В одном из своих знаменитых приказов Монти обещал, что «с верой в Бога и в правоту нашего дела … мы заставим немцев ощутить на себе первоклассный Дюнкерк на пляжах Туниса.» Но немцы, израсходовав боеприпасы и оставшись почти без горючего предпочли капитулировать *(в реальности войска Оси сдались, располагая значительным количеством различных припасов – ВК),* а не бросаться в омут эвакуации или обороны на последнем горном рубеже. 13 мая кампания в Африке была официально объявлена окончившейся.

Немецкие и итальянские военнопленные, некоторые в забитых людьми грузовиках, некоторые на своих двоих, сдавались толпами. Со своего танка, припаркованного на обочине дороги, ведущей от мыса Бон, я следил за тем, как их людской поток уходил в тыл. Наиболее удивительно выглядел батальон элитной дивизии *Herman Göring.* Восхитительно выглядевшие крепкие парни, каждый ростом выше шести футов, побросали свои каски, и теперь их светлые волосы поблескивали в лучах солнца. С выпяченной грудью и высоко поднятой головой они маршировали в идеальном строю. Их гордость осталась непоколебленной, когда они шеренга за шеренгой уходили в плен…

Немцы, сдавшиеся в плен в мае 1943 года в Тунисе. Они не выглядят изможденными и пребывают в хорошем расположении духа. Их ждут несколько лет плена на американской земле (1, 2)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НА ИТАЛЬЯНСКОМ ФРОНТЕ - КОНЕЦ 1944-ГО – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1945-ГО ГОДА

Высадившись в Неаполе, мы прошли маршем в транзитный лагерь, расположенный в окрестностях города Атрагола/Atragola. Союзные войска быстро продвигались на север и были уже более чем в 100 милях от нас. До освобождения Рима осталось всего несколько дней. В Неаполь продукты никто не поставлял, и орды голодных женщин и детей роились вокруг мусорных баков на окраинах лагеря. Они были одеты в тряпье, дрались друг с другом, ругались, кричали и заталкивали в рот любой попавшийся им кусок выброшенной на помойку пищи, который попадал им в руки. Стоявшим в карауле приходилось отгонять их от лагерной продуктовой лавки круглые сутки. Было грустно видеть человеческие существа, которых голод лишил всякого достоинства и самоуважения. Наступило облегчение, когда через шесть дней нас переместили в город Матера/Matera, расположенный в 25 милях и от Бари/Bari, и от Таранто/Taranto.

Я бы не сказал, что Матера была раем. Она была живописно расположена над обрывистым склоном оврага, и на нее открывался вид из нашего лагеря, расположенного за пределами города. Какая-либо инфраструктура в городе отсутствовала. Не работала канализация, мусор никто не убирал, и всевозможные отбросы просто скидывали в овраг. Многие люди жили в пещерах, и весь город, начиная с собора, стоявшего на вершине холма, и заканчивая ветхими домишками в нижней части склонов, выглядел так, словно он был готов свалиться в овраг в любой момент.

Казалось, на узких улицах почти отсутствует жизнь: иногда проходили группы визгливых детишек, которых сопровождал священнослужитель в беретике. В наши дни Матера трансформировалась в притягательный туристический центр и город, отнесенный к мировому наследию, но в 1944-м он в нем царили лишения и нищета…

После короткого стояния в Матере полк переместился на 10 миль к северо-западу в район, где располагались города Гравина/Gravina и Атамура/Atamura, туда, где местность с волнистым рельефом давала пространство для отработки взаимодействия пехоты и танков, что было тактической необходимостью в стране гор и быстрых рек, там, где широкие охваты с флангов и самостоятельные действия бронетехники, как это было в пустыне, стали невозможными. В ходе нескольких учений, имевших место под Гравиной, три эскадрона по очереди работали вместе с пехотой, меняясь с ней ролями, но мое участие в этом оборвалось, когда я заразился легочной инфекцией. Одним утром, когда Эскадрон *А* должен был стать пехотой и атаковать какую-то высоту, я почувствовал, что задыхаюсь, и к тому моменту, когда я добрался до вершины холма, дышать стало уже больно. Я едва сумел добраться до столовой, и, когда я оказался там, у меня поднялась температура, и я просто свалился на койку. Полковой врач, Стив Конвэй (Steve Conway), был всегда на высоте, оказывая первую помощь людям, пострадавшим в бою, исключительно храбрым, всегда находившимся сразу за передовой, но его медицинские знания носили ограниченный характер. Он не смог определить, что со мной не так, и он отправил меня в армейский госпиталь в Бари с запиской: «Недиагностированная лихорадка.» Но, когда я добрался до госпиталя через несколько часов, температура у меня чудесным образом упала, и я задышал нормально. Врач, осмотревший меня, был изумлен. «Ну, - сказал он, - ты столько проехал, так что будет лучше, если ты проведешь ночь здесь, в комфортных условиях, а утром отправим тебя обратно…»

После Бари меня отправили на спецзадание – охранять полк фальшивых танков - танков-макетов, деревянный каркас которых был обтянут материей, придававшей ему форму *Шермана/Sherman*. Они стояли на низких, поросших кустарником холмах в 40 милях от побережья. Я взял с собой 20 человек из состава *Гнедых*, ко мне присоединился Кеннет Хедли (Kenneth Headley) с таким же количеством людей из другого полка – 4-го Гусарского. Нашей задачей была охрана этой *парковки* кольцом часовых, не позволяющих никому подходить к ним слишком близко и не давать никому разглядеть, что это макеты, что могло быть передано немцам. Обязанности наши были легкими. Дважды в день, утром и вечером, мы обходили *парковку* по периметру чтобы убедиться в том, что все часовые на месте и не заснули на посту, еще мы отвечали за питание людей. В остальном весь день принадлежал нам.

Нам очень повезло. Мы набрели на хорошо снабженный склад *NAAFI (Navy, Army and Air Force Institutes - компания, созданная британским правительством 9 декабря 1920 года для управления рекреационными учреждениями, в которых нуждались вооруженные силы Великобритании, и для продажи товаров военнослужащим и их семьям – ВК)*, услугами которого, по-видимому, пользовалось лишь небольшое число людей в этих местах, поэтому он щедро пре нас предоставлял нам пиво, шоколад и сигареты, что держало нас в отличном расположении духа. Еще у них был ящик хереса, и мы с Кеннетом купили у них несколько бутылок.

Кеннет был самым забавным малым на свете. Он любил всех передразнивать и использовал свой талант, измываясь над несколькими полковыми товарищами. Это был начитанный парень и бэтсмэн-[крикетист] с отличным ударом слева. Он регулярно решал кроссворды в газете *The Times* и хорошо играл в бридж. Его слабым местом было

то, что он был азартным игроком – после войны он стал регулярно посещать ипподромы, какое-то время ему сопутствовала удача, но потом эта полоса подошла к концу, и он сильно и унизительно проигрался к большому огорчению своего серьезно настроенного отца, видного гинеколога, который считал скачки изобретением дьявола и с отвращением относился ко всем разновидностям игорного бизнеса. Но, по счастью для Кеннета, на юго-востоке Италии в начале осени 1944 года делать ставки было не на что…

После того, как мы провели две недели в карауле рядом с танковыми макетами, стратегические планы [командования] изменились. Вместо атаки вдоль дороги, ведущей от Флоренции до Болоньи через центральные Апеннины, 8-я Армия теперь должна была наносить основной удар по *Готской Линии* в узком секторе предгорной равнины Адриатического побережья, там, где фальшивые танки должны были сбить врага с толку. Хотя равнина была осложнена многочисленными гривами и расчленена стекающими с гор реками, она определенно предоставляла бóльшие возможности для использования танков, чем осевая часть хребта. Вероятно, немцы интерпретировали наличие здесь фальшивых танков как незначительный двойной блеф. Так или иначе, Кеннет и я больше были не нужны для охраны этих макетов, и нас вернули в полки.

В следующие несколько недель мы продвигались шаг за шагом вдоль побережья Адриатики, постепенно приближаясь к *Готской Линии* - важному оборонительному рубежу немцев, протягивающемуся от Римини/Rimini, порта и морского курорта у Адриатического моря, через Апеннины до Специи/La Specia на Средиземноморском побережье…

Тот август мы провели между приказами и контрприказами при отсутствии порядка, связанным с необходимостью подчиняться постоянно меняющимся требованиям стратегического плана. В один из вечеров в конце месяца ко мне обратился сержант Тэйлор (Taylor). Он сказал: «Должен сказать вам, сэр: танковые экипажи будут недовольны тем, что в бой придется идти под командованием майора Дэнса (Dance).» Это прозвучало совершенно неожиданно и потрясло меня. Самые шальные мысли забегали у меня в голове. Было ли бунтом это проявление нежелания идти в бой под началом назначенного сверху командира? И, если так, как я должен на это реагировать? Но уже через несколько секунд я понял, что мысль о бунте была чепухой. Джинджер Тэйлор был кадровым бойцом высшей пробы, старшим сержантом эскадрона, очень эффективным служакой, обаятельным товарищем, верным долгу и, что наиболее важно, очень и очень храбрым воином. Я помыслить не мог о том, что он пошел бы на это, не будучи полностью уверенным в своей правоте и не имея поддержки танкистов.

Более того, я знал, что он прав. Джимми Дэнс принял на себя командование эскадроном, когда Джекки *(Jackie Harman, 1920-2009, бывший командир эскадрона*, *позднее, в 1978-1981 годах – заместитель командующего Союзными Силами в Европе, слева на фото, сделанном в 1960 году - ВК)* в феврале отбыл домой, и в последовавшие за этим месяцы мы видели частые свидетельства некомпетентности первого и его склонности к получению удовольствий, а не к выполнению своих обязанностей. Такие мысли приходили ко мне в голову за две ночи до этого, когда он, вернувшись из полковой группы управления, попытался отдать командирам экипажей приказы, касающиеся следующей стадии продвижения вперед. Мы собрались в полукруг в темноте, и Джимми, запинаясь,

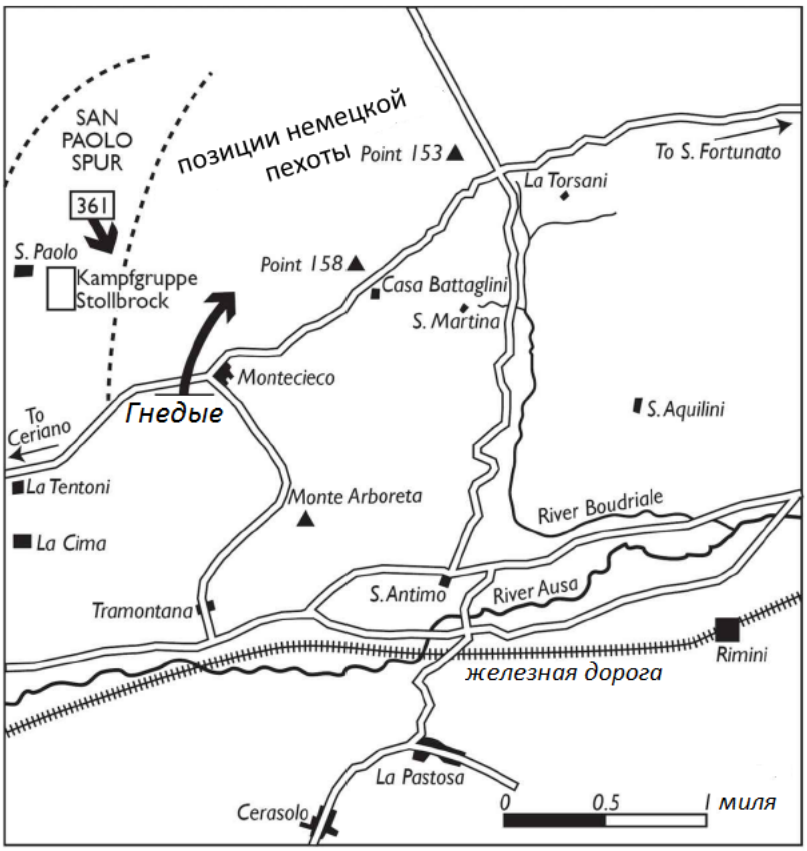
произнес что-то невпопад и так и не смог донести до нас суть дела. Это было явное свидетельство того, что он был неадекватен в роли офицера. Услышав сказанное Тэйлором, я почувствовал стыд от того, что ничего не сделал в этой связи, что посмеялся в душе тогда, когда должен был возмутиться. Мне нужно было время подумать, время на то, чтобы найти выход из этой дилеммы. Так что я не стал торопиться, сказал Тэйлору, что понял его и что он должен дать мне время на то, чтобы обдумать следующий шаг. Он принял это, и ушел к своему танку. Жизненно важный вопрос, на который нужно было найти ответ, заключался в следующем: если свержение командира необходимо и Джимми нужно сместить, кто придет ему на смену, когда остается всего день или два, или около того до того момента, когда мы пойдем в бой? Первым, кто формально подходил, был Том Толлер (Tom Toller), номинально имевшийся замкомандира эскадрона, но Тома нельзя было рассматривать как вероятного лидера в бою. Он был парнем, который всем нравился, но его слабым местом была привычка все время влюбляться. Где бы мы ни оказывались и сколь неподходящими бы ни были обстоятельства, Том находил женскую особь, которой полностью отдавал свое сердце. Его взор туманился, и его больше ничего не интересовало, кроме следующего свидания с возлюбленной. Как только мы уходили в другое место, это заклятие спадало с него, его взор прояснялся, и он начинал проявлять интерес к происходящему вокруг и мог говорить о многих предметах. Потом, в одно утро, ты замечал, что его взор снова затуманен: Том снова был влюблен. Парни обожали его благодаря полному отсутствию у него чванства и манерности. Они пошли бы за ним в огонь и в воду, но сам он не имел ни малейшего понятия о том, куда идти. Джинджер Тэйлор хорошо знал его, и важным было то, что он пришел ко мне, ко второму человеку в звании капитана в эскадроне. Я все еще продолжал мучительно размышлять об этой проблеме, когда пришла новость о том, что Джекки вернулся в полк, отслужив какое-то время инструктором в Сандхерсте *(Королевская Военная Академия – ВК)* и командиром эскадрона в 24-м Уланском (Lancers) Полку в первые недели кампании в Нормандии. С невероятным чувством облегчения я поспешил в полковой штаб, где нашел его и объяснил ему, что произошло. Он сразу уяснил суть ситуации и пошел к комполка, Дэниэлу Эсквиту (Daniel Asquith.) Через час все было утрясено: Джекки был возвращен на должность командира эскадрона, а Джимми, у которого были небольшие проблемы с кишечником, был на пути в Рим с приказом не возвращаться, пока не восстановится полностью его здоровье. Мы больше ни разу его не видели до конца войны. С моих плеч свалился тяжелый груз…

Джекки доверяли все. У него была подходящая родословная: он был единственным сыном генерал-лейтенанта, сэра Вентуорта Хармэна (Wentworth Harman), который ранее командовал этим полком. Джекки унаследовал от отца инстинкт армейского командира, который был и у погибшего Джонни Тэйтэма-Уортера. Мне повезло: оба они командовали мною в бою. Однако в его характере были определенные аномалии. Он был лучшим бегуном в свое время в Веллингтонском Колледже и, будучи крайним трехчетвертным на регбийном поле, он мог обогнать любого, кто ему противостоял, и занести попытку. Но, если кто-то пытался свалить его, он останавливался и не пытался прорываться дальше к зачетной зоне, поэтому считали, что он трусоват. Его поведение на регбийном поле не предвещало ничего хорошего в его поведении на войне, однако, как ни удивительно, на поле боя он не прятался от опасности и был так же храбр, как и любой другой… Он не был лишен жестокости и был немного склонен травить других. Он постоянно цеплялся к Крису Паркеру (Chris Parker), одному из офицеров Эскадрона *А*. «Ты – это не более, чем долбаная маленькая девочка,» - мог он выкрикнуть в адрес Криса в столовой. Крис был небольшого роста, темноволосым, спокойным и немного женственным в смысле манер. Он был интеллигентен, трудолюбив, он был офицером, который посвящал себя своим людям, и его любили и уважали. За храбрость,

проявленную тогда, когда он командовал взводом разведки под Эль-Аламейн, он получил *Военный Крест*/*Military Cross*. Не было каких-либо мыслимых оправданий для наездов на него со стороны Джекки. Последний имел тенденцию к тому, чтобы искать в неудачах других источник удовольствия для себя.

Джекки принял под свою команду Эскадрон *A* как раз вовремя. Через два дня мы были на марше и шли на север по отвратительным разбитым дорогам, ослепленные и лишенные возможности нормально дышать клубами пыли, поднимаемыми гусеницами. Нас торопили и гнали вперед. Атака 8-й Армии на *Готскую Линию* началась 27 августа и быстро достигла прорыва на реке Фолья/Foglia, в устье которой находился город Пезаро/Pesaro. Верховное командование – фельдмаршал Александер, главнокомандующий союзными силами в Италии, Оливер Лиз (Oliver Leese, 1894-1978), командующей 8-й Армией, генерал Чарлз Кейтли (Charles Keightley), командующий 5-м Корпусом – все преисполнились энтузиазма. Они были убеждены в том, что немцы побежали и что остается только преследовать их всю дорогу до реки По через северную Италию и вплоть до Вены. Это оптимизм был ничем не обоснован. Немецкие позиции на реке Фолья и правда были сильнейшими для всей *Готской Линии*, но само название *Линия* было неверным: это была, скорее, цепь укрепленных пунктов разной степени готовности, протягивающаяся в этом секторе на 20 миль в глубину от Пезаро до Римини. Когда Кессельрингу (Albert Kesselring), командующему немецкими силами в Италии, стало ясно, что наступление союзников сфокусировано на узком коридоре между Апеннинами и Адриатическим морем, он нашел возможность усилить свои войска здесь за счет переброски сил с других участков фронта.

После нескольких изматывающих маршей *Гнедые* 4 сентября включились в боевые действия на реке Конка/Conca, где столкновения шли уже девятый день. Река Конка и дорога, протягивающаяся вдоль нее, были довольно извилистыми. Конка стекала с гор на равнину, поворачивала направо под прямым углом, потом пару миль текла прямо, после чего поворачивала влево и устремлялась к морю, в которое впадала в районе города Каттолика/Cattolica *(примерно 10 миль к северо-западу от Пезаро – ВК)*. Мы форсировали ее в нижнем течении. Нам сообщили, что немцы беспорядочно отступают, и мы получили приказ немедленно вступить в бой без какой-либо паузы на отдых и техобслуживание танков. Передовые части нашей 46-й Пехотной Дивизии, как сообщалось, были уже на гряде впереди нас, и там должен был находиться стартовый рубеж для атаки. Максимальная скорость была важнейшим фактором. Времени на то, чтобы передать какую-либо информацию командирам экипажей, не было. Командиры эскадронов, которых проинструктировал полковник, должны были вести за собой своих людей к стартовому рубежу. Все поступавшие сообщения были переполнены ложной информацией. Патрули 46-й дивизии, если даже они когда-то и выходили к гряде Кориано/Coriano (а эти сведения, вероятно, было результатом неправильного чтения карт), были сброшены с нее, а немцы, которые вовсе не собирались драпать, занимали большими силами подготовленные позиции на гряде.



Атака Гнедых на высоту 153 20 сентября 1944 года

Полк начал продвижение к стартовому рубежу двумя эскадронами: Эскадрон *C* слева от дороги у реки, Эскадрон *A* справа, немного выше по рельефу. Пройдя примерно половину расстояния, Эскадрон *C*, которым командовал майор Хибберт по кличке Уоши (*Washy* Hibbert), попал под сильный противотанковый огонь с вершины расположенного на южном берегу реки холма, на котором стояла деревня Сан-Джеммано/San Gemmano, - этот холм господствовал над речной долиной. Зажатый между руслом реки с одной стороны и глубокой канавой с другой эскадрон не мог занять оборонительную позицию для ответного огня, и, когда один из танков был подбит и заблокировал обратный путь остальным, у танкистов не осталось других вариантов, кроме того, как продвигаться дальше к стартовому рубежу. То, что приключилось с ними потом, стало предметом рапорта замкомандира эскадрона Джона Маквэйла, написанного сразу после этого события:

Продвигаясь вперед, мы поливали из пулеметов все - изгороди, канавы, дома, стога сена, фактически, все, где мог бы скрываться враг, а выйдя к деревне, мы стали стрелять фугасными снарядами по углам домов, в то время как наши пулеметчики вели огонь по дверям и нижнему ярусу окон. Командир эскадрона тем временем вел огонь из своего автомата по верхнему ярусу окон. Сначала эта тактика показала себя успешной, и, должно быть, шум и неразбериха напугали противника, так как несколько человек повыскакивали из канав и стрелковых ячеек и попытались бежать, однако многие попали под наш огонь.

Сразу к югу от Сан-Савино/S. Savino (небольшая деревня на гряде) произошло первое заметное событие, когда человек с базукой (вероятно, это был панцершрек – ВК) выпрыгнул из канавы позади танка майора Хибберта и попытался подбить его. Майор Хибберт застрелил его из своего пистолета. Севернее Сан-Савино мы

проехали в нескольких футах мимо танка Pz.IV (в тексте Mark IV – ВК) с его 75-мм пушкой, нацеленной на дорогу. Мы проскочили так быстро, что никто так и не выстрелил по нам. Затем мы поняли, что отрезаны и находимся в отчаянном положении, и каждый раз, когда мы останавливались, чтобы спланировать дальнейшие действия, по нам открывали огонь со всех направлений, и нам приходилось продолжать движение. Со временем мы вышли к точке К.13 (каменному дорожному знаку, расположенному не доходя 3-х км до Кориано) в [деревне] Сан-Мария/San Maria, и, когда танк капитана Маквэйла завернул за угол и улеглась пыль, он натолкнулся на танк Pz.IV, откатывающийся задним ходом настолько быстро, насколько это было возможно. Оба танка остановились, между ними было 15 ярдов, их пушки были нацелены друг на друга. Танкисты Корбетт (Corbett) и Джампс (Jumps), заряжающий и наводчик, выпустили четыре снаряда до того, как немец смог ответить огнем. Pz.IV задымился, и один из членов его экипажа выскочил из машины. Он попытался бежать, но был убит пулеметным огнем. В этот момент в танк майора Хибберта попал снаряд, он был обездвижен, и его экипаж выбрался из машины. Теперь дорога была заблокирована в обоих направлениях. Танк капитана Маквэйла съехал с нее влево в сторону дома, за которым укрылись майор Хибберт и его экипаж, после чего они начали совещаться, [что делать дальше.]

Противник продолжал вести огонь со всех сторон, и не прошло много времени, когда снаряд попал во второй танк. Мы побежали в укрытие как раз тогда, когда открыла огонь наша артиллерия и когда, после прямого попадания, загорелся наш танк. Мы залегли, потом кто-то заметил блиндаж, и мы, один за другим, побежали к нему. Блиндаж оказался большим в размере и был построен с большой заботой. Он был врыт в крутой уступ, его кровля была укреплена [распорками]. Там были стул, подушка, полбутылки кьянти и еще четыре пустые бутылки, корзина и много соломы. Мы посовещались и решили остаться в нем на ночь, надеясь на то, что наши займут деревню или той же ночью, или на следующее утро.

Этим надеждам не суждено было сбыться, и через 48 часов отряд из состава Эскадрона *С*, прихватив по дороге пятерых пленных немцев, сумел вернуться к своим.

Когда Эскадрон *С* попал под огонь со стороны деревни Сан-Джеммано, Эскадрон *А* получил приказ повернуть влево и поддержать его. Это был плохо продуманный маневр. Мы пересекали глубоко вспаханное поле, на котором несколько танков при повороте потеряли гусеницы, и мы уже не могли ничем помочь Эскадрону *С*. Когда мы развернулись, чтобы продолжить движение по прежнему курсу, было потеряно еще несколько гусениц, и тут мы попали под концентрированный огонь артиллерии с гребня гряды, что сделало дальнейшее продвижение невозможным. Так первый день нашего участия в итальянской кампании оказался совершенно неудачным.

Гряда Кориано была занята только через неделю, и, чтобы сделать это, потребовались усилия войск, эквивалентных по силам трем с половиной дивизиям. Сан-Савино, деревня, которую Эскадрон *С* объехал в первый день сражения, была занята двумя батальонами гуркхов при поддержке эскадронов *В* и *С Гнедых*, прикрывавших их от возможной контратаки. Эскадрон *А* оставался в резерве и прямого участия в боях не принимал. Эта гряда была намечена как стартовый рубеж для наступления на бегущего в панике противника, а на самом деле ее удерживали три ударные и обстрелянные в боях немецкие дивизии: 26-я Танковая, 29-я Панцергренадерская и 1-я Парашютная. Разведка сработала хуже некуда.

Всю следующую неделю мы преследовали немцев, продвигаясь по сильно пересеченной местности, пока не вышли к достигающему 10 миль в ширину проходу

между Римини и крошечной горной республикой Сан-Марино с населением 25 000 человек. Там река Ауза/Ausa протекала у подножия склонов, поднимавшихся к деревне [Сан]-Фортунато/San Fortunato, расположенной непосредственно на западной окраине Римини. К ней прилегала деревня Сан-Мартино/San Martino, расположенная на гряде Венти/Venti, - последнем элементе рельефа, где можно было разместить оборонительные позиции перед находившейся дальше на север широкой долиной реки Мареккья/Marecchia и Ломбардской равниной. Гряда проходила дальше на запад через деревню Черианo/Ceriano и протягивалась к горам Сан-Марино. 18 сентября *Гнедые* вышли к реке Ауза, но попали в глухую транспортную пробку. Единственный имевшийся в тех местах мост в городке Роверетта/Roveretta был взорван немцами, и альтернативный участок, - брод в районе города Бенефицио/Benefizio, по которому реку можно было форсировать, не справлялся с потоком машин, идущих на север. С этого момента и до конца сражения я не мог преодолеть клаустрофобию, которая возникала у меня, когда нескольким дивизиям приходилось бороться за место на узких дорогах, ограниченных глубокими канавами, из которых было невозможно вытащить сползший в них танк. К такой неразберихе добавлялись и артобстрелы… В то время как остальная часть полка застряла на южном берегу Аузы, Эскадрон *А* получил приказ продвигаться дальше, чтобы поддержать батальон мотопехоты полка Йоркширских Драгун/Yorkshire Dragoon, входивший во 2-ю Танковую Бригаду. Батальон атаковал высоту Монте Арборетта/Monte Arboretta – изолированный холм в миле от Сан-Мартино на гряде Венти, господствовавший на дорогой, ведущей от реки к гряде. *Драгуны* вступили в ожесточенный бой, взяли высоту Монте Арборетта, но были сбиты с нее немецкой контратакой. Они вновь заняли ее, но понесли тяжелые потери. Эскадрон обошелся без потерь, но израсходовал большую часть боеприпасов и сжег большую часть своего горючего, маневрируя в окрестностях высоты. Из-за сохранявшейся пробки в районе брода Бенефицио грузовики с необходимыми материалами не могли пробиться к нам, и это было то, что спасло нас в смертельно опасной ситуации 20 сентября.

В итоге, *Гнедые* переправились через реку во второй половине дня 19 сентября и начали продвижение в направлении деревни Монте Чеко/Monte Ciecо – группы домов со школой среди них, расположенной на гряде Венти. План действий 5-го Корпуса включал в себя атаку *Гнедых* на *Высоту 153* в тот же вечер, но задержка на переправе оказалась столь продолжительной, что Дэниэл Эсквит, наш комполка, решил, что уже поздно, и отложил атаку на утро. Полк встал лагерем к западу от дороги, где к нему вновь присоединился Эскадрон *А*. Утром 20 сентября события стали развиваться стремительно. Полк покинул лагерную стоянку до первых лучей солнца и выдвинулся на позицию в 100 ярдах к западу от дорожного перекрестка, у которого находилась деревня Монте Чеко. Танки встали на позицию на краю огромного, заросшего травой понижения в рельефе, над землей были видны только башни. Верхний *(западный – ВК)* край понижения находился в районе Черианo, и построек деревень Каса Чима/Casa Cima и Каса Тентони/Cas Tentoni. Когда рассвело, я увидел три или четыре наших танка *Черчилль/Churchill*, разбросанных по понижению. Люки их башен были закрыты, и рядом с ними не было никаких признаков жизни. Я предположил, что они или были подбиты, или оказались неисправными, но после полудня они неожиданно тронулись с места и ушли вниз в направлении Аузы. Цель их временного присутствия осталась неизвестной. *Высота 153*, которую предстояло атаковать полку, находилась в одной миле к северо-востоку от Монте Чеко. Она господствовала над дорожным перекрестком, находившемся на гряде, и над расположенной ниже и дальше к северо-востоку местностью в районе Сан-Фортунато, - там позиции немцев атаковали канадцы. Пока полк перегруппировывался, он находился под огнем снайперов из дома, находившегося где-то близ Монте Чеко. С тыла, со стороны Черианo, немцы вели по нему ружейно-

пулеметный огонь, стреляла и противотанковая артиллерия. Эсквит решил, что атака невозможна, пока не будет устранена угроза с тыла, и приказал Эскадрону *B* отправить туда танки, чтобы решить проблему. Два танка этого эскадрона были быстро выведены из строя, и машина сержанта Бёрли продолжила атаку в одиночку. То выскакивая из танка, то снова запрыгивая в него, Дон Бёрли (Don Burley) вел бой против немецких пехотинцев, пока не был ранен осколком гранаты. Потом он вернулся в свой эскадрон, чтобы принять участие в атаке на *Высоту 153*.

В 09.50 пришел приказ о начале атаке на *Высоту 153* в 10.15. Эсквит тщетно возражал против этого, говоря, что высоты в его тылу все еще удерживаются противником, что путь к цели простреливается противотанковыми пушками, расположенными севернее, что он уже потерял несколько машин и что его резервный эскадрон остался почти без горючего и без боеприпасов. Бригадир Ричард Гудбоди (Richard Goodbody, 1903-1981, на фото слева) отвечал, что все это хорошо известно, но атака является важной составной частью плана боевых действий корпуса, нацеленных на ослабление давления на канадцев, и поэтому ее необходимо осуществить. Так эта самоубийственная атака силами эскадронов *B* и *C* была начата в назначенное время. Покинув свои позиции, на которых над землей просматривались только башни, танки немедленно попали под шквал огня 75-мм самоходок и 88-миллиметровок Боевой Группы (Kampfgruppe) *Stollbrock*, занимавших позиции в районе усадьбы Сан Паоло/San Paolo и Пяно деи Венти/Piano dei Venti. Эта местность была почти лишена деревьев, и ничто не мешало артиллеристам вести прицельный огонь. Расстояние до немцев составляло около 600 ярдов, - для немцев то же самое, что стрелять в упор, и танки двух эскадронов начали выходить из строя один за другим без какой-либо надежды на ответный огонь. Капитан *(вероятно, гауптман - ВК)* Хризофель (Chrisophel) из роты самоходок немецкого 361-го Полка так описал то, что сумел сделать лейтенант Росслер (Rossler):

Увидев, что 27 Шерманов пошли в атаку, он взял инициативу на себя и решил выдвинуться вперед как можно дальше со своими тремя самоходками, после чего вывел из строя 13 танков в считанные минуты. Вдохновленные его примером гренадеры вступили в бой и уничтожили еще 9 машин.

Под прикрытием дымовой завесы три танка из Эскадрона *B* сумели вернуться в целости и сохранности на стартовый рубеж, но ни один танк Эскадрона C не вернулся из боя. Танкисты лишились какой-либо возможности получить помощь от поддерживающей нас артиллерии (из состава Полка *Honorable Artillery Compa*ny), когда танк нашего офицера-артиллерийского наблюдателя Квентина Дрейджа (Quentin Drage) был подбит, а сам он был убит, когда сопровождал передовые танки Эскадрона *C*.

В это время я был на тыловой связи от Эскадрона *A*, - это означало, что моя рация была включена с настройкой на ту же частоту, что и рации заднего эшелона других эскадронов и рация комполка и что я был связующим звеном между ним и моим командиром эскадрона, Джекки Хармэном, рация которого была настроена на ту же частоту, что и рации остальных танков эскадрона. Очевидно, на Эсквита давили, чтобы он возобновил атаку силами Эскадрона *A*, потому что он вызвал меня и сказал: «У тебя хватит бензина на несколько миль?» Я ответил совершенно однозначно, что не хватит. Потом он сказал: «Недостаточно, чтобы сделать небольшой рывок галопом?» Я снова ответил: «Нет.» Думаю, я спас эскадрон от самоубийственного шага. Потом наступил полдень. Вскоре

после этого эскадрон 9-го Уланского под командованием Дерека Элхусена (Derek Alhusen) был переведен в подчинение *Гнедых* для еще одной атаки на *Высоту 153*. Их полковник, Джек Прайс (Jack Price), прибыл вместе с ними и, посовещавшись с Эсквитом, переговорил с бригадиром, сказав тому, что 9-й Уланский готов к атаке и что каждый танкист готов исполнить свой солдатский долг, но британцы потеряют еще один танковый полк, если не будет принят другой план атаки. Бригадир Гудбоди взял на себя ответственность за приостановку атаки и приказал Прайсу просто закрепиться на достигнутом рубеже. После сражения он был снят с должности…

Панорамный снимок местности, по которой Гнедые пытались прорваться к Высоте 153

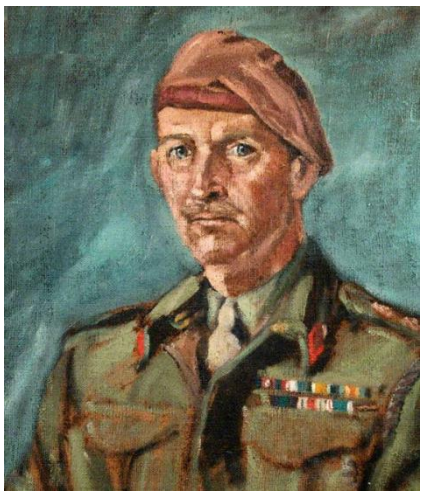
Изначальный план командующего 5-м Корпусом Кейтли страдал двумя фундаментальными изъянами. Во-первых, цель атаки не была видна со стартовой линии, потому что ее заслоняла *Высота 158* с ее фермерскими постройками. Во-вторых, она подразумевала продвижение вдоль удерживаемых противником сильных позиций, из-за чего танки попадали под огонь противотанковой артиллерии с близкого расстояния как с тыла, так и с левого фланга, - такой маневр просто не мог привести к успеху. Было ясно, что подходящим направлением для атаки на *Высоту 153* было северное, от высоты *Монте Арборетта* в сторону Сан-Мартино, на северо-восток от *Высоты 158* и дальше вдоль идущей по гряде дороге к перекрестку, рядом с которым находилась *Высота 153*. К осуществлению этого плана приступили вечером того же дня, и это привело к тому, что немцы оставили свои позиции к югу от реки Мареккья в ту же ночь. Атака *Гнедых* в то утро была бесполезной и обошлась дорого…

Танк Дона Бёрли (на фото слева) был подбит, и он был ранен еще раз в той провальной атаке Эскадрона *B*, но выжил, укрывшись в низинке, пока противник вел сильный огонь. Излечившись от ран, он вернулся в строй и принял участие в боях поздней осенью 1944 года. Позднее за проявленную в сражениях храбрость он был награжден *Медалью за Отличие в Бою/Distinguished Conduct Medal*… Бёрли уволился из армии в 1946 году и сделал удачную карьеру в бизнесе. Он дожил до 93 лет.

Позднее на том месте, откуда начиналась эта атака, был установлен памятник. Им стала простая белая плита в кирпичной раме. На ней были высечены имена павших, среди которых были имена награжденного *Военным Крестом* Криса Паркера – парня, которого Джекки Хармэн называл *долбаной маленькой девочкой*, и Джона Маквэйла.

Ветераны у памятника танкистам, погибшим 20 сентября 1944 года под Монте Чеко. Слева – Питер Уиллет, третий слева – Джекки Хармэн, четвертый – Даглас Маккэлллэн. Ветераны нашли памятник в ухоженном состоянии: за ним присматривали учащиеся местной школы. Фото 1994 года

64 человека убитыми и ранеными всего за несколько минут – эти потери сделали 20 сентября 1944 года черным днем войны для *Королевских Гнедых*…



Вечером 20 сентября 1944 года, проведя большую часть дня в резерве, Эскадрон *А* снова спустился в долину реки Ауза вместе с остальными танкистами своего полка. Там мы узнали, что верховное командование, молча признав, что Италия с ее горами и сотнями бурных рек в целом не годится для тактического применения бронетанковых дивизий, и решило расформировать 1-ю Танковую Дивизию. Тем не менее, 2-я Танковая Бригада, состоявшая из *Гнедых*, 9-го Уланского Полка и 10-го Гусарского Полка, стрелкового батальона и 11-го Артиллерийского Полка, останется отдельным формированием, единственным назначением которого будет поддержка пехоты. Джон Кум (John Coombe, 1895-1967, на портрете слева) был назначен командиром бригады. Ранее он командовал 11-м Гусарским Полком, известным под кличкой *Сборщики Вишен/Cherry Pickers*, - оснащенным бронеавтомобилями полком, исключительно успешным и хорошо проявившим себя в пустыне, и был выдающимся солдатом. Это был богатый человек, который после войны разводил первоклассных скаковых лошадей и владел ими. Но он не был мотом, в полевых условиях всегда носил армейские башмаки, а его макинтошем всегда была армейская накидка от химзащитного костюма. Эта накидка была в самый раз осенью 1944 года. В дни перед событиями под Монте Чеко было прохладно, а вечером полило, и нас хорошо вымочило. Сильные дожди, с перерывами, продолжались следующие три

месяца, в связи с чем местные потом говорили, что это была самая сырая осень на их памяти…

2-я Танковая Бригада была подчинена 46-й Пехотной Дивизии. План кампании на последний период войны заключался в продвижении по шоссе *Via Emilia*, протягивающемуся, как стрела, вдоль северо-восточной окраины Апеннин от Римини до Болоньи – города, на который американская 5-я Армия наступала через горы севернее Флоренции. Ось наступления 46-й Дивизии пролегала через предгорья, состоявшие из ограниченных крутыми склонами отрогов гор, разделенных через каждые несколько миль реками, вспухшими от непрерывных проливных дождей. Реки часто выходили из берегов, заливая окрестные поля и делая их непроходимыми для танков. Для танков эта территория была далека от идеала…

Обычной тактической процедурой на каждой реке было следующее: пехота ночью переправлялась и закреплялась на плацдарме на противоположном берегу, затем танковый полк или эскадрон форсировал реку сразу после того, как был наведен мост, чтобы защитить пехоту от неминуемой контратаки противника. В одном из таких эпизодов Эскадрон *A* занял оборонительную позицию на безлесном склоне холма, на котором в сотне ярдов слева от меня располагалась ферма, окруженная плотной живой изгородью из кактусов. Это было посреди затишья – одной из тех необъяснимых пауз, когда молчит оружие и на поле боя опускается тишина. Неожиданно из-за ограды донеслось отчаянное кудахтанье, и через мгновение ищущая спасения курица прорвалась через ограду, преследуемая гуркхом, размахивающим своим ножом *кукри*. Погоня завершилась через несколько ярдов, когда после одного взмаха ножа курица лишилась головы. Гуркх наклонился, подобрал обезглавленную птицу, засунул ее подмышку и исчез за оградой. Вскоре пушки вновь открыли стрельбу, и бой возобновился…

Эскадрон *A* постоянно выдвигался на передовую, потом отходил, и я, будучи заместителем командира, всегда был рядом с Джекки Хармэном. Поскольку местность, по которой мы продвигались, часто была заболоченной, мы были вынуждены оставаться на дорогах и останавливаться у ферм, где все было забито машинами из разных воинских частей…

Дивизионные разведсводки приходили к нам регулярно. Помимо последних рапортов о перемещениях противника и потерях они иногда включали выдержки из писем, найденных у военнопленных. При чтении некоторых из них создавалось ощущение, что немецкий солдат – это одомашненное животное. В одном из них, написанном пехотинцем, который не успел его отправить, были следующие слова: «Когда мы покинули этот дом, чтобы продолжить отступление, мы не забыли оставить нашу коричневую визитную карточку в посудном шкафу.»

Последним сражением 1944 года для Эскадрона *A* и последним сражением для 8-й Армии в той осенней кампании были бои на реке Ламоне/Lamone, протекавшей через восточные окраины города Фаенца/Faenza. К тому моменту мы уже продвинулись на 40 миль к северо-западу от Римини и оставили позади города Чезена/Cesena и Форли/Forli. Слева от нас, на левобережье Ламоне, до высоты 1 200 футов поднимались крутые склоны холмов до высоты 1 200 футов – там были наиболее сильные оборонительные позиции противника со времени боев под Монте Чеко. *Линкольнцы* (Линкольнширский Полк/Lincolnshire Regiment) из 138-й Бригады были одной из частей, которые поднялись на эти высоты, после этого они повернули вправо. Напротив располагалась низменная равнина, открывающаяся в направлении Фаенцы. Мы – четыре взвода Эскадрона *A* – должны были поддержать их дальнейшее продвижение. Джекки Хармэн и я на двух

наших штабных танках сумели подняться на эти высоты по круто забирающейся вверх узкой дороге, идущей через густой лес. Там мы оказались под уступом, непосредственно под верхней бровкой склона, где заняли позицию за двухэтажным домом, в котором, как оказалось, жил зубной врач из Фаенцы. По счастью, он и его семья в тот момент отсутствовали, наверное, они находились в другом доме, в городе. Вражеский снаряд пробил стену дома где-то над верхней частью лестницы и вылетел через другую дыру в стене над парадным входом. Он прошел всего в нескольких дюймах от шкафа со стеклянными дверцами, в котором находилась коллекция фарфоровых фигурок…

Атака через реку Ламоне началась вечером 3 декабря и продолжалась без особого результата четыре дня, пока *линкольнцы* пытались продвинуться по дороге к перекрестку, расположенному в двух милях от Фаенцы. Их поддерживали взводы Эскадрона *А* под командой лейтенантов Леветта (Levett) и Манро (Munro). Танкисты оказались полностью изолированными от пехоты. Сильные ночные дожди сделали продвижение вне дорог невозможным, да и по самим дорогам перемещаться было трудно из-за мин и воронок. Нахождение в танках в ночное время тоже было небезопасным, так как неподалеку бродили немецкие патрули. Вооруженные базуками солдаты противника пытались подстеречь танки, и один из таких был застрелен всего в шести ярдах от машины Колина Манро. Людям приходилось спать в крайней тесноте внутри машин, по очереди заступая в караул.

Немцы перебросили в этот сектор фронта 508-й Батальон Тяжелых Танков и 90-ю Панцергренадерскую Дивизию для усиления обороны Фаенцы и контратак. В составе этого батальона было несколько *Тигров*, а панцергренадерская дивизия была наследником знаменитой 90-й Дивизии Легкой Пехоты, входившей в *Африканский Корпус*. На рассвете 8 декабря на передовые позиции 46-й Дивизии обрушился сильный артиллерийский огонь, за чем последовала атака пехоты. Немцы быстро смяли позиции одной из передовых рот *линкольнцев*, а танки взвода Колина Манро были подбиты, хотя успели оказать врагу упорное сопротивление. В штабе эскадрона мы торопливо свернули лагерь, завели моторы и изготовились к тому, чтобы выдвинуться вперед и занять оборонительную позицию на гряде за домом зубного врача. Тем временем расположенный неподалеку штаб *линкольнцев* охватила паника. Когда Джекки и я забирались в свои машины, полковник Белл (Bell), комполка *линкольнцев*, появился поблизости, уверенный в том, что мы собираемся покинуть его в беде. «Вы бросаете нас,» - заорал он тоном, в котором страх и упрек смешались в равной пропорции. Мы уверили его в том, что наши намерения были как раз противоположными. Через несколько минут мы были уже на позиции, с которой перед нами открывалась обширная открытая местность с полосами деревьев слева и справа. Если бы немцы попытались атаковать по чистому полю, у нас была бы идеальная возможность хорошо пострелять по ним, но, если бы они пошли вперед через рощи, у нас были бы большие проблемы. Не случилось ни того, ни другого. Огонь наших батарей вскоре заставил замолчать немецкую артиллерию и нанес тяжелые потери их пехоте. К полудню наступательный пыл немцев иссяк. В ходе боестолкновений, имевших место на другой день, капитан Джон Брант (John Brunt, 1922-1944, на фото слева) из Полка Шервудских Лесных Бойцов/Sherwood Foresters, часть которого была подчинена *линкольнцам*, заслужил *Крест Виктории* за героизм, проявленный в оборонительном бою. Однако ему так и не довелось узнать об этом: на следующее утро, 10 декабря, он был убит за завтраком осколком мины…

После того, как контратаки противника были отбиты, 46-ю Дивизию, находившуюся шесть дней в непрерывных боях, сменили новозеландцы. Нашему Эскадрону *A* на смену пришел Эскадрон *C* – его танкисты сменили экипажи семнадцати машин, находившихся на позиции, поскольку перемещение танков на передовую по раскисшему грунту было невозможным. Экипажи наших штабных танков по крутой скользкой тропе спустились с гряды в долину на своих двоих, где нас встретили транспортеры. На них, как только начало светать, мы переехали по мосту через реку Ламоне, - на восточном берегу нас ждали грузовики нашего полка. В ту ночь случился первый заморозок, и мы здорово подмерзли без шинелей. Грузовики отвезли нас на зимние квартиры нашего полка – в комфортабельные дома близ Пезаро, откуда наступление на *Готскую Линию* начиналось три месяца назад.

Колин Манро вместе со своей командой уцелел в том оборонительном бою, когда был подбит его танк. По окончании боев он был награжден *Военным Крестом* за проявленную храбрость.

Зима 1944-1045 годов в северной Италии была холодной. Мы поддерживали настроение джином, производимым на фабрике в Бари, и восхитительным мягким вермутом с фабрики в Форли. Дороги обмерзали на целые недели, и ездить по ним было можно. Когда же в начале февраля наступила оттепель, их интенсивное использование большим количеством транспортных средств размолотило твердое покрытие, и без того ослабленное артиллерийскими снарядами. Дороги превратились в трясину, в которой грузовики тонули и вязли. Дорожные условия стали такими, что смену войск на передовой нередко приходилось отменять, так как машины, включая танки, просто застревали на них. Транспортировка [людей и грузов] стала возможной только после того, как тепло ранней весны подсушило дороги.

Мы оставались в своих комфортных квартирах близ Пезаро не всю зиму. В середине января нас отправили на передовую, чтобы мы заняли позиции на превращенных в укрепленные позиции фермерских постройках и сменили на них пехотинцев, которых отводили в тыл для боевой подготовки к весеннему наступлению. Штаб Эскадрона *A* и каждый из его четырех взводов занял отдельное здание, защищенное минным полем и проволочным заграждением. Дом, который занял штаб, находился в 600 ярдах от противопаводковой дамбы реки Сенио/Senio, достигавшей в высоту 20 футов. По этой реке от Фаенцы до лагуны Комаккьо/Comacchio у Адриатического побережья проходила линия фронта. Дни проходили в работах по улучшению оборонительных позиций, а ночи в регулярных выходах в караул на случай немецкого рейда, который так ни разу и не случился. Главным врагом стала скука. В штабном здании долгое сидение скрашивало присутствие Джона Триммера (John Trimmer), офицера-штабиста, временно прикомандированного к нашему полку. Триммер на гражданке был солиситором и рассказал нам о множестве потрясающе анекдотичных случаев из своей профессиональной практики…

Наш полк не только сменил пехотинцев на *Линии Сенио*, но также отправил несколько танков на поддержку пехоты, удерживающей эту линию. Ситуация сильно напоминала то, что происходило на Западном фронте в годы ПМВ. Русло реки Сенио было не шире двадцати футов в ширину. Когда вода в нем поднималась весной и осенью из-за дождей и таяния снега в горах, ее удерживали дамбы. После возвращения в полк после двухнедельной вахты в качестве пехотинца я получил телефонный звонок от Роберта Кросби-Досона (Robert Crosbie-Dawson), в прошлом одного из наших эскадронных командиров, который теперь служил в штабе 8-й Армии. Ему поручили отправить на Мальту самолет, который должен был доставить спиртные напитки для буфета

командующего армией Дика Макгрири (Richard McGreery, 1898-1967). Хочу ли я отправиться туда в качестве закупщика, спросил он, и, одновременно с этим, воспользоваться возможностью купить что-то для полка? Конечно, я охотно воспользовался таким шансом, быстро получил на это разрешение у своего старшего офицера и отправился в путь. Путешествие на Мальту прошло без особых событий. После того, как победа под Эль-Аламейном устранила угрозу вторжения на этот остров и избавила его от постоянных авианалетов, было сделано очень многое для того, чтобы расчистить улицы Валетты от щебня и обломков. На удивление большое число зданий стояло неповрежденными. Я расположился в *Британском клубе*, который, располагая очень небольшим числом членов, предоставлял те же удобства и комфорт, что и любой клуб в Лондоне: там были даже официанты в смокингах. На следующее утро после прибытия я приступил к систематическому объезду всех виноторговцев, которых было очень много, потому что еще в мирное время их бизнес процветал за счет снабжения Средиземноморского флота и гарнизона Мальты. В каждом из их офисов я встречался с советом директоров и получал один и тот же ответ на мои запросы: у них не было свежих поступлений вин последние четыре года, и их погреба практически пусты, однако, поскольку вина необходимы их освободителю – командующему 8-й Армией, они организуют ящик вина из своих крайне малых запасов, и, при этом, оплата не потребуется. Таким образом, я скопил девять ящиков, шесть из которых отложил для буфета командующего армией, а три – для своего полка.

На третье утро я взял грузовик для того, чтобы добраться до аэродрома со своими покупками, и обнаружил, что самолет, который выделили для моей отправки в Римини, был итальянским *Савойя-Маркетти/Savoia-Marchetti* – древним двухмоторным аэропланом, фюзеляж которого выглядел так, словно его собрали из кусков *хижин Ниссена/Nissen huts.* Обычно его использовали для сброса грузов югославским партизанам, и его внутренняя часть за пределами кабины пилота была абсолютно пустой и предназначалась для заполнения различными грузами. Пассажирского сидения не было, и все 600 миль пути мне предстояло сидеть на одном из ящиков с вином. День был ветреным и не выглядел многообещающим в смысле безопасности полета, особенно когда я увидел на земле у самолета пилота – молчаливого, но жизнерадостного англичанина, который держал в одной руке карту Италии, вырванную из школьного атласа, а другой измерял по ней азимут нашего полета с помощью транспортира. Едва ли это представляло собой высокотехнологичную навигационную процедуру, особенно с учетом того, что, по меньшей мере, одна треть нашего маршрута пролегала над осевой частью хребта с пиками, поднимающимися до 10 000 футов… Как только пилот закончил свои измерения, мы поднялись в воздух. Небо над Сицилией и Тирренским морем было ясным, но стоило нам добраться до континентальной Италии, как мы вошли в плотные облака, которые полностью скрыли от нас землю. Пока мы оставались в воздухе, все было безопасно, потому что мы летели на большой высоте, над горами, но откуда мог пилот узнать, когда идти на снижение, если облачность останется сплошной? Мы летели дальше и дальше несколько часов, пока наконец в облачности не появился крошечный просвет и мы не увидели, по-видимому, Адриатическое море в тысячах футов под нами. Мы уже пролетели над горами, и пилот, не теряя ни мгновения, бросил самолет в крутое пике сквозь эту дыру. Внутри самолета царил хаос. Ящики с вином резко сорвались с места и заскользили по полу, собравшись в кучу у задней стенки кабины пилота, но, по счастью, ни одной бутылки не разбилось. Я был словно в агонии, мне казалось, что моя голова сейчас просто сомнется. Я беспомощно лежал на полу, зажав уши обеими руками и рыдая от боли. В итоге самолет выровнялся в нескольких сотнях футов над землей, пилот повернул влево, и мы полетели над побережьем к нашей цели, которая, по случаю, оказалась неподалеку.

Прошло несколько дней, прежде чем боль в моих ушах исчезла. Но люди в штабе Армии и в штабе полка были довольны тем, что я привез, и хвалили меня. Они не знали, насколько им повезло получить хотя бы что-то…

Суровая зима 1944-1945 годов сменилась ранней, теплой и сухой весной. Уже вскоре на деревьях появились листья. Откуда-то чудесным образом появились биты и мячи, и мы несколько дней, казалось, готовились к крикетному сезону, но этот спортивный антракт не продлился долго. Через несколько дней мы уже были на марше, чтобы принять участие в наступлении, которое должно было завершить войну в Италии. Первой важной целью был Арджентский горный проход/Argenta Gap – плоская полоса земли с виноградниками и садами, рассеченная во всех направлениях ирригационными и дренажными каналами, протягивающимися от реки Рено/Reno к лагуне Комаккьо. Город Арджента находился в центре этой местности. За Арджентой находилась река По, которая могла стать для нас крупнейшей водной преградой на территории Италии, если у немцев окажутся воля и силы, чтобы эффективно оборонять ее.

Я оставался замкомандира Эскадрона *А* под началом Джекки Хармэна, и экипаж моего *Шермана* оставался все таким же уже много месяцев: это были механик-водитель Нед Лорд (Ned Lord), наводчик Эдди Пэриш (Eddie Parish) и танкист Мэйдмент (Maidment). Вечером одного из первых дней сражения, когда мы были готовы двинуться вперед, чтобы поддержать пехоту, Мэйдмент и я стояли в башне танка с плечами и головами над люком. В этом момент на местоположение эскадрона обрушился залп немецких минометов. Танки окутал густой черный дым, по их бокам застучали осколки мин и камни. Когда дым рассеялся, я оглянулся и не увидел Мэйдмента. Я не мог понять, куда, черт возьми, он подевался: может, его разнесло в клочья или, может, выбросило из танка взрывной волной? Наконец я нашел его в сумраке внутреннего пространства танка: он стоял на четвереньках на полу. «Что вы там делаете, Мэйдмент?» – спросил я. – «Я уронил карандаш, сэр» - ответил танкист.

Мы поддерживали 38-ю (Ирландскую) Бригаду 78-й Дивизии и 11-ю Бригаду той же дивизии в восточной части сектора наступления через Арджентский проход. В Британской армии не было лучше пехотной части, чем Ирландская Бригада. Ирландцы считали целью сражения не только избиение немцев, но и отбор у пленных *трофеев*. После одного боя, в котором мы оказывали поддержку *Королевским Ирландским Фузильерам/Royal Irish Fusiliers*, находившимся под командой полковника Мёрфи Палмера (Murphy Palmer), ирландский акцент которого был неподражаем, они просто положили на землю кусок брезента и вывалили на него всю свою добычу: большей частью, часы, но также зажигалки и прочие серебряные побрякушки. Как эта добыча была поделена между ними, осталось для меня загадкой.

То, как сражалась 56-я (Лондонская) Дивизия, стало откровением. К концу осенних боев они выглядели измотанными и потерявшими боевой дух. Казалось, несколько месяцев боевой подготовки и прибытие пополнений вдохнули в них жизнь.

В один из дней, когда штаб эскадрона расположился в фермерском доме на краю обширного травянистого луга, через него промаршировал батальон 11-й Бригады, чтобы продолжить наступление. Я заметил, что люди шли вперед целеустремленно, - этого раньше у них не было. Когда вечером того дня наступила темнота, из одного из окон верхнего этажа фермерского дома выпрыгнул немецкий солдат и побежал по лугу в направлении немецкой передовой. Мы так и не успели ничего сделать. Он прятался там весь день, а у нас так и не было случая подняться наверх. Он заслужил то, что ему удалось удрать.

В тот же вечер я получил известия из полкового штаба: меня отправляли в отпуск в Англию, и я немедленно отправился в путешествие на самый юг *Итальянского Сапожка*, чтобы сесть на корабль, отправляющийся из Неаполя. Мы были где-то посреди Бискайского залива, когда пришло сообщение о том, что Германия капитулировала и война в Европе закончилась. Моя карьера боевого офицера подошла к концу.

Я должен сказать, что губительный синдром осени 1944 года был характерен для людей не только 56-й Пехотной Дивизии. Он также охватил и 46-ю Дивизию. Командир одного из ее взводов, вместе с которым мы действовали, признался нам, что он считал удачей, если после атаки, когда, несмотря ни на что, цель была достигнута, с ним было с полдюжины его людей. Другие подходили потом, по двое или трое… Постоянные дожди и повторяющиеся из раза в раз бои на речных рубежах свели боевой дух пехотинца к минимуму. Боевому настрою не помогало и то, что, когда солдат покидал свой полк из-за ранения, болезни или по другой причине, он терял всякую связь со своей частью и превращался просто в резервную единицу, теряя *корпоративный дух*, гордость за свой полк и чувство локтя по отношению к товарищам. Как-то раз на марше к передовой мы остановились в фермерской постройке и нашли в подвале солдата с нашивкой Линкольнширского Полка. Мы передали его *Военной Полиции.* Через три дня, остановившись на обочине дороги, мы увидели колонну *линкольнцев*, марширующих к линии фронта, и разглядели среди них нашего дезертира!

Ирландцы из 38-й Бригады были другими. Они отслеживали местонахождение любого из своих, кто оказывался раненым или больным, и делали все возможное, чтобы он вернулся в свой полковой *дом* после поправки. Это был один из секретов их высокого боевого духа.

Восстановление боевого настроя у солдат 8-й Армии [к весне 1945-го] было заслугой Дика Макгрири, который сменил Лиза на посту командующего в октябре 1944-го. Его заботливое отношение к пехотинцам и использование танкистов для смены пехоты на передовой в зимний период помогли ему укрепить боевой дух Армии и восстановить у людей решимость в достижении цели. Заботясь о благополучии своих солдат разными способами, включавшими в себя предоставление им домашних отпусков, он избавился от проблемы дезертирства, которая приводила командование в отчаяние в конце 1944-го. Он также внушил людям уверенность в своих силах, чувство того, что они смогут сделать последний рывок, который приведет к осязаемому результату - поражению германских армий и достижению мира.

Питер Уиллет на склоне лет

Эпилог

Питер Уиллет после войны сделал успешную карьеру в бизнесе, связанном конными скачками. Он также приобрел известность как спортивный репортер и комментатор.

БИЛЛ КЛОУЗ

Билл Клоуз (Bill Close, 1914-2006) воевал в составе 3-го Королевского Танкового Полка с 1940 по 1945 год. Он участвовал во Французской кампании 1940 года, Греческой кампании 1941 года, в боевых действиях в северной Африке в 1941-1943. В 1944 он высадился в Нормандии и с боями дошел до Балтики…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. В ПРЕДДВЕРИИ ВОЙНЫ – ФРАНЦИЯ – ЕГИПЕТ - ГРЕЦИЯ – ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ

Введение. Падерборн: Время для размышлений

Играли оркестры (марш *My Boy Willie*), королева заняла свое место на трибуне, и все взоры обратились к массивным новым танкам *Челленджер/Challenger*, с ревом проносящимся по подстриженному дерну старого танкового полигона. Место событий: Падерборн/Padeborn, Западная Германия, год: 1985; повод: вручение штандартов Королевскому Танковому Полку.

На парадах бронетехники всегда одно и то же: воображение захватывают машины, а не люди. Зрители видят лишь нечеткие фигуры, стоящие по стойке смирно в люках башен, обычно окутанные сизым дымом от идущей впереди машины. В памяти запечатлевается демонстрация мощи: гигантские пушки и вращающиеся гусеницы.

В тот день я забрался в *Челленджер* и выразил неудовольствие по поводу расположения наводчика относительно казенника, хотя меня заверили, что об отдаче беспокоиться не стоит. Остальное, увиденное мною, выглядело превосходно. С точки зрения боевой

эффективности *Челленджер* и первый танк, которым я управлял, различались так же сильно, как лук со стрелами и пулемет[2].

Что касается людей — они были молоды и выглядели безупречно: черные отутюженные комбинезоны, цветные шейные платки указывали на их подразделение (зеленый для 3-го Батальона, синий для 4-го и так далее). Было ясно, что они знают свое дело; они отвечали на вопросы с уверенностью ведущих телешоу. Бовингтон, дом Королевского Танкового Корпуса, хорошо их подготовил.

Однако, в отличие от танков, во внешности танкистов мало что изменилось. У них не выросли лишние головы, чтобы быстрее думать (за них это делают компьютеры), или дополнительные руки, чтобы нажимать на внушительный массив переключателей. Они сохранили ту же форму, что и все мы — две ноги, две руки и обычный набор приложений.

В сержантской столовой 3-го Батальона, куда нас пригласили выпить, один из таких же «реликтов минувших дней», как я, спросил: «Ну, Билл, что ты о них думаешь?». Прежде чем я успел придумать ответ, он предложил свой: «Выглядят славными ребятами...». Произошел короткий негласный спор. Мы оба задавались вопросом, как эти «славные ребята» выдержали бы сравнение с другими сержантскими коллективами, которые мы знали. Как бы они вписались в наши примитивные крейсерские танки и справились бы с их врожденными слабостями? Как бы они повели себя, когда корпус танка начинал светиться тускло-красным от ударов болванок, пролетевших слишком большое расстояние, чтобы пробить броню?

На первые два вопроса ответ был ясен: они бы справились. Что касается последнего вопроса — это то, что узнаешь наверняка только в день боя. Можно проверить машину другими машинами, испытать ее на износ, но с солдатами так не получится. Это делает за вас враг.

Где-то у канала *Дортмунд-Эмс/Dortmund-Ems* за три недели до конца войны один решительный, но зомбированный немецкий солдат поднялся из своего окопа, вскинул на плечо *панцерфауст* и выстрелил в борт моего *Комета/Comet*. Раздался оглушительный взрыв, сердце подпрыгнуло, и я, потрясенный и злой, выбрался по корпусу наружу сквозь густые облака вонючего дыма. Напряжение, копившееся в башнях эскадрона, мгновенно вылилось в шквал огня из пулеметов.

Немец попытался сдаться после того, как «выполнил долг перед *Фюрером*», но он просчитался. В *Пустыне* были времена, когда действовал дух «живи сам и давай жить другим», когда считалось дурным тоном расстреливать экипаж, покинувший подбитый танк. Как только [вражеский] танк выводился из строя, честь считалась удовлетворенной. Если кому-то повезло выбраться из горящей или разбитой громадины — удачи ему. 21-я и 15-я немецкие танковые дивизии, а также итальянская бронетанковая дивизия *Ariete* какое-то время придерживались этого кодекса рыцарства. Но к тому времени, когда мы достигли берегов канала *Дортмунд-Эмс*, «полуспортивное» отношение, характерное для кампаний в *Пустыне*, исчезло. Тот неизвестный герой с гранатометом имел дело с людьми, полными тревоги и беспокойства…

К апрелю 1945 года в 3-м Батальоне не было добровольцев, желавших оказаться среди танкистов головной машины, головного взвода или головного эскадрона. Был человек на передовой пять лет или пять недель, не имело значения, — всё, чего он хотел, это благополучно пережить последние дни затянувшегося и кровавого конфликта. Победа была бы победой для солдата только в том случае, если бы он выжил. Тогда он мог бы вернуться домой, показывать свои шрамы, носить медали и стареть. В противном случае усилия были бы напрасными…

На заключительных этапах кампании в северо-западной Европе приходилось проводить тщательную ротацию подразделений, чтобы каждый по очереди становился на острие

атаки. Сопротивление таяло, но оно было непредсказуемым, и мы знали: именно головной танк или взвод пострадает, если мы наткнемся на отряд непримиримых нацистов. Отсюда и мой приказ: не давать никаких шансов гранатометчикам. Если кто-то и выживет под градом пуль, он несомненно передаст это предупреждение своим друзьям.

В тот день на канале мой экипаж выбрался из обломков невредимым. Так было не всегда. Для меня это был одиннадцатый раз, когда меня «выбивали» из танка. Этот рассказ — личные воспоминания, основанные на моем опыте командира танка и бойца 3-го Королевского Танкового Полка (*КТП - Билл Клоуз традиционно именует свой батальон полком, как и другие батальоны, бок о бок с которыми ему приходилось воевать – ВК*)) на протяжении всей войны. Основные события основаны на фактах. Если порой детали расходятся с официальными военными историями, то лишь потому, что с годами память немного тускнеет. Чтобы придать рассказу жизненность и перспективу, необходимо немного отвлечься и кратко изложить мою биографию и перемещения до начала этих приключений.

1933: Я записываюсь в армию

«Знаешь, Уилл, я не думаю, что из тебя выйдет толк в качестве аптекаря или дантиста», — сказал мистер Бэйли, который совмещал обе эти профессии в маленьком рыночном городке Аппингем/Uppingham, где мы жили. Он разглядывал обломки кресла. Казалось, его не заботил застекленный потолок, сквозь который я провалился (потолок в его стоматологическом кабинете), его беспокоило кресло. Оно было совершенно новым, его гордостью и радостью — с регулируемым подголовником: нажми здесь, чтобы поднять, надави там, чтобы опустить, вращается с легкостью.

«Кто бы мог подумать, что оно так легко сломается».

«Полагаю, никто, Уилл».

Он был славным человеком. Он платил мне четырнадцать шиллингов в неделю и давал выходной для занятий математикой — частные уроки, которые он также оплачивал. Мистер Бэйли проявил понимание и в случае с новым велосипедом для доставки, но тот было легче починить. Когда спустя некоторое время после инцидента с креслом я сказал ему, что записался в армию, он ответил, что это, вероятно, к лучшему.

«В 11-м Гусарском вакансий нет, парень», — отрезал сержант в вербовочном пункте в Стэмфорде/Stamford.

«А как насчет 9-го Уланского?».

«Набор закончен...» — Он на минуту задумался. — «Вот что. Почему бы тебе не записаться в Королевский Танковый Корпус? Им нужны смышленые ребята».

Я мало что знал о Танковом Корпусе, но все равно согласился. Вербовщики провели короткий тест по английскому и математике, я расписался в ведомости, получил «королевский шиллинг» и ушел с предписанием явиться в лагерь Бовингтон/Bovington в Дорсете/Dorset. Когда я рассказал родителям об этом, сомнения возникли только у матери. Мой отец, который изо всех сил пытался заработать на жизнь в пабе, где у него была доля в бизнесе, согласился с мистером Бэйли — вероятно, это было хорошей идеей. *Великая Депрессия* была в самом разгаре, и постоянную работу было трудно найти.

Билл Клоуз (крайний слева) с товарищами по службе. 1930-е годы

Я не думаю, что хоть один из тридцати четырех других новобранцев в Отряде *386* когда-либо слышал об Аппингеме или даже о графстве Ратленд/Rutland. Большинство из них были англичанами, но было также пять шотландцев, четверо валлийцев и трое ирландцев. Джок Пенникуик (Jock Penniquick), чья койка стояла рядом с моей в казарме, мог бы с тем же успехом оказаться и китайцем. Он был из Глазго, и за все время нашего обучения я не понял ни единого слова из того, что он говорил. Пэдди Дэйвис (Paddy Davis), с другой стороны, беспокоил меня тем, что доверительно сообщил следующее: он пошел в армию только для того, чтобы в кратчайшие сроки научиться обращаться с оружием. Он был членом *Шинн Фейн* (что бы это ни значило) и собирался вступить в *ИРА*. Я верил ему лишь наполовину, но через двенадцать недель он дезертировал, а много позже я слышал, что он и его братья были убиты при совершении какой-то террористической акции.

Казарменная жизнь в те дни была довольно мерзкой: никакого личного пространства и скверная еда. Отряд занимал два соединенных друг с другом домика, и те, кто служил в нем, проводили большую часть времени в драках друг с другом; я был рад тому, что был физически крепким и умел работать кулаками.

После трех месяцев начальной подготовки нам дали увольнительную на выходные, чтобы съездить домой. Мы щеголяли в безупречном хаки, с сияющими пуговицами, белоснежными ремнями, идеальными обмотками и ботинками, которые часами полировали зубной щеткой до зеркального блеска. Это солдатское великолепие венчал черный берет с кокардой корпуса, на которой были изображены танк времен Первой мировой войны в лавровом венке и девиз *Fear Naught/Ничего не бойся*. Сержант Лемон (Lemon), известный как «белобрысый ублюдок из Бовингтона», и его помощник, капрал Фицпатрик (Fitzpatrick), по крайней мере, сделали нас похожими на солдат. Что касается того, чтобы «ничего не бояться» — к своим учителям мы точно испытывали здоровый страх. Это были муштра и еще раз муштра, чистка и полировка, полировка и чистка, пока столешницы не становились белее белого.

После короткого отпуска мы снова приступили к строевой подготовке, проводя каждое утро в маршировках по плацу, но уже следуя сигналам флажков, а не выкрикиваемым командам. Именно так в то время осуществлялась связь танков друг с другом, и, если рации и существовали, мы их точно не видели. После полудня мы учились водить танки

Виккерс/Vickers I и *II* по песчаным пустошам Дорсета. Эти удобные маленькие машины выпускались в начале 1920-х годов и весили от двенадцати до четырнадцати тонн. С экипажем из пяти человек они могли развивать скорость восемнадцать миль в час и имели на вооружении трехфунтовую пушку и до шести пулеметов. В течение нескольких недель мы обстреливали из пушек и пулеметов (калибра .303) склоны холмов в лагере *Lulworth* на побережье, неподалеку от Бовингтона.

В погожие летние дни я предавался размышлениям о возможных приключениях на северо-западной границе, где находились эскадроны бронеавтомобилей. Мысль о какой-нибудь новой войне мне тогда и в голову не приходила. Другие романтические идеи навевал хрупкий силуэт на мощном мотоцикле, который носился по узким тропинкам: Это был Т. Э. Лоуренс — Лоуренс Аравийский — личность загадочная и пленяющая воображение. Нам было невдомек, почему человек, получивший звание подполковника и ставший национальным героем, захотел вступить в Танковый Корпус простым рядовым или в Королевские ВВС авиамехаником? Зачем ему понадобилось прятаться в коттедже за зарослями рододендронов на Клаудс-Хилл, мимо которого мы регулярно проходили? Он, казалось, вел одинокое и скрытное существование, и я не помню, чтобы кто-то — уж точно никто из моих знакомых — когда-либо перемолвился с ним хоть словом. Известие о его гибели стало настоящим шоком — на дороге, ведущей к лагерю, он резко свернул, чтобы избежать столкновения с детьми, и, как говорили, разбился.

Мое назначение в 3-й Батальон Королевского Танкового Корпуса в начале 1934 года (дислоцированный в Лидде/Lydd, графство Кент) было долгожданным и принесло облегчение после суровой подготовки в лагере Бовингтон. Это также стало началом моих отношений с этим подразделением, которые продлятся всю Вторую Мировую войну. Эпизоды, о которых я расскажу — это лишь некоторые из многих историй, которое можно было поведать о *3-м Танковом* и о танкистах, которые сражались и погибали во время Второй Мировой войны. Это история тех, кто сражался в Кале/Calais, на пляжах Нормандии, в Африке с 1941 по 1943 год, в Греции и Италии.

Фордингбридж

Все закрутилось, когда мы сидели в гостиной отеля *George* в Фордингбридже/Fordingbridge, наблюдая, как утки скользят по поверхности реки Эйвон в Хэмпшире. Вечер был прохладным и пасмурным. В дверях показался полковой полицейский и объявил: «Всему личному составу 3-го Батальона немедленно вернуться в лагерь». Нас было полдюжины — сержанты с женами — и мы не были совсем уж удивлены. Несколькими днями ранее наши танки погрузили на платформы и вместе со всем тяжелым снаряжением отправили в порт для погрузки на пароход. Батальон должен был присоединиться к 1-й Танковой Дивизии, собиравшейся «где-то во Франции», фактически к югу от Соммы. Больше недели Би-Би-Си сообщала о растущей неразберихе и ожесточенных боях по ту сторону Ла-Манша, и мы ждали вызова.

Поразительной новостью стало то, что мы выступаем в 22:00. Было уже восемь вечера 21 мая. Никакого предварительного уведомления не поступило, и люди из батальона были разбросаны по всей округе. Сообщения пришлось выводить на экраны кинотеатров в Рингвуде/Ringwood и Солсбери/Salisbury; прочесывались кафе и пабы. Командир полка примчался из Борнмута/Bornemouth, куда повез жену на ужин. Была полночь, когда переполненный поезд тронулся с маленькой сельской станции, при этом некоторые люди все еще отсутствовали. Многие жены, включая мою — мы с Джози были женаты всего шесть месяцев, — жили на квартирах в Фордингбридже и пришли нас проводить. Было пролито немного слез, но большинство женщин держались мужественно.

Мы были озадачены тем, что поезд с затемненными окнами шел и шел через сельскую местность: мы-то ожидали довольно быстрой поездки в Саутгемптон. На следующее

утро мы катились мимо засеянных хмелем полей и вскоре прибыли в Дувр. Судна *City of Christchurch*, перевозившего наши танки, нигде не было видно. Чей-то дерзкий голос выкрикнул: «Гляньте на *Реджи* — он не выглядит очень уж счастливым!». *Реджи* — подполковник Реджиналд Келлер (Reginald Keller, 1894-1986, до войны – известный первоклассный крикетист) - был нашим командиром, принявшим командование в октябре 1939 года. Командир выглядел еще мрачнее, когда вернулся со стопкой конвертов. Ничего не понимая, мы поднялись на борт парохода *Maid of Orleans*, принадлежавшего компании *Southern Railways* и курсировавшего через пролив. Мы были рады, что нам не пришлось тащить с собой наши вещмешки, которые грузили отдельно. До самого момента отплытия в 11 утра к судну по причалу спешили запыхавшиеся фигуры — те, кто добирался до порта самостоятельно. Они забирались на борт под издевательские выкрики приятелей, у которых было лишь одно мнение о причинах опоздания на поезд.

До этого момента всё казалось забавой. Мы заполнили салоны, коридоры и палубы, дико гадая, куда направляемся. Рота саперов и лондонцы из Территориальной Армии, находившиеся на другом судне, тоже ничего не знали. «Мы должны быть мотоциклистами, — сказал нам сержант из Полка Стрелков Королевы Виктории/Queen Victoria's Rifles Regiment, — но нам пришлось оставить свои машины». Как и мы, они были вооружены лишь револьверами. Мы ответили, что понятия не имеем, где наши танки, и все дружно посмеялись. Общее мнение сводилось к тому, что армия, как обычно, переусердствовала, и когда мы прибудем на место, то будем сидеть там днями, гадая, к чему была вся эта спешка. Наше мышление все еще определялось историями о Великой [Первой Мировой] войне: иногда побеждали немцы, иногда британцы и французы, но в итоге все как-то устроилось [в нашу пользу]. Теперь, когда *Странная война* закончилась, все только начиналось.

Прозвучали свистки. «Так, собраться в круг». Мы более-менее распределились по эскадронам, и нам объявили пункт назначения: это будет Кале. «Наши танки будут доставлены туда, и вы немедленно подготовите их к бою. Легкие бронетанковые силы противника прорвались где-то на севере, мы их найдем и разберемся с ними». Таким образом, никакого периода подготовки «в тылу» не предвиделось. Разговоры о присоединении к 1-й Танковой Дивизии прекратились. «А я-то думал, это прогулочный пароход», — съязвил *Соккер* Хит (*Socker* Heath), сержант взвода, который когда-то вырубил четверых за один вечер на армейском чемпионате по боксу.

Пока мы медленно шли в густом тумане, мы спорили о том, что будем делать, если судно с нашими танками будет потоплено до того, как достигнет Кале. Нам нечем будет сражаться. *Таббби* Бэллард (*Tubby* Ballard) заметил, что если *Maid* пойдет ко дну, то некому будет водить танки, даже если они прибудут. У меня были дружеские отношения с Табби: он был родом из Нортгемптоншира и был одним из немногих, кто слышал о моем родном графстве Ратленд. Ранее в том же году мы вместе стояли на постое в одной милой семье в Хитчине/Hitchin.

Маленький конвой полз вперед. Глухие удары сотрясали пелену тумана. Когда он рассеялся, очертания сопровождавших нас эсминцев стали четче, и мы увидели берег. Люди на набережных махали нам руками. Кто-то, кто бывал здесь на экскурсии, узнал башню с часами на ратуше Кале. Над доками поднимался темный дым. К моменту нашей швартовки вокруг портового вокзала упало лишь несколько бомб, но почти каждое окно было выбито. Британские и французские солдаты и докеры бесцельно бродили, хрустя битым стеклом. «Оставайтесь на местах», — сказали нам.

Мы чувствовали себя лишними. Нам даже не выдали удостоверения личности *Британского Экспедиционного Корпуса*. Пошли слухи, что «пятая колонна», переодетая в союзную форму, ведет снайперский огонь в городе. Жандармы могли застрелить любого без удостоверения личности. Не желая быть застреленными, мы выстроились вдоль поручней и наблюдали, как командир полка на причале ведет

жаркий спор с британским офицером, который прибыл на машине, полной багажа, явно направляясь в Дувр. Командир приказал кому-то сбросить эти вещи на землю, забрал автомобиль и уехал. Нас пустили на берег только тогда, когда он появился снова, кипя от ярости из-за того, что ему отказали во входе на французский командный пункт. Ему пришлось искать британский штаб, созданный административным персоналом порта. Пробираясь между грудами пищевых рационов и припасов, мы направились к дюнам за Морским вокзалом (Gare Maritime) и уселись там. *Стрелки Королевы Виктории*, раздобывшие пулеметы *Брен/Bren* и противотанковые ружья, замаршировали в сторону города. Взвыли сирены, и мы увидели черные разрывы вокруг высоко летящих бомбардировщиков. Зенитный огонь стих, когда появились два истребителя, и один из вражеских самолетов рухнул в море, подняв огромный столб воды. «Так этому гаду и надо за то, что вытащил нас из паба до закрытия», — сказал Соккер.

Мы оставались заинтересованными зрителями до 16.00, когда пришвартовалось *City of Christchurch*: оно представляло из себя странное зрелище, так как его палубы были завалены деревянными ящиками. «Боеприпасы?». Моряк просветил нас: «Нет, бензин!» - «Не может быть.» - «Они забиты четырехгалонными канистрами, приятель». А в трюмах внизу находились наши боевые машины. «По крайней мере, наши должны выгрузить первыми, — сказал Билли Барлоу (Billy Barlow), — их грузили последними».

Билли был водителем моей разведывательной машины. Разведвзвод имел десять бронеавтомобилей *Даймлер Динго/Daimler Dingo* и находился под командованием лейтенанта Моргана (Morgan). Я был его взводным сержантом. *Динго* был одной из немногих находившихся в нашем распоряжении во время войны машин, которая идеально подходила для своей работы. Высотой менее пяти футов, она могла развивать скорость 55 миль в час как вперед, так и назад. Экипаж состоял из двух человек, вооружение — один легкий пулемет *Брен*. Командир вел наблюдение из открытой кабины, а номер второй — в моем случае Билли — вел машину. Билли знал весь батальон, потому что его семья держала закусочную *фиш-энд-чипс/fish and chips* в Лидде, когда мы стояли там в конце 1930-х. Хотя он был призван как ополченец (Militiaman) еще до войны, ему удалось добиться перевода к нам.

Первые тревожные подозрения, что что-то серьезно идет не так, возникли, когда опустился вечерний туман. Ящики с канистрами бензина все еще громоздились на палубах *City of Christchurch*. Французские докеры, которые и так работали на износ несколько дней и были крайне утомлены, естественно, не хотели сгореть заживо. Каждый раз, когда выли сирены, они бросались в убежища. Экипаж *Maid* тоже не испытывал оптимизма относительно своих перспектив, и был выставлен вооруженный караул, чтобы никто из них не сбежал. Хуже того, электричество к портовым кранам подавалось с перебоями, и в конце концов пришлось использовать судовые грузовые стрелы. Саперное подразделение, прибывшее с нами, творило чудеса, но, несмотря на помощь наших танкистов, разгрузка шла черепашьими темпами.

Получив возможность попасть в трюмы, танкисты бросились искать свои машины. Хотя в Фордингбридже были приняты большие меры по подготовке танков к транспортировке согласно правилам — например, стволы пулеметов были обильно смазаны защитным минеральным маслом, — *City of Christchurch* загрузили в Саутгемптоне как попало. Самые тяжелые танки — тридцать крейсерских — оказались на самом дне, легкие танки палубой выше, а разведывательные машины — наверху. Боеприпасы, запчасти и радиотехника распихали по всем углам для балансировки судна. Освещение в трюмах было слабым, и ситуацию не улучшило обнаружение того, что в некоторых крейсерских танках, только что прибывших с заводов, не работало внутреннее освещение. Остро не хватало ветоши, необходимой для очистки от смазки. Стоны недовольства раздались, когда прошел слух, что большинство патронов калибра .5 для легких танков упакованы россыпью. Пулеметные патроны должны плотно сидеть в лентах, и для их заправки используется механическое устройство. Такого устройства на судне не было.

Не имея возможности даже выкурить сигарету из-за риска пожара, небольшие группы работали молча в полутьме. Почти весь шум исходил от судовых генераторов и людей у грузовых стрел. *City of Christchurch* не было паромом с горизонтальной выгрузкой: пока танки не подняли через люки и не разместили на берегу, они были просто грудой металлолома. Выгрузка машин началась в предутренние часы. Никто не спал. Я провел большую часть времени, изучая карту — одну из тех, что командир раздобыл в Дувре. Думаю, полковник Келлер бывал в Кале во время *Великой войны*, но для остальных это была неизведанная территория. Земля на севере была плоской, а дорога на юг пересекала гряду по пути в Булонь. Расположение позиций противника было неизвестным. Разведвзводу было приказано найти их, как только станет светлее.

Мы разделились на две группы по пять машин. Мой командир взвода повел одну группу вдоль побережья в сторону Гравелина/Gravelines и Дюнкерка/Dunkerque. Я отправился еще с одной в южном направлении, чтобы обследовать район вокруг Гина/Guines. Когда мы покидали батальон, люди сидели в дюнах, мучительно загоняя патроны в пулеметные ленты, натирая мозоли и ломая ногти. Другие проклинали плохо подогнанные стволы пулеметов.

Утро снова было прохладным и туманным. Мы впервые увидели Кале вблизи, проезжая по улицам, застроенным домами из красного кирпича, в которых пекари открывали свои лавки. Дальше мы увидели первых беженцев: некоторые из них встали лагерем прямо у дороги, другие направлялись к городу. Мы видели много кадров кинохроники о Гражданской войне в Испании, но изможденные лица и безумное разнообразие транспортных средств — грузовики, детские коляски, тачки и велосипеды, доверху забитые домашним скарбом, — все равно стали шоком. Мимо иногда проходили французские солдаты, что-то выкрикивая, но мы не могли остановиться, чтобы выяснить, о чем идет речь, и все равно не поняли бы их. Высоко в небе летели вражеские самолеты, и толпа ускоряла шаг. Часть пути мы ехали вдоль канала, и в нескольких милях от города поток беженцев поредел. С некоторым облегчением я заметил первую организованную воинскую часть — ее машины были спрятаны под деревьями у дороги. Солдаты ели. У некоторых в руках были котелки. Я подал отделению сигнал остановиться и поднял бинокль. «О Господи, Билли, это немцы! Я вижу черные кресты на танках». Вспышка, грохот, и что-то с шумом пронеслось над головой. Еще вспышка, грохот, свист и глухой удар где-то позади. Я до этого стоял — и тут быстро сел. Враг расставил противотанковые пушки, чтобы прикрывать дорогу во время завтрака. «Убираемся отсюда. Живо!».

Пули щелкали по булыжникам, подчеркивая, что люди целились в людей. Я подумал: «Боже мой, это меня они пытаются убить — меня!». Это не было похоже на случайную бомбежку, где тебе могло просто не повезти. Это было действие с явным убийственным намерением. Кто-то следил за нашим приближением, прицелился, поймал нас в перекрестие и нажал на спуск. Билли сохранял невозмутимость. Он хладнокровно и расчетливо сдал назад, пока мы не оказались под прямым углом к канаве, идущей вдоль дороги, а затем мы перевалили через нее и выехали на поле с наполовину взошедшими посевами. Два *Динго*, шедшие сразу за нами, делали то же самое, но перевернулись — то ли в них попали, то ли они вошли в канаву под слишком острым углом. Они лежали там, вращая колесами. Никто из них не выбрался. Из остальных машин я не видел ни одной. Страх сменился озлоблением. У нас не было рации, и наша задача была вернуться как можно быстрее и доложить об увиденном. А потом мы им покажем. «Пошел, Билли!». Мы неслись по полю, земля летела во все стороны вокруг нас: у немцев не было проблем с боеприпасами для пулеметов. Неглубокая лощина дала нам укрытие, и мы помчались по ней. Все искали «легкие бронетанковые силы». Я полагал, что мы их нашли. Но «легкие»...?.

Командир полка выказал явное раздражение, когда я сделал доклад, будто я лично был ответственен за потерю двух, а возможно, и четырех «его» разведывательных машин.

Хуже того, не было никаких вестей об остальной части разведвзвода под командованием лейтенанта Моргана. Мне приказали ждать, и я припарковался у штаба. Полковой сержант-майор Стэннард (Stannard) сказал мне, что полковник имеет полное право нервничать, так как он получает ворох противоречивых приказов. Предыдущим вечером его перехватил генерал-адъютант экспедиционных сил, который заехал в Кале по пути в Дувр и сказал, что его первым приоритетом должен быть прорыв на помощь Булони/Boulogne, как только танки окажутся на берегу. Позже прибыл штабной офицер с приказом двигаться в совершенно другом направлении — в Сент-Омер/Saint-Omer, где основной штаб экспедиционных сил вот-вот должен был попасть в окружение. Туда даже успели отправить несколько легких танков. Однако генерал-адъютант, видимо, имел больший вес, потому что, когда батальон наконец развернулся для боя, это было в Кокеле/Coquelles по дороге на Булонь. Грузовики эшелона *B* с нашими припасами и снаряжением въехали в муниципальные сады в центре города.

В начале второй половины дня мы двинулись к Булони, мне было приказано держаться позади штабных танков на случай, если я понадоблюсь. Снова мы ехали сквозь толпы беженцев. Через полчаса головные части свернули с дороги, чтобы проверить подозрительные машины у леса. Один из наших взводных командиров подобрался на расстояние пистолетного выстрела, прежде чем вражеские танки были опознаны. Мне стало легче, когда я увидел наши *Крейсеры/Cruiser* в деле. В основном это были *A13* — выглядевшие высокомобильными танки с четырьмя большими катками на каждой стороне и двухфунтовой пушкой в качестве основного вооружения. На твердом грунте на них можно было развить скорость до 40 миль в час. Долгие дни, проведенные на стрельбищах побережья Дорсета, окупились, и вскоре полдюжины немецких танков уже пылали. Броня *A13* толщиной до 30 мм, казалось, держала вражеские снаряды.

Картина изменилась только тогда, когда в дело вступили немецкие полевые орудия. *Панцеры* подползали ближе, и наши эскадроны начали нести потери. Загорелся один из *A10* — уродливых махин с коробчатыми башнями и 3.7-дюймовой мортирой вместо двухфунтовки, у другого крейсерского танка сорвало гусеницу; пушка на танке *A13* нашего полковника была разбита в щепки. Мы отошли за гребень холма и в сумерках заняли позицию у небольшого леса. Немецкие бомбардировщики пролетали над головой, но игнорировали нас, сбрасывая свой груз на Кале, где дым становился все гуще.

Около 20.00 со стороны города появилась штабная машина, на фуражке сидевшего в ней высокопоставленного офицера была отчетливо видна красная полоса. Офицер долго беседовал с полковником, и когда он уехал, адъютант, капитан Мосс (Moss), подошел и сказал, что моя машина передана в распоряжение бригадного генерала Николсона (Claude Nicholson, 1898-1943), присланного из Англии для общего командования в Кале. Он прибыл в этот день, но, когда он попытался вызвать полковника по рации, ему велели убираться из эфира, так как командир «пытается вести чертов бой». Полковник тогда не знал, с кем говорит.

Мы последовали за машиной бригадного генерала обратно в Кале. Когда мы тронулись, Билли кивнул в сторону трех свертков, накрытых брезентом. Из-под них торчали сапоги. «Кто это?». Я не мог сказать. Раз они из танковых экипажей, мы наверняка их знали: почти все они служили в Лидде. «Что с ними будет?». Я не был уверен. Мы никогда не практиковались в захоронении мертвых на учениях на равнине Солсбери.

Кале: символическое сопротивление

Бригадный генерал Николсон был высоким, стройным, спокойным в общении офицером, который сразу внушал доверие. До войны он командовал Полком Лансеров 16/5, а весной 1940 года возглавил 30-ю Пехотную Бригаду. Они рассчитывали стать моторизованным формированием в составе 1-й Танковой Дивизии, но, как и нас, их перенаправили. До того момента, как бригадный генерал появился в фуражке с красным

околышем на дороге в Булонь, я его ни разу не видел. Вместе с ним из Восточной Англии были спешно переброшены два кадровых батальона: 1-й Батальон Стрелковой Бригады/Rifle Brigade и 1-й Батальон Стрелкового Корпуса Короля/King's Rifle Corps.

Штаб бригады разместился на бульваре Леона Гамбетты в подвалах большого особняка — до войны там была клиника, — который использовал предыдущий британский старший офицер. Также имелась штабное отделение на Морском вокзале, где у флота была линия связи с Англией. Моя задача была проста: припарковать *Динго* у штаба и ждать приказов. Той ночью я проехал небольшое расстояние до нашего эшелона *B* в парке, где оставил Билли и заправился. Вид на парк Сен-Пьер/Saint-Pierre, находившийся напротив ратуши, не поднимал настроение. Грузовики стояли вплотную к стенам для защиты от взрывов и осколков, а водители и экипажи подбитых танков пытались спать в щелях, вырытых прямо в цветочных клумбах. Было очень холодно. Парк служил хорошим местом сбора, но был очевидной целью, и за день немецкие артиллеристы пристрелялись к нему. В теплицах были выбиты все стекла, повсюду лежал привычный ковер из осколков и разбитых цветочных горшков. Музыкальная эстрада этим летом уже вряд ли кому-то пригодилась бы. Билли и бровью не повел при виде этого зрелища, отправившись на поиски пары кружек чая. «До встречи, сержант. Увидимся позже», — только и сказал он, когда я уезжал.

На Морском вокзале тем временем что-то затевалось. Формировалась колонна десятитонников для броска по дороге в Дюнкерк, чтобы доставить британским войскам часть продовольствия из груд, скопившихся на причалах. Возглавить её должны были полдюжины танков из эскадрона *B* под командованием майора Ривза (Reeves), а следом шла рота Стрелковой Бригады на бронетранспортерах с *Бренами* и грузовиках. Бригадный генерал хотел лично их проводить, и я отвез его к месту старта. Боевая Группа *Dunkirk or Bust/Дюнкерк или Смерть* уехала недалеко — они наткнулись на противотанковые пушки и полевую артиллерию, и после ожесточенной перестрелки вся затея была отменена. К тому времени я уже отвез бригадного генерала обратно в штаб и снова сидел в *Динго*. Я сам видел вражеские танки к востоку и югу от города и понимал, что мы окружены, вероятно, целой танковой дивизией.

Кале в руинах, 1940…

Весь следующий день, пока шум боя то нарастал, то затихал, а наши войска отходили на более короткую линию обороны, бригадный генерал Николсон использовал *Динго* как такси или посылал на нем офицеров для связи с частями. Одинокий мотоциклист-связной следовал за нами по улицам, заваленным каменными обломками. Немецкие бомбардировщики, казалось, избегали самого города, затянутого темными облаками дыма от пылающих топливных складов. В воздухе летала жирная черная гарь. В Кале, за сотни лет войн между англичанами и французами, было построено много укреплений. В основном это были казармы, встроенные в облицованные камнем земляные валы. Эти бастионы имели порядковые номера, но уже не были соединены между собой, как в прошлом: через оборонительный периметр проложили дороги и железные дороги. Краеугольным камнем обороны оставалась *Цитадель/Citadel*, построенная около 250 лет назад Вобаном, знаменитым военным инженером. По размеру она была примерно с первоклассное футбольное поле, окруженное валами и рвом, частично заполненным водой. Французский штаб находился в *Цитадели*, которая казалась неуязвимой для самых тяжелых бомб и снарядов. Визитеры имели больше шансов пасть жертвой

нервных часовых на разводном мосту (так во одном месте и случилось), поэтому наш не знающий страха связной приближался к этому месту с величайшей осторожностью.

Мы с ним стояли, ожидая у *Динго*, и сходились во мнении, что застроенная территория, изрезанная каналами и железнодорожными путями — не лучшее место для батальона быстрых крейсерских танков и бригады моторизованной пехоты. В военном министерстве, должно быть, совершили ужасную ошибку (мы всегда во всем винили военное министерство). Как только они поймут, что натворили, нас заберут тем же путем, что мы прибыли — по морю. Нас подбодрила новость о том, что эшелону *В* 3-го КТП приказали покинуть парк и выдвинуться к Морскому вокзалу для погрузки на корабли, уходившие в Англию. Водители сталкивали грузовики с причалов в воду, чтобы они не достались врагу. Был освобожден переполненный санитарный поезд, и раненых перенесли на борт парохода *Kohistan*. Те, кто умер в пути, остались лежать на платформе, накрытые одеялами. Бригадный генерал Николсон теперь в основном работал с Морского вокзала, что имело смысл, если мы собирались уходить.

Для меня, окрыленного этими надеждами, 24-е число прошло быстро. Однако в ранние часы следующего утра меня разбудили и сказали, что штаб переезжает в *Цитадель*. Когда мы ехали сквозь заваленные каменными обломками улицы, шел сильный обстрел, над дорогами провисали провода. В *Цитадели* я пробыл недолго. После того как я совершил пару поездок, бригадир генерал сказал просто: «Не думаю, что ты сможешь сделать здесь что-то еще, сержант. Если хочешь попытаться прорваться назад — я не возражаю». Затем он добавил: «Полковнику Келлеру ты больше не нужен». Когда я спросил про *Динго*, он слегка усмехнулся и ответил: «Мне она больше не понадобится». Я понял, что что-то произошло, но не мог расспросить, что именно. Я пожелал бригадиру удачи, отдал честь и ушел. Связного нигде не было видно.

Бригадир, должно быть, уже тогда понимал, что шансы уйти быстро тают. Утром 24-го ему сообщили, что эвакуация согласована «в принципе», но в другом послании, полученном поздно ночью, говорилось, что французы против. Он получил приказ пока не выходить из боя. Я ничего этого не знал, когда направлялся к Морскому вокзалу. С тех пор как мы ушли отсюда, ситуация ухудшилась: горящие и брошенные машины блокировали дороги. В *Динго* лежал ящик с шестью гранатами; я сунул одну под капот, чтобы поджечь машину, и продолжил путь пешком. Не знаю, откуда взялось то суденышко и как оно называлось, но позже я гадал, не был ли это тот самый траулер, упоминавшийся в одном из отчетов как доставивший важное сообщение для военно-морского отряда на вокзале. Что я помню точно, так это то, что они уже поднимали сходни, когда я бежал по причалу.

Те из нас, кто был на палубе, лежали плашмя, пока мы отходили, чтобы не быть сметенными за борт в последнюю минуту. Снаряды падали совсем рядом, поднимая столбы воды, и как только мы вышли из полосы дыма, стали видны вспышки вражеских батарей на гряде, возвышающейся над Кокелом. Эсминцы вели ответный огонь, маневрируя зигзагами, чтобы уклониться от атак *Штук*, выстроившихся в очередь для пикирования. Время от времени корабли исчезали в облаках брызг, но потом выныривали, яростно отстреливаясь из своих зениток. Осколки от близких разрывов срезали части нашей надстройки, ранив нескольких человек, но к середине пролива активность авиации стихла. Суда из других французских портов также высаживали войска в Дувре, и причал был забит до отказа. С фургонов *Армии Спасения* раздавали чай, сквозь толпу ползли машины скорой помощи. Повсюду были медсестры, полицейские, военная полиция, люди совали шоколад и сигареты прямо нам в руки. Никто не спрашивал, что происходит там, позади нас, хотя канонада была отчетливо слышна. Меня втиснули в поезд до Олдершота/Aldershot вместе с множеством других измученных солдат, и я, все еще с револьвером, который ни разу не выстрелил, мгновенно провалился в глубокий сон. Свое удостоверение личности военнослужащего *Британского Экспедиционного Корпуса* я так и не получил.

Сержантская столовая вновь открылась в поле у Ньюбери-Парк/Newbury Park близ Кембриджа/Cambridge — шатер, выскобленные столы, складные стулья и пара одолженных мягких кресел. Тайни Уайт (Tiny White), полковой сержант-квартирмейстер, сменил на посту полкового сержант-майора Стэннарда, который все-таки уцелел, проведя долгое время в воде после гибели своего судна. Кале пал 26 мая несмотря на приказ немецкого командования взять его 25-го. Бригадир Николсон попал в плен в *Цитадели*, ответив на призыв к сдаче так: «Ответ — нет, ибо долг британской армии, как долг немцев, — сражаться». Теперь он был на пути в лагерь для военнопленных в Германии. Если он и люди, захваченные с ним, чувствовали горечь от того, что их высадили столь плохо подготовленными к боевым действиям, кто стал бы их винить в этом?

Подсчитав потери, мы оценили, что из штатного состава военного времени в 575 человек вернулось чуть больше половины — в основном из эшелона *B*: ремонтники, оружейники и водители. Из примерно сотни пропавших без вести или убитых большинство были высококвалифицированными членами танковых экипажей, включая многих взводных сержантов. Пропал Табби Баллард, с которым мы делили жилье в Хитчине. Джинджер Мэй (Ginger May) и Тич Кемп (Tich Kemp), оба хорошие друзья, погибли, Соккер Хит, как считалось, попал в плен. Мы ушли на войну во вторник вечером как регулярный батальон с пятьюдесятью танками, а к субботе потеряли все свои машины — гусеничные и колесные — и почти половину личного состава.

Всплыли неприятные факты. Танкам *A10* лучше было бы остаться в Англии. Для их мортир не выдали фугасных снарядов, и они были вынуждены стрелять только дымовыми шашками. С пригодными боеприпасами они могли бы подавить противотанковые пушки, которые немцы ставили в разрушенных домах, чтобы бить в тонкие борта наших крейсерских танков. Болванка от двухфунтовки была бесполезна против таких целей. Как минимум два танка были выведены из строя собственными экипажами на виду у всех возле Морского вокзала утром 24-го, когда прошел слух об эвакуации и о том, что исправная техника не должна достаться врагу. Могли уничтожить и больше, но кто-то вовремя осознал ошибку и остановил процесс. Неудивительно, что французы отнеслись к этому инциденту крайне болезненно.

К счастью, была и другая сторона медали. Танки *A13* уничтожили или повредили немало вражеских машин. Командиры танков проявляли инициативу при малейшей возможности. Майор Билл Ривз, посланный на разведку дороги для боевой группы *Дюнкерк или Смерть*, прорвался к Гравелину при лунном свете и участвовал в обороне города со своим крейсерским и тремя легкими танками. Пять *панцеров* были подбиты или подожжены. Он был без промедлений награжден орденом *За Отличие в Службе/Distinguished Service Order*. Мой лучший друг, Джимми Корнуолл (Jimmy Cornwall), взводный сержант, также добрался до Гравелина, придумав свой способ очистки моста от мин: он прицеплял танковый буксирный трос к каждой из них и стаскивал в сторону. Джимми наградили медалью *За Отличие в Бою/Distinguished Conduct Medal*.

Уже после войны сэр Бэзил Лиддел Гарт (Basil Liddel Hart) писал, что действия 3-го Танкового Батальона сильно повлияли на спорный приказ Гитлера остановить танковые дивизии у реки A/Aa вместо того, чтобы дать им наступать на Дюнкерк. 24-го числа *фюрер* приказал своим генералам оставить уничтожение британских сил на откуп *Люфтваффе*. Теорию Лиддел Гарта оспаривали, но для меня очевидно: гарнизон Кале, включая все рода войск и поддержавшую их корабельную артиллерию, в течение трех-четырех дней полностью сковывал действия [немецкой] 10-й Танковой Дивизии, когда та могла натворить бед в другом месте. В этом смысле можно утверждать, что тяжелые потери в людях и технике были оправданы, но это не тот довод, который мне хотелось использовать, когда я поехал в отпуск в Фордингбридж.

Большинство жен все еще были там. Они мало знали о том, где мы были и что делали. Женщины, чьи мужья пропали, задавали вопросы, на которые мы не могли ответить, вглядываясь в наши лица, чтобы понять, не скрываем ли мы что-то. Полковник Келлер не давал нам времени на раздумья. Он вернулся через Гравелин, попытавшись сбежать по пляжу на легком танке. Когда тот сломался, он проделал остаток пути пешком. По дороге он подобрал экипаж покинутого танка, но у тех не хватило сил пересечь вброд реку А, которая ближе к морю была довольно глубокой у моря. Они остались, а он вместе с другим офицером двинулся дальше.

Пока над страной висела угроза вторжения, каждый здоровый мужчина был задействован в схемах обороны. Так как танков у нас не было, мы маршировали по восточной Англии с противотанковыми ружьями *Бойз/Boys* - пятифутовыми монстрами, которых ненавидели за их отдачу и полную никчемность. Постепенно в наш состав влились пополнения из персонала депо и складов в Бовингтоне и из частей, побывавших во Франции с 1-й Танковой Дивизией — из Полка *Гнедых/Bays*, 9-го Батальона Лансеров и 10-го Батальона Гусар. Кавалеристы были отличными кадровыми солдатами и быстро освоились в роли танкистов, хотя отсутствие машин заставляло всех нас чувствовать себя уязвимыми.

Огромным облегчением стал приказ сдать ружья *Бойз* и ехать в Ньюмаркет/Newmarket за партией танков *A13* и *A15* — новеньких, с едва просохшей оливково-зеленой краской. *A15* был последним словом техники среди крейсерских танков — похож на *A13*, но чуть лучше защищен и имел по пять катков с каждой стороны вместо четырех. Основным вооружением была двухфунтовка, для которой всё еще имелись только бронебойные снаряды. Позже *A15* назвали *Крусейдер/Crusader* — мистер Черчилль твердо считал, что у танков должны быть имена, а не цифровые коды. Один-два старых служаки заметили: жаль, что у него нет столь же твердого мнения о поставках фугасных снарядов.

Вместе с новыми *Динго* пришел и новый командир разведвзвода. Ростом шесть футов четыре дюйма и сложенный как *кирпичный нужник*/*brick privy (то есть, очень крепкого телосложения - ВК)*, второй лейтенант Боб Крисп (Bob Crisp, 1911-1994, на фото слева, в довоенное время – известный южноафриканский крикетист) получил чин в полку Вестминстерских Драгун/Westminster Dragoons, а затем перевелся в 3-й Танковый Полк.

— Слышал, вы играете в крикет, сержант? — Немного, сэр. — Я тоже. Нужно будет натянуть сетку.

Боб Крисп снес шесть калиток в своем первом тестовом матче за Южную Африку против Англии в 1935 году. В довоенном 3-м Танковом Батальоне все были одержимы крикетом. Любого, кто был в нем хорош, оставляли в части. Мне как-то раз отменили назначение в Индию перед важным матчем. Полковник Келлер играл за [графство] Хэмпшир, так что Боба Криспа ждало блестящее будущее. В течение трех месяцев он стал исполняющим обязанности капитана и помощником командира эскадрона.

Была огромная разница между нашим отплытием из Дувра в мае 1940-го и погрузкой в Ливерпуле шесть месяцев спустя. Основная часть батальона отправлялась в путь на лайнере *Stirling Castle*, на всё еще работал исключительно гражданский персонал. Старые стюарды качали головами при виде гостиных и салонов, забитых танкистами, спящими вповалку. Я делил каюту с шестью сержантами, но считал это предпочтительнее, чем дрожать в хижине за колючей проволокой в северной Германии, где, как я узнал, оказался Соккер Хит. Танки, перекрашенные в песочный цвет,

перевозились на двух быстрых пароходах компании *Glen Line* в сопровождении минимально необходимого числа членов экипажей. *Динго* мы оставили в Англии.

Британская военная техника, брошенная в районе Кале

Никому не разрешили сойти на берег, когда конвой на сутки зашел во Фритаун/Freetown, но в Дурбане нам дали увольнительную. На причалах стояли очереди из людей, желавших пригласить нас в свои дома, и у нас было четыре чудесных дня. Обслуживающий персонал лайнера, должно быть, тоже хорошо повеселился, потому что, когда мы отплывали, многие из них не явились на борт, и мы заканчивали плавание, выполняя их обязанности. Боб Крисп тоже опоздал на корабль. До войны он был репортером в газете *Natal Mercury*, и бывшие коллеги устроили ему бурный прием. Вечеринка, видимо, удалась, потому что вместе с ним опоздали майор и пара капитанов. Не знаю, обрадовался командир или нет, когда один из сопровождавших нас крейсеров просигналил, что опоздавшие у него на борту. Их пересадили к нам уже в море…

Наше прибытие [в Порт-Саид] не было впечатляющим. Никто не пел *Благослови их всех/Bless 'em all*. Поезд ждал у корабля, но, когда он прибыл в Эль-Амарию/El Amaria близ Александрии, никаких приготовлений к нашему приему сделано не было. Австралийский пехотный батальон сжалился и пустил нас в свой лагерь: офицеров в их столовую, сержантов в сержантскую и так далее. Это был канун Рождества 1940 года. На следующий день наши благодетели устроили нам великолепный рождественский ужин, и мы все пошли в один из открытых кинотеатров сети *Шафто/Shafto*. Австралийцам фильм не понравился, и они подожгли кинотеатр. Мы вышли, уселись на песок, попивая пиво *Tooth's* и глядя, как догорает кинотеатр. Мистер Шафто слыл богачом со множеством кинотеатров, так что сочувствия к нему не было.

Было создано новое соединение — 2-я Танковая Дивизия, частью которой стал 3-й Танковый Батальон. Мы присоединились к ней после приятной поездки по железной дороге вдоль побережья до пункта Мерса-Матрух/Mersa Matruh. Вскоре после этого оказалось, что мы возвращаемся в *Дельту (так называли район Александрии – ВК)*.

— Что случилось?

— Мы должны передать наши танки 2-му Батальону.

— Не верю.

— Это правда.

— А на чем мы будем ездить?

— Это обмен.

— Очуметь.

Нас просили обменять наши прекрасные новые крейсерские танки на пятилетние машины, уже прошедшие сотни миль. Разведка также должна была сдать легкие танки, полученные вместо *Динго*. Во время обмена было сказано много горьких слов. Еще более цветистые взгляды на компетентность штабистов высказывались, когда мы загружали изношенные *A10* и отправлялись обратно в Дельту. Мы были в полном недоумении. Когды мы вернулись в лагерь под Александрией нас собрали по эскадронам, и мы узнали свою судьбу. Мы должны были стать частью 1-й Танковой Бригады, направляющейся в Грецию.

— А как же запчасти, сэр? — спросили командира эскадрона.

— Их вышлют.

Приятно было знать. У *A10* была хорошая шарнирная подвеска, но она требовала экспертного внимания для работы на больших расстояниях. Те танки, что нам передал 2-й Батальон, имели двухфунтовые пушки вместо мортир, которыми мы пользовались в Кале, но это не компенсировало слабую броню. Итальянский *M13/40* был защищен лучше, а его 47-мм пушка была тяжелее. Более того, мы были бы везунчиками, если бы *M13/40* был единственным противником, которого мы встретим. Войска Муссолини терпели неудачи после нападения на Грецию в октябре 1940 года, и было разумно предположить, что Гитлер вмешается. Иначе зачем нас туда посылают? Ни у кого не было иллюзий насчет того, что произойдет, если мы столкнемся с немецкими *Pz. III* и *IV*. Единственное другое бронетанковое подразделение, отправлявшееся туда — 4-й Батальон Гусар — был оснащен легкими машинами *Виккерс VIB*, вооруженными только пулеметами: средним калибра .303 и тяжелым калибра .5. Они были быстрыми, но их броня имела толщину всего 13 мм.

Казалось, времени терять было нельзя. В начале марта мы поднялись на борт нового крейсера ПВО *Bonaventur* и на большой скорости пересекли Средиземное море в компании старых крейсеров *Gloucester* и *York*. Через тридцать шесть часов мы были в Пирее. Греки обезумели от восторга и вешали нам на шеи гирлянды. Когда через пару дней на быстроходном грузовом судне прибыли нелюбимые нами *A10*, их тоже украсили цветами. Два дня мы сидели в порту Пирея в ожидании танков. Я воспользовался случаем, чтобы съездить в Афины, и в маленьком кафе мне повезло познакомиться с греческим школьным учителем, который говорил по-английски и даже преподавал его в своей школе. Он пригласил меня к себе домой, и я познакомился с его женой и двумя дочерями. Эта своевременная встреча очень помогла мне позже

Греческая интерлюдия, часть I

У танков *A10* и греческого железнодорожного подвижного состава было кое-что общее: и те, и другие были в плачевном состоянии, и у них не хватало многого. На платформах, перевозивших танки на фронт, катастрофически не хватало цепей для закрепления груза. В качестве замены мы прикручивали болтами толстые к полу вагонов доски, которые служили упорами. Было решено, что экипажи будут ехать на том же транспорте, что и их машины. Не допускалось даже мысли о том, что они могут разлучиться.

Позади танков соорудили навесы из брезента, но конструкции выглядели настолько ненадежно, что я был рад возможности ехать по дороге. К тому времени я был повышен до сержанта-квартирмейстера эскадрона, и в моем распоряжении были полуторатонный грузовичок и трехтонный грузовик. Работа сержанта-квартирмейстера заключалась в

обеспечении эскадрона боеприпасами, рационами и предметами личного пользования, такими как зубная паста и сигареты. Не могу сказать, что я был в восторге от этой должности, так как в прошлый раз, исполняя обязанности батальонного сержанта по провианту, я влип в неприятности, заказав слишком много индеек. На Рождество 1939 года счет на 100 фунтов превысил норму — огромная сумма по тем временам, хотя квартирмейстеру, капитану Реджи де Виру (Reggie de Vere), как-то удалось это уладить. Однако, когда однажды утром людям подали по половинке селедки — никто не сказал мне, что их заказывают парами — он окончательно во мне разочаровался. Какое-то время после этого меня знали под прозвищем *Клоуз-Полселедки/Half Kipper Close*.

Незадолго до нашего отъезда из Афин батальон сменил тропическую форму (хаки и шорты) обратно на боевое обмундирование. Погода, которая была теплой и приятной, когда мы разбивали лагерь в рощах Дафны/Dafna, начала меняться. Нас предупредили, что на севере, куда мы направляемся, ожидается снег. Когда мы выезжали, пробковые шлемы, выданные предусмотрительным правительством, были нами оставлены на месте.

Синоптики не ошиблись. В горах наш конвой встретил заряды мокрого снега, которые иногда перерастали в небольшие метели. Стеклоочистители работали на износ. Чем дальше мы ехали, тем суровее становился пейзаж: с одной стороны возвышались зазубренные утесы, с другой — крутые осыпи. Сквозь разрывы в облаках виднелись заснеженные пики, а долины были окутаны туманом. Это место не казалось мне подходящим для танков. Оно вообще не казалось подходящим для чего-либо.

Нам потребовалось три дня, чтобы добраться до Флорины/Florina — железнодорожного узла, через который шло снабжение греческих армий, сражавшихся в Албании. Там к нам присоединились танковые экипажи с леденящими душу рассказами. В первый день они чуть не замерзли насмерть, так как машинист поезда не имел понятия о важности чая для среднего танкиста, а на продуваемых ветром платформах заварить его было невозможно. На первой же остановке делегация восполнила этот пробел в образовании машиниста, и с тех пор поезд делал регулярные остановки, чтобы набрать кипятка из паровоза. Фраза «Это чудо, что мы все не погибли» звучала постоянно. Некоторые танки сдвигались на дюйм-другой, когда платформы входили в крутые повороты. Под гусеницами скапливались град и лед, и танкисты боялись, что 15-тонные *A10* перескочат через упоры и увлекут полузамерзшие экипажи за собой. Даже спустя столько лет мне кажется безумием так рисковать отборными танкистами. Однако, они добрались до места, хотя и непонятно как.

Флорина была довольно крупным ветхим городом, полным солдат, лавочников, раздолбанных улиц и маленьких кафе. Батальон почти сразу передислоцировался в Аминдеон/Amindeon - уменьшенную и еще более грязную версию Флорины. Полковник Келлер разместил свой штаб в здании школы, машины рассредоточили вокруг и замаскировали, а эскадроны заняли позиции. Изучающие вопросы применения бронетехники тщетно будут искать в этих позициях хоть какой-то смысл. Танкам приходилось ползти по разбитым тропам, то заболоченным, то замерзшим, к изолированным точкам, прикрывающим подъездные дороги. Перспективы взаимной поддержки почти не было. Низины представляли собой болота, в основном непроходимые, и даже более удобные долины нельзя было пересечь без предварительной разведки и разметки маршрута. Ночью температура резко падала, и экипажи в большинстве случаев ночевали в снежных норах рядом с танками.

При хорошей поддержке артиллерии и авиации решительно действующие войска могли бы бесконечно долго сдерживать захватчика в горах, если бы тот был достаточно любезен и предпринял фронтальную атаку. Однако никто не мог сказать, с какой стороны появится враг. Когда мы прибыли в Аминдеон, немцы еще не раскрыли своих карт. Греки вели тяжелые бои в Албании — и далеко не всегда успешно, — в то время как из Югославии поступали самые разные слухи. Не в силах разобраться в балканской

политике, обычный танкист старался согреться и с нетерпением ждал выездов на патрулирование, просто потому что они нарушали монотонное горное бдение. Устраивались футбольные матчи между эскадронами, а игра против греческой зенитной батареи приобрела важность финала кубка.

Известие о прибытии запчастей для танков стало настоящей сенсацией. Сержанты-квартирмейстеры эскадронов немедленно поехали на склады во Флорину, чтобы забрать их. Нам отчаянно не хватало запасных траков, и мы латали старые гусеницы как могли. Несколько ящиков вскрыли до того, как осознали весь ужас ситуации. «Смотри, — сказал технический адъютант, приехавший с нами, и поднял густо смазанный палец трака. - Они прислали нам запчасти для *A15* и *A13*!». Воцарилась гробовая тишина. «2-й Танковый будет рад нашему хламу», — сказал кто-то. «К черту 2-й Танковый. В Египте должны быть другие запчасти. Что нам делать теперь?». Сделать было ничего нельзя. Я отправился посмотреть, нельзя ли договориться с полевым складом снабжения *RASC*, где у нас были друзья. Мы обычно могли выпросить ящик чая или мешок сахара, если кладовщики отвлекали своего старшину, пока мы грузились. Загруженные машины никто никогда не проверял. Возможно, именно это случилось и с нашими танковыми деталями — никто не проверил.

Когда 6 апреля немцы атаковали Грецию и Югославию семью танковыми дивизиями, у нас было вдоволь чая и сахара, но ни одного запасного трака для *A10*. Состояние отступающих через Аминдеон войск говорило само за себя. Заляпанные грязью греческие солдаты брели по неровным улицам. Беженцы запрудили дорогу на Флорину. Проливной дождь и низкая облачность добавляли страданий, но хотя бы сдерживали *Штук*. Затем погода улучшилась, и начались бомбежки. Наши эскадроны доложили о контакте с противником.

В течение трех дней наш батальон и 4-й Гусарский участвовали в хаотичных боях, известных как битва в ущелье Монастир, вместе с австралийской пехотой, новозеландскими пулеметчиками и нортумберлендскими гусарами (противотанковой частью). Я занимался подвозом припасов в эскадрон, иногда привозя обратно экипажи из подбитых танков. Отсутствие запчастей начало сказываться. Один эскадрон доложил о пяти поломках только в ходе разведки по сигналу оказавшейся ложной тревоги. Все машины пришлось бросить и уничтожить. Средств эвакуации не было. Немало вражеских бронемашин было подбито или повреждено, но в отличие от наших, их быстро ремонтировали. С капитуляцией греческой армии в Македонии наш тыл оказался под угрозой, и отступление стало неизбежным. Расстояние около 300 миль до Фермопил было слишком велико для изношенных гусениц *A10*. Наши силы таяли на горных дорогах.

Чего можно было достичь при других обстоятельствах, показал бой у Птолемаиды/Ptolemaida в сорока милях к югу от нашей исходной позиции. При поддержке противотанковых пушек и 25-фунтовых орудий эскадрон *C* устроил засаду у моста. Немцы въехали прямо в нее, и несколько танков *Pz. III* загорелись вместе с бронетранспортерами. К сожалению, еще три наших танка пришли в негодность. Боб Крисп хорошо проявил себя во время отступления. У горной деревни Гревена/Grevena он нашел хорошую позицию, замаскировал танк и использовал свои пулеметы против *Мессершмиттов/Messerschmitt* и *Штук*, летевших вдоль долин. Когда батальон достиг Ларисы/Larissa, где находились греческие штабы и склады, он провел последний бой на аэродроме среди сгоревших *Харрикейнов*, застигнутых на земле.

После этого сражаться стало практически нечем. Единственные танки, которые у нас остались, были на кокардах наших беретов.

«Хорошо. Приказ простой. Едем в Афины, садимся на поезд до Аргоса, находим пляж *T* и ждем флот. Понял?» - «Так точно, сэр!».

Капитан Бартрам (Bartrum), отвечавший за транспорт, стоял в жиже в унылой деревне под Ларисой. На главной улице выстроились четырнадцать трехтонников и мой полуторатонник. Грузовики были забиты изнуренными танкистами, молодыми офицерами и персоналом эшелона — всего около 250 человек. Они теснились на кучах скаток, припасов и ящиков с патронами. Несколько пулеметов *Беса/Besa* были сняты с танков и установлены на крышах кабин грузовиков *Бедфорд/Bedford*. Мы придумали систему: один человек был наблюдателем/заряжающим, другой стрелял. Было лишь вопросом времени, когда самолеты *Люфтваффе* начнут взлетать из Ларисы.

Мы начали движение в организованном порядке и направились к горам, соблюдая дистанцию между машинами. Когда мы въехали в предгорья и влились в орды других беженцев, поддерживать дисциплину в конвое стало почти невозможно. Мы утонули в медленном потоке людей и машин, на который вражеские самолеты пикировали беспрепятственно. Крестьяне, греки и турки, были невероятно бедны, но гостеприимны, и твердо решили ничего не оставлять врагу. Они грузили свой скарб, детей и родню на любой доступный транспорт.

Продвигаясь по извилистым дорогам, через перевалы и шаткие мосты, мы пробирались сквозь ряды измотанной греческой пехоты в хаки и обмотках, пушек, которые тащили лохматые пони, санитарных машин, автобусов, воловьих упряжек, скота, мулов и ослов — очень большого числа мулов и ослов. Когда немецкие истребители проносились по долинам, поливая всё это огнем из пулеметов, колонна содрогалась и останавливалась, люди бросались в канавы или прятались за валунами на склонах. Когда самолеты улетали, подбитые или горящие машины сталкивали в пропасть, раненых перевязывали, и, если была возможность, в спешке копали могилы для убитых. Человеческая змея снова собиралась и двигалась дальше до следующего налета.

Отступление из Греции (художник H. Jones)

Был день, когда *Штуки* атаковали каждые полчаса. Два наших грузовика сгорели, и их пассажиры пересели на оставшиеся машины. Мертвецов, вынув у них солдатские книжки для опознания, заворачивали в брезент и оставляли у дороги. За три дня и ночи этот ужас — горящие деревни и погибшие мирные жители, которых было больше, чем

солдат — стал привычным делом. Милях в тридцати от Фермопил раздался радостный крик: мы припарковались у теплых источников. Грязные от прыжков в придорожные канавы, мы разделись и погрузили уставшие тела в воду. Тут снова появились *Штуки*. Перед пилотами, должно быть, открывался превосходный вид на наши розовые тела, когда мы снова бросились к ближайшим грязным ямам.

В Фермопилах, где планировалось дать бой, нас пропустили через оборону — танковые экипажи были не нужны. Из-за наносов ила знаменитое поле битвы перестало быть узким проходом и превратилось в широкую равнину. Мы быстро ехали по дороге на Афины, хотя конвой всё больше растягивался. Это создавало проблемы на блокпостах. Недалеко от города вооруженные греки, высматривавшие немецких парашютистов, с подозрением смотрели на пулеметы на кабинах *Бедфордов* и еще с большим подозрением — на чумазых солдат за ними. Капитану Бартраму пришлось долго объясняться. Наконец он подозвал меня: «Тебе лучше остаться и направлять водителей, когда они будут подъезжать. Посылай их вот по той дороге». Мы были на кольцевой развязке. «А как же мой грузовик, сэр?» - «Я поеду на нем вперед и узнаю, что на станции. Садись в последний грузовик. Ты нас найдешь». - «Не беспокойтесь за меня, сэр», — я звучал увереннее, чем чувствовал. Ни один старый солдат не доверит свой вещмешок кому-то другому. Кроме бритвы, он был набит греческими драхмами: я как раз собирался выдавать жалование эскадрону, когда началось отступление. Я перекинул сумку через плечо и стал ждать. Полуторатонный грузовик уехал с теми немногими машинами, что уже прибыли, а я отмечал отставших, которые появлялись всё реже. «Последняя машина» была якобы «совсем близко» и должна была быть через «десять минут». Десять минут превратились в пятнадцать... тридцать... час. Я начал ловить на себе странные взгляды прохожих. Некоторые с завистью смотрели на пистолет в кобуре у меня на боку.

Путь в город был долгим. Никто не остановился, чтобы подвезти меня. Времена гирлянд и бесплатных напитков прошли. На первой станции, куда я пришел, стояли греческие часовые и меня не пустили. Они сделали вид, что не понимают меня, и прогнали. Я прошагал еще несколько миль и нашел другую станцию. В своей куртке хаки, солдатских брюках и черном танковом берете я не мог быть никем иным, кроме британского солдата, но никто не хотел помочь. Грек с винтовкой отправил меня дальше. Те немногие люди, что встречались на улицах, отводили глаза. Полицейские патрули часто останавливали меня, держа под прицелом. Я понял, что если немцев ненавидят, то и британцы не пользуются всеобщей популярностью.

Так как я знал в Афинах только один частный дом, я решил попытать счастья там. Андрей, школьный учитель, был среди тех, кто первым приветствовал нас по прибытии. Я провел у него два дня во время увольнительной. Высокий и светловолосый, он совсем не походил на грека в моем представлении. Я гадал, буду ли я всё еще желанным гостем — если вообще найду дорогу. Я отыскал его с трудом. Он оказался дома, и как только я постучал, он затащил меня внутрь и быстро запер дверь. «Что ты здесь делаешь? Как ты нас нашел? Радио говорит, что немцы уже здесь. Правительство капитулировало». Я почувствовал себя так же, как когда докладывал полковнику Келлеру о потере своего отделения машин *Динго*. Во всем был виноват я один.

Греческая интерлюдия, часть II

Район *красных фонарей* в Афинах был, пожалуй, самым информированным коммерческим центром на Балканах. Все сутенеры были шпионами, все девушки пересказывали мадам интересные «постельные разговоры», и у каждого клиента была своя история. Благодаря нескольким австралийцам я оказался в одном из весьма роскошных заведений этого района. Я встретил этих австралийцев в кафе, когда, накинув один из пиджаков Андрея поверх своей формы, отправился на небольшую разведку после наступления темноты. Они сидели без кителей, весело попивали пиво и травили байки. «В нашем убежище всё в порядке, — объяснил один из них, — но

хорошего понемножку». Они предложили мне переехать к ним, и, посоветовавшись с Андреем, я так и сделал. Я не видел смысла проводить остаток войны, помогая его дочерям-подросткам практиковаться в английском. К тому же, как только немцы по-настоящему возьмут город под контроль, у любого афинянина, укрывающего британского солдата, возникнут проблемы.

Публичный дом был богато обставлен плюшевыми креслами, тяжелыми портьерами и тусклыми светильниками. Большую часть времени мы проводили в сильно надушенной гостиной, беседуя с девушками у бара. Они относились к нам с сочувствием и почти все немного говорили по-английски. Там я узнал много новостей: во-первых, что колонна грузовиков капитана Бартрама успела на поезд и уехала в Аргос, что греческий премьер-министр покончил с собой (хотя немцы утверждали, что его застрелили союзники); что нацистские парашютисты высадились у единственного моста через Коринфский канал и захватили его после яростного боя с новозеландцами. Затем кто-то взорвал этот мост вместе с кучей вражеских солдат. Ходили слухи, что флот всё еще забирает людей с пляжей на полуострове Пелопоннес, но 2-я Танковая Дивизия уже заняла окрестности Афин. Самым интересным было сообщение о том, что британские войска собираются в Глифаде/Glifada — известном живописном месте, где таинственный одноглазый майор организует в лесах группы для побега.

Мадам, элегантно одетая женщина лет сорока, которая добилась бы успеха в любом бизнесе, всё для нас устроила. Однажды ночью сутенер принес весть, что после наступления темноты нам нужно идти в Глифаду, что мы и сделали, хотя путь был неблизким. Наше доверие к даме полностью оправдалось. К моему удивлению, одноглазый офицер — которого старые ветераны пустыни за глаза сразу прозвали *Вахид Шуфти/Wahid Shufti* — носил черный берет. Это был майор Кэри (Carey), заместитель командира 3-го Танкового Батальона, которого отправили вперед для связи с греками. Майор знал свое дело и твердо заявил, что не хочет, чтобы кто-то закончил войну так, как он в Первую Мировую — в плену. Он собрал там более пятидесяти солдат, большинство из которых спали прямо в лесу. Некоторые были в полной выкладке, с ранцами и винтовками, другие — безоружные, имея при себе лишь шинель. Среди них было немало танкистов, включая Джона Майерса (John Myers), моего близкого друга, служившего со мной еще в Лидде.

Майор без промедления сформировал из нас группы для попытки побега через Коринфский канал к южным пляжам. У некоторых уже были карты местности, остальные их скопировали. Мы также набросали грубые схемы Крита — куда нам следовало направляться, если повезет. Поскольку у меня были компас, карта и запас наличных, майор Кэри назначил меня старшим группы из двенадцати человек, большинство из которых были вооружены. Затем он познакомил меня с Георгием, смуглым, жилистым греческим пареньком лет пятнадцати, который должен был стать нашим проводником. Георгий немного говорил по-английски и уже перевел через канал как минимум одну группу.

План состоял в том, чтобы двигаться по дорогам ночью, сворачивая в поля, если увидим свет фар (немцы не опасались атак с воздуха и пользовались светом свободно). По расчетам, путь до места перехода через канал должен был занять три ночи. Мы шли почти до рассвета, пока где-то за разросшимися пригородами Элефсина/Elefsina не поднялись на крутой холм к монастырю, где монахи, казалось, нас ждали. Они накормили нас, дали горячего чая и козьего молока и уложили спать в крипте. В сумерках, когда нас разбудили и дали хлеба с помидорами, мы узнали, что немецкие патрули проходили через этот район, не останавливаясь.

На следующем этапе пути мы, должно быть, покрыли двадцать миль в направлении Мегары/Megara. Ночь была холодной и туманной, и пару раз свет фар заставлял нас уходить в поля. Мы не видели, что это за машины, и не стремились это выяснить. Рассвет застал нас на ферме, где к нам отнеслись дружелюбно и где мы с радостью

выпили горячего кофе, предложенного хозяином. Весь день мы прятались в амбаре, наблюдая, как по дороге проезжают немецкие полугусеничные машины и броневики. Перед уходом я залез в сумку с деньгами эскадрона, чтобы заплатить за еду. Фермер протестовал, но в итоге взял деньги. Великодушие этих отчаянно бедных крестьян оставило глубокое впечатление.

Мы надеялись достичь канала следующей ночью, но всё еще были в пути, когда небо начало светлеть. Георгий увел нас в холмы, и мы весь день изнывали от жары под чахлыми оливковыми деревьями. После наступления темноты мы тронулись в путь, шли довольно быстро и вскоре вышли к скалистому берегу канала. Он простирался прямо, как стрела, в обоих направлениях. Я узнал много позже, что строительство канала началось при императоре Нероне — до того суда перетаскивали из одного залива в другой волоком. В тот момент я думал лишь о том, что он выглядит очень широким и, вероятно, довольно глубоким. Стены были почти отвесными, и казалось невозможным преодолеть их ночью, учитывая немецких часовых наверху. Однако нам это удалось. Попрощавшись с Георгием и дав ему щедрую горсть драхм на обратный путь в Афины, мы двинулись дальше на юг. Оглядываясь назад, я иногда думаю, что немцы были не прочь оставить нас в покое. Они могли потратить уйму бензина, гоняясь за нами по горам, и наверняка понимали, что прочесывание пляжей позже всё равно позволит собрать большинство отставших.

Продолжая путь в том же духе — двигаясь ночью и прячась днем — мы натыкались на десятки подобных групп, надеявшихся на эвакуацию морем. Холмы оживали после наступления темноты. У самого побережья мы столкнулись с группой примерно из 300 человек из разных родов войск под командованием пожилого майора-артиллериста. Когда я представился ему, он приказал мне присоединиться к его группе и мрачно сообщил, что враг уже в Аргосе и берет в плен тысячи солдат, добравшихся до побережья.

— Что вы собираетесь делать, сэр?

— Делать больше нечего. Завтра я намерен сдаться. Мы не можем сражаться и не можем бежать. Мы просто организованно пойдем в плен. Распорядитесь, чтобы ваши люди сдали оружие. Он упомянул о месте сбора оружия. Я принес эту «благую весть» своему маленькому отряду. Никто не обрадовался.

— Не думаю, что *Вахид Шуфти* имел в виду именно это, — сказал один из австралийцев. Все уставились на меня.

— Что думаешь?

— Ну, я не знаю точно, что буду делать, но я здесь не останусь.

— Куда ты пойдешь?

— Обратно в холмы, попробую обойти Аргос дальше, вдоль побережья.

Только двое из моей первоначальной группы решили, что с них хватит. Они были истощены — по крайней мере морально. Остальные: шестеро из 3-го Батальона (включая Джона Майерса и меня), двое австралийцев, двое новозеландцев и капрал инженерных войск ускользнули в сумерках. Мы провели еще четыре или пять дней, живя впроголодь и оставаясь на холмах. На стоянках мы по очереди несли караул. Во время переходов кто-то один разведывал путь. Согласно моей карте, между Аргосом и Паралио Астрос/Paralio Astros находилась небольшая рыбацкая община, туда мы и направились. Крестьяне, которых мы встречали, относились к нам с сочувствием, хотя обычно вели нас к деревенскому священнику — большинство их хоть немного знали английский — для проверки. Как только он подтверждал, что мы свои, нам давали еду и убежище. Я использовал драхмы, чтобы купить плитки горького черного шоколада,

который мы грызли на лежках. Капрал-сапер говорил, что это было единственным, что отбивало у него охоту удрать от нас.

Греция, 1941. Немцы осматривают брошенный британский танк A10

У деревни наверняка было название, но я его так и не узнал. Там была всего полдюжины домов, портовая стена и древний каменный мол, укрывавший пристань. У причала были пришвартованы три или четыре рыбацкие лодки с ловушками для крабов на палубах. Ранним вечером, убедившись в безопасности, я пошел на контакт. Женщина в платке вышла из двери, увидела меня и быстро скрылась внутри. Вскоре появился молодой человек. Женщина наблюдала из окна. По моему растрепанному виду было ясно, что я не немец. На этот раз священник не появился — возможно, его не было на месте. Вместо него меня отвели к своего рода «старосте», коренастому небритому человеку лет шестидесяти, который восседал на почетном месте в комнате с масляными лампами — в чем-то среднем между кухней и кафе. Мы обменялись рукопожатиями, и остальная часть отряда, кроме часовых, присоединилась к нам. На большой стол поставили маленькие чашки кофе.

Я бы очень хотел знать, о чем на самом деле шла беседа. Понятный словарный запас этого человека ограничивался словами «OK», «No OK», «Germani» (после чего следовал плевок и жест большим пальцем по горлу) и «Mussolini» (сверкнув глазами, он изображал еще более яростный перерез глотки). Я изо всех сил пытался дать понять, что мне не только нужна лодка, но и что я готов ее нанять. Я достал из сумки пачку купюр. Это произвело немалое впечатление. После долгого сбивчивого обсуждения мы в итоге пришли к соглашению. Рыбак должен был получить часть денег при отплытии, а остаток — по прибытии в Ханью/Chania на Крите. Я указал это место на одной из тех грубо сделанных карт, которые мы рисовали в Глифаде. Мы также договорились оплатить припасы.

Как только сделка состоялась, мы принялись загружать в лодку канистры с водой, хлеб и неизменные помидоры. На следующее утро, около 04.30, мы отчалили в густом тумане. У нашего шкипера, казалось, не было никаких навигационных приборов, поэтому я для вида старательно смотрел на свой компас и самодельную карту. Он не обращал на меня внимания. Примерно в трех милях от берега из тумана выплыла длинная серая тень. Настали томительные мгновения ожидания, а затем над волнами раздался зычный голос: «Эй там, на шхуне! Приготовиться к приему людей!». За бортом

спустили штормтрапы, и лодочник всё еще пересчитывал последний платеж, когда мы вскарабкались на борт эсминца. «Повезло вам, ребята», — сказал один из солдат, толпившихся у борта. И он был прав. В тумане лодку не было видно и с нескольких ярдов.

Эсминец *Horspur* с тремя сотнями таких же беглецов на борту шел к Криту, а затем в Египет. Нам сказали, что, если всё пойдет хорошо, нас высадят в Александрии. К несчастью, когда солнце рассеяло туман, появились *Штуки*. Все легли плашмя и вцепились во что могли — *Hotspur* кренился, идя зигзагами. Тонны воды от близких разрывов обрушивались на нас. Они встряхивали наши тела и с силой вжимали их обратно в палубу. Гулкий грохот, прорвавшийся сквозь рев зениток, возвестил о попадании, но эсминец шел вперед. После еще одного оглушительного удара скорость резко упала. По громкой связи объявили, что машинное отделение повреждено, но корабль еще может идти. Однако вместо Александрии нас высадят на Крите. *Штуки* улетели, и когда показался берег, шлюпки и плоты приготовили к спуску.

Нас уже переправляли на пляж, когда *Штуки* вернулись, и вокруг эсминца снова загремели взрывы. Корабль ушел в море, немного прибавив ход, но он был весь в огне и с сильно кренился. Все его орудия вели огонь. Ступить на землю Крита было не самым обнадеживающим делом, хотя там явно было безопаснее, чем на палубе эсминца. Не оставляя намерений уничтожить его, *Штуки* скрылись, оставив нас на пустынном пляже. Вокруг не было признаков жилья, только серо-зеленые горы под ясным синим небом — картинка как с открытки. Идиллическая атмосфера подействовала на самых изнуренных солдат: они побросали вещи на дюны и уснули. Никто не взял на себя командование, люди бесцельно бродили по берегу.

Примерно через сорок восемь часов, сопровождавшихся активными действиями авиации, нас окликнул патруль Полка *Черный Дозор/Black Watch*, который затем вызвал пару грузовиков. В Ханье мы привели себя в порядок, поели горячего, получили одеяла и места в большом здании. Нам отчаянно нужны были новости, и офицер *Черного Дозора* это понимал. Он рассказал нам о капитуляции Греции и об эвакуации британских сил. Большинству удалось уйти, сказал он, но никто не ждет, что немцы удовлетворятся победой на материке — вторжение на Крит неминуемо.

— Вам всем выдадут винтовки, поступаете под наше командование, — заключил он. — Ты, будешь командовать отделением.

Судя по лицам присутствовавших танкистов (включая меня), идея нам не понравилась.

— Ничего не поделаешь, парни, — сказал офицер-шотландец. — Нам нужен каждый человек для патрулирования.

Я спросил, есть ли на острове танковые части и можно ли к ним присоединиться. Он ответил, что на другом конце Крита есть эскадрон 3-го Полка Гусар на легких танках и полдюжины *Матильд*, распределенных по аэродромам. Это было всё. О заменах или запасных машинах он ничего не знал. Мы пошли получать винтовки.

Пару дней мы патрулировали местность с горцами, разыскивая парашютистов, о высадке которых сообщали. К счастью, мы никого не нашли, хотя самолетов *Люфтваффе* видели предостаточно. Затем пришли вести о серьезном поражении в *Пустыне*. Немецкие танковые части, прибывшие на помощь итальянцам, не только отбросили британцев от Эль-Агейлы/El Ageila, но и погнали нас к самой египетской границе. 9-я Австралийская Дивизия оказалась в осаде в Тобруке, а 2-я Танковая Дивизия была сильно потрепана. Пришел приказ: всех обученных танкистов немедленно отправить обратно в Египет. Мы без сожаления сдали винтовки и сели в грузовики, которые повезли нас к небольшой бухте неподалеку от залива Суда, где якобы ждал корабль.

Надежда на спасение испарилась еще на подъезде. Стоянка была под яростным обстрелом с воздуха. Два эсминца горели, а крейсер сильно кренился. Никакого противодействия воющим *Штукам* в небе не было.

— Вы танкисты? — появился какой-то офицер. — Вам приказано явиться в... — и он назвал место, которое оказалось бухтой дальше по побережью. — Я бы на вашем месте поторопился.

Судно *Pompeii Veronica* стояло в маленькой бухте, его белый корпус был покрыт пятнами ржавчины. Оно не подавало признаков жизни, если не считать сохнущего белья на корме. Если немецкие самолеты его и игнорировали, то, возможно, принимали за неподвижный объект. Корабль простоял без дела год и служил домом для владельца, его жены и их дочери-подростка. Капитан, гигант с густой черной бородой, не давал ломаного гроша за наши шансы уйти. У судна были проблемы с котлами, двигателем, конденсатором.... Капитан из *RASC*. Старший нашей группы, спросил наших ремонтников, могут ли они что-то сделать, и, вдохновленные грохотом из Суды, добровольцы исчезли в машинном отделении.

Как единственному квартирмейстеру на борту, мне поручили организовать пайки на трехдневный переход. *Черная Борода*, немного говоривший по-английски, предупредил, что баки для воды либо пусты, либо текут. Я набрал на берегу столько пустых канистр из-под бензина, сколько смог, и наполнил их из колонки. Их переправили на борт вместе с ящиками тушенки, галет и сыра со склада на причале. У каждого была своя задача: артиллеристы соорудили хитроумную установку, чтобы стрелять из своих пулеметов *Беса*, снятых с танков, используя натянутый стальной трос. Один капрал из 3-го Батальона, Джок Огилви (Jock Ogilvie), добравшийся из Греции на рыбацком судне, отказался выбросить свой пулемет по приказу флотских, заявив, что не за тем тащил его сотни миль, чтобы выкинуть в море, тем более что у него был ящик патронов. Лязг и грохот из машинного отделения в конце концов дали результат. Один из двух котлов *Вероники* признали рабочим. Из трубы повалил черный дым. Я думаю, *Черная Борода* где-то раздобыл пару настоящих кочегаров или механиков, а танкистов разбили на смены для обслуживания котла. Угля было мало, и вскоре из-за летящей пыли все стали черными как черти. Давление пара поднялось, и капитан, к собственному удивлению, объявил, что мы можем выходить. Мы с тревогой наблюдали, как лебедка втягивает якорь, и в сумерках вышли в море под конвоем эсминца. Прощай, Суда. Прощай, Крит.

Кочегары работали на совесть всю ночь; наверху стояли наблюдатели. Рассвет был прекрасен, если не считать темной полоски скал Крита, всё еще маячившей на горизонте. Взгляд за борт показал едва заметную рябь на зеркальной глади. Судно шло, но еле-еле. Стал слышен грохот бомбежек у берега. Сопровождавший нас эсминец, который извивался как мог, чтобы не обогнать нас, в конце концов сдался. Он просигналил «Прощайте и удачи» и на полной скорости ушел на помощь своим. *Вероника*, казалось, не хотела покидать уютную бухту, но Крит постепенно скрывался из виду. Пока винт делал свое медленное «чух-чух-чух», *Черная Борода* был доволен, но он настаивал, что три с половиной узла — предел для его двигателя-калеки. Время от времени кочегары поддавали жару, и посудина начинала вибрировать, осыпая нас хлопьями краски, но это длилось недолго.

Черепаший темп означал, что плавание затянется. Я организовал всё так, чтобы мы пили чай дважды в день: кочегары получали по кружке, остальные — по полкружки. Дневной рацион составлял полбанки тушенки, пачка галет и кусочек сыра на человека. На вторую ночь, когда я болтал с Джоном Майерсом о довоенных временах, море в паре сотен ярдов вскипело в лунном свете. Разговоры на палубе стихли, когда на поверхность всплыла подводная лодка. Кто-то уже взвел затвор *Бесы*, но голос на чистом английском разрядил обстановку: «Лечь в дрейф! Что за судно? Куда идете?» Наш капитан-интендант объяснил, что если мы остановимся, то можем больше не завестись, и что мы британские солдаты, идущие в Египет. Лодка проверила наш курс, подтвердила

направление и сопровождала нас до рассвета, вероятно, заряжая аккумуляторы. Перед утром она погрузилась, пообещав присматривать за нами.

На следующий день появились более опасные гости — звено двухмоторных самолетов. Один из них отделился, чтобы осмотреть нас, и вызвал остальных. Несколько минут вокруг ревели *Ju-88*, пулеметы трещали с обеих сторон, летели брызги. Так же быстро *Юнкерсы* выстроились в ряд и улетели, оставив нас в пене. Видимо, они возвращались с задания и использовали нас как мишень для тренировки. Никто не пострадал, но *Черная Борода* был в ярости и осыпал их проклятиями, высунувшись из-за мостика. Его жена, которую мы почти не видели, тоже вышла, чтобы погрозить кулаком самолетам и снять белье. Нас атаковали и другие самолеты, но наша способность производить уйму дыма, почти не двигаясь с места, вводила их в заблуждение, и лишь пара снарядов с *Мессершмиттов* попала в корпус, не причинив вреда.

Враг нас не остановил, но мы рисковали встать сами — кончалось топливо. Уголь был на исходе. Мы сообщили об этом подлодке, когда та всплыла ночью, и предупредили, что наш внешний вид может измениться — мы собираемся сжечь палубную надстройку. Так мы и сделали — сожгли люки, детали кают и, наконец, добрались до палубного настила, который, по словам кочегаров, «горел великолепно». Капитан с достойным смирением принял разборку своего судна. Он оставался спокоен, пока мы не заставляли двигатель выдавать больше трех с половиной узлов. Когда показался берег Египта, лодка всплыла и повела нас к Александрии, где нас должен был встретить буксир. Сирены и гудки приветствовали нас, когда мы ковыляли в порт, а наш гигант-капитан в героической позе стоял на мостике в окружении семьи. Нам устроили торжественный прием, раненых забрали врачи, а нас после горячей ванны и смены одежды накормили великолепным обедом в одном из лучших отелей города. Затем нас развезли по частям.

Те, кто остался от 3-го Батальона, находились в Гелиополисе/Heliopolis, охраняя аэродром. Там я узнал, что капитан Бартрам и его колонна грузовиков были захвачены в плен в Аргосе все до единого, в то время как командир батальона и все командиры эскадронов вернулись в Египет, даже не заходя на Крит. Мне и тем, кто прошел «живописный маршрут», это показалось крайне несправедливым.

Реорганизация

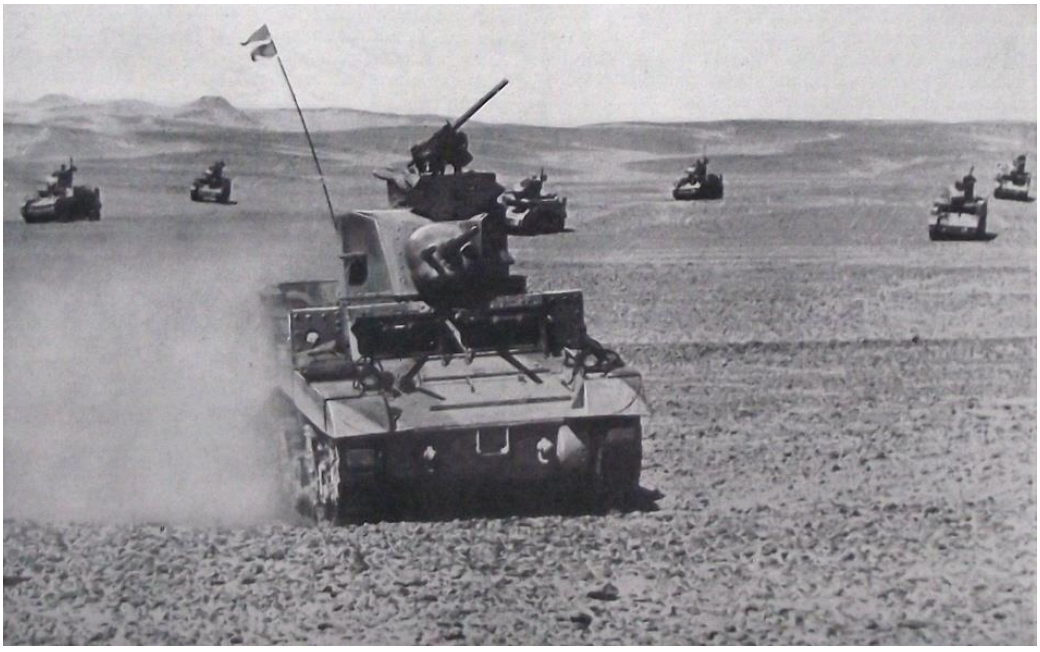
Это был батальон в новом обличье, расположившийся в Бени-Юсефе — скоплении раскаленных на солнце палаток и хижин на канале Свитуотер примерно в двадцати милях от Каира. Когда в конце августа 1941 года мы передислоцировались из Гелиополиса, у нас сменился командир, появился новый полковой сержант-майор и новые танки. Прежний командир, полковник Келлер, перешел в штаб, передав полномочия подполковнику *Банни* Эвинсу, кавалеристу. Пэдди Хехир, служивший в 3-м КТП еще до войны, стал полковым сержант-майором вместо Тайни Уайта, попавшего в плен в Греции. Также мы получили американские легкие танки *М3 —Стюарт/Stuart*.

На кителе капитана Криспа появилась ленточка ордена *За Отличие в Службе,* врученного ему за его подвиги в Греции; он возглавил Эскадрон *С*. Я получил повышение до сержант-майора эскадрона — теперь я носил эмблему короны на кожаном браслете — и присоединился к Эскадрону *В* под началом майора Джорджа Уизериджа (George Witheridge).

Реорганизация батальона поглощала все наше внимание. Люди, присылаемые из резерва Королевского Танкового Корпуса в Дельте, принадлежали к самым разным полкам — например, было немало бойцов из 8-го Гусарского. Их нужно было радушно принять и внушить им уверенность, что было непросто, учитывая репутацию 3-го КТП, потерявшего все танки, технику и не менее половины личного состава в обеих кампаниях, в которых он участвовал. Британская полковая система испытана временем, но она строится на вдалбливании новобранцу мысли, что именно его часть (и её

традиции) — самая лучшая. Необходимость осваивать совершенно новый для всех танк помогла процессу притирки, связывая людей друг с другом.

Боб Крисп всегда утверждал, что танк *Стюарт* получил прозвище *Honey* - *Милашка* после замечания его водителя. Опробовав машину в пустыне, тот воскликнул: «Это просто милашка!» — и название приклеилось. Танк идеально подходил для своей первоначальной роли — разведки. Он был быстрым, с паспортной максимальной скоростью 35 миль в час, хотя на хорошем грунте мог быть и быстрее. Его авиационный звездообразный двигатель был первоклассным и требовал минимального ухода. Революционными для нас стали траки гусениц, вмонтированные в сплошные резиновые блоки. Они казались практичными, в чем нам предстояло убедиться позже. Американские инструкторы клялись в механической надежности *Милашек*, и поначалу мы были склонны с ними согласиться. Поскольку США еще не вступили в войну напрямую, танк еще не участвовал в боевых действиях, и все старожилы горячо надеялись, что простое поддержание его в рабочем состоянии уже само по себе станет достижением.



Милашки в Африке, 1941 год

Полковник Келлер в июне издал специальный приказ, отметив капрала Риббинса и рядовых Вудгейта, Парфитта, Роулинса, Кернахана и Ридпата за «мужество, решимость и преданность», проявленные при обслуживании танков в Греции, часто под ударами с воздуха. Эти самые солдаты в любой день с радостью променяли бы свои грамоты на надежную боевую машину.

По сравнению с современными британскими крейсерскими танками, *Милашка* была чуть лучше защищена, но обладала не большей огневой мощью. Ее 37-мм пушка стреляла бронебойными снарядами того же веса, что и 40-мм орудия танков *A-9, A-10, A-13, A-15* или *Матильды*. Однако для 37-мм пушки не было фугасных снарядов, так что в плане боевых возможностей *Милашка* страдала от того же недостатка, что и его британские собратья. По правде говоря, к концу 1941 года и двухфунтовые, и 37-мм пушки уже устаревали, хотя обе могли больно бить при благоприятных обстоятельствах. Часто критикуемая позже 40-мм пушка, с которой мы так усердно тренировались в лагере *Lulworth*, неплохо показала себя в 1940 году, прошивая 30-мм броню *Pz. III* на приличном расстоянии; некоторые утверждали, что подбивали их с 1000 ярдов, хотя другие в этом сомневались. Она была весьма эффективна против итальянских *M11/39*, которые мы не рассматривали всерьез, но которые все же имели местами 30-мм броню,

и могла справиться с *M13/40*, у которого кожа была толще, а пушка — больше. Весной 1941 года кто-то из высокого начальства счел *M13/40* достаточно хорошими машинами, чтобы отправить один из наших полков в бой на машинах, захваченных в Беда Фомм/Beda Fomm прошлой зимой. Этот вынужденный эксперимент больше не повторяли.

Хотя двухфунтовая пушка была адекватной в начале войны, её возможности против улучшенных вражеских танков вскоре оказались недостаточными. К середине 1941 года немцы начали выпускать сталь с поверхностной закалкой — это было похоже на глазировку керамики — что помогало дробить сплошные снаряды. Они утолщали броню и увеличивали калибр орудий. В их башни без особого труда можно было поставить более мощное вооружение, наши же поддавались переделке с огромным трудом. Усилить вооружение *Матильды*, этого тяжелобронированного медленного танка поддержки пехоты, было вовсе невозможно. Мы выжимали все из того, что имели, просто потому что выбора не было, и усердно тренировались с 37-мм пушками в пыльном лагере на дороге Каир – Файюм/Fayum, используя подбитые *панцеры* в качестве мишеней.

Пока мы занимались подготовкой, мы пытались разобраться в общей обстановке в Африке, которая резко изменилась с тех пор, как мы передали наши новые крейсерские танки 2-му КТП в Мерса-Матрухе. 14 февраля, на следующий день после формирования британской 1-й Бронетанковой Бригады для Греческой экспедиции с 3-м КТП и 4-м Батальоном Гусарского Полка в качестве её ударной силы, — первые машины *Африканского Корпуса* уже выгружались в Триполи. Немцы продолжили наращивание сил продолжалось и в марте, и через пару дней после того, как Гитлер напал на Югославию и Грецию, *Армия Западной Пустыни*, победитель Родольфо Грациани (Rodolfo Graziani) и гроза итальянцев, была быстро выбита из Ливии. Генерал Эрвин Роммель (Erwin Rommel), который до того был для разведки всего лишь именем в досье, стал фигурой, с которой приходилось считаться. Летом в 3-м КТП никто не мог точно сказать, кто именно выбил нас из Греции, но даже санитар знал, кто «где-то в чистом поле» под Дерной в апреле захватил в плен Рэда О'Коннора (Richard O'Connor) и генерала Филипа Нима (Philip Neame, 1888-1978). Именно тогда началась осада Тобрука, и она всё ещё продолжалась, когда мы получили наши *Стюарты* в конце августа. Генерал Уэйвелл (Archibald Wavell), имя которого было известно солдатам не меньше любого другого, ушёл со сцены после того, как провалились две попытки разгромить противника — операция *Brevity* в мае и операция *Battleaxe* в июне.

Любого, кто принимал участие в операции *Battleaxe*, танкисты слушали с особым вниманием. До того времени *Матильда*, точнее, пехотный танк *Mark II*, считалась почти неуязвимой для противотанковых пушек. 4-й и 7-й танковые полки в 1940 году под Аррасом изрядно напугали дивизию СС *Totenkopf* когда их считавшиеся бронебойными снаряды просто отскакивали от британских танков. То же самое происходило и с итальянцами, и когда Африканский Корпус впервые столкнулся с *Матильдами*, его пушки также не могли пробить броню толщиной до 78 мм. Военные корреспонденты окрестили *Матильду Королевой Поля Боя/Queen of the Battlefield*.

Во ходе операции *Battleaxe*, в боях у Соллума/Sollum и форта Капуццо/Capuzzo, *королева* лишилась своей короны. Немцы усилили свои позиции на перевале Халфайя и вокруг него восстановленными итальянскими артиллерийскими орудиями, всё ещё валявшимися там после ранних побед Уэйвелла, а также врытыми в грунт батареями 88-мм зенитных пушек. В то время они могли рассчитывать и на прикрытие со стороны *Люфтваффе*.

Роммель, который знал о том, насколько мощны *Матильды* из собственного опыта, полученного во Франции в 1940 году, когда он командовал 7-й Танковой Дивизией,

писал, что 88-миллиметровки «…с их стволами, установленными горизонтально, над землёй, практически не было видно. Я возлагал на такое решение большие надежды…». Его оптимизм оправдался, когда Эскадрон *C* 4-го КТП уверенно пошёл в атаку и был буквально расстрелян. Лишь один его танк пережил это побоище...

С нашей стороны конкретная роль, сыгранная 88-мм пушками, была осознана не сразу, поскольку поле боя с подбитыми машинами осталось за противником, который и занимался их «уборкой». Атаку встретил колоссальный шквал огня, в создании которого свою роль сыграла и новая высокоскоростная 50-мм противотанковая пушка *Pak 38*. Низкая, легко маскируемая, она посылала свой четырёх-с-половиной фунтовый бронебойный снаряд на большую дальность. И именно дальность, на которой наносились поражения танкам, особенно нас настораживала. Было тревожно слышать оценки дистанций, с которых противник открывал огонь, — значительно более 1 000 ярдов, а порой и до 2 000 ярдов. Наше 40-мм орудие могло отправить двухфунтовый снаряд на дистанцию до 1 200 ярдов, но уже после 500 ярдов его бронепробиваемость резко падала, а точность страдала ещё сильнее. Наводчик должен был быть гением, чтобы попасть небольшим бронебойным снарядом по врытой в землю цели на расстоянии свыше 1000 ярдов. И даже в этом случае он не мог рассчитывать вывести расчёт из строя.

С *панцерами* дело обстояло иначе, хотя их репутация после боев на перевале Халфайи и операции *Battleaxe* значительно выросла. Полный масштаб понесённого ими урона было трудно оценить потому, что немцы могли эвакуировать свои повреждённые машины, оставив на поле боя лишь с десяток танковых остовов по сравнению с примерно семьюдесятью машинами, оставленными на поле боя нами. Тем не менее, даже с учётом сообщений о том, что одна из модификаций *Pz. III* теперь вооружена 50-мм пушкой, мы считали, что сможем с ними справиться. По крайней мере, мы знали, что их можно подбивать из наших 40-мм орудий.

Так продолжалась подготовка, и захваченные остовы *панцеров* на стрельбищах подвергались беспощадному «избиению» нашими *Милашками* во время учебных стрельб. Как выразился мой наводчик Джорди Рэй, бывший шахтер: «Немцы — мои любимчики. Я мог бы провести остаток войны, стреляя в них». Он был одним из лучших наводчиков в батальоне и к тому же отлично готовил.

В течение двух недель мы, сержант-майоры эскадронов, изучали методы навигации в пустыне — область, в которой, как мне казалось, мы всегда превосходили врага. Британская армия пользовалась многолетним опытом службы в Африке, тогда как в Вестфалии или Силезии песчаных дюн не так много. Самым впечатляющим в Западной пустыне было пространство. Какой бы тип ландшафта ни встречался, его всегда было в избытке. Разнообразие было бесконечным: мягкие дюны, каменистые плато, солончаки, песок с валунами, галька, мили плоских равнин, извилистые овраги-вади, возвышающиеся известняковые уступы — и почти никаких признаков того, что здесь когда-либо ступала нога человека. Если не считать реликтов войны, то за пределами Дельты встречались лишь редкие каменные пирамидки, руины глинобитных фортов, кочевья бедуинов и — еще реже — пальмы у оазиса.

Никто не мог позволить себе вольностей с этой природной средой. Днем стояла сухая изнуряющая жара, а зимой ночи были пронизывающе холодными. Хорошая шинель была бесценной частью солдатского имущества. Погода в этой глуши была непредсказуемой. Штормы налетали из ниоткуда и длились часами или днями. Внезапные ливни могли за двадцать четыре часа покрыть пустыню ковром цветов, которые увядали так же быстро. Рассвет мог быть величественным, с солнцем, укорачивающим пурпурные тени, или пробираться сквозь пелену тумана. Пейзаж, утром

окутанный мглой, к полудню начинал плясать в мареве, так что невозможно было отличить верблюда от сгоревшего грузовика или куст колючки от немецкого танка *Pz. IV*.

Во время двухнедельного курса навигации с использованием довольно примитивного солнечного компаса я оценил недавно полученный нами американский джип. Джип справлялся со всеми препятствиями, когда мы заезжали в район Вади-эль-Натрун/Wadi-el-Natrun, ранее считавшийся непроходимым как для гусеничного, так и для колесного транспорта. На обратном пути мы взяли ориентир на коптский монастырь к югу от Александрии и после «плеча» в пятьдесят миль оказались всего в нескольких сотнях ярдов от цели. Проведя комфортную ночь в гостях у монахов, мы подарили им ящик лишних пайков и бутылку виски. После доброты, проявленной их собратьями в Греции, я чувствовал, что обязан им.

Лагерь *Бени-Юсеф/Beni-Yusef* был не лучшим местом для летнего отдыха, хотя и находился в виду пирамид. Мы делили его с другими полками 4-й Бронетанковой Бригады — 8-м Гусарским и 5-м Танковым, в общей сложности пыль поднимали около 160 *Милашек*. К счастью, ни Каир, ни Александрия не были слишком далеко. Бедность и грязь Каира были неописуемы. Днем город превращался в печь, его одолевали жирные серые мухи с мусорных свалок. Отбросы выбрасывались повсюду, а нормальной канализации я не видел. Всюду бродили изнывающие от безделья солдаты, которым осточертели лагеря. Офицеры заполняли столики под полосатыми зонтиками в саду кафе *Groppi*, знаменитого своими пирожными, кофе и клиентками из числа пышных египетских красавиц. В клубе *Gezira* крикетисты регистрировались в списках на участие в играх, но, чтобы выйти на поле, нужно было играть по-настоящему хорошо. Однажды в июле 1941 года я видел, как Боб Крисп выбил Уолли Хэммонда (Wally Hammond, 1903-1965, известный британский крикетист). На Ближнем Востоке тогда было немало игроков мирового уровня из ЮАР, Австралии и Англии. Вечеринки в баре *Snakepit* под игровым табло часто были лучше самой игры.

Каир был особенно хорош в вечерней прохладе. В целях светомаскировки уличные фонари покрасили синей краской, но все большие дома были ярко освещены. Немцы и итальянцы вряд ли стали бы бомбить место, где у них было столько шпионов и где большая часть населения была на их стороне. Это не было войной египтян: знание того, что король Фарук был бы рад выставить наши войска, заставляло солдат с еще большим задором распевать непристойные песни о королеве Фариде.

Как наследие британских гарнизонов в Египте, у жен многих кадровых офицеров еще оставались квартиры в Каире и Александрии. Я так и не решил для себя, хорошо это или плохо. Другие переехали в Дурбан, где мужья могли навещать их время от времени — если позволяли *панцеры*. Лично я пользовался случаем осмотреть все достопримечательности и принимал любые приглашения на вечеринки. Никто не знал, как долго продлятся хорошие времена. Нам дали *Милашек* не для прогулок. Настанет день, когда нам придется перегнать их на ту сторону ржавой ленты колючей проволоки высотой в семь футов и вдвое большей толщины, которую маршал Грациани приказал протянуть, чтобы обозначить границу между африканской империей Муссолини и Египтом. За ней, за аккуратными итальянскими поселениями на побережье, находился Тобрук и осажденная 70-я Дивизия, сменившая 9-ю австралийскую.

Между ними и нами стояли немцы и итальянцы. По общему мнению, сложившемуся у танкистов, нам предстояло отправиться искать их, когда мы будем полностью готовы. Как, когда и где — решало высшее начальство, недостатка в котором не наблюдалось (Штаб стал быстрорастущей отраслью). Уэйвелл поменялся местами с сэром Клодом Окинлеком (Claude Auchunleck), главнокомандующим в Индии. *Ок*, как его называли газеты, принял ответственность за Ближний Восток, включая места, которые нас не интересовали — Ирак, Мальту и Палестину. Прежние войсковые соединения Западной пустыни были низведены до уровня корпуса — одного из двух формируемых. Оно получило номер 13I, другое стало 30-м Корпусом. Для непосредственного управления

предстоящим сражением в сентябре 1941 года был создан новый штаб — 8-я Армия. Возглавить её прибыл генерал-лейтенант сэр Алан Каннингем (Alan Cunningham), прославившийся победами над итальянцами в Восточной Африке. Теперь Черчилль мог говорить Окинлеку, чего он хочет, *Ок* передавал это Каннингему, тот — командирам корпусов, те — дивизий, и так далее. К тому моменту, когда приказ доходил до рядового *Джонса*, всё сводилось к двум словам: «Водитель, вперед...».

Назначения и отставки наверху оставляли людей 3-го КТП равнодушными. Тот факт, что мы находились в 30-м Корпусе, мало что значил, и я сомневаюсь, что кто-то из рядовых знал или беспокоился, что командует им генерал-лейтенант сэр Уиллоуби Норри (Willowby Norrie). Опять же, благодаря Би-Би-Си, большинство солдат знали, что 7-й Танковой Дивизией командует *Стрейфер* Готт (William Gott), поскольку в каждом танке была рация, и прием был отличный. Готт был весьма популярен в прессе. Бригадный генерал Алек Гейтхаус (Alexander Hugh Gatehouse, 1895-1964), возглавлявший 4-ю Бронетанковую Бригаду, был известен некоторым кадровым танкистам еще по довоенным учениям в Солсбери, но и он для экипажей был фигурой далекой. Настоящий интерес наводчиков, водителей и радистов вызывали люди, от которых напрямую зависели их шансы выжить. В конечном счете это было в руках Гейтхауса, Норри и Каннингема, но с сокращением дистанции жизнь и смерть зависели непосредственно от (а) командира танка, (б) командира взвода и (в) командира эскадрона. Другие командиры эскадронов были не нашей проблемой. Командир полка вызывал интерес лишь в той мере, в какой его можно было обвинить в том, что он втянул нас в неприятности или вытащил из них.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛИВИЯ – ТУНИС – ВОЗВРАЩЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ – ВЫСАДКА В НОРМАНДИИ

Операция *Crusader*

Операция *Crusader* началась для нас на исходе дня 17 ноября [1941 года], около 18.00. В этот момент сотни машин взревели, извергая гарь и дым, и начали медленно двигаться через пустыню. За несколько дней до этого мы замаскировали наши Милашки на стоянке далеко за границей, спрятав башни под жесткими навесами из мешковины и холста, чтобы с воздуха они напоминали трехтонные грузовики.

Проехав около восьмидесяти миль до района сосредоточения, все еще на египетской стороне границы, мы выстроились под видом автопарка. Утром после этого ночного марша возникла небольшая паника: ряд командиров доложили о повреждении резины на гусеницах, вероятно, при пересечении участка с остроугольными обломками и выступами известняка. Мы ждали прибытия запчастей из Дельты перед тем, как двинуться дальше к исходному рубежу. Когда мы только получили *Милашки*, было много опасений по поводу трещин в гусеницах, но они, казалось, продолжали работать несмотря ни на что.

13-го числа полковник вернулся с совещания в бригаде и вызвал командиров эскадронов. Джордж Уизеридж (George Witheridge, командир Эскадрона *B*), приписанный к сержантской столовой, получивший офицерское звание после боев под Кале, вернулся с новостями и сообщил, что с этого момента мы можем вступить в бой в любое время. Командуя эскадроном в Греции, *Уизерс* довольно хорошо представлял, с чем нам придется столкнуться. В течение трех дней, что мы оставались на той же позиции, мы тратили много времени на проверку оборудования и боеприпасов каждого танка под моим руководством как сержант-майора эскадрона.

План сражения — хотя на уровне взводов детали прояснились лишь позже — был довольно прост: два *левых хука* в сторону побережья, где была сосредоточена большая

часть немецких танков. Основная часть нашей пехоты и медленные тяжелые танки *Матильда* и *Валентайн* были переданы в состав 13-го Корпуса генерала Годвин-Остена (Alfred Godwin-Austen, 1889–1963), который должен был сковать и разгромить гарнизоны, удерживавшие Бардию/Bardia, Соллум/Sollum и Халфайю/Halfaya на границе. Быстрые крейсерские танки были сосредоточены в 30-м Корпусе под командованием Уиллоуби Норри (Willowby Norrie) с целью нанести более широкий удар в сторону Тобрука. Вынужденная противостоять этой угрозе бронетехника противника должна была быть уничтожена при атаке на нас. После этого 70-я Дивизия должна была предпринять вылазку, а 1-я Южноафриканская Дивизия соединиться с ней, в то время как войска 13-го Корпуса должна была продвигаться вдоль побережья. Осада была бы снята, а путь на Триполи открыт. Такова была теория — даже оглядываясь назад, план не кажется плохим.

В целом было ощущение, что войска покажут себя с лучшей стороны. Две дивизии в 13-м Корпусе были доукомплектованы: 4-я Индийская — после участия в операции *Battleaxe*, и новозеландская — после потерь, понесенных в Греции и на Крите. В их боевых качествах сомнений не было. Труднее было предсказать действия 30-го корпуса под командованием генерала Норри, поэтому стоит поближе взглянуть на его соединения.

Штаб 7-й Танковой Дивизии – он был укомплектован опытными людьми и находился под руководством ветерана пустыни *Стрейфера* Готта (William Gott).

7-я Танковая Бригада:

- 7-й Гусарский Полк
- 2-й КТП
- 6-й КТП

Многие из личного состава воевали в Ливийской кампании, но техника также уже побывала в боях. Хотя половина танков была типа *A15 Крусейдер*, остальные (около семидесяти) были старыми *A13*, и встречалось даже несколько винтажных *A10*. Несмотря на проведенный ремонт, в бригаде следовало ожидать потерь из-за поломок.

7-я Моторизованная Группа Поддержки

Она находилась под командованием жесткого бригадного генерала Джока Кэмпбелла (Jock Campbell) и включала полк 25-фунтовых орудий и Батальон Стрелковой Бригады.

4-я Танковая Бригада

- 8-й Гусарский Полк
- 3-й КТП
- 5-й КТП

В составе полков была большая доля закаленных бойцов, но *Милашки* все еще оставались неизвестной величиной. С добавлением артиллерийского полка (25-фунтовки) и 2-го Батальона Шотландских Гвардейцев на грузовиках мы образовали мощную «бригадную группу».

22-я Танковая Бригада

- 3-й Полк Лондонских Йоменов

- 4-й Полк Лондонских Йоменов
- 2-й Королевский Глостерширский Гусарский Полк

Ни один из этих полков ранее не участвовал в боевых действиях. Каждый был оснащен более чем пятьюдесятью новыми *Крусейдерами*, которые провели некоторое время в мастерских для модификации к условиям пустыни. 22-я Бригада была не так сильна, как 4-я, ни в артиллерии, ни в пехоте.

1-я Южноафриканская Дивизия

Включала в себя 1-ю, 4-ю и 5-ю пехотные бригады, которые приняли участие участвовали в боях в Восточной Африке и выглядели крепкими и натренированными.

В ранние часы 18-го числа, когда мы укладывались спать, разразилась сильная гроза. Многие экипажи сняли навесы и использовали их, чтобы укрыться от хлещущего дождя. На рассвете, вернув маскировку, мы возобновили марш и при соблюдении строгого радиомолчания пересекли пустыню, с которой смыло все прежние следы. Поток воздуха, вызванный нашей скоростью, веял холодом от сырой земли. Мы без происшествий прошли через проходы, проделанные в пограничной проволоке, и выстроились в очереди у складов горючего, как автомобилисты на заправке в праздничный день. Необходимость заправлять *Милашку* каждые сорок миль или около того была ее серьезной слабостью; только для нашей бригады из 160 танков требовалось огромное количество высокооктанового авиационного бензина, поэтому было отрадно найти его на месте.

Дождь увлажнил землю, и мы катились вглубь вражеской территории, не поднимая обычных клубов пыли. Не появилось ни одного вражеского самолета. Миля шла за милей, и к середине дня, после очередной дозаправки и снятия маскировки, бригада наступала в боевом порядке: *Милашки* развернулись в линию по фронту с интервалом 100 ярдов друг от друга и 200 ярдов между волнами. Это было волнующее зрелище: краска песочного цвета почти не поцарапана, на каждой башне маркировка эскадрона — треугольник для *A*, квадрат для *B*, круг для *C* и ромб для штаба — все в зеленом цвете 3-го КТП, как и наши нашивки. Над нами развевались маленькие желтые вымпелы, живописные, но создававшие опасность. Врагу не потребовалось много времени, чтобы понять: чем больше вымпелов на радиоантенне, тем важнее цель. Никто не жалел, когда позже они исчезли, но 18 ноября они считались важным средством идентификации — немцы и итальянцы их не использовали. Безусловно, вымпелы добавляли сцене лихости, как и бронеавтомобили 1-го Полка Королевских Драгун-Гвардейцев, мчавшиеся далеко впереди. Где-то слева от нас, поскольку мы были на внутреннем фланге ударных сил, наступала 7-я Бригада, а за ней 22-я — всего около 480 танков.

«Грозная» — было единственным подходящим описанием для этой грохочущей армады. Группа разведывательных машин противника, очевидно, подумала так же и, как только начала спускаться темнота гаснуть свет, вырвалась из укрытия и бежала, преследуемая шквалом трассирующих пуль. Вероятно, они отстреливались, но о потерях не сообщалось. Опустилась ночь, и восстановилось спокойствие. Эскадроны собрались, сформировали колонну и проехали небольшое расстояние до позиций ночного лагеря. Для повторной заправки *Милашек* использовались четырехгаллонные канистры-*флимзи/flimsy (см. фото справа)*, которые подтекали во всех грузовиках, перевозивших их.

В ту первую ночь всё делалось по уставу. Я расставил караулы в лагере, получил приказ от Уизерса о времени подъема, проверил состояние боеприпасов (что было несложно, так как почти ничего не было израсходовано), подтвердил закрытие радиосети и, поужинав едой, приготовленной экипажем моего танка, наконец присоединился к ним под брезентом, натянутым в сторону от борта *Милашки*. Если события дня и оставили где-то болезненный след, так это на моей заднице. Человек, спроектировавший *Милашку*, забыл обеспечить командира сиденьем. Наши ремонтники приварили внутри башни крючки, на которые можно было подвесить полоску холста, но это оказалось крайне неудобным насестом.

Рассвет 19 ноября. Машины рассредоточились, танки батальона заняли позиции в 100 ярдах друг от друга и замерли в готовности. Быстрый чай, холодный завтрак — и мы в пути, получив радиокоды на день и различные ориентиры по карте. С этого момента и до конца декабря работа с картой стала моим главным занятием. День за днем я трудился, чтобы выяснить, где мы были раньше, где находимся сейчас и куда рассчитываем попасть. Моей задачей как сержант-майора эскадрона было вести эскадрон за собой на протяжении всей операции. Уизерс питал трогательную веру в мои навигационные способности, и время от времени это побуждало командира полка просить подтверждения или заверения. Это была не та тема, где помогал блеф — лучший друг солдата. Догадки стоили людям жизней.

Операция *Crusader* развертывалась на территории, на которой находились легко узнаваемые ориентиры, в частности уступы, спускающиеся к Средиземному морю, но были также и огромные плоские участки. Названия, смело отмеченные на карте как Габр-Салех/Gabr-Saleh или Бир-Берранеб/Bir-Berraneb, были лишь плодами воображения картографа. Покажите мне признаки цивилизации в Тмими/Tmimi или ныне печально известной Газале/Gazala. Посмотрите вокруг — и вы, возможно, найдете колодец в тенистой лощине, но не более того.

Раскачиваясь на своем подвесном сиденье в командирской башенке *Милашки*, я вцепился в покрытую тальком карту и изучал её с религиозным рвением, пока эскадрон мчался по равнине вслед за *Даймлерами/Daimler драгун-гвардейцев*, которые преследовали своих противников из *Африканского Корпуса*. Если попадались какие-то ориентиры, я делал пометку. Каждая маленькая тропа, которую мы пересекали, фиксировалась. Когда мы останавливались, я по возможности брал показания компаса, сверял солнце со временем и время с солнцем. Длина теней стала навязчивой идеей. Направление играло малую роль в моем прежнем боевом опыте, так как ранее оно почти всегда вело меня в одну сторону — в тыл, в компании множества людей, которые

знали не только «путь», но и «кратчайший путь». Во время операции *Crusader* я остро осознавал: если ошибешься, двигаясь вперед, тебя, скорее всего, перенаправит дорожный указатель, сделанный в Германии. Вокруг подстерегало множество природных опасностей. Считалось дурным тоном напоминать некоему гусарскому полку, что он как-то оставил целый эскадрон неповрежденных легких танков в неожиданном море зыбучего песка.

Из множества статей и книг о войне в пустыне можно вынести впечатление, что вывести врага на бой было самой простым делом. Далеко не так. Командиры могли наметить осевую линию (Charlie Love) для операции, но после этого навигаторам предстояло выпутываться из последующих виражей, не все из которых казались логичными или желательными.

Мне пришло в голову, пока мы гнались за добычей, что если немецкие разведчики ведут себя так, как вели бы себя мы в подобных обстоятельствах, то они не просто бегут в панике, а заманивают нас на встречу с их хладнокровными коллегами, менее склонным уступать дорогу. На это, конечно, надеялись наши старшие офицеры. Они хотели спровоцировать столкновение, в котором наши более многочисленные силы уничтожат вражескую бронетехнику, и беспокоились, как бы враг не отказался играть в эту игру. Тщетная надежда. Тем не менее, согласно последующим глубоким исследованиям, Каннингэму (Alan Gordon Cunningham, до 24 ноября командующий 8-й Армией) удалось достичь такой всеобъемлющей внезапности, что Роммель (Erwin Rommel) пребывал в убеждении: первые обнаруженные британские части были просто разведывательным отрядом, подобным тому, который его собственные войска выслали незадолго до этого.

Действительно, случайные вражеские машины, которые мы видели, в панике бежали, а Боб Крисп (Bob Crisp), шедший далеко впереди остального батальона с Эскадроном *C*, доложил об атаке и рассеянии вражеской колонны, уничтожении двух-трех легких танков и выходе к маяку в Бардии и к морю. Во время этой вылазки он вышел в эфир на связь с комполка и отпустил несколько грубых замечаний о том, как долго другие эскадроны догоняют его, особенно наш, которому было поручено поддерживать связь с 5-м КТП слева от нас. Я моря точно так и не увидел. Мы обстреляли небольшую группу вражеских танков, но во второй половине дня я обнаружил, что прокладываю курс на запад, который ведет к остальной части бригады. Боевая группа из примерно 100 вражеских танков внезапно появилась со стороны солнца и атаковала 8-й Гусарский Полк. Это заставило 5-й КТП промчаться десять миль им на помощь, и от нас тоже ожидали участия. К тому времени, когда мы достигли этого района, опустилась тьма.

В ту ночь в лагере мы узнали, что Гусары потеряли двадцать танков, хотя некоторые были только повреждены. 5-й Полк потерял три. Оба подразделения заявили об уничтожении нескольких немецких танков.

Тяжелый бой также выдержала 22-я Танковая Бригада. Они столкнулись с дивизией *Ariete* у Бир-эль-Губи и — из-за поломок *Крусейдеров* и огня итальянских танков и пушек с хорошо подготовленных и замаскированных позиций потеряли около половины своих машин. Это был очень трудный первый бой для 4-го Полка Лондонских Йоменов Лондонского и 2-го Глостерширского Гусарского Полка.

Хорошей новостью было то, что 7-я Танковая Бригада, не встретив существенного сопротивления прорвалась к аэродрому Сиди-Резег и застигла врага врасплох, когда самолеты еще только взлетали. В десяти милях от периметра обороны Тобрука это казалось идеальным местом для сосредоточения деблокирующих сил. Судя по карте,

аэродром находился под наблюдением с уступа и располагался на равнине, которая заканчивалась другим уступом.

В ту ночь мы расположились лагерем в нескольких милях от остальной части 4-й Танковой Бригады; некоторые из наших рассредоточенных подразделений прибывали глубоко за полночь. Грузовики подъехали и под моим присмотром выгрузили *флимзи*, чтобы эскадрон мог утром начать движение с полными баками. О больших повреждениях или механических неисправностях не сообщалось, и мы начали ценить достоинства *Милашки*. Один вопрос, который не давал мне покоя, — логика формирования бригадных групп. Почему три неопытных йоменских полка были сведены в одно соединение, пусть и с самым опытным полком бронеавтомобилей — 11-м Гусарским? Почему им дали самые современные *Крусейдеры*, в то время как у 7-й Танковой — экспертов пустыни — были подержанные танки? Это было выше моего понимания. Наверное, для кого-то в этом был смысл. В любом случае, 7-я Бригада достигла Сиди-Резега, несмотря на то, что у них были, главным образом, *А-13*.

Хаос

Один пустынный аэродром, как правило, мало чем отличался от другого. Кто-нибудь выбирал подходящее место, разглаживал неровности, ставил ветроуказатель и несколько палаток, и с появлением бензовозов и пары фургонов с радиостанциями аэродром начинал работать. Таких площадок было немало в ливийском *Большом Выступе*, и Сиди-Резег не был каким-то исключением. Он казался хуже других лишь потому, что той зимой мы были на нём буквально зациклены. Вероятно, изначально его выбрали потому, что он находился рядом с Триг-эль-Абд/Trig-el-Abd — широкой, хорошо накатанной дорогой, шедшей от границы и проходившей южнее Тобрука. Примерно в пяти милях от него стоял белый марабут, или гробница, которая, должно быть, очень помогала лётчикам как ориентир.

Я могу лишь предположить, что Сиди-Резег, чем бы он ни был, не любил людские компании. Только отшельник захотел бы жить на этой раскалённой, как печная полка, плато, которое и в лучшие времена было бы негостеприимным местом. А когда я увидел его впервые, оно явно было далеко не в лучшем состоянии. Ожесточенный за обладание им превратила плато в гигантскую пепельницу, полную раскалённых углей и тлеющих окурков. Нам понадобилось два ошеломляюще беспорядочных дня, чтобы туда добраться. Позже кто-то назвал операцию *Crusader круговертью*, но слово *водоворот* подошло бы больше: мы все кружились по всё более сужающимся кругам, пока нас не затянуло на скалы у Сиди-Резега.

Дни были короткими — светло было около двенадцати часов, начиная с шести утра. После наступления темноты значительная часть сил обеих сторон уходила в пустыню, в тихие места, чтобы заправиться, пополнить боекомплект, отремонтироваться и поесть, пока командиры ломали голову над задачами следующего дня.

Около сорока восьми часов 3-й КТП либо преследовал, либо сам подвергался преследованию со стороны того или иного подразделения *Африканского Корпуса*. Днём 20-го числа вспыхнул ожесточенный бой, в ходе которого нас оттеснили назад примерно к исходному району у Габр-Салеха, и мы получили подкрепление в лице 5-го КТП. В конце концов вся 22-я Танковая Бригада получила приказ поддержать 4-ю и, должно быть, где-то оказала серьёзное давление на противника, потому что к сумеркам его действовавшие против нас части исчезли. Довольно много *Милашек* было подбито, и общие потери бригады, включая танки, потерянные *гусарами* накануне, сократили её численность примерно до ста машин. Заявлялось о многочисленных попаданиях по *панцерам*, но поскольку большую часть времени мы отступали, реальных

подтверждений уничтожения вражеских машин было немного. Пара часов сна — скорчившись в башне или под брезентом, который плохо защищал от проливного дождя, — и мы снова тронулись в путь, на этот раз в погоню за боевой группой, которая неуклонно уходила прочь через море парящей грязи.

На этом этапе структура батальона начала меняться: командиры эскадронов формировали из оставшихся танков импровизированные взводы различной численности — в зависимости от опыта уцелевших командиров. Потери были значительными. Среди погибших оказался капитан Питер Уильямс (Peter Williams), в прошлом награждённый *Военным Крестом/Military Cross*, когда Билл Ривз прорвался из Кале, а также двое моих друзей — сержанты Блэкшоу (Blackshow) и Найт (Knight).

Продвижение было медленным. В тактике противника не было ничего особо изощрённого — лишь здравый смысл. Незадолго до этого они ввели в строй буксируемую 50-мм противотанковую пушку *Pak 38*, способную пробивать 50-мм броню с дистанции в 1000 ярдов. Хотя ствол у неё был длинный, она устанавливалась на низком лафете и легко маскировалась.

Танки *Pz. III* и *IV*, некоторые из которых имели дополнительные бронеплиты, прикрученные поверх основной брони, могли вести по нам огонь с предельных дистанций. Когда мы пытались сблизиться с ними под огнём их башенных орудий, которые были по меньшей мере не хуже наших, они выбирали момент для отхода и давали *Pak 38* вступить в бой. Пушки *Pak*, выпустив свои 4½-фунтовые снаряды, в свою очередь отходили, прикрываемые несколькими 88-миллиметровками, находившимися в 3000 ярдах от нас, в то время как танки занимали новые позиции. Когда 88-миллиметровки отходили, весь цикл начинался заново. Артиллерийские наблюдатели следовали при штабе батальона, но в приливах и отливах боя им было крайне трудно корректировать огонь наших 25-фунтовых пушек. Реальным решением была более эффективная корректировка с воздуха, … но, к сожалению, практических систем взаимодействия не существовало. *Милашкам* приходилось полагаться на собственные пушки и на свою большую скорость — хотя за это приходилось платить повышенным расходом топлива.

Пробовали различные приёмы, чтобы справиться с этой проблемой. Боб Крисп, при всём своём лихом отношении к жизни, обладал очень логичным складом ума и применил на практике приём, который он разработал на стрельбищах учебного лагеря. Согласно методикам подготовки того времени, если занять позицию «корпус в укрытии-башня над землей» было невозможно, командиры должны были вести огонь на ходу. Боб, который как быстрый *боулер* обладал превосходным глазомером, с этим не соглашался. Его система лучше всего описана его собственными словами: «…после того, как цель была указана…, если обстоятельства позволяли, следовала более или менее автоматическая процедура. Задача состояла в том, чтобы подойти к вражескому танку на дистанцию, с которой его можно было уничтожить. Первый приказ был: “Механик-водитель, полный вперёд”. Наводчик делал всё возможное, чтобы, пока мы двигались, удерживать перекрестие прицела на цели. Следующий приказ, слышимый наводчиком, водителем и заряжающим, звучал так: “Механик-водитель, стоп”. Как только танк останавливался и цель оказывалась в прицеле, наводчик стрелял без дальнейшей команды… Звук выстрела служил сигналом для водителя снова отпустить сцепление и рвануть вперёд».

Так танк оставался неподвижным всего около четырёх секунд. Этот приём был принят большинством командиров танков и оказался эффективным. Поскольку все немецкие танки были медленнее *Крусейдеров* и *Милашек*, тактика «рывок — остановка —

выстрел» хорошо подходила для открытой пустыни, но она никак не решала проблему оборонительного экрана из *Pak 38* и их более крупных «собратьев».

Лишь к середине дня мы вышли на рубеж, позволяющий атаковать Сиди-Резег, который скрывался за низким грибовидным облаком, от его основания доносились глухие удары, взрывы, грохот и дульные вспышки. Постепенно мы подкатили к верхней бровке уступа и посмотрели вниз на картину, которая поражала не меньше, чем ошеломляла. Насколько хватало взгляда — пока его не поглощала кружащаяся дымка, — повсюду виднелись неподвижные остовы, разбросанные на сотни ярдов друг от друга, другие — группами, обращённые в разные стороны. Одни были чёрными и безмолвными, другие тлели и потрескивали, а немногие ярко пылали, и чёрный дым деловито вился вверх в грязное небо. Среди этого плавучего хлама то тут, то там взметались фонтаны земли.

До этого момента я ещё мог оставлять управление 37-мм пушкой за рядовым Троттером, моим невозмутимым йоркширцем-наводчиком, сменившим Джорди Рэя (Geordie Reay), но теперь это было невозможно. На дальнем краю аэродрома происходило что-то неприятное: клубы пыли указывали на то, что имеет место атака, хотя кто на кого наступает, можно было лишь гадать. Равнина была усеяна подбитыми танками, грузовиками, бронеавтомобилями и пушечными тягачами, тут и там виднелись орудия, умолкшие 25-фунтовки, перевёрнутые бронетранспотреы с *Бренами/Bren*, штабные машины и — местами, невзирая на разрывы — люди, копающие или просто идущие куда-то, словно не замечая происходящего вокруг. Жёлтые вспышки на дальней гряде напомнили мне батареи, стрелявшие с холмов у Кале.

Не знаю, сколько времени мы простояли, наблюдая эту сцену полного хаоса, но, очевидно, ровно столько, сколько понадобилось бригадиру, чтобы решить — вводить нас в бой или нет. Мой радист, младший капрал Гибсон (Gibson), который, слушая радиообмен, мог догадываться о происходящем, не видя ничего своими глазами, смотрел на меня с потрясённым выражением лица, но молчал. Троттер (Trotter), никогда не тративший слов попусту, продолжал смотреть в резиновый наглазник прицела. Бог знает, что творилось в голове у моего водителя, младшего капрала Колклафа (Colclough), который через смотровую щель видел лишь пятно грязного дневного света на гряде. По интеркому я предупредил его, что, если мы пойдём «туда, вниз», ему придётся остерегаться нашей собственной пехоты, которая всё ещё была поблизости.

Я сказал заряжающему: — Убедись, что под рукой достаточно боеприпасов к 37-миллиметровке. Я счёл небезопасным использовать [пулемет] *Браунинг*.

Наводчику я сказал следующее: — Мы должны знать наверняка, куда стреляем, Трот. Группа *Милашек* послана разведать, что там за куча-мала.

Жужжание и треск в наушнике, который я держал у уха, стихли. — Приказ…

Командир полка передал Уизерсу, что мы идём в атаку, 5-й КТП — справа, 22-я Танковая Бригада также наступает — наш противник предположительно 21-я Танковая Дивизия.

— Теперь вперёд …

Наш танк дёрнулся, нырнул, и мы понеслись вниз по засыпанному камнями оврагу. Издали панорама напоминала голливудский спектакль. Вблизи же аэродром оказался всего лишь грязным кладбищем, усыпанным раскрытыми могилами и погребальными кострами. Повсюду лежали убитые артиллеристы и пехотинцы рядом с разбитым орудиями. Впереди красные отсветы и тёмные пятна обозначали приближающегося

противника, но снаряды прилетали со всех сторон. Указав Троттеру вероятную цель — большой чёрный силуэт, — я пригнулся до уровня глаз в башне, пока осколки трещали и глухо били по бортам *Милашки*. Пыль и мелкие крошки металла летали по боевому отделению.

— Левый рычаг — ещё левее — теперь вправо…

Мы рывком проскочили сквозь груду искореженного металла, но прежде чем я успел подтвердить выбранную цель, из стены дыма выскочила *Милашка* и пересёкла нашу линию огня. Сразу за ней проскочили еще две машины. Затем, медленно делая зигзаги, проползла ещё одна с разодранными спальными мешками, болтающимися позади башни.

— *Beer, Beer One*, что, чёрт возьми, происходит? Приём.

— Я… думаю, эти *жлобы*/*yo-yo boys* пытаются нас атаковать. И по нашим справа бьют противотанковые пушки…

Оглушительный рёв и столб пламени возвестили о прямом попадании где-то совсем рядом. Вражеские наводчики громили машины 5-го КТП, которые, пытаясь обойти фланг, смещались влево и оказывались у нас на пути. Вскоре *Милашки* уже носились во всех направлениях, и лишь быстрая реакция водителя спасла нас от столкновения. Наблюдая за происходившим издалека, потрёпанные йоменские полки 22-й Танковой Бригады решили, что такое неистовство могут демонстрировать только *Pz. III*, к шквалу огня, нацеленного на нас, добавились их 40-мм снаряды. Оба батальона КТП оказались перемешались. Поскольку каждый работал на своей радиочастоте, быстро навести порядок было невозможно: срочные сообщения передавались двумя полковниками через тыловые радиотанки бригадиру, а тот тем же путём возвращал приказы. Нам было велено отходить на юго-запад.

Сиди-Резег. Поле боя

Затем последовало ещё более дикое родео: танки сдавали назад, разворачивались, едва не сталкивались друг с другом — а в некоторых случаях всё-таки сталкивались. Это было слишком даже для противника: он остановился и начал отход — возможно, будучи озадаченный происходившим и явно испытывая нехватку боеприпасов и топлива.

Из тех, кто столь пошел в наступление 17 ноября, в полку осталось немного. Эскадроны и взводы переформировывались так часто, что мало походили на первоначальные. Боб Крисп был тяжело ранен в голову, я находился рядом с его танком, когда в него попали, и эвакуировал его и ещё одного члена экипажа на броне своего танка. Хотя другие части бригады — 8-й Гусарский и 5-й КТП — были отправлены в Дельту на переформирование, 3-й КТП остался с 7-й Группой Поддержки и понёс новые потери в танковом бою у Антелата/Antelat, потеряв шесть машин. В конце концов 26 декабря, после примерно двадцати восьми дней непрерывных боевых действий, нам приказали вернуться в Египет.

Назад в *Дельту*

Сражение за Сиди-Резег стала суровым испытанием для 3-го КТП, и потери были тяжелыми. Лучшие люди батальона погибли или выбыли из строя, и подразделение уже никогда не было прежним. Для меня эта операция подтвердила убеждение в том, что «не стоит заводить близких друзей» — слишком много дружеских связей обрывалось внезапно. Люди, выжившие в этой затянувшейся кампании, вернулись в Египет, не спав под крышей более двух месяцев. Почти всё время погода была холодной и сырой, что делало жизнь еще более несносной. Те, кто вернулся после операции *Crusader* и сражения у Сиди-Резега, были изможденными и обветренными, и, хотя мы страстно желали свежего мяса и овощей, мы считали, что никогда не были в лучшей физической форме. Мы были утомлены, но нас подбадривала мысль о довольно долгом периоде отдыха среди «злачных мест» Каира и Александрии.

Я страдал от «пустынных язв». В танке на каждом шагу задеваешь за металл, и если в порезы попадала грязь, песок или масло, они практически не заживали, пока ты находишься в пустыне. Как только мы вернулись в Дельту, они прошли как по волшебству. Также я был подвержен сильным солнечным ожогам, и во время пребывания в пустыне кожа на моем лице «облезала» каждые три-четыре дня.

С января по март 1942 года мы наслаждались временем, проводимым в Каире, одновременно занимаясь ремонтом танков и принимая пополнение; наши потери в личном составе на нижних уровнях были тяжелыми. Потери среди офицеров также были серьезными: наш командир, подполковник Банни Юинс (Bunny Ewins), убыл по болезни, два командира эскадронов были тяжело ранены, а большинство командиров взводов выбыли из строя — необходимо было искать замену.

Наш новый командир был очень желанным — подполковник *Пип* Робертс (Philip *Pip* Roberts, 1906-1997), офицер Королевского Танкового Полка, которого я знал еще субалтерном в 3-м КТП до войны. Он служил бригадным майором в 4-й Танковой Бригаде во время успешной кампании генерала Рэда О'Коннора (Richard O'Connor) и высоко ценился как тактик танкового боя. В то же время к нам присоединились два новых командира эскадронов, майор Джим Хаттон (Jim Hutton) и майор Алек Дойг (Alec Doig), которые весьма успешно помогли вновь сплотить батальон в грозную боевую часть.

Мы также получили несколько новых офицеров во взводы, хотя их требовалось еще больше. Командиры эскадронов рекомендовали меня и еще одного сержанта, Бада

Харнеда (Bud Harned), который получил медаль *За Отличие в Службе* во время операции *Crusader*), к немедленному производству в офицеры. Мы прошли собеседование у нашего нового командира полка, затем у командира дивизии, генерал-майора Джока Кэмпбелла, кавалера *Креста Виктории*, и присвоение офицерских званий было утверждено.

Обычно при производстве в офицеры из рядового состава полагалось отправляться в Офицерскую Кадетскую Учебную Часть (OCTU) на шесть месяцев, но это означало бы возвращение в Великобританию и Сандхерст. Полковник Робертс, остро нуждавшийся в командирах взводов, наложил вето на эту идею, документы были оформлены на месте, и мы просто перешли из сержантской столовой в офицерскую.

Я получил специальное пособие на экипировку в размере 48 фунтов стерлингов, взял два дня отпуска в Каире, полностью переоделся и доложил о прибытии своему новому командиру эскадрона, майору Джиму Хаттону, сияя двумя новыми «звездочками» (pips) на каждом плече. Поскольку я был произведен в офицеры из чина уорент-офицера второго класса, я автоматически стал старшим субалтерном в батальоне в звании полного лейтенанта. Меня назначили командиром 3-го Взвода в Эскадроне *A* - разведывательном эскадроне.

Во время своего короткого и суматошного отпуска в Каире я воспользовался возможностью посетить пару развлекательных заведений, которые ранее были закрыты для рядового состава, таких как отель *Shepards*, Groppi и заведение мадам Бардиа. Заведение мадам Бардиа было очень фешенебельным, и там можно было встретить большинство офицеров Генерального Штаба (GHQ) и даже иногда короля Фарука. В первый же вечер у мадам Бардии я познакомился с Азиззой, одной из её знаменитых танцовщиц живота. Мы стали довольно дружны и во время последующих увольнительных в Каире встречались часто. Она приветствовала меня словами: «А, Билл! Ты вернулся». Вскоре после того, как я провел вечер с Азиззой в её роскошных апартаментах, мне сообщили, что она — любимая танцовщица короля Фарука, и предупредили, что разумнее будет прекратить визиты. Я внял намеку.

Эскадрон *A* был оснащен танками *Stuart*, быстрыми и легкими, но вооруженными только 37-мм пушкой. В то же время тяжелые эскадроны, *A* и *B*, перевооружались на новые американские танки *Грант/Grant*, только что прибывшие в Дельту. Это был наш первый танк, оснащенный 75-мм пушкой, способной стрелять как фугасными, так и бронебойными снарядами, что стало долгожданной новостью для экипажей. До этого момента мы довольствовались сомнительным удовольствием от танков с двухфунтовой пушкой, стрелявшей только бронебойными болванками.

Кроме того, *Грант* был оснащен 37-мм пушкой в башне, что делало его самым защищенным танком на тот момент. Он был довольно быстрым, с максимальной скоростью на дороге около 25 миль в час, хорошо бронированным и считался способным одолеть в бою любой танк или противотанковую пушку противника, за исключением 88-мм орудий. Экипажи *Грантов* сочли свой новый танк и вооружение идеальными, и мы с нетерпением ждали встречи с *панцерами* на более или менее равных условиях. Я был в процессе освоения роли офицера и подготовки своего взвода. Многие мои новые экипажи прибыли из других формирований — 8-го Гусарского, 4-го Гусарского и других кавалерийских полков, но все они были обучены как танкисты и очень скоро влились в наши ряды. В этой работе мне умело помогали два моих капрала — командиры танков, Кайт и Рэй, которые к этому времени уже считались ветеранами.

После финальных учений в глубине района Вади-эль-Натрун/Wadi-el-Natrun нас наконец сочли готовыми к очередной поездке в зону боевых действий (up the blue). Теперь мы входили в состав 4-й Танковой Бригады, тех самых *Крыс Пустыни/Desert Rats*, нашими соседями по бригаде были 8-й Гусарский и 5-й Танковый полки.

Танки Грант в Африке

Мы выдвинулись к своим позициям на линии фронта частично по железной дороге, частично своим ходом. 8-я Армия снова закрепилась, чтобы совершенствовать оборону, тренироваться и готовиться к новой атаке. Она занимала линию к западу от Тобрука, которая тянулась на сорок пять миль от Газалы на побережье до Бир-Хакейма — заброшенного водопоя, вокруг которого оборонительные позиции были вырублены в основном в твердой скале. Наши пехотные части удерживали серию размещенных вдоль фронта автономных позиций, защищенных минными полями; их называли *боксами/boxes*. 4-я Танковая Бригада располагалась в тылу этих *боксов*, и нам сообщили, что Роммель может начать атаку примерно 28 мая.

Мы оставались в этом месте несколько недель, отрабатывая выдвижение на боевые позиции на случай, если Роммель решит совершить обходной маневр к югу от Бир-Хакейма. Это было крайне тяжелое время в самых неуютных обстоятельствах. Температура в полдень превышала 110 градусов (около 43°C), и жизнь в танке была почти невыносимой; даже мухи дохли внутри. На задней части танка можно было пожарить яичницу. Что еще хуже, это был сезон *хамсина* — горячего ветра, который приходит из южной Сахары, налетает за считанные мгновения и может длиться два-три дня. Пока дуют эти ветры, делать что-либо невозможно, и уж точно невозможно любое движение: видимость падает максимум до десяти ярдов. Единственным плюсом было то, что на врага они действовали точно так же.

Находясь в ожидании, мы несколько раз репетировали выдвижение на боевые позиции. Поэтому, когда прозвучал сигнал тревоги, извещающий о том, что Роммель действительно начал продвижение вперед, большинство из нас подумало, что это

просто очередная тренировка. Очень скоро мы узнали, что на этот раз всё по-настоящему.

Сражение на *Линии Газала*

Вид *Африканского Корпуса*, занимающегося своим делом, никогда не был приятным. В бинокль с дистанции 3 000 ярдов это выглядело воплощением зла, даже в погожее весеннее утро.

Беспокойство, терзавшее лагерь всю ночь, было вполне обоснованным. Большинство людей были на ногах в утренних сумерках уже с 03.30 утра. Необычно большое количество осветительных ракет медленно опускалось в направлении 3-й Индийской Моторизованной Бригады, занимавшей гряду примерно в девяти милях от нас на крайнем левом фланге позиции Газала.

Мы хорошо знали это место, так как оно было разведано и выбрано в качестве одной из потенциальных боевых позиций. Все, что нужно было сделать штабу бригады — это дать кодовое слово, и мы бы выступили. Мы находились в состоянии боевой готовности до 6 утра и успели прилично позавтракать; затем в 7:30 пришло кодовое слово: «По местам — заводить!», и батальон, который к этому времени был собран и готов, двинулся в путь: Эскадрон *A* шел впереди, мой взвод — справа.

Милашки на скорости преодолели около двух миль, а затем остановились, чтобы поближе разглядеть непрерывное, но неясное движение впереди. Поскольку всей 4-й Танковой Бригаде было приказано собраться в заданной точке перед выходом на гряду, облако пыли могли поднять и свои, хотя 3-й КТП должен был идти во главе клина с 8-м Гусарским Полком слева и 5-м КТП справа. Таинственные тени в мареве не выглядели дружелюбными. Прежде чем мы смогли точно идентифицировать их, полковник вышел на связь по радио и сообщил Джиму Хаттону, моему командиру эскадрона, что ночью индийцы были смяты, и велел быть начеку. Нам не пришлось долго искать. Дымка, которая уже мешала наблюдению, не могла скрыть тот факт, что только танковая группа немцев могла двигаться столь расчетливо — развернувшись по широкому фронту и тщательно регулируя скорость для облегчения управления и экономии топлива.

Мы поехали вперед, чтобы рассмотреть их поближе. С 2 000 ярдов их расплывчатые контуры приобрели четкость и превратились в танки Pz. *III* и *IV*, выстроившиеся шеренгами. Их колонна уходила в непроглядную даль. Суть доклада Джима Хаттона заключалась во фразе: «...повторяю, 200 танков». Если это и было преувеличением, то не слишком большим. Я начал тщательно их считать — один, два, три, четыре — до двадцати в первом ряду, и они шли быстрее, чем мне сначала показалось. Дистанция сокращалась до 1500 ярдов. Остальная часть батальона была в 2000 ярдах позади нас. Теперь посчитаем количество их рядов — один, два, три, четыре... «Окей, *Додо* (позывной Эскадрона *B*) — уходите вправо СЕЙЧАС. Мы занимаем боевую позицию на гряде прямо в вашем тылу, цифрами: один пять ноль ноль ярдов — выделить один взвод для занятия позиции на левом фланге, где мы вскоре ожидаем друзей. Эскадрону *A* защищать наш левый фланг. Конец связи». Командир батальона продолжил отдавать приказы эскадронам, оснащенным *Грантами*, и мы поспешили уйти с линии огня.

Со стороны немецких танков полыхнули вспышки, и резкие хлопки над головой возвестили о пролете снарядов. Эскадроны *B* и *C* выстроились в длинную линию, используя для укрытия гряду настолько, насколько позволяло низкое расположение 75-мм орудия в спонсоне. Примерно на 1200 ярдах от противника полковник отдал приказ открыть огонь, и, говоря морскими терминами, началось общее сражение. [Немецкая] 15-я Танковая Дивизия (как они были опознаны позже), должно быть, испытала сильный

шок. Они использовали свою обычную тактику с противотанковыми пушками калибром до 88 мм, развернутыми позади наступающих волн. Полагая, что перед ними танки, вооруженные только двухфунтовками — они могли даже предположить, увидев разведывательный эскадрон, что *Гранты* - это те же *Милашки*, они сбавили скорость на дистанции, которая в обычных обстоятельствах заставила бы нас сблизиться с ними и понести неизбежные потери. Вместо этого они встретили сосредоточенный и разрушительный огонь.

75-мм орудие М-2 в спонсоне *Гранта* стреляло 14-фунтовым снарядом, который мог нанести серьезный ущерб с дистанции 1 500 ярдов и пробить самую толстую броню *Pz. III* с расстояния 1 200 ярдов. Более того, *Гранты* обладали дополнительной огневой мощью своих 37-мм пушек в башнях, что в данном случае равнялось двум эскадронам *Милашек* или *Крусейдеров*. Вдоль линии танков из пушечных стволов вырвались языки пламени, и настоящий вихрь из прочной стали пронесся над землей. Попадания были зафиксированы обеими сторонами почти сразу. *Панцеры*, которые до этого медленно ползли вперед, замирали на месте, когда от них отлетали куски брони. Пара *Грантов* загорелась. Один танк взорвался. Сквозь расходящийся дым было видно, как экипажи, пошатываясь, уходят в тыл.

С тех пор как первый бронебойный снаряд просвистел мимо меня в Кале, я носил наушники на шее, веря, что так лучше смогу определить направление, с которого летят снаряды. В первой перестрелке на этой безликой гряде близ Бир-Хакейма звуки на мгновение слились в мучительный «боевой шум». Заботясь о том, чтобы не пропустить подход 5-го КТП на нашем фланге, я обшаривал местность биноклем и передал управление 37-мм пушкой Троттеру, моему наводчику. Взгляд внутрь башни открывал картину лихорадочной деятельности: заряжающий дергал рычаг, чтобы выбросить пустую гильзу, и досылал следующую. Каждые несколько минут я приказывал: «Водитель, вперед вправо на несколько ярдов» или «Водитель, назад влево». *Гранты* были достаточно большими машинами, чтобы стоять на месте и обмениваться ударами, но *Милашка* должна была максимально усложнять задачу вражеским наводчикам.

Во время короткой паузы, чтобы сложить поближе боеукладку, мой заряжающий, рядовой Олвуд (Allwood), привлек мое внимание и показал на наушники. Я прислушался и понял из обрывочных фраз, что 8-й Гусарский Полк был застигнут врасплох и вынужден вступить в бой прямо в районе лагеря, прежде чем они успели развернуться должным образом. После тяжелых потерь, понесенных в ожесточенном ближнем бою, их численность сократилась до нескольких машин. Столб дыма далеко слева, вероятно, указывал место катастрофы.

Гранты 3-го КТП продолжали вести бой, но как только выбивали один *панцер* в первом ряду, вперед выкатывался другой, чтобы занять его место. Было ясно, что это не может продолжаться бесконечно. Темп стрельбы уже начал падать, хотя наши артиллеристы из батареи *Chestnut* 1-го Полка Королевской Конной Артиллерии быстро подключились к делу и осыпали снарядами дальние цели. По мере того как все больше и больше немецких противотанковых орудий вступало в бой, *Грантам* становилось все труднее. Защищенные броней от большинства танковых пушек, они не могли устоять перед 75-мм и 88-мм орудиями. Я видел, как одна или две наши машины медленно выходили из боя задним ходом с пушками, задранными под нелепыми углами. Другие, застыв с перебитыми гусеницами, вели эпизодический огонь из того или иного орудия. Наличие пушек большего калибра означало, что огонь ведется снарядами большего размера, но с меньшей скорострельностью. Две пушки означали двух наводчиков, двух заряжающих. С экипажем в шесть человек места для боеприпасов оставалось не так много.

Эскадроны *B* и *C* остановились вдоль пологой гривы и с большим успехом вели бой с немецкими танками. Атакующие *панцеры* были буквально остановлены на месте: одни замирали, выбрасывая ошметки металла, другие вспыхивали, и танкисты выпрыгивали из них, спасая свои жизни.

Мне было приказано выдвинуться на правый фланг и высматривать 5-й КТП, шедший нам на помощь. Мои наводчик и заряжающий не нуждались в советах или приказах; они были заняты обстрелом вражеских танков, которые все еще продвигались вперед, хотя и медленно. Несмотря на то, что *Гранты* держались достойно, они несли потери, и я видел несколько наших машин, охваченных пламенем. В нас попадало всё подряд, и было трудно разобрать, что происходит. Воздух пропах густым пороховым дымом, глаза покраснели и слезились. Время от времени раздавался ужасающий удар, и внутренность танка заполнялась пылью и искрами, пока машина качалась на своих тележках. Несмотря на шум и дым, мы продолжали добиваться попаданий. Младший капрал Троттер, мой наводчик, восторженно сообщил мне, что добился прямых попаданий в два *панцера* почти в упор и видел, как их экипажи покинули машины. Я оказался немного изолирован от остального эскадрона, но получал по радио инструкции от Джима Хаттона пытаться поддерживать контакт с 5-м КТП.

Мы расходовали боеприпасы с огромной скоростью, и я испытал облегчение, когда командир полка вышел на связь и приказал нам медленно отходить, продолжая вести огонь. При отходе я наткнулся на подбитый *Грант*, рядом с которым понуро стоял экипаж. Это был танк Бада Харнеда - ему оторвало голову снарядом в самом начале боя. Вскоре после этого я почувствовал ужасающий удар по своему танку, за которым последовал крик снизу: «Покинуть машину!»: мы стали мишенью для нескольких вражеских танков, которые подобрались ближе, почти невидимые в мареве и пыли. Снаряд пробил передний броневой лист, легко ранив водителя, младшего капрала Колклафа. Когда я осмотрел танк после того, как мы его покинули, я был удивлен, обнаружив, что в нас попали пять раз без пробития брони.

Я принял под командование четвертый танк в моем взводе, к некоторому неудовольствию капрала — командира танка, которому было велено спешиться. Я оставил Троттера и Олвуда, которые не пострадали, но взял запасного водителя, рядового Эванса/Evans. Младший капрал Колклаф не был тяжело ранен, но нуждался в лечении; он вернулся в строй через три-четыре недели. К этому времени большинство *Грантов* вышли из строя, оставшиеся собрал полковник Робертс, продолжая вести бой с наступающими танками. Сам Робертс с примерно семью *Грантами* вел тяжелый бой против вражеских танков и пары 88-мм противотанковых пушек, которые подошли для поддержки *панцеров*.

Эскадрон *A*, или то, что от него осталось, должен был попытаться обойти противника с фланга, но ситуация была настолько запутанной, а связь настолько плохой, что мы оставались на правом фланге, всё еще надеясь, что 5-й КТП придет нам на выручку. В этот момент танк полковника Пипа был подбит и выведен из строя: снаряд прошел сквозь носовую часть и вышел сзади, но весь экипаж остался невредим. Это означало, что командиру пришлось менять танк, что заняло некоторое время в такой критический момент боя.

Следующие несколько дней, казалось, состояли из серии приказов, контрприказов и, временами, полного беспорядка. Сильно поредевший 3-й КТП сначала двинулся на северо-восток, приданный 22-й Танковой Бригаде, затем на следующий день — к юго-востоку от Бир-Хармета. В батальоне осталось всего семь *Грантов* и двенадцать *Милашек*. Поскольку мой командир эскадрона Джим Хаттон был тяжело ранен и

эвакуирован, а также были потеряны два командира взводов — один убит, а другой, Алек Дойг, ранен — наш офицерский состав сильно сократился. Что еще хуже, Джордж Уизеридж, единственный остававшийся в строю командир эскадрона, также был ранен осколками снаряда в глаза, и ему тоже пришлось отправиться в тыл.

Затем нам велели вернуться в район расположения 4-й Танковой Бригады, и здесь мы подобрали еще несколько батальонных танков, которые каким-то образом оказались изолированы. Теперь силы батальона составляли пятнадцать *Грантов* и четырнадцать *Милашек*, включая *Грант* полковника Робертса и две *Милашки* штаба полка. Из командиров взводов остались только я в 3-м Взводе и Джонни Данлоп (Johnny Dunlop) в 4-м.

Мы получили приказ от командира батальона — напрямую, в отсутствие Джима Хаттона — на полной скорости следовать к уступу, находившемуся примерно в двух милях впереди. К несчастью, примерно в это время поднялась песчаная буря, и видимость упала до десяти ярдов. Оставалось только остановиться, попытаться удержать танки вместе и надеяться на улучшение видимости. Действительно, погода улучшилась, и мы снова двинулись к уступу, взвод Джонни Данлопа шел слева от меня. Мы были в 2000 ярдах впереди *Грантов* и штаба батальона; нам следовало остановиться рядом с уступом и ждать дальнейших приказов. Достигнув его подножия, мы обнаружили только две тропы, ведущие наверх. Я доложил об этом полковнику и получил приказ подниматься и занять оборонительные позиции, пока тяжелые танки будут совершать подъем по очень крутым тропам.

Выбравшись наверх, мы немедленно попали под огонь вражеских танков, занимавших отличные позиции в 1000 ярдах к западу. Мой танк снова был подбит, что вынудило меня покинуть машину; водитель и заряжающий/радист получили легкие ранения. Я видел, что два танка Данлопа также были подбиты, но, с верхней бровкой уступа за спиной, было трудно найти безопасное место. *Гранты* тем временем поднялись наверх и при поддержке батареи двадцатипятифунтовок вступили в бой с противником на близкой дистанции, нанеся ему потери за считанные мгновения. Храбрые артиллеристы вели огонь прямой наводкой с расстояния от 600 до 800 ярдов и действовали весьма эффективно.

Гранты теперь находились под командованием капитана Грэнтона (Granton), офицера, который лишь недавно присоединился к нам, и, хотя они держались хорошо, несли потери. Мы были в бою всего около пятнадцати минут, но число *Грантов* уже сократилось до шести, а *Милашек* — до пяти. Я к тому времени пересел в другую машину своего взвода, и рядом со мной оставался только один танк.

Затем нам был нанесен сокрушительный удар: танк полковника Робертса был подбит и вспыхнул. Командир батальона и его адъютант, находившиеся в одном танке, получили тяжелые ожоги, наводчик 75-мм орудия был убит, радист тяжело ранен, а наводчик 37-мм пушки также сильно обгорел. Нам удалось спустить раненых вниз с уступа туда, где доктор Макмиллан, наш врач, развернул свой медпункт. Полковника Робертса, Питера Бэрра (Peter Burr) и радиста погрузили в санитарную машину и отправили в госпиталь Тобрука.

Эта неудача ознаменовала конец сражения для 3-го КТП, и, хотя следующие два дня мы провели, получая приказы и контрприказы, заметных действий не было. Нас объединили с 5-м КТП, настолько поредели оба батальона, и неудивительно, что мы получили приказ вернуться в Дельту для отдыха и переформирования. Последовал период затишья и дальнейшей реорганизации. Подполковник Робертс покинул батальон

по возвращении из госпиталя: он получил повышение и отправился командовать 22-й Танковой Бригадой. Боб Крисп, тяжело раненный под Сиди-Резегом, вернулся и принял командование Эскадроном *A*. Я, недавно получивший звание капитана, стал его заместителем, по-прежнему оставаясь командиром 3-го Взвода.

Нашим новым командиром батальона стал подполковник Пит Паймэн (Pete Pyman), который был штабным офицером в 7-й Танковой Дивизии в большинстве предыдущих сражений. Таким образом, он был чрезвычайно опытным человеком, но это была его первая командная должность на полковом уровне. Мы несколько опасались, как он будет выглядеть в сравнении с нашим любимым Пипом Робертсом. Беспокойство было напрасным. Он стал одним из наших лучших и надежных командиров, отличным тактиком и очень заботливым в отношении экипажей. Подтверждением этому служит тот факт, что к концу войны он стал генерал-майором, как и Пип Робертс.

Примерно в это время стали популярны *Колонны Джока/Jock Columns*. Это были рейдерские механизированные колонны, действовавшие независимо в тылу врага. Обычно они состояли из танкового эскадрона, батареи двадцатипятифунтовок и роты моторизованной пехоты. Считалось, что их рейды были захватывающим занятием, но командиры батальонов их явно не любили, так как это лишало полк или батальон значительной части его сил. Тем не менее, это понравилось Бобу Криспу, и он немедленно вызвался сформировать колонну из Эскадрона *A*. Полковник Паймэн, хотя и с некоторой неохотой, согласился, и мы отправились в путь. Около восьми недель мы болтались по пустыне, мало чего достигнув. У нас была пара мелких стычек, мы захватили пару бронеавтомобилей и полугусеничных машин с 75-мм противотанковыми пушками. Также мы обстреляли вражеский аэродром неподалеку от Эль Адема/El Adem. Именно во время этой операции произошел первый, по крайней мере на моей памяти, инцидент с неповиновением. Я был на некотором расстоянии от танка Боба Криспа, когда увидел, что он остановился. Боб и его водитель явно вели яростный спор. Я подскочил туда, увидев, как Боб достал револьвер и собирался застрелить Гиллеспи (Gillespie), своего водителя. Боб был вне себя от ярости: «Вернись в танк, или я за себя не ручаюсь. Я серьезно». - «Делай что хочешь. Сам веди эту чертову штуку. С меня хватит». Я сказал Гиллеспи: «Давай, ты должен вернуться назад». Он просто покачал головой. Я отвел Боба в сторону и сказал: «Оставь его в покое. Мы разберемся с ним позже». Гиллеспи отправили назад с экипажем подбитого танка, и, насколько я понял, его судил трибунал, но я не знаю, что с ним стало потом. Это был необычный случай, по крайней мере в 3-м КТП, но понятный, если учесть, что Гиллеспи, хороший водитель, уже выбирался из трех или четырех подбитых танков, когда возил Боба Криспа. Рано или поздно запас мужества подходит к концу.

Во время этих довольно безрезультатных операций в составе рейдерской колонны мой собственный танк снова был подбит снарядом 75-мм противотанковой пушки. Танк загорелся, большая часть моего экипажа получила сильные ожоги и нуждалась в эвакуации. Моя нога тоже обгорела, но, как мне показалось, не слишком сильно, поэтому я наложил повязку и остался в строю. Через два-три дня нога была уже в довольно плохом состоянии, и меня пришлось отправить в тыл. Потребовалось пять дней, чтобы добраться до пункта сбора раненых, но оттуда меня отправили в прекрасный госпиталь под Каиром, где я провел четыре приятных недели под хорошим присмотром, после чего последовали две недели выздоровления в хосписе леди Лэмпсон (Lady Lampson) на берегу Нила. Это был завидный бонус после госпиталя — место только для офицеров, с отличной едой и размещением в великолепном доме леди Лэмпсон. Еженедельные специальные ужины-танцы, на которых присутствовали отборные египетские красавицы, были темой обсуждения во всем Каире.

Когда я вернулся в батальон, он готовился вернуться на линию фронта, которая теперь формировалась у Эль-Аламейна. Мы снова вошли в состав другого соединения — 8-й Танковой Бригады 10-й Танковой Дивизии. Нашими «собратьями» по бригаде были два совершенно новых подразделения: Ноттингемширский Полк/Sherwood Rangers и Стаффордширский Йоменский Полк. Оба полка находились на Ближнем Востоке уже некоторое время, дислоцируясь в Палестине, все еще со своими лошадьми. Они были чрезвычайно хорошо обучены кавалерийским процедурам, рвались в бой, но еще не имели боевого опыта. Незадолго до того, как они должны были присоединиться к нам в пустыне, меня отправили в Палестину с группой сержантов, чтобы помочь им в обучении использованию новых танков.

Каждый полк, включая 3-й КТП, теперь включал в себя два тяжелых эскадрона танков *Шерман/Sherman* и легкий эскадрон *Крусейдеров*. *Крусейдер*, хотя и был быстрым танком, все еще был оснащен лишь двухфунтовой пушкой. *Шерман* имел 75-мм пушку, еще не испытанную в бою, но нам нравился его вид, и выдвинувшись в район сосредоточения за *Эль-Аламейнской Линией*, мы ощущали уверенность в себе. Я не думаю, что кто-то из нас тогда понимал, что мы приближаемся к критическому этапу кампании в пустыне и что битва при Эль-Аламейне станет поворотной в судьбе 8-й Армии.

Сражение под Эль-Аламейном: первые проблемы

Мы находились в районе сосредоточения уже несколько дней, привыкая к нашим новым танкам и обучая пополнение. Я болтал с Баком Кайтом (Buck Kite) и Джорди Рэем: «Что вы думаете о *Шермане*?» «Он чертовски велик, — сказал Джорди. - Немецкие танкисты и расчеты 88-х устроят себе праздник». Бак также был немного обеспокоен высотой танка и считал, что он представляет собой слишком легкую мишень для немецких наводчиков. Оба они были довольны 75-мм пушкой, способной стрелять как фугасными, так и бронебойными снарядами. Впоследствии их правота подтвердилась, и мы несли большие потери: танки вспыхивал при попадании в них. Танку дали довольно мрачное прозвище — *Печка для Томми/Tommy Cooker*.

В ходе многочисленных обсуждений предстоящего сражения нам сообщили, что «шарик, скорее всего, взлетит» примерно 23 октября. И действительно, вечером 23-го числа мы выдвинулись ближе к линии фронта. Когда мы остановились около 21.00, мы продвинулись примерно на восемнадцать миль от района сосредоточения до точки прямо перед массивным скоплением нашей артиллерии — двадцатипятифунтовок и орудий средних калибров. Мы также находились прямо за нашими минными полями.

Хотя, находились чуть ли посреди орудий мы ожидали определенного шума, когда наша артиллерия откроет огонь, и, когда это случилось, грохот и взрывные волны были ужасающими. Нам было приказано оставаться в танках и нести дежурство в башнях с работающими на холостом ходу двигателями. Даже сквозь весь этот шум снаружи и внутри танков я все равно слышал звуки волынок: это Дивизия Горцев/Highlanders пыталась пробиться через минное поле к гряде Митейрия/Miteiriya, которая также должна была стать нашей первой целью. В течение полутора часов артиллеристы продолжали свой обстрел - ярко светила луна, и мы видели, как *горцы* рота за ротой идут в атаку шеренгами, почти как на учениях. Только оглушительный рев орудий позади и грохот разрывов впереди указывали на разницу. Мы съежились в башнях наших танков, напрягая глаза, чтобы увидеть, что происходит. Мы видели, как доблестные шотландцы неуклонно продвигаются вперед; то здесь, то там их фигуры спотыкались и в конце концов падали ниц.

Вражеские пулеметы прочесывали местность, и лично я был чрезвычайно благодарен за то, что меня окружает броня. Вокруг свистело некоторое количество бронебойных болванок, но мы были так далеко за пределами расстояния их эффективного действия, чтобы они могли нанести танкам какой-либо ущерб. Внезапно канонада прекратилась. Тишина была почти жуткой, слышны были только звуки волынок вдали и редкие пулеметные очереди. Это был момент, который я никогда не забуду. Нам приказали наступать: предстояло преодолеть две полосы в минном поле, прежде чем мы сможем развернуться и двинуться к нашей первой цели на гряде.

Я отдал приказ по радио наступать и со своим 3-м Взводом медленно двинулся вперед по размеченным лентами проходам, которые проделали саперы. Я видел саперов, все еще расчищавших мины по обе стороны от нас, а командир полка торопил меня. Мы продвинулись всего на двести ярдов, когда меня остановил сапер и сказал, что его отделение практически полностью уничтожено, а путь не расчищен. Танки скапливались позади меня, когда появился спешившийся Боб Крисп: «Что за чертовщина происходит, Билл?» - «Мы не можем идти дальше, минное поле все еще не расчищено». Я был так же раздражен, как и Боб, но мне все равно не хотелось застрять на минном поле с наступлением рассвета. В полумраке мы видели шотландцев, все еще пытавшихся пробиться через минное поле. Мы также видели хаос, который посеяли среди них вражеские пулеметы: повсюду лежали их мертвые тела.

Снова открылся заградительный огонь, вражеские самолеты сбросили осветительные ракеты, и вдруг все сразу завертелось. Самолеты сбрасывали бомбы: две упали рядом с моим танком и встряхнули его. Я почувствовал, как несколько осколков ударили в танк, и пригнулся в башне чуть ниже. Вокруг летали и бронебойные снаряды; я видел, как несколько танков позади меня были подбиты, и их экипажи покидали машины. Меня все еще умоляли сзади двигаться вперед, но выйти из проходов было невозможно. Ситуация стала довольно запутанной, а хаос позади был еще хуже. Мы могли только надеяться, что саперы расчистят проходы до рассвета. Если нет, у нас будут настоящие неприятности. Один танк в моем взводе был подбит, но экипаж смог покинуть его и благополучно уйти в тыл.

Наконец ко мне подошел сапер и сказал, что мы можем двигаться дальше, так как теперь они считают, что расчистили минное поле. Мы медленно поднялись на гряду и, имея теперь место для рассредоточения, получили возможность атаковать вражеские цели по мере улучшения видимости. Теперь и *Шерманы* смогли подняться на гряду и вступить в бой с вражескими противотанковыми пушками, которые делали нашу жизнь столь неуютной, пока мы торчали на минном поле. 75-мм пушка *Шермана* теперь доказывала свою эффективность и работала с хорошим результатом.

3-й КТП и *Стаффордширцы* закрепились на гряде, но все попытки продвинуться дальше были отражены скрытыми противотанковыми пушками, находившимися на ее обратном скате, и мы были вынуждены оставаться на позициях *танк в окопе*. Нам, легкому эскадрону, приказали выдвинуться на фланг, чтобы предотвратить любое проникновение противника на позиции *Шерманов*. В любом случае, от наших двухфунтовок было мало толку в этой перестрелке на истощение.

Следующие два дня, 24 и 25 октября, прошли в хаотичных боях, которые осложнились тем, что было обнаружено еще одно минное поле, когда 3-й КТП и *Стаффордширцы* попытались продвинуться вперед за гряду Митейрия. Оно, судя по всему, не было нанесено на карты, и саперы потеряли много людей, прежде чем в конце концов смогли его расчистить. В очередной раз вражеские противотанковые расчеты смогли в полной

мере воспользоваться трудным положением, в котором были танки при выходе с минного поля до того, как они успевали рассредоточиться, и у нас было много потерь.

Сражение стало затягиваться, и в течение следующих нескольких дней не было достигнуто никакого реального прогресса. У нас было довольно много потерь в ходе нескольких небольших стычек с вражескими танками, в основном из 15-й и 21-й танковых дивизий. 29 октября Эскадрон *A* был отправлен на самостоятельную разведку в район Тель-эль-Аккакира/Tel-el-Akkakir. Считалось, что поблизости концентрируется немецкая бронетехника, но предыдущие попытки провести там рекогносцировку были сорваны. Несколько немецких танков *Pz. III*, действовавших под прикрытием ряда противотанковых орудий, доставили нам особенно много хлопот.

Джорди Рэй, мой взводный сержант, шел впереди меня, когда мы крались вперед ранним утром, стараясь использовать в качестве укрытия остовы танков, подбитых в предыдущем бою. Нам удалось зайти в тыл нескольким машинам *Pz. III* прежде, чем они нас заметили, и, открыв огонь из наших двухфунтовок, мы подбили три или четыре из них. Наводчик танка Джорди немного увлекся — он был новичком в пустыне — и начал стрелять из своего пулемета *Беса/Беза* по вражеским экипажам, когда те покидали машины. Джорджи велел ему оставить их в покое: считалось непозволительным стрелять по экипажу танка в таких обстоятельствах. Вражеские противотанковые расчеты, увидев, что несколько своих машин объяты пламенем, поняли, что мы находимся позади их позиций, и открыли по нам огонь - под сильным обстрелом мы были вынуждены отойти. Тем не менее, мы смогли доложить о присутствии части 21-й Танковой Дивизии на позиции к северу от Тель-эль-Аккакира.

На следующий день 8-я Танковая Бригада с 3-м КТП на острие атаки сумела обойти Тель-эль-Аккакир и пустилась в погоню за *панцерами*, которые в полном беспорядке отступали. Немцы были мастерами в использовании заслонов из противотанковых пушек, и раз за разом нас задерживали, иногда на целый день. Полковник Паймэн решил, что нам следует прорываться вперед, и даже пытался двигаться ночью, но это оказалось сложным, так как мы постоянно смешивались с тем или иным из наших соседних полков. К тому же было холодно и сыро, и мы не были обучены ночным операциям, поэтому, хотя наш командир батальона просил разрешения двигаться вперед, бригада приказала нам встать на ночь лагерем.

На следующее утро мы продолжили преследование, и батальон настиг отступающие итальянские танки у прибрежной дороги в Галале/Galala, где в довольно одностороннем бою было уничтожено двадцать вражеских машин. Вскоре после этого разверзлись хляби небесные, и в течение нескольких часов шел проливной дождь. О продолжении преследования не могло быть и речи, так как пустыня превратилась в сплошное болото, и мы основательно завязли.

Когда погоня возобновилась, Эскадрон *A* с моим взводом был в авангарде, и мы обнаружили, что местами местность чрезвычайно труднопроходима. В одной точке нам пришлось пересекать узкий *вади*, засыпанный валунами. Я отдал приказ Джорди Рэю пересечь его и занять позицию на вершине гряды на противоположной стороне. Я решил следовать примерно по тому же маршруту, но как только я достиг дна *вади*, раздался мощный взрыв, и я обнаружил, что повис на башне под нелепым углом. Противотанковая мина сорвала одну из гусениц танка, а опорный каток рассыпался. Никто не пострадал, но танк был полностью выведен из строя и частично блокировал путь через *вади*. Я немедленно доложил о случившемся по радио, и Боб Крисп сказал, что попытается прислать мне саперов, чтобы расчистить путь. Вскоре прибыл майор-сапер на бронеавтомобиле и собирался объехать танк, когда один из членов моего

экипажа, рядовой Эванс, оглядываясь по сторонам в поисках других мин, наступил на противопехотную мину. Эти мины, называемые *S*-минами, были небольшими, но смертоносными, будучи размером примерно с банку из-под варенья, они содержали [вышибной] заряд, который выбрасывал в воздух боевой заряд, взрывавшийся примерно на уровне пояса и разбрасывавший шрапнель. Двое из моего экипажа погибли мгновенно, а майор-сапер был тяжело ранен. Я получил небольшое ранение левой руки. Доктор Макмиллан (McMillan) приехал на своем полугусеничном бронетранспортере, помог остальным всем, чем мог, и перевязал мне руку. Впервые в бою я почувствовал тошноту и чуть не потерял сознание. Врач дал мне пару бодрящих таблеток и предложил на время вернуться с ним. После пары часов отдыха и щедрой дозы лечебного виски я вернулся в эскадрон, принял другой танк и двинулся дальше.

К полудню 3-й КТП снова оказался у минных полей Мерса-Матруха/Mersa-Matruh, и, хотя мы пытались совершить обходной маневр, вражеский арьергард сдерживал нас до темноты. Мы устроились на ночлег, а встав по тревоге на рассвете следующего утра, обнаружили, что враг ускользнул. Я все еще был немного потрясен событиями предыдущего дня, но должен сказать, что после недель в жаре пустыни я с небывалым наслаждением взирал на синее море и колышущиеся пальмы маленького курорта.

На *Линии Марет*: левый хук

Батальон оставался в районе Мерса-Матруха до конца месяца, принимая пополнение в живой силе и танках, чтобы выйти на штатную численности. Это были очень приятные дни, которыми мы все наслаждались в полной мере. Ежедневные поездки на пляж, визит банно-прачечного отряда и, что самое приятное, нам удалось уговорить квартирмейстера обновить нашу изрядно потрепанную и дурно пахнущую одежду. Мы снова почувствовали себя почти людьми. Однако наш командир эскадрона отбыл: Боб Крисп, который никогда не терпел бездействия, изрядно заскучал от нашего вынужденного пребывания в Матрухе и каким-то образом сумел уехать на попутке обратно в Каир. Он доверительно сообщил мне, что ему нужно подлечить зубы.

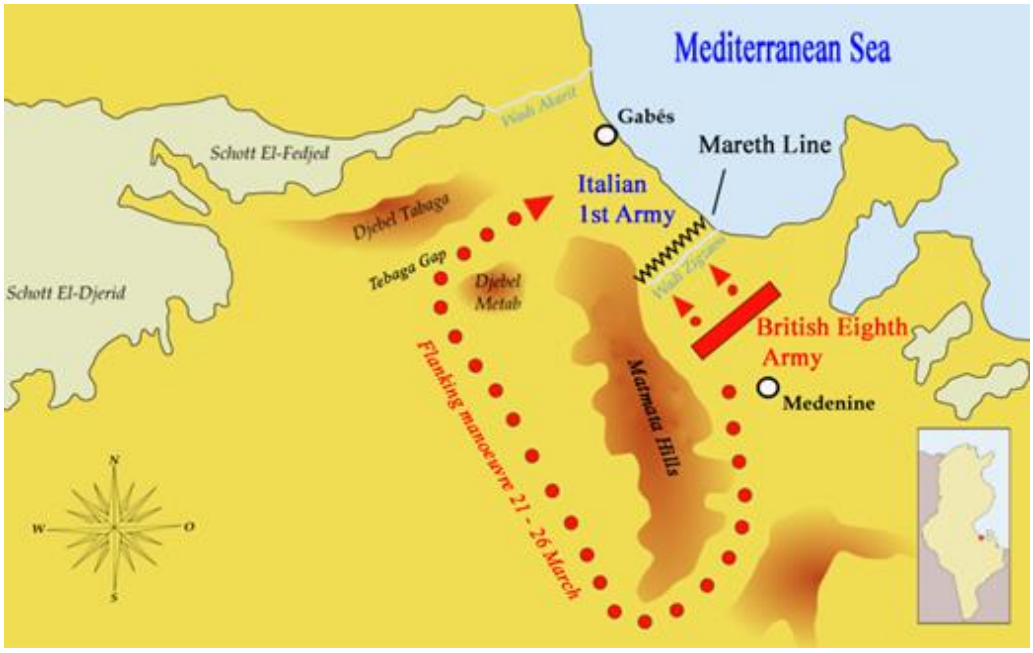
— Присмотри за эскадроном, Билл. Я скоро.

Через несколько дней мы получили приказ двигаться дальше на запад, чтобы соединиться с силами, стоящими перед позициями у Эль Агейлы/El Agheila. Боба Криспа не было! Когда полковник Паймэн начал расспрашивать меня об этом, мои довольно невнятные оправдания не возымели веса, и мы двинулись дальше без него. Командование эскадроном принял Алек Дойг. Я был немного раздосадован его назначением, так как надеялся сам принять командование, но Алек был очень хорошим офицером и первоклассным командиром танка, несмотря на то, что большая часть его предыдущей службы прошла в Полку Кенийских Стрелков *(вероятно, Восточно-Африканских Стрелков - ВК)*.

Пока мы были в Матрухе, пришли и хорошие новости. Я узнал, что награжден *Военным Крестом* за бои у Найтсбриджа и Газалы, Джорди Рэй — медалью *За Отличие в Службе* за храбрость, проявленную им под Эль-Аламейном, а Бак Кайт — *Военной Медалью*. Тем вечером нам удалось устроить небольшую праздничную вечеринку с помощью порции рома, которую Джорди как-то ухитрился выцыганить у квартирмейстера. Все это было очень приятно, но, когда на следующее утро мы тронулись в путь, у некоторых (включая меня) головы были тяжелыми. Мы наслаждались роскошью передвижения в район сосредоточения на танковых транспортерах — для нас это было в новинку, но это экономило драгоценный ресурс наших гусениц, что было важным фактором для *Крусейдеров* разведывательного эскадрона. Я надеялся, что Боб Крисп на каком-то

этапе присоединится к нам, но этому не суждено было случиться. Он был снят с должности, в некоторой степени, с позором, что побудило полковника Паймэна заметить: «Крисп был ценнейшим активом в пустыне и моим самым слабым местом в Каире».

Мы прибыли в наш район примерно 10 марта, и нам сообщили, что бригада присоединится ко 2-й Новозеландской Дивизии для выполнения особой задачи, о которой мы пока не знали. Полковник Паймэн созвал совещание всех офицеров, и мы узнали, что фронтальная атака на [Линию Марет] через *вади* Зигзау/Zigzaou провалилась, и британские войска понесли тяжелые потери. Новозеландская Дивизия, усиленная нашей бригадой, разведывательным батальоном Королевских Драгун-Гвардейев, артиллерией и различными вспомогательными частями (включая силы *Свободной Франции* под командованием генерала Леклерка), должна была попытаться совершить широкий обходной маневр — *левый хук* — на юг и запад через Фум-Татауин/Fum Tatahuin.



Схематическая карта, иллюстрирующая расположение Линии Марет, возвышенности Матмата и Тебагского прохода и направление обходного маневра 8-й Армии

Переброска соединения численностью 27 000 человек и 6 000 машин, танков и орудий на 350 миль через незнакомую местность казалась нам, старым воякам, сложнейшей задачей. Танки должны были перевозиться на транспортерах насколько это возможно, но ожидалось, что рано или поздно нам придется идти своим ходом. Передвижение также должно было осуществляться ночью — опять же, по возможности.

Так и вышло. Поначалу путь для транспортеров был относительно легким, но позже местность стала непроходимой, несколько транспортеров застряли, и мы были вынуждены выгрузить танки. Передвижение ночью без огней трудно для любых войск, но для танков это кошмар — командиры выглядывают из башен с глазами, забитыми пылью, напряженно стараясь не потерять из виду идущую впереди машину. Чтобы соблюсти полную секретность, было установлен режим радиомолчания, что еще больше затрудняло управление. По мере того как продвижение становилось всё труднее, к 19 марта стало ясно, что ночными маршами прогресса больше не добиться.

С этого момента о секретности пришлось забыть, и мы пошли вперед средь бела дня, пока не вступили в контакт с противником у Кебели Гахес/Kebeli Gahes, где бронеавтомобили разведывательного батальона доложили о вражеских позициях, перекрывающих дорогу через перевал.

Легкому эскадрону было приказано подойти как можно ближе к вражеским позициям. Я всё еще командовал взводом, Бак Кайт был моим взводным сержантом. «Вперед, *Able One*, — приказал я. — Попробуй связаться с одним из наших броневиков и выяснить, что сможешь, о позициях противника.» Мы двигались по узкой долине в отвесном ущелье Габель-Табага. Алек Дойг подтягивался с остальной частью эскадрона, и мы, казалось, шли слишком скученно. Я всё еще опасался мин. Мне удалось связаться с одним из бронеавтомобилей, командир которого доложил, что вражеская позиция находится за минным полем и поддерживается хорошо окопанными огневыми точками по обе стороны долины в предгорьях. Я передал это Алеку, который транслировал сообщение командиру батальона, тот приказал нам оставаться в наблюдении, не ввязываться в бой и ждать прибытия тяжелых эскадронов.

Хотя теперь я мог разглядеть вражеские позиции, вокруг было очень тихо, поэтому я приказал своему взводу продвинуться вперед, чтобы попытаться найти позицию получше. Внезапно раздался ужасающий грохот, и мой танк начал заваливаться на бок. Я крикнул экипажу покинуть машину — их не нужно было просить дважды — и меня в башне чуть не сбили с ног мои танкисты, карабкавшиеся наружу. Никто не пострадал, но противотанковый снаряд попал в нас, снеся практически все опорные катки с одного борта. Я подбежал к танку Бака и сказал, что забираю его машину. С большой неохотой он и его экипаж вылезли и довольно уныло остались стоять у моего подбитого танка, пока их не подобрали позже.

Позиция была явно хорошо защищена, и я доложил Алеку, что, учитывая возможность новых мин, не думаю, что мы сможем продвинуться дальше без разминирования. Около 22.00 через наши позиции начали проходить части 6-й Новозеландской Бригады. С ними были полевые инженеры, которые начали проделывать проходы в минном поле. По радио мне сообщили, что Эскадрон *B* 3-го КТП выдвинется для поддержки атаки новозеландской пехоты, а разведывательный эскадрон окажет посильную помощь.

Светила яркая луна, и мы отчетливо видели новозеландцев, медленно идущих через минное поле. Они несли потери, люди падали то тут, то там. Эскадрон *B* открыл огонь фугасными снарядами по вражеским оборонительным позициям, а мы на флангах также смогли обеспечить прикрытие, ведя пулеметный огонь. Атака была полностью успешной, и мы смогли продвинуться вплотную за пехотой, оказывая им поддержку огнем прямой наводкой. В итоге нам удалось создать прочный плацдарм, захватив Высоту *201* — жизненно важный пункт обороны противника. В этой атаке было взято 1 500 итальянских пленных.

Тем не менее, местность для танков был чрезвычайно труднопроходимой из-за огромных валунов и глубоких вади, разбросанных по всей территории: водителям танков было очень сложно маневрировать. Вся позиция хорошо простреливалась противотанковыми пушками, занимавшими превосходные позиции по обе стороны долины, и в обоих эскадронах было подбито несколько танков. В конце концов нам удалось достичь возвышенности за минным полем, где нам приказали оставаться и обеспечивать посильную поддержку новозеландцам, которые всё еще зачищали очаги сопротивления врага.

Та ночь была, я думаю, одной из самых некомфортных в моей жизни. Танковые экипажи оставались в боевой готовности в своих машинах; было крайне неуютно и страшно холодно. Мне удалось обойти большинство экипажей, осторожно велев им заварить чай. Заваривать чай внутри танка было запрещено, но я не спрашивал, как они это сделают. Плюсом было то, что я узнал следующее: Бак Кайт сумел найти себе другой танк и вернулся в эскадрон.

В течение следующих сорока восьми часов новозеландская пехота при поддержке танков бригады осуществила серию ночных атак. Одна такая атака ночью 24 марта была проведена при ярком лунном свете батальоном маори при поддержке Эскадрона *C* 3-го КТП и эскадрона Ноттингемширского Йоменского Полка. Она была особенно успешной и привела к захвату двадцати артиллерийских и противотанковых орудий, а также еще 1 000 итальянских пленных. Хотя захват Высоты *201* обеспечил дивизии безопасное прохождение через линию обороны противника, он всё еще удерживал некоторые ключевые позиции на флангах перевала. Их артиллерия была особенно активна и наносила многочисленные потери новозеландской пехоте. Даже экипажам танков пришлось постоянно оставаться внутри своих машин.

26 марта Алек и я присутствовали на совещании у командира полка. Нам сказали, что позже в тот же день будет предпринята согласованная атака силами всей дивизии. Танки должны были возглавить атаку всеми тремя полками. Мы должны были выстроиться в линию: *Ноттингемширцы* справа, мы в центре и *Стаффордширцы* слева. Легкие эскадроны должны были идти впереди с новозеландскими пехотинцами, сидящими на броне танков, а за ними — эскадроны *Шерманов*. Мы должны были наступать, как под Балаклавой (имеется в виду знаменитая атака британской легкой кавалерии под Балаклавой в 1854 году) под прикрытием массированного артиллерийского огня, а также при поддержке штурмовой авиации, которая должна была поддерживать радиосвязь с танковыми эскадронами. Всё это звучало потрясающе, но, когда я вернулся в эскадрон и проинструктировал экипажи, это вызвало немало язвительных замечаний, причем Бак Кайт и Джорджи Ри были особенно едки.

Атака должна была начаться в 16.00, и как раз тогда, когда мы начали выстраиваться, внезапно, как это часто бывает, поднялась песчаная буря, из-за чего видимость стала затруднительной. Нашей первой целью была линия обороны примерно в 1 000 ярдов от исходного рубежа. Мы достигли её без особого труда: немецкие артиллеристы, всё еще потрясенные и ошеломленные канонадой, не предпринимали попыток вступить с нами в бой. Продвигаясь, мы подавляли орудийные расчеты пулеметным огнем, а в некоторых случаях давили пушки гусеницами. Однако вскоре после того, как мы миновали первые рубежи обороны, немецкие противотанковые расчеты ожили, подбив несколько *Шерманов*, которые загорелись. Треск 88-мм орудий и стук пушек из спонсонов добавились к общему шуму и хаосу.

Два *Крусейдера* слева от меня были подбиты, затем я увидел, как подбили танк Джорди Рэя справа. Он завалился на бок в открытый бетонный капонир. Экипаж Джорди, похоже, благополучно выбрался и укрылся в нем, несомненно, чувствуя облегчение от того, что на время вышел из боя. Я почувствовал удар по передней части своего танка, но ободряющий крик одного из членов экипажа подтвердил, что броня не пробита. Выглядывая из башни, я был так занят поиском целей, что не заметил немецкого пехотинца, вставшего в своем окопе и целящегося в меня из пулемета. Моя удача всё еще была со мной: должно быть, он стрелял одиночными, так как первая пуля попала в радиоантенну моего танка и провизжала мимо моей головы. С немцем быстро разобрался один из новозеландцев, сидевших на корме моего танка. Когда мы

проходили через оборону врага, немало итальянцев выходили из своих окопов с поднятыми руками. Некоторые новозеландцы спрыгивали с танков и вступали в ближний бой, действуя винтовками и штыками.

Алек Дойг был несколько правее меня и, казалось, оказался в самом центре линии вражеских противотанковых пушек, расчеты которых ожили и начали занимать свои места. Я видел, как в его танк попали, некоторые члены экипажа выбрались, но вскоре я получил сообщение по радио, что Алек тяжело ранен. Наконец-то я командовал эскадроном, хотя и не при тех обстоятельствах, которых желал. Мы находились в середине оборонительной позиции противника. Я видел перепуганных пехотинцев, забившихся в свои окопы, и артиллеристов, лежавших рядом со своими пушками. Я вошел в азарт и решил бросить несколько ручных гранат — у нас в башне внезапно оказался ящик с шестью штуками. Не имея практики метания гранат из башни движущегося танка, я забыл, что мой наводчик развернул орудие. Моя первая граната упала среди новозеландских пехотинцев на корме моего танка и отскочила в сторону. Никто не пострадал, но один из новозеландцев наставил на меня свой *Стен/Sten*, показывая, что произойдет, если я попробую сделать это снова. После этого я сосредоточился на командовании танком.

Вражеские противотанковые пушки становились всё большей проблемой. Несколько *Шерманов* были подбиты и горели. Некоторым экипажам удалось выбраться, но не всем. Мы надеялись вызвать *Харрикейны* и *Киттихоки* Королевских ВВС, но наш авианаводчик, который был в танке Алека, когда в него попали, также выбыл из строя. Тем не менее, они пролетали над нами волнами и атаковали цели прямо перед нами. Я только надеялся, что они хорошо умеют распознавать танки.

Около 18.00 через наши позиции начали проходить подразделения 1-й Танковой Дивизии, и мы почувствовали, что можем немного расслабиться. Ситуация всё еще была очень запутанной, и, хотя мы были рады тому, что 1-я Дивизия принимает на себя атаку, 8-я Танковая Бригада имела приказ оставаться на поле боя развернутой в боевой порядок. Я ждал приказа встать лагерем, чтобы можно было сварить приличную еду и дать танкистам эскадрона поспать. Наши потери были весьма значительными: легкий эскадрон потерял семь танков, тяжелые машины — еще больше. Но приказа не последовало, и мы оставались на боевых позициях всю ночь. На рассвете меня вызвали к танку полковника Паймэна: «Билл, тыловые части 1-й Танковой Дивизии докладывают, что их атакуют *панцеры*. Выводи свой эскадрон на фланг и выясни, что происходит.»

Я выдвинулся с двумя взводами и довольно осторожно направился к предгорьям, где увидел яркие вспышки выстрелов вражеских танков — примерно шесть или семь машин на хороших позициях *танк в окопе*. Я доложил об этом командиру полка и предложил, чтобы взвод *Шерманов* разобрался с ними. Мы продолжали вести с ними бой, пока не подошли тяжелые танки, чтобы поддержать нас. Пока мы пытались пристроиться на какой-нибудь позиции, чтобы над землей врагу были видны только башни (мы всё еще были на виду), танк моего капрала из взвода был подбит и вспыхнул. Двум членам экипажа удалось спастись. Я испытал огромное облегчение, когда подошли два взвода *Шерманов* из Эскадрона *B* и очень быстро разобрались с танками противника, хотя и потеряли при этом три своих машины. Хотя мы практически окружили противника, группы решительно настроенных немцев продолжали сражаться в течение всего дня, пока их не заставил сложить оружие батальон маори. В этом бою один из лейтенантов-маори был посмертно награжден *Крестом Виктории*.

После этого у нас было несколько дней отдыха и реорганизации в районе Сфакса. Полковник Паймэн покинул нас, как нам сказали, для повышения, что действительно

оказалось правдой, так как к концу войны он стал генерал-майором. Полковник Иэн Спенс (Ian Spence), бывший офицер *Стаффордширцев*, присоединился к нам в качестве командира полка, а через несколько дней мы передислоцировались на позиции под Энфидавилем/Enfidaville, где нам предстояло остаться.

Лини Марет обойдена - Крусейдеры 1-й Танковой Дивизии вступают в Эль-Хамму

Энфидавиль: Конец кампании в пустыне

Приближение победы в северной Африке вызывало у меня смешанные чувства. Как и многим людям, которые гонялись за врагом или сами спасались от него бегством в пустыне, идея триумфального въезда в Тунис казалась мне заманчивой. В то же время присутствовало чувство облегчения от того, что на этот раз мы не будем в авангарде. Пока другие части отправлялись на усиление [британской] 1-й Армии, мы прятали наши танки в тени кактусовых зарослей на равнинах вокруг Энфидавиля. Горы напротив были заняты 90-й Дивизией Легкой Пехоты — вероятно, элитой старого *Африканского Корпуса*. Позади них находилось то, что осталось от 15-й Танковой Дивизии. Я полагаю, что в то время они считались частью 5-й Танковой Армии, но это название нам ничего не говорило.

Враг все еще сохранял волю к борьбе, и немецкая и итальянская пехота яростно сопротивлялась, когда новозеландцы атаковали Такруну/Takrouna — неприятную скалистую высоту, а 4-я Индийская Дивизия штурмовала Джебель Гарси/Djebel Garci, гряду, изрезанную оврагами. Штурм начался в ночь на 19 апреля, и всё, что мы могли делать, — это наблюдать за вспышками в темноте и клубами дыма утром. Цели были

достигнуты, но дорогой ценой. Новозеландцы потеряли много офицеров. Нам, как разведывательному эскадрону, пришлось совершить несколько вылазок в предгорья, но мы не нашли ничего, кроме минных полей. Казалось, у противника было достаточно противотанковых пушек, прикрывавших их, поэтому мы не слишком усердствовали.

Когда силы *Оси* окончательно рухнули в мае, я отправился вместе с командиром полка и другими командирами эскадронов наблюдать за капитуляцией 90-й Дивизии. Я ставил их на второе место после 21-й Танковой Дивизии как бойцов. 15-ю Танковую я бы поставил вслед за ними, хотя и не без воспоминаний о невероятном мужестве артиллеристов 88-мм орудий и экипажей *Штук*. Солдаты 90-й маршировали под командованием своих офицеров и сержантов, усталые и потрёпанные, прижимая к себе то, что, должно быть, было их эквивалентом наших драгоценных спальных мешков. С нашей стороны не было злорадства, только чувство, что мы достигли своей цели — мы победили людей, которые, по моему мнению, сражались достойно и умело, даже по-честному, если такое слово вообще применимо к полю боя.

После этого полковник Спенс предложил всем нам осмотреть позиции, которые мы атаковали последние две недели, и взглянуть на них со стороны противника: «Теперь мы увидим, была ли наша маскировка так хороша, как мы думали.» Небольшая колонна отправилась в путь на джипах, полковник Спенс ехал впереди. Нам оставалось проехать еще какое-то расстояние, когда я заметил, что мы проезжаем мимо небольших кучек камней, которые выглядели подозрительно похожими на маркеры минных полей. Я подал сигнал остальным остановиться и, пересев за руль вместо своего водителя, осторожно подъехал к машине командира. Более внимательный осмотр подтвердил мои опасения.

— Хорошо, Билл, давайте все вместе вернемся назад. Идите по моим следам.

Он развернулся, и мы пошли в тесной колонне, медленно выбираясь из опасной зоны. Через минуту или две раздался оглушительный взрыв, мой джип подлетел в воздух, и удушливый черный дым скрыл всё вокруг, когда мы рухнули обратно на землю. Последовала серия мощных взрывов.

Когда грохот прекратился, я почувствовал острую боль в голове и ребрах и увидел, когда дым рассеялся, что мой водитель без сознания поник в своем кресле, а его разорванный китель пропитан кровью. Я смутно осознал, что другие джипы остановились и к нам бегут люди. Нас вытащили после тщательного осмотра прилегающей территории и начали перевязывать. Хотя в голове у меня звенело и я на время оглох, я понял, что командир проехал по итальянской мине, не взорвав её, а повторное давление моего джипа привело её в действие. Одновременно сработали несколько *S*-мин, которые выстрелили вверх и взорвались, осыпав всё вокруг металлическими шариками. Один из них прошел прямо сквозь грудь водителя и вышел с другой стороны. У меня была глубокая рана на животе, еще одна на затылке, и я гадал, какие еще повреждения я получил, так как истекал кровью.

Теперь мы оказались в настоящей ловушке. Любая попытка вывести машины, уже находившиеся на минном поле, грозила новой серией взрывов. К счастью, шум привлек внимание бронеавтомобиля, который остановился на безопасном расстоянии. Появились новозеландские саперы и начали расчищать путь. Эту задачу невозможно было ускорить, и, хотя я умирал от жажды, никто не давал мне пить, так как еще не была ясна глубина моей раны в животе. Максимум, что я получил, — это мокрая тряпка, которой мне протерли губы, и набор советов и подбадриваний типа «У тебя там отличное ранение для отправки домой, Билл». Я бы вполне мог обойтись без этого. Хотя

откуда-то достали морфин, бедный водитель был в гораздо более тяжелом состоянии, и, возможно, было к лучшему, что он не осознавал происходящего. Поиск мин большую часть времени шел старым методом «тыканья штыком». Потребовалось почти три часа, чтобы расчистить путь, и к тому времени, когда нас положили на носилки и погрузили в какую-то машину, происходившее меня уже мало волновало.

В штабе батальона доктор Макмиллан бросил на нас один взгляд и отправил в пункт сбора раненых в Сфаксе/Sfax. Там обнаружилось, что, хотя шарики и наделали дел на моем затылке, ни один не пробил череп. Один-единственный попал мне в спину, пронесся вдоль внешней стенки желудка и вышел наружу, не причинив серьезного вреда. Теперь я мог рассчитывать на два пупка. Моему водителю, младшему капралу Уильямсу, повезло меньше, и позже я узнал, что он скончался в госпитале.

В Сфаксе я делил палатку в пункте сбора раненых с раненым новозеландским офицером-артиллеристом по имени Джерри Грей (Jerry Grey). Через три дня после поступления мы решили, что достаточно окрепли, чтобы совершить вылазку, поэтому оделись, выскользнули из задней части палатки и уселись на обочине дороги в Сфаксе, надеясь поймать попутку до города. «Никто нас не хватится, если мы вернемся вовремя,» — сказал Джерри. В итоге нас подвезли летчики американской 12-й Бомбардировочной Группы, чей лагерь был неподалеку. Мы устроили довольно бурную вечеринку в клубе *Overseas* в Сфаксе. Беда была в том, что к моменту окончания празднования нашей свободы мы не смогли найти дорогу назад и закончили ночь скорее мертвыми, чем живыми, на заднем сиденье одного из их джипов. Похмелье, вызванное крепким местным пойлом, было даже хуже, чем ноющие напоминания о наших ранах. Никто не встречал нас с флагами. «Я забронировал вам двоим место на самолет до 63-го общего госпиталя в Каире, — сказал старший врач, майор Морган. — Вместо этого вы отправитесь в 48-й общий госпиталь в Триполи по дороге. Это должно излечить вас от привычки шляться.»

На этом дело не закончилось. Об этой выходке доложили, и когда я вернулся в строй, меня вызвали к бригадиру Бейкер-Бейкеру (Baker-Baker), который сурово отчитал меня за безответственность и объявил выговор. Я пропустил большой парад победы в Тунисе, в котором батальон принимал участие в присутствии Черчилля и собравшихся генералов. Раны продержали меня в госпитале шесть недель, и когда я вернулся к службе, 3-й КТП находился в Хомсе/Homs, на побережье к востоку от Триполи. Наши танки были переданы 5-му КТП, которому вскоре предстояло вступить в бой на Сицилии.

Тем летом мы хорошо провели время и с удовольствием исследовали страну, не опасаясь обстрелов. В Тунисе я столкнулся с Джимми Корнуоллом (Jim Cornwall) — моим старым приятелем со времен сержантской столовой, который тогда командовал эскадроном в 12-м КТП, который он помогал формировать с нуля. Теперь они были частью 1-й Армии. Он рассказал мне, что после окончания офицерских курсов в Сандхерсте зимой 1940 года его отправили в Гейтсхед/Gateshead, где новобранцев принимали в гражданской одежде и начинали базовую подготовку прямо на улицах без униформы. Батальон принял первый бой в Тунисе, где входил в состав бригады, полностью оснащенной танками *Черчилль/Churchill*. Джимми крайне критически отзывался о том, как 1-я Армия в начале своей кампании использовала танки мелкими группами (penny packets), и говорил, что дело пошло на лад только тогда, когда прибыли некоторые командиры 8-й Армии и показали им, как это делается.

Тем не менее, 12-й Полк понес тяжелые потери, потеряв целый эскадрон в жестоком бою за высоту против парашютного полка *Herman Goering* в конце апреля. Как и я, Джимми был ранен в последний день кампании и провел некоторое время в госпитале

в Алжире. Когда мы расставались, я думаю, мы оба гадали, доживет ли другой до конца войны. К тому времени я сознательно перестал заводить новых друзей, так как они вряд ли задержались бы надолго, а старых приятелей, казалось, почти не осталось.

Появление танков *Тигр* на североафриканском театре военных действий давало богатую пищу для размышлений, хотя лично я не сталкивался с ними в бою. Говорили, что они построены как линкоры, и когда я впервые увидел захваченный экземпляр, который выглядел зловеще даже в солнечный день вдали от всякого военного шума, я понял, что имелось в виду. Даже боковая броня была толще, чем самая прочная часть *Шермана* — в лобовой части башни - 76-мм. Сравнение носовых частей двух танков показало, что броня *Тигра* здесь в два раза толще наших 50 мм. Я посмотрел на длинное 88-мм орудие, торчащее из массивной башни, и тяжело сглотнул. Оно было вполне способно подбить любой известный мне танк союзников примерно с 2 000 ярдов — задолго до того, как мы могли бы подойти достаточно близко, чтобы нанести ему какой-либо ущерб. В отчетах об испытаниях говорилось, что *Тигр* склонен к механическим поломкам, и я искренне на это надеялся.

Когда в декабре батальон отплыл в Британию и температура начала падать, я почувствовал, что перспективы были именно такими, которые метеорологи называли «неопределенными».

Домой

Наше путешествие домой на великолепном датском судне прошло более или менее спокойно, но, тем не менее, было чрезвычайно приятным. На борту также находились около 200 британских медсестер и медсестер [из стран Британского] *Содружества*, которые, несомненно, внесли большой вклад в создание дружеской атмосферы на борту. На время пути меня назначили офицером по светомаскировке — работа неожиданная, но оказавшаяся весьма интересной. Корабль официально считался «сухим», но вечеринки, которые продолжались почти непрерывно на протяжении всего плавания, определенно таковыми не были! Во время моих обходов в качестве офицера по светомаскировке я, по долгу службы, имел привилегию доступа в любые каюты в любое время. Меня было легко убедить закрыть глаза на происходящее, какой бы буйной ни была вечеринка.

Нашей единственной остановкой в пути была Сицилия, где мы провели два приятных дня на берегу. В конце концов, в канун Рождества 1943 года мы высадились в Глазго. Я был разлучен со своей женой Джози чуть более трех лет, а моему сыну Ричарду теперь было три года — он стал крепким мальчуганом. Мне полагалось три недели отпуска. Однако за время моего отсутствия Джози вступила во Вспомогательную Территориальную Службу/Auxiliary Territorial Service, поэтому за Ричардом присматривали мои родители, которые всё еще жили в Аппингеме/Uppingham. Я не был в восторге от такого положения дел, но понимал чувства жены и её желание внести свой вклад в победу. Джози удалось получить несколько дней отпуска, которые мы провели вместе, но я не чувствовал себя несчастным, когда пришло время возвращаться в батальон.

Во время отпуска я узнал, что мое производство в майоры подтверждено и что я остаюсь в должности командира эскадрона *A*. Вернувшись в полк, я обнаружил, что мы входим в состав нового соединения — 29-й Танковой Бригады 11-й Танковой Дивизии. Приятным сюрпризом стало то, что дивизией командовал Пип Робертс, теперь уже генерал-майор — он командовал 3-м КТП в пустыне в 1942 году. Также новым был наш командир полка, подполковник Дэвид Силвертоп (David Silvertop), прибывший к нам из Батальона 14/20

Гусарского Полка. Как у танкистов, у нас были несколько смешанные чувства по поводу кавалерийского офицера («погонщика ослов»), командующего кадровым танковым батальоном. Между нами всегда существовало дружеское соперничество, хотя мы не питали иллюзий относительно их рвения и способностей. Дэвид Силвертоп проявит себя как один из наших самых мужественных и способных командиров, заслужив любовь и уважение каждого в батальоне. Он погиб в бою при трагических обстоятельствах уже после того, как мы взяли Антверпен.

Наши учения на болотах Йоркшира имели огромное значение, особенно для ветеранов пустыни, для которых действия на совершенно иной местности стали поучительным опытом. Это также дало нам возможность проверить наших новых офицеров и танковые экипажи.

Большая часть пополнения присоединилась к нам еще до того, как мы покинули северную Африку. Моими новыми командирами взводов стали Джонни Лэнгдон (Johnny Langdon), *Бэшер* Бейтс (*Basher* Bates) и Билл Йейтс (Bill Yates) — все бывшие пехотинцы, жаждавшие доказать свою состоятельность в танковом батальоне после короткого, но интенсивного курса танковой подготовки. И они сделали это с большим успехом в боях в Нормандии и во время броска к Балтике. Джонни Лэнгдон, в частности, стал моим самым надежным и мужественным командиром взвода, оставаясь со мной до конца войны и получив в ходе боев *Военный Крест*.

Наш первый период обучения на болотах, операция *Eagle*, проходил в ужасную погоду, почти всё время сопровождавшуюся снегом и обледенениями. Тем не менее, мы извлекли максимум пользы из этих условий, будучи уверенными, что этот опыт пригодится позже во время операций в Европе. Вскоре после этого мы перебазировались на юг, в Олдершот/Aldershot. Батальон был в отличном расположении духа. Мы делили казармы в Олдершоте с одним из наших соседних полков по бригаде — 23-м Гусарским. Этот полк был воссоздан в 1940 году, его люди были чрезвычайно хорошо обучены и стремились показать, на что они способны, хотя до сих пор не участвовали в боях. Другой танковый полк бригады, 2-й Файфский и Форфарский Йоменский Полк/Fife and Forfar Yomenry, также был отлично подготовлен и рвался в бой, хотя тоже еще не нюхал пороху. В будущих операциях они проявили себя как превосходные бронетанковые полки, и нет сомнений, что их рвение и способности помогали держать более опытные экипажи в тонусе.

Джорди Рэй, награжденный медалью *За Отличие в Службе*, попросил меня о разговоре. «Ну, Джорди, на что жалуешься?» - «Я хочу уйти из армии, сэр!». Это было последнее, чего я ожидал. «По какой причине?» - «Я не думаю, что годен на то, чтобы командовать людьми в бою, сэр. У меня сдали нервы.» У меня не было иного выбора, кроме как передать эту просьбу командиру полка. Выслушав ту же фразу о неспособности командовать людьми в бою, Сильвертоп просто сказал: «Боюсь, вам придется продолжать, как и всем нам, Рэй.» И он продолжил.

11-я Танковая Дивизия, высадившаяся на пляжах Нормандии между 13 и 14 июня 1944 года, была мощным соединением. Помимо трех танковых полков в 29-й Танковой бригаде, у нас был 8-й Батальон Стрелковой Бригады, который обычно выделял по пехотной роте каждому танковому полку. Кроме того, у нас была 159-я Пехотная Бригада, состоявшая из 3-го Батальона Монмутширского/Monmouthshire Полка, 4-го Батальона Королевского Шропширского/Shropshire Полка Легкой Пехоты и 1-го Херефордширского/Herefordshire Полка. В состав дивизионных частей входили разведывательный полк (2-й Нортгемптонширский/Northhamptonshire Полк Йоменов) и

13-й Полк Королевской Конной Артиллерии, чьи двадцатипятифунтовые пушки были установлены на танковых шасси.

Ожидание в районе сосредоточения вокруг Саутгемптона было невероятно скучным, но, наконец, 12 июня мы добрались до наших танков, погруженным на десантные суда еще за несколько дней до этого. Половина моего эскадрона находилась на моем судне, которым командовал старый шотландский шкипер, настоящий морской волк. Погода в Ла-Манше была хуже некуда: огромные волны и порывистый шквальный ветер делали жизнь танковых экипажей, устроившихся на верхушках своих танков, крайне неуютной. Мне повезло больше — я обосновался вместе со шкипером в его маленькой рубке, попивая с ним вдвоем солодовое виски.

Когда мы приблизились к французскому побережью, несколько судов нашей флотилии повернули назад, посчитав, несомненно, что выгрузить танки в таких обстоятельствах будет невозможно. Танки были герметизированы, но выгрузка там, где глубина достигала трех-четырех футов была крайне опасной из-за риска затопления. Мой шкипер был непреклонен: «Я доставлю тебя туда, парень!» — сказал он. На том этапе я не был уверен, радоваться мне этому или нет. Он сдержал слово и подошел вплотную к берегу, где мы смогли выгрузиться без проблем. Я был очень рад увидеть, что другие суда с остальной частью моего эскадрона также смогли высадиться на берег. Участок высадки к тому времени был уже довольно хорошо организован, и мы смогли двинуться вглубь страны к нашему району сбора. В тот день на берег удалось выбраться только половине полка, и прошло еще два-три дня, прежде чем остальная часть батальона догнала нас.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НОРМАНДИЯ – БЕЛЬГИЯ – СЕВЕРНАЯ ГЕРМАНИЯ

Операция *Epsom*: бой за Высоту *112*

Кан/Caen был целью 3-й Пехотной Дивизии в *День Д* после её высадки на пляже *Sword*. Однако из-за сопротивления 21-й Танковой Дивизии немцев с ходу город взять не удалось. Генералы Бернард Монтгомери (Bernard Montgomery, 21-я Армейская Группа) и Майлз Демпси (Miles Dempsey, 2-я Британская Армия) хотели избежать неизбежно кровопролитных уличных боев за Кан. Если бы Демпси смог обойти его с фланга и прорваться на высоты по обе стороны дороги Кан – Фалез/Falaise, позиции немцев вокруг Кана стали бы безнадежными. Операция *Epsom*, начатая в конце июня в нескольких милях к западу от Кана, была спланирована для достижения этой цели. 15-я (Шотландская) Пехотная Дивизия должна была нанести удар в южном направлении, вбить клин между немецкими позициями в районе Шё/Cheux и продвинуться дальше на юг, чтобы форсировать реку Одон/Odon возле Барона/Baron. Затем 11-я Танковая Дивизия должна была пройти сквозь них, пересечь реку Орн/Orne и занять господствующую высоту за ней.

Британская бронетанковая техника продвигается к Высоте 112. За этим последует ожесточенный бой против Дивизии СС Hitlerjugend, в которой победа будет за союзниками

Это должно было стать боевым крещением дивизии, причем в условиях, сильно отличавшихся от открытой пустыни, в которой 3-й КТП воевал в Северной Африке. Местность *бокаж*/*bocage*, состоящая множества небольших полей, окруженных высокими валами с густыми живыми изгородями, заглубленными дорогами и тропами между ними, была идеальной для обороны. Танки чувствовали себя крайне уязвимыми перед оружием ближнего боя. Вызов артиллерийской поддержки был невозможен, когда цель находилась всего в ста-двухстах ярдах впереди. Атака началась 26 июня. Перед лицом сильной немецкой обороны продвижение было медленным и обходилось дорого. 29-й Танковой Бригаде удалось пересечь Одон и закрепиться на Высоте *112*, но из-за мощных контратак нескольких немецких танковых дивизий, переброшенных в этот район, бригада была отведена назад. К началу июля стало очевидно, что операция *Epsom* не достигла своей цели по обходу Кана с фланга.

Бокаж – край живых изгородей

Наши первые несколько дней в Нормандии прошли спокойно: танки были спрятаны в типичных нормандских садах, экипажи отдыхали, и покой портили только раздутые туши гниющих коров — вонь была ужасной. Мы узнали, что нашей первой задачей была попытка захвата мостов через Одон, при этом 15-я Шотландская дивизия должна была выдвинуться на острие атаки. Их первой целью был захват деревни Шё. Она удерживалась довольно крепко, и шотландцы понесли очень тяжелые потери: когда 3-й КТП проходил через руины деревни, земля была усеяна телами погибших пехотинцев.

Нашей задачей было прорваться к Эверси/Evercy и далее к Орну и в целом продвинуться почти на двадцать миль. В итоге удалось пройти лишь пять миль. Большая часть проблем возникла из-за противотанкового огня с лесистых склонов Высоты *112* и чуть более приподнятой Высоты *113*. Несколько танков были подбиты, Эскадрон *C* пострадал особенно сильно. Лесистая местность в долине Одона сама по себе была препятствием, порождавшим неразбериху в танковых порядках, которая усугублялась узостью фронта атаки, ограничивавшей развертывание всех танковых сил. Нашему соседнему полку, 23-му Гусарскому, тем не менее удалось достичь Одона, где мост был захвачен неповрежденным.

На следующий день 23-й Гусарский Полк проложил себе путь вперед, достигнув плоской вершины Высоты *112*, возвышающейся над деревней Эске/Esquay. Позже в тот же день они были сбиты с нее огнем нескольких *Тигр*, хорошо вкопанных в землю в лесу на дальнем склоне. Днем мы получили приказ от полковника Силвертопа (Silvertop) сменить 23-й Гусарский Полк на холме — довольно пугающая перспектива, учитывая, что мы проезжали мимо их сгоревших танков.

Эскадрон *A* должен был возглавить атаку 3-го КТП, и я выдвинулся со взводом Джонни Лэнгдона (Johnny Langdon) в качестве передового дозора. Джорди Рэй (Geordie Reay) был его взводным сержантом. Как и многие ветераны боев в пустыне, Джорди чувствовал себя неуютно в этом краю маленьких полей и лесных массивов, где рвы и живые изгороди были идеальными местами для засад *фаустников*. Он испытал облегчение, когда его танк вышел из строя из-за механической неисправности, но был несколько озадачен приказом принять танк капрала своего взвода. В 3-м КТП существовало неписаное правило, согласно которому сержант оставался со своим танком до тех пор, пока тот не будет отремонтирован. Однако я хотел, чтобы Рэй продолжал исполнять обязанности сержанта взвода, так как его опыт был бесценен.

С нами была наша верная Рота *G* 8-го Батальона Стрелковой Бригады, следовавшая вплотную за нами. Нам придавало уверенности знание того, что они будут удерживать плацдарм у нас в тылу. Мы тренировались с ними в Йоркшире и знали их близко, командир эскадрона работал в связке с командиром роты. Мой Эскадрон *A* обычно работал с Ротой *G* под командованием Ноэля Белла (Noel Bell) — эта связка оказалась наиболее успешной и продолжалась до самой Балтики.

Я приказал взводу Джонни Лэнгдона прорываться вперед в попытке войти в деревню Барон, расположенную чуть дальше гребня холма. Когда он двинулся вперед, его взвод попал под интенсивный огонь вражеских танков, уже закрепившихся в деревне. В ходе боя один танк был потерян — он загорелся. Казалось, что мы находимся под огнем с трех сторон — как танков *Тигр*, так и 88-мм зенитных пушек. Я попросил разрешения отойти на чуть менее открытые позиции, откуда мы всё же могли бы вести бой с противником. Мы оставались на этих довольно невыгодных позициях до конца дня. Нам удалось подбить несколько противотанковых пушек, но мы не могли нанести никакого

вреда вкопанным в землю *Тиграм*. Мы оставались на этом холме тридцать шесть часов. Та первая ночь была крайне неприятной: мы практически не покидали танков, зная, что почти окружены, нашим единственным утешением было то, что мы находимся под защитой Стрелковой Бригады.

На рассвете вражеский огонь, казалось, немного стих, и мы, к нашему удивлению, смогли приготовить себе долгожданный завтрак. Вскоре после этого мы подверглись массированному обстрелу минами из многоствольных [реактивных] минометов *Воющие Минни/Moaning Minnies*, которые могли выпускать мины, содержащие от 70 до почти 300 фунтов взрывчатки. Хотя они не были особенно опасны для танков, для пехоты они были смертельны. Большинство из нас находились вне танков, и мы потеряли нескольких сержантов — командиров танков и членов экипажей, прежде чем успели укрыться; сержант Перси Бретт (Percy Brett), еще один из наших ветеранов пустыни, оказался в числе пострадавших. Мне удалось поспешно заскочить в танк вместе с экипажем, и я видел, что большая часть эскадрона делает то же самое. Я приказал эскадрону рассредоточиться: мы стояли слишком плотно и явно представляли собой отличную мишень для минометчиков, которые пристрелялись тютелька в тютельку.

Полковник Силвертоп по радио приказал мне вывести Эскадрон *A* на левый фланг гребня, чтобы попытаться закрепиться в деревне Эске. Как только мы тронулись, прибыл очередной залп *Воющих Минни*, и одна из мин приземлилась на корму моего танка. В какой-то ужасный момент я подумал, что она залетит ко мне в башню. Сзади танка поднялось пламя, и я приказал экипажу покинуть машину. Экипаж не нуждался в уговорах — я думаю, один из самых страшных кошмаров танкиста — оказаться запертым в горящем танке. Я бросился к одному из своих штабных танков и начал переносить в него снаряжение, карты и прочее, когда заметил, что огонь на моем танке погас. При осмотре выяснилось, что загорелись только спальные мешки на корме нашей машины, мина даже не пробила кожухи двигателя. Довольно пристыженно мы с экипажем вернулись в танк.

Выдвигаясь на позицию между моими двумя передовыми взводами, я обнаружил, что по ним ведут огонь со всех сторон. Взвод Билла Йейтса слева от меня потерял два танка и не мог продвинуться дальше. «*Sugar Two*, укройся и обеспечь огневую поддержку, пока мы движемся вперед, — передал я по радио. — *Sugar One*. Постарайся найти укрытие справа, перед тобой танки противника.» Джонни рванулся вперед, сумел найти небольшое укрытие за деревьями и начал вести бой с находившимися напротив него *Тиграми*. Внезапно танк Джорди Рэя превратился в столб пламени и дыма. Я видел, как Джорди и один из членов его экипажа выскочили наружу — оба в горящей одежде и явно раненые. Я подбежал к ним. Джорджи и его наводчик Роули/Rowley сильно обгорели, и я не питал особых надежд на то, что они выживут. 88-мм снаряд попал в нижнюю часть танка, остальные члены экипажа погибли. Вскоре прибыл бронетранспортер Стрелковой Бригады, и мы погрузили Джорди и его наводчика на борт. Позже я узнал, что в бронетранспортер попал снаряд, и Джорджи был снова ранен в обе руки. Некоторое время спустя, будучи в отпуске в Великобритании, я навестил Джорди в госпитале. Ему всё еще делали пересадку кожи, он потерял оба уха и часть носа, одна рука отсутствовала, а другая была искалечена, но он всё еще был неукротим и полон надежд на будущее.

Позже тем утром мы добились некоторого успеха. Стрелковая Бригада при поддержке 3-го КТП очистила небольшой лес на южном склоне Высоты *112*. К счастью, большая часть сил противника отступила со своих позиций, и наши потери были сравнительно невелики. Мы надеялись, что сможем возобновить бросок к Орну, но получили приказ

отойти за мосты через Одон. Возможно, в дивизии было некоторое чувство разочарования из-за того, что мы не смогли продолжить наступление, но я думаю, что в 3-м КТП мало кто пожалел о том, что покинул Высоту *112*.

Мы были обеспокоены тем, что пришлось оставить холм. Позади нас был лишь узкий коридор, но благодаря бойцам нашей верной Стрелковой Бригады, надежно удерживавшей небольшой плацдарм, маневр был проведен без дальнейших потерь. На Высоте *112* мы потеряли около десяти танков, пять из них — только в моем эскадроне. Помимо потерь в людях, меня несколько раздражала утрата моей постели в пожаре на танке.

Это был первый бой совместно с 8-м Батальоном Стрелковой Бригады, и он определенно закрепил уважение, которое мы питали друг к другу. В бою были завоеваны репутации, и большинство наших новых командиров танков и экипажей проявили себя с наилучшей стороны. Однако в высших эшелонах всё было иначе: мы узнали, что командиру дивизии, генералу *Пипу* Робертсу (Philip *Pip* Roberts, 1906-1997), пришлось снять с должности командира 159-й Пехотной Бригады, также были заменены два командира батальонов — и это всего после двадцати четырех часов боя. Это лишь доказывает, что учения на болотах Йоркшира не заменят реального сражения, и невозможно предсказать, как люди поведут себя под огнем.

В течение нескольких дней после боев на Высоте *112* мы были разделены, действуя с разными частями, но позже снова собрались как дивизия и ушли в резерв. Это дало нам возможность на несколько дней отдохнуть провести реорганизацию перед тем, как снова занять место на *острие атаки*.

Британские танкисты на привале. Район Кана, 1944

Операция *Goodwood*, часть I

Операция *Goodwood*, имевшая место примерно через шесть недель после *Дня Д*, стала крупнейшим танковым сражением, в котором когда-либо принимали участие британские

войска. После провала всех попыток заставить немцев оставить Кан без прямой атаки на город, в конечном итоге было признано, что необходимо нанести лобовой удар. Кан был окончательно взят 9 июля. После его падения генерал Монтгомери был, наконец, готов начать прорыв с нормандского плацдарма.

На протяжении июня немцы отчаянно пытались перенацелить свои танковые дивизии с «удержания позиций» на массированную скоординированную атаку на позиции американцев. К началу июля 1-я и 12-я танковые дивизии СС были, наконец, отведены в район Фалеза. Для достижения успеха плана Монтгомери требовалось, чтобы они снова были втянуты в битву для сдерживания британцев на востоке, что позволило бы американцам начать основной прорыв на западе, где бы им противодействовали бы более слабые силы. Таким образом, план Монтгомери включал двухэтапную атаку.

На востоке генерал Демпси должен был направить 8-й Корпус генерала Рэда О'Коннора (Richard O'Connor), состоящий из трех бронетанковых дивизий, в атаку на юг с плацдарма к востоку от реки Орн, который был захвачен в *День Д* 6-й Воздушно-Десантной Дивизией. Целью был прорыв к высотам, расположенным по обе стороны дороги Кан-Фалез. Если бы все три бронетанковые дивизии удалось быстро ввести в бой единым фронтом, давление на немецкую оборону в этом районе было бы огромным. Противнику пришлось бы задействовать все имеющиеся танки, чтобы иметь хоть какую-то надежду сдержать наступление. Три дня спустя генерал Омар Брэдли (Omar Bradley) должен был начать прорыв на западе, операцию *Cobra*, против гораздо более слабого противника.

Но была проблема. Плацдарм к востоку от Орна, с которого должен был атаковать 8-й Корпус, изначально был очень узким. 11-я Танковая Дивизия генерала Робертса должна была идти первой, за ней последовательно Гвардейская и 7-я танковые дивизии. По мере расширения пространства в районе Каньи/Cagny, 11-я Танковая должна была повернуть на юго-запад, Гвардейская Танковая — выйти слева от них и повернуть на юго-восток в сторону Вимона/Vimont, а когда позволит место, 7-я Танковая обеспечила бы центральный удар этого трезубца, наступая на юг. Для 11-й Танковой скорость была важна, чтобы следующие за ней дивизии могли как можно быстрее выйти в одну линию. Чтобы помочь первоначальному продвижению, атаке должен была предшествовать мощная артиллерийская и воздушная бомбардировка.

При начальной ширине [сектора атаки] всего 2 000 метров места в нем было достаточно только для одного ведущего танкового полка. Эта «привилегия» была дана 3-му КТП, при этом Эскадрон *A* шел впереди справа, а Эскадрон *B* Джока Балхарри (Jock Balharrie) — слева. После пересечения железной дороги Кан – Труарн/Trouarn местность начинала расширяться, 2-й Файфский и Форфарский Йоменский Полк должен был выйти слева от 3-го КТП, и наступление 29-й Танковой Бригады продолжилось бы фронтом в два полка на юго-запад, по направлению к их целям — деревням, расположенным вдоль гряды Бургебю/Burguebus.

Основываясь на нарисованной разведкой картине, ожидания успеха были высоки. Однако разведка заставила атакующих поверить, что немецкая оборона имеет глубину всего около пяти миль и состоит в основном из пехоты, истощенной после шести недель непрерывных боев. Считалось, что в радиусе десяти миль немецких танков, скорее всего, нет. Необъяснимым образом разведка упустила тот факт, что оборона на самом деле имела глубину десять миль, с полком танков *Pz. IV* и *Тигр* на восточном фланге, батальоном из пятидесяти самоходных противотанковых орудий в центре и линией из сорока четырех 88-мм противотанковых пушек вдоль господствующей высоты гряды Бургебю. Все они могли подбить *Шерман* с дистанции 2 000 ярдов, в то время как 75-мм

пушка *Шермана*, эффективная на расстоянии не более 1 200 ярдов, не могла пробить броню *Тигра*.

Операция *Goodwood* была начата 18 июля, и, хотя 11-й Танковой Дивизии удалось достичь склонов гряды Бургебю к позднему утру, все попытки взять ключевые деревни Бра/Bras, Юбер Фоли/Hubert-Folie и Бургебю провалились. Следуя вплотную за ними, Гвардейская Танковая повернула налево и встретила сильное сопротивление *панцеров*. Транспортная пробка не позволила 7-й Танковой Дивизии занять позиции на одной линии между двумя другими дивизиями. К вечеру 7-й Корпус был прочно остановлен, не дойдя до намеченных рубежей. В ночь с 18 на 19 июля немцы перебросили вперед свои танковые дивизии.

К концу сражения 8-й Корпус потерял более 400 танков, но успешная атака на Бра силами немногих оставшихся боевых машин 3-го КТП и пехотинцев 8-го Батальона Стрелковой Бригады днем 19 июля стала критическим событием, обеспечившим занятие первого плацдарма на гряде Бургебю. В тактическом плане операция *Goodwood* была в некотором роде разочарованием, так как британцам не удалось продвинуться так далеко, как на это рассчитывали. Но к концу сражения им противостояли уже шесть с половиной танковых дивизий, около 650 *панцеров*, что позволило американцам на западе начать свой прорыв всего против полутора танковых дивизий, имевших лишь 150 машин. Стратегически *Goodwood* был значительным успехом.

Высота *112*, где прошел наш первый бой в Нормандии, оказала весьма отрезвляющее воздействие на батальон. Мы получили довольно болезненный щелчок по носу в этом сражении, потеряв ряд наших людей и танков, но был и положительный момент: новые экипажи получили ценный опыт. После нескольких дней отдыха все экипажи были в хорошем расположении духа, и мы чувствовали, что готовы к следующей задаче. Мы приняли участие в небольшой операции по поддержке 32-й Гвардейской Бригады в неудавшейся атаке на позиции немцев на аэродроме Карпике/Carpique. Она была прекращена через сорок восемь часов, и мы вернулись в дивизию, в зону временного отдыха в садах вокруг деревни Ранвиль/Ranville, чуть западнее реки Орн.

Около 10 июля на совещании у полковника Силвертопа нас предупредили, чтобы мы готовились к крупной операции. Танковым экипажам следовало отдыхать как можно больше, так как предварительная часть операции могла повлечь за собой два ночных марша. Мы узнали, что дивизия должна возглавить танковую атаку через Орн, в которой также примут участие две другие танковые дивизии: 11-я пойдет первой, за ней Гвардейская, а затем 7-я. Из-за малого размера плацдарма на другом берегу реки Орн танковые дивизии должны были переправляться по очереди, и для соблюдения максимальной секретности подходы должны были осуществляться ночью — не самый идеальный способ подготовки к крупному сражению. Даже тогда, к началу операции, переправу через Орн могла осуществить только передовая дивизия, а танковую бригаду нельзя было переправлять через реку до самой ночи перед началом наступления.

На совещании у моего командира полка я узнал, что 3-й КТП возглавит атаку: мой Эскадрон *A* пойдет справа, Эскадрон *B* — слева, а Эскадрон *C* останется в резерве. Другие детали, которые мы узнали, заключались в том, что операции будет предшествовать массированная воздушная бомбардировка силами британской и американской авиации, за которой последует создание огневого вала, после чего в наступление пойдут танки.

Когда я инструктировал экипажи своего эскадрона, последовало немало едких комментариев от некоторых старожилов с напоминаниями о последнем случае, когда

батальон принимал участие в «балаклавской» атаке близ Марета, в пустыне. Единственным моим комментарием для утешения был факт, что мы будем впереди, а это, возможно, лучшее место из всех. Не думаю, что это было воспринято с особым восторгом.

Как и ожидалось, наши ночное продвижение оказались кошмаром: мы двигались впритык друг к другу по пыльным извилистым тропам, командиры экипажей затуманенными глазами всматривались в темноту из своих башен, стараясь не отстать от идущего впереди танка. Я предупредил своих командиров о тяжелых последствиях, если кто-то задремлет до того, как мы достигнем первого района сосредоточения. Однако это первое перемещение в ночь с 16 на 17 июля было совершено без особых происшествий, и мы прибыли в район к западу от Орна около часа ночи.

Нам было приказано затаиться на день, замаскировать танки и отдыхать как можно больше. Тем не менее, орудия и приборы в танках пришлось чистить, чтобы удалить толстый слой пыли, покрывший всё после ночного марша. Мы смогли приготовить еду на наших маленьких плитках, хотя разводить костры было запрещено, и любое движение в районе лагеря должно было быть сведено к минимуму. В течение дня мы нам впервые доставили почту, газеты и пиво с момента высадки в Нормандии. Мы сочли пиво приятным избавлением от огромного количества сидра и кальвадоса, которые все поглощали, нанося, я уверен, неисчислимый вред своему организму. В 4 часа дня я присутствовал на совещании у полковника Силвертопа, чтобы узнать порядок атаки и изучить несколько превосходных фотографий всех деревень и вражеских позиций на пути нашего продвижения. Хотя мы полагали, что местность, по которой нам предстояло наступать, кажется подходящей для танков, и были рады покинуть *бокаж*, она также оказалась вполне подходящей для уничтожения танков.

В ночь с 17 на 18 июля мы совершили второй переход, начав около 10 вечера, снова впритык друг к другу, напоминая цирк, въезжающий в город. Пыль снова была ужасной, и я был рад, что решил идти первым на своем танке. После нескольких тревожных моментов, когда отдельные танки сбивались с размеченных лентами путей, мы в конечном итоге пересекли Орн и вошли в наш финальный район сосредоточения прямо за стартовым рубежом атаки около часа ночи. Весь район был завален разбитыми планерами 6-й Воздушно-Десантной Дивизии, захватившей плацдарм в *День Д*. Нам также сообщили, довольно поздно, что прямо перед нашим исходным рубежом одно из наших собственных минных полей было расчищено только прошлой ночью, и в нем было проделано четыре прохода.

После того, как экипажи получили приказ готовить танки к бою и по возможности заварить чай, Ноэл Белл (Noel Bell), командующий Ротой *G* 8-го Батальона Стрелковой Бригады, и я прошли к минному полю, чтобы разглядеть размеченные лентами проходы, которые, как мы надеялись, будут хорошо обозначены. Проблем, казалось, не было — входы в минное поле охранялись безупречно одетыми сержантами военной полиции, носившим белые ремни и гетры. Я не думал, что у нас возникнут трудности с прохождением через минное поле, но я все же немного опасался того, как мы будем выглядеть на рассвете, выстроившись на виду у врага. У нас был приказ строиться в три волны: первая волна — эскадроны *A* и *B*; вторая волна — штаб полка, разведывательный взвод, взвод бронетранспортеров, взвод танков с противоминными тралами, полувзвод инженерных танков, третья волна — резервный эскадрон, моторизованная рота, 13-й Полк Королевской Конной Артиллерии.

По возвращении в эскадрон я обнаружил, что мой экипаж сумел заварить чай и они пытались прилечь на время. Начало атаки должно было быть ранним, рассвет наступал

около 04.30 утра. Незадолго до рассвета мы медленно двинулись к минному полю впритык друг к другу, а вплотную за нами следовал взвод бронетранспортеров Роты *G* под командованием Дэвида Стайлмэна (David Stileman). Как и ожидалось, у нас не возникло трудностей с продвижением по размеченным лентами проходам, хотя один из бронетранспортеров всё же сбился с пути и потерял гусеницу на мине.

Действительно, когда рассвело, и мы выстроились на исходном рубеже, мои опасения подтвердились: целая полковая группа, сосредоточенная на столь малом пространстве, должна была представлять значимую цель для врага. Как ни странно, в это время противник так и не открыл по нам огонь, и мы занялись последними приготовлениями к бою. Осталась минута. Под темным небом в клубах пыли *Шерманы* ждали с работающими двигателями и трещащими рациями. Из-за близости танков друг к другу, находившимися друг от друга всего в нескольких ярдах, радистам было трудно настроить свои станции. Позже это вызвало некоторые проблемы в управлении боем.

Мы сидели на своих танках примерно с 05.45 утра, наблюдая за армадой самолетов, которые обрушили бомбы на находившуюся перед нами местность. Все деревни были буквально засыпаны тяжелыми бомбами, повсюду гремели мощнейшие взрывы, которые мы от души приветствовали. Мы думали, что ничто не сможет выжить после такого авиаудара, но как же мы ошибались. Несколько фигур стояли рядом, наслаждаясь последней сигаретой — им следовало бы быть в танках! Ровно в 07.45 утра открыла огонь артиллерия: около 200 орудий повели огонь по сектору фронта протяженностью 2 000 ярдов прямо перед нашими машинами, в то время как другие концентрировались на целях в глубине. *Pppp*, вспышка, бах! *Pppp*, вспышка, бах! Одна из наших батарей положила залп прямо среди нас, и какая-то фигура бросилась к моему танку: «Это мистер Пеллс (Pells), сэр, он готов!» Филипа Пеллса, командира 3-го Взвода, зацепило, когда он находился вне танка. Я велел его сержанту взвода Фредди Дейлу (Freddy Dale) принять командование. Он был опытным сержантом и вполне способен справиться. Было еще несколько потерь, включая Питера Бэрра (Peter Burr), командира Эскадрона *C*, который погиб.

К тому времени, когда мы разобрались с нашими потерями, огневой вал начал смещаться вперед. У нас был приказ стараться оставаться в 100 ярдах позади него, но мы тронулись вперед в некотором беспорядке. Напрягая глаза из открытой башни, я находил утешение в том, что остальная часть 2-й Армии находится прямо за нами, а если и нет, то должна бы. Примерно в 100 ярдах впереди во мгле взлетали гейзеры земли, канонада грохотала дальше, разбрасывая комья грязи на своем пути.

Хаос начался в 05.45 утра, когда сотни бомбардировщиков сбросили свой груз. Тем утром в этом поучаствовали все: Королевские ВВС, янки, флот (мониторы у Арроманша/Arromanches открыли огонь из своих пятнадцатидюймовых орудий). Артиллерия должна была поставить финальную точку в этом общем хаосе. Мы неслись сквозь кипящие облака пыли и гари, тридцать восемь *Шерманов*, делающих всё возможное, чтобы не отстать от катящейся огневой завесы. Я смутно видел танки по обе стороны от себя, медленно выбирающие путь среди всё увеличивающегося числа всё более крупных воронок от бомб. Я лишь надеялся, что Эскадрон *B* слева от меня тоже не отстает. Так как Питер Берр выбыл в самом начале, теперь всё зависело от Джока Балхарри, командира Эскадрона *B*, и меня. Я вел людей вперед.

Ошеломленные и потрясенные люди поднимались из нескошенной пшеницы и пытались сдаться передовым танкам. Когда я махал им рукой в тыл, они брели прочь, закрыв уши руками. Другие немцы сидели в своих лисьих норах, тупо глядя на нас, совершенно деморализованные, когда мы проезжали мимо. Наша пехота соберет их,

или мы на это надеялись. И действительно, мы видели, как бронетранспортеры Дэвида Стайлмэна собирают их и конвоируют в тыл.

По мере того как мы медленно продвигались вперед (двигатели выли, когда водители переключались на пониженную передачу, чтобы объехать еще дымящиеся воронки от бомб и снарядов), канонада уходила всё дальше. Теперь мы могли немного развернуться, видимость стала чуть лучше, и мой эскадрон шел более или менее в линию, охватывая сектор фронта протяженностью около 600 ярдов. Я дал инструкции командиру 1-го Взвода Джонни Лэнгдону: «*Sugar One*, забирай вправо. Противотанковые пушки ведут огонь из района сада; используй свои пулеметы, чтобы заставить их пригнуть головы.» Я хотел немного сбавить ход и разобраться с ними как следует, но, имея инструкции от командира полка прорываться вперед, мы могли только *полить их свинцом*. Впереди лежала железная дорога Кан-Труарн. Там была небольшая насыпь, но я не думал, что она вызовет проблемы у танков. Так и вышло: танки прошли без труда, хотя, когда я сам приблизился к ней, я предвидел трудности для небронированных машин тыловых эшелонов и вызвал инженерные танки, чтобы они проделали проходы в насыпи.

Мы знали, что огневой вал должен остановиться на линии железной дороги, но прежде чем мы успели построиться в каком-то порядке, он сдвинулся, и мы пустились вдогонку. Когда мы поднимались по пологому склону к деревне Ле Мениль–Фрементель / Le Mesnil-Frementel, мимо начали свистеть одиночные бронебойные болванки — очевидно, первые признаки организованного сопротивления. Внезапно *Шерман* слева от меня остановился, изрыгая дым. Немедленно все танки развернули свои пушки в сторону деревенских домов, откуда был произведен выстрел. Я видел значительную активность среди деревьев в саду и вспышки противотанковых пушек вдоль линии живых изгородей вокруг сада. Еще два танка из разведывательного взвода были подбиты, прежде чем сосредоточенный огонь *Шерманов* быстро расправился с обстрелявшими нас, уничтожив три или четыре пушки вместе с расчетами. Я видел, что в Эскадроне *B* слева от меня также были подбиты два танка, они яростно полыхали. Люки распахнулись. Темные фигуры катались по земле. Загорелась пшеница. К этому времени второй полк бригады, 2-й Файфский и Форфарский Йоменский Полк, выдвинулся слева от нас, и их резервный эскадрон также попал под плотный противотанковый огонь из деревни Каньи. Он потерял практически все свои танки в считанные мгновения.

Мне было в недвусмысленных выражениях велено поторапливаться, обойти Ле Мениль–Фрементель и наступать на следующую деревню, Грентвиль/Grentheville, находящуюся примерно в 1 500 ярдах прямо передо мной. Я с некоторой неохотой подставлял фланги своих танков явно хорошо защищенной деревне, но отдал приказ своим взводам вести огонь в движении, пока мы проходим западнее деревни. Теперь было ясно, что, хотя широкая полоса местности была опустошена [бомбардировками] — повсюду были расщепленные деревья и мертвые коровы — противник занимал оборону на гораздо большей глубине от передовой, чем нам говорили об этом. Впереди лежало больше деревень и неповрежденных лесов, больше 88-мм и 75-мм пушек (как буксируемых, так и самоходных), и, насколько мы знали, там могли притаиться *Тигры* и *Пантеры*. Также было более чем очевидно, что ошеломленный и потрясенный враг приходит в себя. Ранее мы слышали разговоры о том, что это «хорошая танковая местность» — почти лишенная укрытий — прогулка на скачках! Теперь шансы не выглядели столь многообещающими. Жокеи и их кони выбывали из гонки с пугающей скоростью. Было всего десять часов утра. Помоги бог «моему мальчику Вилли».

Пока что у Эскадрона *A* все складывалось хорошо, потеряна была всего одна машина, но когда мы приблизились к Грентвилю, я увидел расчеты противотанковых пушек, лихорадочно разворачивающие их в нашу сторону. Над головой завыли мины *небельверферов*, в пшеничных полях перед деревней было около двадцати или тридцати орудийных позиций. Я приказал всем танкам окатывать их свинцом из пулеметов или просто давить гусеницами. Бам! *Шерман* прямо рядом со мной охватило пламя, и еще два загорелись через несколько минут. Люки распахнулись, и еще больше танкистов посыпались наружу, катаясь в пшенице. Эскадрон *B* слева от меня также нес пугающее количество потерь. Было слишком очевидно, что нам нужно найти какое-то укрытие от огня и навести артиллерию на деревню. Справа от меня, с севера на юг, шла железная дорога Кан-Бургебю. У неё была крутая насыпь, и я велел своим командирам взводов пристроиться вдоль насыпи и вести как можно более плотный огонь по северному краю деревни.

Джонни Лэнгдон и Бак Кайт потеряли по два танка в своих взводах, но сумели укрыться у насыпи рядом с моим танком. Бак начал обстреливать вражеские противотанковые пушки из своего семнадцатифунтового орудия и очень быстро сумел уничтожить две. Вскоре после этого он доложил, что подбил и сжег две самоходные артиллерийские установки. Это были крупные машины с 88-мм или 105-мм пушкой на борту.

С самого начала атаки со мной был наводчик из 13-го Полка Королевской Конной Артиллерии, выполнявший функции передового наблюдателя (ПН) — на танке *Милашка* со срезанной крышей башни. Я подозвал его к себе: «Послушай, ПН, ради всего святого, наведи артиллерию на деревню как можно быстрее». Это была первая возможность ввести в бой нашу артиллерию. Через считанные минуты двадцатипятифунтовки открыли огонь с отличным результатом, и жизнь стала чуть более сносной.

Полковник Силвертоп вышел в эфир: «Билл, выведи свой эскадрон на западную сторону насыпи.» Было два способа сделать это: либо переползти через насыпь, либо воспользоваться проемами, где [автомобильная] дорога и железная дорога Кан-Вимон проходили под насыпью. Я выбрал последний вариант и велел своим двум ведущим взводам двигаться под мост. Никто не сдвинулся с места, поэтому я встал в своем танке, помахал беретом над головой и сказал по радио: «Делай как я!» Когда я пролетел под насыпью, словно крыса по сточной трубе, у меня мелькнула внезапная мысль: «Боже, надеюсь, там нет мин». Всё обошлось, и я вынырнул на западной стороне на совершенно мирно выглядевшую местность. Два оставшихся эскадрона обеспечивали прикрытие, пока остальные машины моего эскадрона проходили в проем и присоединялся ко мне. В конечном итоге вся полковая группа прошла через него и развернулась на западной стороне насыпи. Мы понесли значительные потери: семь танков были подбиты в моем эскадроне и столько же в эскадронах *B* и *C*. Я потерял еще одного командира взвода, Билла Йейтса, поэтому другому взводному сержанту, Мейсону, пришлось принять временное командование взводом.

Было около 11 утра, и наши цели — деревни Юбер-Фоли и Бра на гряде Бургебю — лежали перед нами; при наблюдении в бинокль могло показаться, что они не заняты противником. И снова мы оказались неправы. Я сместился со своим эскадроном на правый фланг, не доходя до территории фабрики *Cormelles*, которая, насколько я знал, всё еще удерживалась противником. Джонни Лэнгдон доложил, что вражеский танк, вероятно *Pz. IV*, выкатывается из заводских зданий. Взвод быстро с ним расправился.

Батальон теперь шел более или менее в линию по довольно открытой местности с очень малым количеством укрытий, вся территория представляла собой массу колышущейся золотистой пшеницы, которая была так высока, что бронетранспортеры взвода Дэвида

Стайлмэна были едва видны, только сам командир возвышался над ней. Мы медленно поднимались по склону к нашим целям — деревням на гряде, время от времени останавливаясь, чтобы осмотреться, глядя в бинокли. По-прежнему никаких признаков врага. Когда мы были примерно в 500 ярдах от двух деревень, разверзся настоящий ад, и мы попали под интенсивный огонь со всех сторон: из Бра и Юбер-Фоли, даже из-за железнодорожной насыпи и из Бургебю. Немедленно танки во всех трех эскадронах были подбиты, они горели, танкисты вываливались наружу, и вокруг них пылала пшеница. В считанные мгновения мирно выглядящая местность превратилась в то, что могло бы быть представлением художника о поле битвы. Только это не было представлением художника — это было наяву. Экипажи горящих танков выбирались и в агонии катались по земле. Танкисты уносили своих более тяжело раненных товарищей подальше от пылающих машин. Полугусеничные машины и бронетранспортеры Стрелковой Бригады подъезжали к танкам и помогали вытаскивать танкистов там, где это было хоть как-то возможно. Бах! Крах! Мой собственный танк был подбит, и снизу донесся громоподобный крик: «Выбирайтесь из машины, сэр!» Меня не нужно было просить дважды, и мой экипаж присоединился ко мне. Никто не пострадал, и танк не загорелся, поэтому я махнул им рукой возвращаться к району насыпи, где командир полка развернул свой штаб. Я бросился к одному из своих штабных танков и был весьма расстроен, обнаружив, что он также подбит, а экипаж уже покинул его. Танк капрала моего взвода был всё еще в строю, поэтому, выставив его командира, я продолжил командование тем, что осталось от моего эскадрона, с этого танка. Эскадроны *B* и *C* также сильно пострадали, потеряв более половины своих танков. Теперь не было сомнений, что деревни на холме прочно удерживаются противником!

По-прежнему было важно попытаться войти в деревни, и я получил приказ отдельным танкам найти любое возможное укрытие и вести огонь по их передним окраинам. Мой верный передовой наблюдатель был всё еще рядом со мной, поэтому я подозвал его и велел как можно быстрее навести артиллерию на обе деревни. Вместе с двумя танками Бака Кайта мне удалось найти небольшое понижение в земле с несколькими деревцами и кустарником, что давало хотя бы визуальное укрытие. Нам удалось занять позиции, когда над землей были видны только башни, и мы принялись обстреливать вражеские противотанковые пушки в обеих деревнях. Мы также видели, что на хребте было несколько вражеских танков, вероятно *Пантеры*. Я приказал Баку Кайту обойти Бра справа, взяв с собой свой *Шерман* с семнадцатифунтовой пушкой— один из немногих, еще остававшихся в строю. Маневр удался, и он сумел уничтожить две *Пантеры*, пытавшиеся обойти нас с фланга с запада. Мой собственный наводчик Тодд (Todd) также добился успеха и сумел уничтожить пару противотанковых пушек на обращенной в нашу сторону окраине деревни Бра. Я всё еще был озабочен тем, как выбраться на гряду, и велел Джонни Лэнгдону попытаться продвинуться между двумя деревнями. Ему удалось это сделать, и он достиг соединяющей их дороги, но оба его танка были подбиты. Джонни и его экипаж покинули танк невредимыми, и он смог занять танк капрала своего взвода Киллина (Killin).

Эскадроны *B* и *C* также вели тяжелый бой, пытаясь продвинуться вперед, но постоянно теряли танки. Было слишком очевидно, что мы не сможем наступать без дальнейших потерь. Поняв это, командир полка приказал нам отойти на более закрытые позиции, продолжая обстреливать все видимые цели. У нас также заканчивались боеприпасы и бензин. Паре грузовиков снабжения удалось прорваться вперед, и танки смогли по одному отходить назад для заправки и пополнения боезапаса.

Штаб полка внизу у насыпи подвергался довольно сильному артиллерийскому обстрелу, и только когда один из сержантов Стрелковой Бригады, идя вдоль насыпи, обнаружил

немецкого наблюдателя, хорошо зарывшегося в склон железной дороги (с которым он быстро расправился), стало чуть тише. Остаток дня мы провели на этих довольно невыгодных позициях, не имея возможности продвинуться вперед. Прямо перед наступлением темноты четыре танка *Пантера* начали наступление через хребет на наши позиции. Две были быстро уничтожены, что заставило остальные две отступить обратно к Бургебю. Так закончился этот довольно изматывающий и разочаровывающий день: мы были так близко и всё же так далеко от наших целей. Мы встали лагерем у карьера рядом с насыпью. Ночью был небольшой артобстрел, и один или два вражеских бомбардировщика пролетали над районом. Это сделало эти несколько часов беспокойными, с малым шансом на сон. В течение ночи подошли сменные танки и экипажи; большинство танкистов покинули свои машины в этот первый день. Я был рад, что Джонни Лэнгдон всё еще со мной, так как большинство других моих офицеров выбыли в течение дня. Танк Бернарда Хэммилла (Bernard Hamill), моего заместителя, также был подбит ранее в этот день, и сам он был тяжело ранен. Однако с дополнительными сменными танками и экипажами батальон смог реорганизоваться в три эскадрона по десять танков в каждом. Танк командира Эскадрона *B* Джок Балхарри также был подбит, сам он был легко ранен, но присоединился к нам позже. Мне всё же повезло: два моих опытных сержанта взводов, Бак Кайт и Фредди Дейл, были живы и здоровы, хотя не думаю, что кто-то из нас ждал следующего дня с большим энтузиазмом. Гряда Бургебю с ее прочно удерживаемыми деревнями отпугивала наши поредевшие силы.

Операция *Goodwood*: часть II

После довольно беспокойной ночи, когда почти не было возможности прилечь, я подошел к танку полковника Дэвида Силвертопа около 04.30 утра, как раз перед рассветом, чтобы получить приказы на день. В них мало что изменилось: наши цели остались прежними — Юбер-Фоли и Бра на гряде. Некоторым утешением послужила информация о том, что по крайней мере два полка артиллерии среднего калибра сумели выдвинуться вперед и могут быть доступны для поддержки наших атак. Также наша пехотная бригада теперь могла выдвинуться вперед после своих довольно неудачных попыток подавить сопротивление противника в оставшихся позади деревнях Кювервиль/Culverville и Демовиль/Demoville.

Когда мы выступили из лагеря, мои приказы командирам танков были краткими, но по существу: «Мы должны пробиться в деревни на гряде». «Постарайтесь не ввязываться [в затяжной бой]», — иронично добавил командир полка. Когда мы двинулись к Бра, я увидел, что между деревнями и к западу от Бра появилось еще больше вражеских танков на отличных позициях *башня над землей*. Я снова взял три танка Бака Кайта с собой на правый фланг и попытался обойти западную окраину деревни. Мы подошли примерно на 400 ярдов к первым домам, когда нас снова накрыл шквальный противотанковый огонь — из деревни, от *Пантер*, а также из деревни Иф на западе. Сразу два танка Бака были подбиты, и я видел, что несколько других танков из эскадронов *B* и *C* также получили попадания и горели.

Я также поручил взводу Джонни Лэнгдона попытаться прорваться между двумя деревнями. Он снова доблестно повел свои танки через дорогу, соединяющую деревни, уничтожив по пути две *Пантеры*, прежде чем снова потерял два своих танка, включая собственный. Я видел, как несколько человек из его экипажа пробирались назад через пшеницу, неся на себе своих более тяжело раненных товарищей. Я приказал отойти под какое-нибудь прикрытие и, вызвав своего артиллерийского наблюдателя, велел ему как можно скорее навести артиллерию на обе деревни. Эскадроны *B* и *C* также были в

трудном положении и отходили к линии железнодорожной насыпи, которая давала некоторую защиту. Мне удалось пристроиться вместе с семнадцатифунтовым *Шерманом* Бака Кайта в ложбине примерно в 500 ярдах от северной окраины Бра, откуда мы смогли вести бой с *Пантерами*, пытавшимися обойти нас с фланга. Две *Пантеры* были быстро уничтожены семнадцатифунтовкой Бака. Мой наводчик также проделал отличную работу, записав на наш счет две самоходки, которые обстреливали нас с западной окраины Бра.

Мы снова были полностью прижаты к земле чрезвычайно точным противотанковым огнем со всех направлений. Было очевидно, что обе деревни прочно удерживаются, а присутствие новых танков на хребте делало наше положение безнадежным. Я доложил об этом полковнику Дэвиду, который приказал нам сидеть тихо и стараться сдерживать вражеские танки. Тем временем он попытается вызвать авиаудар Королевских ВВС по гряде. Мы знали, что где-то над нами дежурит группа истребителей-бомбардировщиков *Тайфун/Typhoon*, но, мы потеряли нашего офицера связи с ВВС в начале боя, и они оказались не столь эффективны, как мы надеялись.

Я вызвал своего артиллерийского наблюдателя и велел ему как можно скорее накрыть обе деревни артогнем. Ему удалось это сделать, и стало немного тише. Вскоре после этого несколько штурмовиков спикировали и атаковали *Пантеры* прямо перед нами, уничтожив две, после чего остальные отошли за гряду. Мы оставались на этих довольно бесперспективных позициях, так как при любой попытке двинуться вперед мы теряли очередной танк. У меня осталось всего пять танков, включая мой собственный; эскадроны *B* и *C* были примерно в таком же состоянии. День тянулся медленно. В танке было невыносимо жарко, и я немного беспокоился, что у нас заканчиваются и боеприпасы, и горючее.

Около 15.00 меня вызвали назад в штаб полка для получения новых приказов. Когда я двигался назад к насыпи, несколько самолетов пронеслись вдоль линии железной дороги. Это были первые [немецкие самолеты], которые мы увидели. Они на несколько мгновений сделали жизнь очень неуютной, прежде чем улететь на юг. На совещании у полковника нам сказали, что будет предпринята согласованная атака на Бра и Юбер-Фоли. В 16.00 Нортгемптонширский Йоменский Полк и наш разведывательный полк должны был атаковать Бра вместе с ротами *H* и *F* 8-го Батальона Стрелковой Бригады, при этом 3-й КТП должен был оказать посильную помощь. Была обещана мощная артиллерийская поддержка с постановкой дымовых завес на флангах.

Мне следовало связаться с командиром Нортгемптонширского Полка и сообщить ему данные об опорных пунктах противника, в частности о немецких 88-миллиметровах на западе. Когда они проходили через наши позиции, я подбежал к танку их командира и сказал: «Ради бога, не забирайте слишком далеко на запад, иначе попадете под огонь 88-х из Ифа!». Я указал, где еще дымятся несколько моих сгоревших танков, и предположил, что он прислушается к моему предупреждению. Однако, по непонятной причине, его танки двинулись на запад, пытаясь обойти деревню с фланга. Считанные мгновения — и около двадцати танков полка были подбиты, большинство из них загорелись. Остальные в некотором замешательстве отошли через мои позиции. Внизу у насыпи полковник Силвертоп видел всё это и отдал приказ, чтобы теперь атаку поддержал 3-й КТП. Артиллерия накрыла деревни, на обоих флангах были поставлены дымовые завесы, обеспечившие отличное прикрытие, и мы смогли наступать более или менее в одну линию с ротами Стрелковой Бригады. Когда я выдвигался из своего укрытия, танк со страшным грохотом содрогнулся и, лязгнув, замер. Я покинул машину вместе с радистом и наводчиком (все остались целы) и осмотрел танк. 88-мм снаряд

прошел насквозь через переднюю часть танка, убив водителя и его помощника на месте. Я велел двум уцелевшим танкистам пробираться назад к насыпи, а сам бросился к ближайшему танку под командованием сержанта Фредди Дейла. Он весьма неохотно вылез, и я принял командование его танком. Наконец-то мы смогли двигаться нормально и оказывать хорошую огневую поддержку пехоте, входившей в деревню. Из района Ифа/Ifs на западе всё еще вели сильный огонь 88-миллиметровки, поэтому я отвел три своих оставшихся танка к западной окраине деревни, чтобы предотвратить любой прорыв противника с этого направления.

Мы отлично постреляли по убегающим немцам, а также уничтожили еще две *Пантеры*, которые пытались войти в деревню с запада. Эскадроны *B* и *C*, также поредевшие и имевшие по два-три танка каждый, вошли в деревню одновременно с нами. Мы крушили стены домов, из которых выходили перепуганные немцы с поднятыми руками. Противотанковые пушки уничтожались прямой наводкой, и примерно через час деревня была зачищена. Около 300 панцергренадеров были убиты, ранены или взяты в плен во время атаки, было уничтожено более двадцати противотанковых пушек различных калибров. Позже в истории дивизии было сказано, что это была образцовая совместная атака танков и пехоты.

Около 19.00, когда роты *H* и *F* прочно закрепились в деревне, полковник прибыл со своим штабом и собрал оставшиеся танки 3-го КТП на западной окраине Бра. Мы проводили совещание, когда снаряд упал прямо в центр группы. Офицер разведывательного взвода Морис Томпсон (Maurice Thompson) был убит вместе с двумя другими танкистами.

В тот вечер у нас оставалась еще одна задача. Наша верная Рота *G* Стрелковой Бригады должна была атаковать вторую деревню, Юбер-Фоли, при поддержке эскадрона Файфского и Форфарского Йоменского Полка, а 3-й КТП должен был оказать посильную поддержку из Бра. Нам удалось это сделать, и примерно через час деревня была взята без больших потерь с нашей стороны. Снова было захвачено несколько пленных вместе с несколькими исправными противотанковыми пушками и их расчетами.

Так закончилась операция *Goodwood* для 3-го КТП. Это была тяжелая битва с двумя днями напряженных боев. Батальон потерял более шестидесяти танков и понес большие потери в личном составе. В моем собственном эскадроне я потерял семнадцать танков из штатных девятнадцати, причем более половины не подлежали восстановлению. Все мои офицеры, кроме Джонни Лэнгдона, выбыли из строя, и только один сержант взвода, Бак Кайт, оставался со мной до конца. Практически каждый человек в эскадроне покидал подбитый танк хотя бы раз. Батальон был выведен на отдых и переформирование, и о стойкости оставшихся экипажей говорит тот факт, что через десять дней мы восстановили численность людей и танков и были готовы к следующей операции.

Во время боя нет времени для сантиментов, нет времени оплакивать потери или погибших членов экипажа, которых знал в бою, но позже, во время отдыха, когда пишутся письма домой женам и любимым, всё это осознается очень остро, и утрата старых друзей чувствуется глубже. Операция *Goodwood* была тяжелым испытанием для 3-го КТП, и даже некоторые ветераны почувствовали нервное напряжение. Во время наших нескольких дней отдыха и реорганизации три довольно немолодых сержанта, которые были с полком еще со времен боев в пустыне, явились и попросили освободить их от службы в танках. Это была необычная просьба от опытных сержантов взводов, но наступает момент, когда мужество и стойкость человека могут иссякнуть. На этот раз,

после нескольких дней относительного покоя в тылу, двое из троих вернулись в строй и служили в танках до конца войны.

Через несколько дней мы снова переправились через реку Орн и начали подготовку к тому, что, как мы думали, станет прорывом с плацдарма — операции *Bluecote*.

Назад в *бокаж*: операция *Bluecoat*

25 июля американская 1-я Армия генерала Брэдли начала прорыв на западе с исходного рубежа, идущего вдоль дороги St Lo – Periers. Первые сорок восемь часов наступление шло медленно, но, столкнувшись с более слабой и менее глубокой обороной, чем та, что противостояла нам в ходе операции *Goodwood*, прорыв, когда он наконец случился, был внезапным и драматичным. 3-я Армия генерала Паттона (George Patton) была быстро введена в действие, и этот яркий и динамичный лидер быстро повел свои войска вперед, глубоко проникнув сквозь немецкую оборону на юг к Авраншу, прежде чем повернуть на восток, чтобы загнать большую часть немецкой армии в ловушку, которую в середине августа назовут *Фалезским котлом*.

После операции *Goodwood* 11-я Танковая Дивизия была выведена с передовой, чтобы зализать раны, заменить танки и экипажи и начать подготовку к следующей атаке — операции *Bluecoat*. Начав наступление 29 июля, 11-я Дивизия должна была продвигаться на юг от Комона через пересеченную густой сетью живых изгородей местность в сторону Сен-Мартен-де-Безас/St. Martin des Besaces, Ле-Бени-Бокаж/Le Beny Bocage и Вира/Vire. Находясь на крайнем западном фланге 2-й Британской Армии и тесно взаимодействуя с американцами справа, 11-я Дивизия сыграла важную роль в сдерживании немцев внутри постоянно сжимающегося Фалезского котла.

На высшем уровне во время наших нескольких дней отдыха и реорганизации было решено, что бригады внутри дивизии также могут быть реорганизованы. В свете итогов операции *Goodwood*, в ходе которой бронетехника действовала без серьезной поддержки пехоты, что привело к потерям танков, атакованных из незачищенных деревень, было решено, что в будущем пехотный батальон будет перемещаться вместе с танковым полком — фактически, пехота будет ехать прямо на броне танков — и что любой танковый полк должен быть готов работать с любым пехотным батальоном. Это изменение в методах ведения операций было внедрено немедленно и в наших последующих действиях, вплоть до самой Балтики, доказало свою чрезвычайную эффективность.

29 июля мы двинулись по перегруженным транспортом тыловым дорогам 2-й Армии вместе с остальной частью 11-й Танковой Дивизии обратно в этот пугающий край живых изгородей - *бокаж*. На совещании у командира полка мы узнали, что будем действовать непосредственно на фланге американцев.

Наши цели - деревни Ле-Бени-Бокаж и Сен-Мартен-де-Безас находились на изобиловавшем живыми изгородями местности. Мой второй капитан Нил Кент (Neil Kent), который оставался в резерве во время операции *Goodwood*, вернулся в эскадрон, Джонни Лэнгдон по-прежнему командовал 1-м Взводом. Я поручил Нилу принять 2-й Взвод, а Баку Кайту и Фредди Дейлу, как взводным сержантам, сохранить командование 3-м и 4-м взводами.

Наше продвижение через *бокаж* было медленным: все командиры танков очень опасались немецкой пехоты, затаившейся за высокими изгородями и валами - это была идеальная местность для засад гранатометчиков. Я получил приказ от полковника двигаться на Сен-Мартен-де-Безас. На броне наших танков сидели пехотинцы из

Шропширского Полка. Часть пути мы проделали в первую же ночь. Впереди шли взводы Нила Кента и Бака Кайта. Стояла кромешная тьма, и их стоило поздравить с тем, что они нашли дорогу почти до самой железнодорожной линии к северу от деревни. Два взвода заняли позицию во фруктовом саду рядом с небольшой фермой. Пехота окопалась в пшеничном поле перед садом в ожидании рассвета. Я с остальной частью эскадрона находился примерно в полумиле от них, и остальные *Шропширцы* окапывались вокруг меня.

На рассвете мы заняли места в танках в боевой готовности. Казалось, вокруг стояла тишина, и я приказал экипажам заварить чай. Я вызвал Нила Кента, чтобы обсудить наше выдвижение к деревне, и он как раз прибыл, пока мы завтракали. Около 09.30 утра мы все находились вне танков, когда вокруг засвистели снаряды и пули. Большинство из нас заскочили в танки, другие укрылись под ними. Я также слышал резкие хлопки выстрелов танковых пушек со стороны взвода Бака Кайта. Вскоре после этого Бак доложил по радио, что его атакуют несколько *Пантер* и его положение критическое. Велев Нилу как можно быстрее вернуться к своему взводу, я приготовился выдвинуться с двумя другими взводами им на помощь. Именно тогда мы также попали под огонь двух *Пантер*, которые подобрались почти незамеченными. Один из танков взвода Фредди Дейла был подбит почти сразу, но его второй танк с семнадцатифунтовой пушкой открыл ответный огонь, подбив одну из *Пантер* и заставив другую отступить.

Я доложил полковнику, что мы атакованы *Пантерами* пока не установленной численности. Я немного беспокоился за положение пехоты, но после консультации с командиром роты *Шропширцев*, который казался вполне довольным тем, что у него есть несколько человек с гранатометами *ПИАТ/PIAT* наготове на случай, если *Пантеры* продолжат атаку, я немного успокоился. Вскоре после этого Питер Элстоб (Peter Elstob), один из капралов — командиров танков Бака Кайта, доложил, что Бак тяжело ранен, его танк выведен из строя, а еще один танк в его взводе потерян безвозвратно.

Полковник вышел в эфир, чтобы сообщить мне, что эскадрон Гвардейской Бригады подойдет слева для нашей поддержки на том фланге. Тем временем Нил Кент собрал свой взвод вместе с остатками взвода Бака и предпринял решительную попытку пересечь железнодорожную линию и войти в деревню, но доложил, что его задерживает огонь противотанковых пушек, спрятанных среди домов. Я собрал свою половину эскадрона, быстро выдвинулся к линии железной дороги, и мы заняли там позиции, откуда могли поддерживать нашу пехоту, входившую в деревню. *Шропширцы* продвигались успешно при превосходной поддержке нашей собственной мобильной пехоты — Роты *G* Стрелковой Бригады, и очень скоро деревня была в наших руках. Мы смогли пересечь железную дорогу и обеспечить непосредственную поддержку пехотинцам, пока они зачищали очаги сопротивления. Одна *Пантера* была подбита на рыночной площади, прежде чем деревня была окончательно очищена. Когда прибыл полковник со своим штабом, он сообщил мне, что Эскадрон *C* успешно поддержал батальон шропширцев во время его занятия Ле-Бени-Бокаж, так что обе деревни теперь были в наших руках.

Затем последовал очень неприятный период ближних боев в роли поддержки пехоте в этой неподходящей для танков местности. Это, однако, дало нам колоссальный опыт взаимодействия с пехотными ротами. Иногда мы работали со *Шропширцами*, на следующий день с *Херефордширцами* и так далее, что давало нам возможность близко узнать командиров различных рот. Я совершенно уверен, что этот опыт в значительной степени способствовал успехам, которые пришли позже.

Один из таких эпизодов произошел, когда мы наступали на Флер/Flers у гряды Ле-Бар-Перье/Le Bar Perrier. Рота *Шропширцев* окопалась на ней, но была окружена вражескими танками. Эскадрон 23-го Гусарского Полка под командованием Лена Хаггера (Len Hugger), моего хорошего друга, был послан вперед для их поддержки, но после примерно двадцати четырех часов постоянных атак *Пантер* на его тылы потерял около половины своего состава. Около 3 часов ночи полковник приказал мне вести эскадрон на гряду, чтобы сменить Хаггера. Это означало прохождение через занятую врагом деревню, которая подвергалась сильному обстрелу нашей артиллерией.

Я приказал выступать: взвод Джонни Лэнгдона впереди, мои штабные танки следом и остальной эскадрон в тылу. Я велел всем командирам проходить деревню на скорости — приказ, который, думаю, был излишним, так как почти все дома горели и никто не желал там задерживаться. Мы пронеслись через неё на скорости около 25 миль в час, не встретив врага, и начали подъем на холм в направлении танков Лена Хаггера, некоторые из которых, как мы видели, горели. Я нашел командира эскадрона, пытавшегося собрать свои машины. Он был рад меня видеть и приветствовал ироничным комментарием: «В славное местечко ты прибыл, Билл. Надеюсь, тебе повезет больше, чем мне!». Он сказал мне, где найти командира пехотной роты, и довольно поспешно уехал в тыл, бросив на прощание: «Большинство моих танков подбили сзади». Не очень обнадеживающая информация.

Я проехал вперед и доложил пехотному командиру, что я на позиции и что мы будем в готовности к рассвету. Я велел всем командирам танков загнать машины за живые изгороди, чтобы обеспечить максимальную маскировку, и мы стали ждать зари. Когда стало светать, мы были в танках в полной боевой готовности, настороже и в ожидании того, что на нас вот-вот посыпется град снарядов. Ничего не произошло, всё было тихо, и через некоторое время я приказал заварить чай. Мы все были вне танков, мой собственный экипаж увлеченно готовил завтрак, когда после оглушительного удара башня моего танка разлетелась на куски, осыпав нас металлом. Кроме нескольких царапин, никто не пострадал, если не считать того, что моей гордости был нанесен урон. Я велел всем экипажам замаскировать свои танки, и вот мой собственный танк выведен из строя. Это был один-единственный снаряд, выпущенный врагом. По-видимому, противник отошел со своих позиций перед *Шропширцам*и, оставив напоследок одну противотанковую пушку, чтобы сделать по нам финальный выстрел. Вскоре после этого я получил приказ вернуться в расположение батальона и довольно пристыженно доложил командиру полка о потере танка.

Через несколько дней мы захватили Флер. Солдат противника в нем было немного, и это был первый крупный город, захваченный нами. Танки не задержались в городе надолго, но нашей пехотной бригаде повезло провести во Флере несколько дней, празднуя с восторженными горожанами.

После этого неприятного периода, проведенного в краю живых изгородей 3-й КТП был рад достичь Л'Эгля/L'Aigle и получить пять дней отдыха. Мы припарковали наши танки в садах вокруг города и принялись наслаждаться жизнью. Мы смогли помыться, что было крайне необходимо, постирать грязную одежду и в целом заняться «самодезинфекцией». Местный мэр устроил киносеанс, также в городе были организованы танцы. Однако пыл бойцов несколько поубавился, и танцевальный вечер оказался не столь успешным, как мог бы, так как почти всех местных дам сопровождали либо их матери, либо французские друзья-мужчины. Удовольствие, полученное мною от этих нескольких дней отдыха, было подпорчено приступом болезни, который свалил меня на весь этот период времени. У меня развился вирус, и на коже появилась сыпь,

что оказалось рецидивом малярии — того, чего не случалось со времен моего пребывания в Африке.

Когда мы двинулись дальше, нашей целью было наступление к Сене/Seine, что было частью плана по закрытию кольца окружения у Фалеза. Канадцы и 1-я Польская Танковая Дивизия сжимали его вокруг немцев с одной стороны, а американцы — с другой. 11-я Танковая Дивизия должна была удерживать дно *мешка*. История Фалезского котла хорошо известна: было захвачено 40 000 пленных, а бесчисленное количество танков, самоходок и других бронемашин уничтожено. У нас не было времени задерживаться: 28 августа мы двинулись дальше и переправились Сену у Вернона/Vernon. Это стало началом одного из самых захватывающих и знаменательных наступлений танковой дивизии во Второй Мировой войне: за восемь дней было пройдено 386 миль, после чего был захвачен порт Антверпен.

Марш на Амьен

Следующей задачей 11-й Танковой Дивизии было продвижение с предельной скоростью к Амьену/Amiense и захват мостов через Сомму/Somme. На этом рубеже нам предстояло закрепиться. На совещании у моего командира полка я узнал, что 3-й КТП возглавит правую колонну дивизии в марше к Сомме. Я также узнал, что мой эскадрон снова будет *на острие*.

На часах было восемь часов вечера, было пасмурно, батальон был занят заправкой машин и пополнением боезапаса. Люди были измотаны и хотели только одного — прилечь. Было дано разрешение заварить чай, и по возвращении в эскадрон мне в руки сунули кружку горячего чая. Мои командиры танков собрались в ожидании моего возвращения. «Приказы, сэр?». Они были просты: «Сворачиваемся и готовность через тридцать минут. Мы выдвигаемся на Амьен по тридцатиминутной готовности. Наш эскадрон идет первым». - «Поехали, опять двадцать пять», — сказал кто-то. «Твой эскадрон идет впереди, Билл, - сказал мне командир полка. - Не позволяй ничему заставить тебя остановиться».

К этому времени пошел сильный дождь. Амьен лежал более чем в двадцати милях пути через занимаемую противником территорию. Лунного света не было. Я сказал командиру 1-го Взвода: «Джонни, твой взвод идет первым. Ни перед чем не останавливайся». Мой эскадрон уже стоял во главе колонны в деревне Фонтен-Боннельё/Fontaine Bonnelieu. Я должен был повести эскадрон: 1-й Взвод впереди, мои штабные танки следом, и остальные машины замыкают. За нами вплотную должна была продвигаться Рота *G* Стрелковой бригады на бронетранспортерах и грузовиках, затем остальные танки батальона и пехота.

Дождь стекал по корпусам *Шерманов*, пока я шел вдоль строя, чтобы убедиться, что каждый командир танка знает, что от него требуется. Около 22.30, в кромешной тьме, началось наступление. Все приготовления были сделаны; теперь всё зависело от водителей. Сжавшись в башнях, командиры изучали карты при тусклом свете, в наушниках гудело, а вода стекала им за шиворот. Радисты возились с рациями, а наводчики 75-мм пушек, проверив и перепроверив боекомплекты, сидели сгорбившись, мокрые и усталые, за своими бесполезными прицелами. Они могли позволить себе немного расслабиться. Однако для водителей облегчения не было. Перед первым *Шерманом*, танком Джонни Лэнгдона, простиралась незнакомая дорога, иногда отражающая тусклый блеск далеких прожекторов. Высунув голову из открытого люка, водитель мог только вглядываться в темноту и повиноваться инструкциям. Голова, торчащая из люка на другой стороне корпуса, принадлежала помощнику водителя,

который стоял за пулеметом калибра *.30*. Если возникнут неприятности, они пострадают первыми.

Для водителей, идущих следом, вопрос заключался в поддержании необходимой дистанции и в том, чтобы не терять из виду темный силуэт впереди. В отличие от цирковых слонов, у нас не было хвостов, за которые можно было бы держаться. Тем не менее, «цирк» ехал в город. Миля прошла без происшествий. И еще одна. Сонный гул в наушниках прервался треском. Сообщение от командира полка было: «Вперед — вперед!». Появилась гряда холмов, силуэты которых вырисовывались в мягком голубом свечении далеких прожекторов, всё еще обшаривающих небо. «Продолжай движение, *Sugar One*. Жми вперед». Водитель машины *Sugar One*, головного танка, поддерживал скорость, держа в руках рычаги управления.

События начали происходить на первом (и единственном) перекрестке между нашим стартовым пунктом и окраинами Амьена. *Sugar One* доложил о присутствии на дороге колонны конной артиллерии, находившейся слишком близко, чтобы задействовать пушки. «Окей, *Sugar One*. Проезжай прямо через них. Дави всё, что попадется на пути. Конец связи». Вскоре мы наткнулись на разбитые повозки и на корчащихся в судорогах лошадей. Неясные тени метались по окрестным полям. «Продолжай движение. Жми вперед». Слова монотонно летели от командира полка ко мне, к экипажу *Sugar One*, к другим водителям, напряженно всматривающимся в темноту: «Продолжай движение!».

Еще через две мили, при видимости до двадцати футов, прямо перед головным танком появился *фольксваген*. Джонни, у которого в ушах звенели мои постоянные призывы, приказал водителю ускориться и обойти его. Маленькую машинку дико занесло, и она была раздавлена. Хотя пассажир погиб, водитель сумел выбраться и, пока *Шерман* маневрировал, освобождаясь от обломков, начал заикаться и кричать. Когда до него дошло, что это не немецкий танк его сбил, он разразился истерическим смехом и побрел вдоль колонны. Сквозь ночь до нас донеслись слабые звуки автоматического огня, когда двигатели снова взревели.

Снова гудение — снова треск. У экипажа *Sugar One* была бурная ночь. На нашем пути был припаркован крупный объект, наполовину блокирующий его. «*Я Sugar One* — атакую вражеский танк на дороге передо мной, конец связи!». Колонна замедлила ход. В каждой башне вспыхнул интерес к происходящему, наводчики сменили позы, радисты снова закрутили ручки настройки. Из своей башни я увидел три вспышки подряд. Чернильная тьма снова сомкнулась над нами, чтобы вскоре быть рассеянной шаром оранжевого и желтого пламени, разбросавшим горящие обломки на большой площади. Сильная детонация указывала на то, что вражеский танк имел на борту полный боезапас. Наш танк выпустил три бронебойных снаряда с дистанции двадцать футов и быстро отошел назад. Трое танкистов, которые, вероятно, спали, выбрались из подбитой машины и пробежали несколько ярдов, прежде чем танк взлетел на воздух. Это был, пожалуй, самый большой и эффектный взрыв, который мы видели за долгое время.

Примерно в трех милях от Амьена мы съехали с дороги. Я понял, что мы изрядно оторвались от остальной колонны, не считая Роты *G*. Я быстро переговорил с Ноэлем Беллом, и мы решили подождать, пока остальные нас догонят. Я даже разрешил по-быстрому заварить чай, но первые кружки едва были выпиты, как нам приказали двигаться на полной скорости. Я поставил другой взвод вперед, чтобы дать передышку Взводу *Sugar One*.

То, что говорят о холодном свете зари — правда: он помогает сосредоточить мысли. Хотя появление на дороге немецкой машины, едущей по своим обычным делам,

подразумевало, что враг всё еще не подозревает о нашем присутствии, я чувствовал, что это невероятное положение дел долго не продлится.

Мы поражали цель за целью. Местность была завалена горящими обломками и кишела бегущими человеческими фигурами. Где-то должны были зазвонить колокола тревоги; возможно, ночной переход оказался легкой частью марша. Я в это не верил — мой прежний опыт говорил: «Нет, ничего не бывает легко». Идея ворваться в неизвестный город мне совсем не нравилась. Я слишком хорошо помнил Кале. Об Амьене я знал только то, что он дал имя великой битве, в которой *Танковый Корпус* сыграл ведущую роль в Первой Мировой войне. Мы уже проехали одно или два британских военных кладбища. После четырех лет оккупации, в течение которых его товарная станция и окружающая железнодорожная сеть регулярно подвергались бомбардировкам, город был в запустении. Громыхая по неровной брусчатке, мимо участков пустырей, рядов унылых домов и полуразрушенных фабрик, я подумал: «Что за место, чтобы за него умирать!». Водитель и помощник уже закрыли свои люки, и я опустился глубже в башню: слишком много командиров танков получили пулю в голову. Вооруженные люди, стоявшие на углу, просигналили нам остановиться. Несколько *Браунингов* развернулись в их сторону. Они оказались бойцами *Сопротивления* из хорошо организованного отряда *маки*. Я с тревогой спросил их о лучшем пути к мосту *Le Pont*. Они сказали, что могут показать дорогу, но знаю ли я, что в городе около 4 000 вражеских солдат, и у некоторых частей есть противотанковые пушки?

На этом этапе мой эскадрон состоял из десяти танков. Ноэл Белл, подошедший для совещания, жалобно сообщил мне, что в его роте осталось семьдесят стрелков. Тем не менее мы решили, что, поскольку остальные силы 3-го КТП и Стрелковой Бригады находятся на подходе, мы будем прорываться, при этом головные танки будут прикрываться остальными. Баррикады бесполезны, если они не построены основательны и плохо защищены. Врагу не дали времени организоваться, и на первой же баррикаде все мы во все глаза высматривали противника.

Бах! Немецкий наводчик, должно быть, нервничал. Его выстрел разнес магазин скобяных изделий, и прежде чем он успел выстрелить снова, его позиция была подавлена огнем пулеметов *Browning* калибра *.5.* Брошенный грузовик и пара телег были сметены в сторону *Шерманом*, и мы двинулись дальше. Впечатленные этим успехом, возбужденные партизаны-*маки* взобрались на броню танков и показывали нам путь вперед и известные им позиции врага. Здания становились выше, а на затылке всё сильнее покалывало, но постепенно, постреливая время от времени, мы пробились к реке. И вот он — большой мост, пустынный. Я осмотрел дома на дальнем берегу в бинокль, но не увидел признаков активности. Жители Амьена разумно затаились. Как и враг.

Я приказал *Sugar Three* пересечь мост, и первый *Шерман* быстро переехал его, доложил об отсутствии сопротивления и был немедленно поддержан остальным взводом. Я приготовился присоединиться к ним. Мой водитель тронулся вперед — мы выехали из укрытия боковой улочки, прибавили скорость и уже поднимались на подъездную дорогу, когда всего в нескольких ярдах от нас мост окутался дымом и с шумом рухнул в реку. Поспешно сдав назад в укрытие, мы ждали, пока уляжется пыль. Я быстро велел своему командиру взвода на той стороне занять позицию для наблюдения и увидел, как их выхлопной дым исчез среди безмолвных домов. Было чуть больше 7 часов утра.

Я был несколько обеспокоен судьбой своего взвода на другой стороне реки, но один из возбужденных партизан, сидевших на моем танке, сказал, что всего в 800 ярдах есть другой мост, не заминированный и охраняемый его отрядом. Мы могли переправиться

там. Я описал своему оказавшемуся в изоляции командиру взвода, Биллу Йейтсу, ситуацию и сказал, что надеюсь, остальной эскадрон скоро будет с ним. Он был весьма возбужден, докладывая, что прямо за углом от его позиции стоят четыре 88-мм противотанковых орудия, уже прицепленных к полугусеничным тягачам и готовых к отходу. Я велел ему не слишком ввязываться в бой, но, по возможности, предотвратить их бегство. Я пообещал поддержку как можно скорее. В итоге он перекрыл дорогу с обоих концов и захватил все четыре пушки вместе с расчетами. Позже он был награжден *Военным Крестом* за этот эпизод.

Затем я перевел остальную часть эскадрона ко второму мосту, который удерживали *маки*. Мы переправились, и к этому времени наша пехота заняла мост без всяких проблем. Вся дивизия в итоге использовала этот мост для переправы через Сомму. Соединившись со взводом Билла Йейтса, я нашел его охраняющим 88-мм пушки и около пятидесяти довольно унылых немцев, сидящих на обочине. Это стало достойным завершением нашего броска на Амьен.

На Антверпен

После нашего успеха в захвате Амьена в 3-м КТП царила определенная доля оправданной эйфории, которая была еще больше усилена поздравительным письмом от командующего армией генералу Робертсу, переданным затем в передовые части. Нам не позволили задерживаться в Амьене или почивать на лаврах, так как на следующий день, 1 сентября, мы узнали, что должны продвигаться с максимальной скоростью — возможной целью был Брюссель. Мы находились слева от оси наступления дивизии, Эскадрон *B* шел впереди. Мой эскадрон был в резерве, поэтому ожидался довольно спокойный день. В первый день нам удалось преодолеть около пятидесяти миль при очень незначительном сопротивлении противника. Мы провели довольно неуютную ночь, остановившись у обочины дороги, в течение которой попали под артиллерийский обстрел, заставивший нас залезть в танки. Также было одно или два сообщения о группах противника с *панцерфаустами*, атакующих 23-й Гусарский Полк справа от нас.

На следующий день мы продолжили наступление, Эскадрон *C* под командованием Джонни Данлопа шел впереди. Около 14.00 мы остановились примерно в пяти милях к юго-западу от Лилля, который, как мы понимали, все еще удерживался немцами. Нам не дали приказа атаковать город, и мы гадали, почему. Мы просидели остаток дня и снова провели довольно неприятную ночь на обочине. Однако затем мы узнали причину: нашей целью должен был стать не Брюссель, а порт Антверпен.

У нас возникла некоторая проблема, так как наш офицер разведки не смог найти достаточно карт для всех, а те, что у него были, имели очень мелкий масштаб. Мы получили приказ выступать очень рано 3 сентября, и когда я подошел к танку полковника за приказами, мне сказали, что Эскадрон *A* будет на острие наступление. В самом начале произошло небольшое оживление, когда офицер связи батальона, обследуя небольшой лес, вышел оттуда с пятьюдесятью пленными и ведомостью на выплату жалованья их роте! Они казались вполне довольными тем, что сдаются.

Мы двинулись дальше, 1-й взвод Джонни Лэнгдона шел впереди; наша цель, Антверпен, лежала примерно в девяноста милях впереди, и, несмотря на инструкции двигаться на максимальной скорости, я проинструктировал своих командиров танков опасаться засад *фаустников*. Их излюбленным приемом было лежать неподвижно в канавах у дороги, пропускать головные танки, а затем вставать и бить в борт ближайшего танка. Мы продвигались без каких-либо проблем, пока не оказались примерно в миле от города

Секлен/Seclin, который лежал прямо на нашем пути. Я не был уверен, занят ли город, но так как с моим головным взводом были две *Милашки* из разведвзвода, я приказал им провести разведку. Они продвинулись всего на 100 ярдов, когда с оглушительным грохотом обе *Милашки* слетели с дороги, объятые пламенем. По звуку взрыва мы поняли, что поблизости 88-е.

Я приказал эскадрону укрыться, пока я оценивал обстановку. Когда я рассматривал в бинокль леса и сады вокруг города, мне показалось, что я вижу несколько орудийных позиций то там, то тут. Я доложил командиру полка, что, по моему мнению, город занят противником, который для обороны располагает противотанковыми пушками. Решение полковника заключалось в том, что Эскадрон *A* на скорости промчится по открытым полям, ведущим к городу, чтобы вызвать огонь противника на себя, в то время как Эскадрон *B* затем приблизится и атакует выявленные таким образом вражеские позиции. Излишне говорить, что, когда я изложил этот план своим командирам взводов, он не был встречен с большим энтузиазмом. Я приказал двигаться более или менее в линию, и мы направились к окраинам города. Прямо перед садами был участок непростреливаемого пространства, и я надеялся, что мы доберемся до него без слишком больших потерь. Думаю, вражеские артиллеристы были весьма удивлены, увидев столько *Шерманов*, приближающихся на скорости, и их огонь был довольно беспорядочным: хотя бронебойные болванки свистели вокруг нас, нам удалось добраться до укрытия в «мертвой зоне».

Нил Кент, мой заместитель, доложил, что его танк зацепило, но обошлось без пробоин, и был поврежден лишь еще один танк. Мы смогли занять хорошие позиции типа *башня над землей* и обеспечили отличную огневую поддержку Эскадрону *B*, когда тот входил в город. Я приказал эскадрону наступать, и 1-й Взвод быстро вступил в центр города, уничтожив по пути противотанковую пушку вместе с расчетом. Я въехал в город с остальной частью эскадрона без каких-либо дальнейших проблем. Эскадрон *B* подбил несколько противотанковых пушек, смяв целую батарею, и разогнал отчаянно удирающую транспортную колонну, пытавшуюся вырваться из города. К полудню город был в наших руках. Тем временем Джонни Лэнгдон тихо сообщил мне, что один из его командиров танков нашел огромный склад, забитый ящиками и коробками с маркировкой *Только для Вермахта*. Они были полны бутылок шампанского, бренди, вина и ликеров. Я велел всем своим командирам танков незаметно подогнать танки к складу, и когда наступление возобновилось, в большинстве танков эскадрона под спальными мешками позади башен были спрятаны ящики с бренди и шампанским.

Примерно в это же время мы услышали шум боя с нашего правого фланга. 23-й Гусарский Полк вел тяжелый бой: вражеские танки и артиллерийский огонь доставляли им немало хлопот. Появился один *Тигр* и подбил несколько наших небронированных машин, но был атакован нашими двадцатипятифунтовками с близкого расстояния и отогнан. Хотя этот бой задержал колонну снабжения примерно на два часа, 23-й Гусарский Полк сообщил, что они пересекли границу и в 14.00 были в Турне. Около 15.30 3-й КТП с Эскадроном *A* в авангарде достиг границы в Виллеме. Один довольно восторженный субалтерн вышел в эфир и сказал: «Неужели никто не понимает, что мы уже в Бельгии?». Так как мы весьма гордились своей дисциплиной в радиоэфире, всем было очень интересно услышать ответ командира полка, который был, мягко говоря, красочным.

Продвигаясь по извилистым дорогам, ведущим к каналу Эско/Escaut, мы выслали вперед разведгруппу, чтобы проверить, цел ли мост. Сержант доложил, что его так и не отремонтировали после того, как он был взорван в 1940 году. Около Варкуэна/Warcoing

Билл Йейтс, командир моего 2-го Взвода, проводивший разведку вдоль канала, нашел деревянный мост, который не был поврежден. При осмотре я засомневался, выдержит ли мост колонну *Шерманов*. Я подозвал *Милашку* из разведвзвода, решив протестировать его более легким танком. Проблем не возникло, и затем *Шерман* медленно перекатился на ту сторону. Мост немного заскрипел, но выдержал, и остальные переправились по одному.

С некоторым облегчением мы получили приказ командира полка двигаться дальше на Рене/Renaix. Начался сильный дождь, делая обстановку трудной и унылой, но город был не занят врагом, и население обезумело от радости. Мы не остановились, а стали пробиваться дальше к Ауденарде/Audenarde. Мой эскадрон в авангарде сменил Эскадрон *C* Джонни Данлопа. Всегда приятно быть в резерве, иметь возможность немного расслабиться. Головной танк, головной взвод или головной эскадрон — это не те позиции, которым стоило завидовать на этих последних этапах кампании.

Батальон остановился возле Зоттегема/Zottegem для заправки. Пока стояли, один из *Шерманов* Эскадрона C был подбит 88-мм противотанковой пушкой, с которой очень быстро расправились другие танки. Произошла короткая вспышка активности со стороны *фаустников*, но *Шерманы* обстреляли живые изгороди и канавы из своих пулеметов, в конце концов заставив нескольких немецких солдат выйти из тени с поднятыми руками. Они сгрудились вместе — кучка людей жалкого вида под проливным дождем — пока не нашлась охрана из нашей пехоты.

Около 3 часов ночи мы встали лагерем чуть восточнее города Алст/Alost. Мы все очень промокли и замерзли, и большинство из нас даже не стали натягивать брезентовые навесы, а спали внутри своих танков или под ними. Квартирмейстер Пэдди Хехир прибыл с пайками. Я всегда был особенно рад видеть Пэдди. Мы были сержантами вместе еще до войны, когда батальон стоял в Уорминстере. Обычно ему удавалось привозить мне чистую одежду, а иногда и бутылку виски. С некоторым ужасом мы узнали, что в штабе бригады прослышали о нашем неожиданном запасе горячительного, и он получил приказ изъять его у нас. В итоге почти всем удалось припрятать кое-что, и Пэдди в итоге досталось только самое дешевое белое вино. Штаб бригады обещал, что оно будет распределено позже, но это был последний раз, когда мы его видели.

Около 05.30 следующего утра у танка командира полка мы узнали, что должны наступать на Антверпен. 23-й Гусарский Полк будет справа от нас, а 3-й КТП должен попытаться войти в город прямо по главной дороге через Бом/Boom. Эскадрон *C* Джонни Данлопа пойдет первым, мой эскадрон — в непосредственной поддержке. Эскадрон *B* со своим командиром Джоком Балхарри будет в резерве, но также попытается найти другой путь в город через каналы, окружающие его с южной стороны.

Мы успешно продвигались до Бума, но Джонни Данлоп обнаружил, что главный мост через канал заминирован. К счастью, гражданский из местных по фамилии Векеманс, бельгийский инженер и участник *Сопротивления*, показал командиру эскадрона мост поменьше, с которого он сам снял мины незадолго до нашего прибытия. Позже я узнал, что он был награжден *Военным Крестом* за свои действия. Весь батальон смог пересечь мост и войти в город, но не без волнений. С некоторых ДОТов на другой стороне реки по нам вели огонь из стрелкового оружия, и позже я узнал, что Джок Балхарри был тяжело ранен при переправе через мост.

Мне дали инструкции свернуть налево от Эскадрона *C* и пробиваться к главному железнодорожному вокзалу. Эскадрон Джонни Данлопа с Ротой *G* Стрелковой Бригады

должен был как можно быстрее достичь доков. Город был в смятении. Колонны немецкой конной артиллерии метались туда-сюда, и экипажи *Шерманов* расстреливали их из пулеметов, велся сбор пленных. Бельгийское население хлынуло на улицы, и продвигаться стало почти невозможно. Каждый танк приветствовали ликующие толпы, люди карабкались на башни, экипажи осыпали цветами, бутылками и поцелуями. На каком-то этапе этой ранней эйфории один из гражданских на моем танке, человек в довольно грязном старом плаще с автоматом *Стен* через плечо, сказал, что он член *Сопротивления* и может показать мне путь к вокзалу. Собрать мой эскадрон, когда танки были окружены толпами людей, было трудно, но по радио я велел им стараться следовать за моим танком. Полковнику Силвертопу также было очень трудно продвигаться в такой обстановке со своим батальоном, и его часто повторяемое «вперед» почти не имело эффекта. Однако затем огонь из стрелкового оружия из одного многоквартирного дома разогнал большую часть гражданских с улиц, и мы смогли двигаться дальше.

Один дружески расположенный по отношению к нам гражданский назвался Гастоном де Лосни (Gaston de Lausney). Он идеально говорил по-английски, и я понял, что он учитель. Я велел ему оставаться рядом и под его руководством сумел провести большую часть своих танков через несколько боковых улочек к вокзалу. Когда мы приблизились к зданиям вокзала, мы попали под огонь как из стрелкового оружия, так и как минимум одной противотанковой пушки.

Со мной была рота 1-го Херефордширского Полка; по крайней мере, я так думал, но переговорив с их командиром роты, я узнал, что он смог собрать только около тридцати стрелков: большинство остальных растворились в толпах восторженных горожан. К этому времени мы были полностью изолированы от остальной части батальона, но по информации, поступавшей по радио, я понял, что Эскадрон *C* достиг портовых причалов, ликвидировав по пути очаги сопротивления врага. Они были целы и невредимы, и эскадрон при содействии Роты *G* провел остаток дня, разбираясь с небольшими группами противника и обеспечивая сохранность портовых сооружений. Штаб батальона с Эскадроном *B* и 4-м Батальоном *Шропширцев* под личным командованием бригадира Черчера (Churcher) зачистили Центральный парк, где была сосредоточена большая часть немцев. После ожесточенного боя вражеский гарнизон сдался. Генерал фон Штольберг (вероятно, Christoph Graf zu Stolberg-Stolberg, 1888-1968) и около 6 000 немецких солдат были взяты в плен. Я был занят попытками зачистить железнодорожный вокзал, но вводить танки в дело становилось всё труднее, так как гражданские снова начали толпиться на улицах. Я подогнал свой танк вплотную к кафе напротив входа в вокзал и сумел расстрелять в упор группу пехотинцев противника, собравшихся вокруг противотанковой пушки. Мой наводчик уничтожил ее, а отделение *Херефордширцев* собрало около сорока немцев, которые, я уверен, были весьма рады тому, что война для них окончилась.

Вокруг всё еще было немало вражеских солдат. Один из гражданских в кафе сказал мне, что прямо за углом от вокзала в большом частном доме находится немецкий штаб. Он предположил, чтобы пара выстрелов из «большой пушки» — имея в виду семнадцатифунтовку — легко решила бы дело. Были произведены два выстрела, которые вынесли окна в доме, и довольно ошеломленные немецкие штабисты вывалились наружу и сдались командиру танка. Окно кафе также обрушилось к восторгу толпы внутри. Пустые гильзы затем были выставлены на витрине. (Спустя годы, во время визита в Антверпен, я сумел найти это кафе — гильзы всё еще гордо красовались на витрине).

Моя задача еще не была полностью решена, хотя практически всё сопротивление в городе прекратилось. Мне велели собрать мой эскадрон в районе вокзала и оставаться там. Штаб полка с двумя другими эскадронами был отведен в большой замок на окраине города. Бельгийские граждане теперь откупоривали бутылку за бутылкой шампанского, и развернулась довольно буйная вечеринка. Я поддерживал постоянную связь с адъютантом по радио и предлагал, чтобы нас тоже отвели. Я немного беспокоился, что ситуация может выйти из-под контроля. Командир роты *Херефордширцев* также был озабочен своей пропавшей ротой. Только к рассвету я получил приказ отойти и присоединиться к батальону на территории замка.

Это был невероятный день, практически весь город был в наших руках. Одним небольшим разочарованием стал тот факт, что главный мост через канал в Антверпене был взорван уже после того, как мы заняли город. Это сделало пригород Мерксем/Merxem недосягаемым, и враг в полной мере воспользовался этой ошибкой. (Генерал Робертс в своей книге *От Пустыни До Балтики*/*From the Desert to the Baltic*) предположил, что эта оплошность с захватом моста при входе в город была, вероятно, набольшей ошибкой из совершенных им за всю кампанию).

Следующие несколько дней были потрачены на техобслуживание наших танков, переформирование и получение пополнений после нашего лихорадочного наступления от Нормандии до Антверпена. 386 миль за восемь дней было весьма выдающимся достижением. Этот эпический бросок танковой дивизии был беспрецедентным во ВМВ. Это путь не был легким, и на каждом шагу нам противодействовали решительно действующие немецкие арьергарды. Эта операция также сказалась на состоянии некоторых танковых экипажах, включая мой собственный. С тех пор как у нас было несколько дней отдыха в Л'Эгле, я страдал от какого-то вируса, и только после осмотра дивизионными медиками мне сказали, что у меня малярия. Однако приступ был более серьезным, чем я думал, и несмотря на мои протесты мне приказали лететь домой следующим же самолетом.

Приземлившись в Великобритании, я был немедленно отправлен в госпиталь *Netley* для тщательного обследования. Через три или четыре дня меня перевели в военный госпиталь *Cambridge* в Олдершоте, где я провел следующие три недели. После выписки из госпиталя мне удалось получить несколько дней отпуска перед тем, как присоединиться к 152-му Полку Королевского Танкового Корпуса — дислоцированному недалеко от Ньюмаркета/Newmarket подразделению для выздоравливающих. Во время моего пребывания там я получил известие, что награжден планкой к *Военному Кресту* за свои действия при захвате Амьена и моста через Сомму. Рождество я провел в доме моих родителей в Аппингеме вместе со своей женой, которая также присоединилась к нам, получив отпуск.

В начале февраля я получил приказ вернуться в 3-й КТП, который наслаждался заслуженным отдыхом в Поперинге после успешных действий в Арденнском сражении, где он уничтожил несколько боевых машин 2-й Танковой Дивизии немцев у Динана/Dinant. Батальон только что принял новые британские танки *Комет/Comet* и был занят подготовкой к форсированию Рейна. Я надеялся принять свой старый Эскадрон *A*, но новый командир полка, подполковник Тедди Митфорд (Teddy Mitford), решил, что Нил Кент, мой прежний заместитель, должен остаться на этой должности после производства в майоры. Однако был свободен Эскадрон *B*, и я был вполне доволен тем, что принял новое командование. Моим заместителем был капитан Фредди Дингвелл (Freddy Dingwell), которого я очень хорошо знал, а командирами взводов были Уодсворт

(Wadsworth), Райлендс (Rylands), Рикеттс (Ricketts) и Монтгомери — все они были в батальоне со Дня *Д*.

За время моего отсутствия в 3-м КТП произошло немало событий. Полковник Дэвид Силвертоп погиб при весьма трагических обстоятельствах, когда батальон даже не вел ближнего боя. Группа старших офицеров, включая бригадира Роско Харви (Roscoe Harvey), командира бригады, и полковника Силвертопа, проводили совещание у обочины дороги, когда два немецких полугусеничных бронетранспортера выехали из близлежащего фермерского двора, обстреляв группу. Полковник Силвертоп, подполковник Орр (Orr, командир батальона *Монмутширцев*) и один капрал были убиты на месте, в то время как бригадный генерал Харви был легко ранен. То, что с бронетранспортерами тут же расправились, не было утешением. Для командования батальоном прибыл подполковник Тедди Митфорд, которого я очень хорошо знал.

Бросок к Балтике

Мне повезло, и я провел несколько дней в Поперинге/Popering, чтобы ознакомиться со своим новым эскадроном. Я знал большинство командиров взводов и нескольких старших сержантов, но во время моего отсутствия батальон участвовал в боях в Голландии и Арденнах. Имелись потери, и потребовалось пополнение экипажей.

Также мы все были заняты освоением нашего нового танка — *Комет*. Мы сочли его отличной машиной. Он был вооружен лучше *Шермана* и имел гораздо более низкий силуэт, был очень быстрым и маневренным, а 77-мм пушка оказалась чрезвычайно эффективным оружием. Мы надеялись, что *Комет* будет вооружен семнадцатифунтовкой, как *Шерман Файрфлай/Firefly*, но установить её в башню оказалось невозможно. Мы утешали себя мыслью, что, возможно, на этом этапе войны нам не встретится много *Тигров* или *Пантер*. Мы также чувствовали, что сражение в Арденнах, вероятно, было последним крупным столкновением бронетехники, и отныне всё сведется к борьбе с немецкими арьергардами — операциям, в которых они, по опыту, были чрезвычайно хороши.

Танк Комет 3-го КТП в Европе. 30 марта 1943 года

Незадолго до отъезда из Поперинга на совещании у командира полка мы узнали, что 11-я Танковая Дивизия не будет участвовать в первоначальной операции по форсированию Рейна, но совместно с 6-й Воздушно-Десантной Дивизией примет участие в броске к Эльбе. Соответственно, мы выдвинулись к Рейну у Везеля/Vesel и без затруднений пересекли реку по длинному мосту *Бейли*. Везель был полностью разрушен в результате тяжелых бомбардировок обеими сторонами и представлял собой просто груду щебня.

Нашей первой целью был город Бургштайнфурт/Burgsteinfurt. 3-й КТП с пехотой 1-го Херефордширского Полка на броне выдвинулся к городу, который оказался довольно сильно укреплен. В Эскадроне *A*, шедшем впереди, была подбита пара танков, и было решено, что пехотная бригада предпримет массированную ночную атаку. Это оказалось непросто, но после тяжелых боев город был взят батальонами 4-го Шопширского и 1-го Херефордширского полков при поддержке эскадронов *B* и *C* 3-го КТП. Во время уличных боев были подбиты три танка Эскадрона *C*, а два танка моего эскадрона также сгорели в результате атак *фаустников*. На следующее утро мы двинулись дальше с Эскадроном А в авангарде, но наступление было задержано небольшой рекой, здесь саперы быстро навели мост под прикрытием роты Стрелковой Бригады. Нам приказали встать лагерем на ночь, большинству танков — у обочины дороги. Из-за шума, связанного с работой мостоукладчиков и транспортных средств, участвовавших в ночных операциях, поспать почти не удалось.

На совещании у полковника Митфорда в ту ночь нас предупредили, что наступление продолжится на рассвете с Эскадроном *С* в авангарде, а следующей целью 3-го КТП станет река Эмс/Ems у Эмсдеттена/Emsdetten. Головной эскадрон достиг Эмса около 07.30 утра, но обнаружил, что мост там разрушен, поэтому командиру эскадрона велели прорываться к Мезуму/Mesum, где надеялись найти целый мост. Однако и в Мезуме моста не оказалось, но майор-сапер, ехавший с головным эскадроном, счел это место более подходящим для наведения переправы, чем Эмсдеттен, и вызвал свою команду. Работа закипела под охраной роты 8-го Батальона Стрелковой Бригады. Дальний берег реки казался незащищенным, и вскоре рота *Шопширцев* переправилась и закрепилась на новом рубеже. Без помех саперы завершили наведение моста к 18.00, и 3-й КТП приготовился к переправе, при этом мой эскадрон шел первым.

Мой головной взвод - 2-й Взвод под командованием лейтенанта Фрэнка Уодсворта - быстро продвинулся вперед и примерно за полтора часа достиг канала Дортмунд-Эмс без каких-либо проблем в пути. Я подтянулся с остальной частью эскадрона. Уодсворт доложил по радио, что оба моста разрушены и на той стороне канала наблюдается активность противника. Этот район был известен как *Teutenberger Wald* - густо заросшая лесом возвышенность с крутыми склонами представляла собой чрезвычайно выгодную оборонительную позицию, которую враг был готов использовать.

Когда я подошел вплотную вслед за 2-м Взводом, мы попали под сильный артиллерийский и плотный пулеметный огонь из густого леса. Для танков это не было большой проблемой, но было очевидно, что ввести в действие саперов для наведения моста будет трудно. Я доложил о ситуации командиру полка и получил приказ укрыться и не ввязываться. Вечером на совещании, где присутствовали бригадиры Роско Харви и Джек Черчер, было решено переправить один эскадрон 3-го КТП через канал той же ночью, используя паром, который отступающий враг оставил целым и невредимым. Я испытал облегчение от того, что для этой операции был выбран Эскадрон *С*. Под командованием Джока Балхарри и совместно с ротой *Шопширцев* они переправились без больших проблем и закрепились на небольшом, но надежном плацдарме на другой стороне. Пытаясь продвинуться через лес, Эскадрон *С* потерял два танка от противотанкового огня, и стало ясно, что враг обладает значительными силами в лесу и над верхней бровкой уступа.

Позже тем вечером наведение моста через канал был завершено, и рано утром остальная часть 3-го КТП присоединилась к Эскадрону *С* на довольно тесном пятачке. Было предпринято несколько попыток расширить плацдарм, но даже при поддержке 2-го Файфского и Форфарского Йоменского Полка, который присоединился к нам, в тот день прогресса почти не было. В ходе одной неудачной атаки *Йомены* при поддержке 1-го Херефордширского Полка и дивизионной артиллерии так и не смогли прорвать вражескую оборону. Некоторым утешением стало уничтожение и захват пятнадцати противотанковых пушек вместе с их расчетами.

Последовали два или три дня тяжелых боев в трудной лесистой местности, в ходе которых враг медленно отступал под прикрытием арьергардных отрядов. На этом этапе 3-й КТП был выведен в резерв, а 2-й Файфский и Форфарский полк продолжил наступление вместе с 3-м Монмутширским Полком, но через несколько дней *Монмутширцы* были выведены из состава дивизии и больше не участвовали в кампании. Это был печальный момент, так как этот полк был с дивизией с самого начала, участвовал во всех тяжелых боях со Дня *Д* и понес тяжелые потери.

Наши несколько дней отдыха стали отличным подспорьем для поднятия боевого духа. Мы смогли устроить помывку и сменить одежду, что всегда положительно сказывается

на настроении. Когда мы снова возглавили наступление дивизии, я думаю, большинство из нас было в лучшем расположении духа и настроено более оптимистично. До этого момента было заметно некоторое отсутствие инициативы, и отдельные командиры головных танков неохотно «заглядывали за следующий угол». Позиция головного взвода или танка была незавидной, поэтому для командиров эскадронов стало крайне важно строго чередовать головные взводы, а командирам взводов — головные танки.

Нашей следующей целью был Оснабрюк/Osnabruck, мой эскадрон должен был идти впереди, и, как и под Амьеном, предстоял ночной высматривать *фаустников*. Путь был нелегким, сопротивление немцев — решительным. Мы столкнулись с несколькими укрепленными дорожными заслонами, которые приходилось расчищать под огнем головным танкам, в некоторых случаях при помощи танка, оснащенного бульдозерным отвалом. Радиопозывной бульдозера *George George* постоянно звучал в эфире той ночью. Тем не менее головной взвод без потерь вышел к реке у Эверсхайде/Eversheide, и командир взвода Фрэнк Уодсворт доложил в своей типичной манере: «Я у моста и вижу, что эта чертова штука заминирована. Вижу нечто похожее на две пятидесятифунтовые бомбы, прикрученные сбоку». Когда я подошел к реке и приблизился к мосту, я смог подтвердить его информацию и сам увидел бомбы. Пока я докладывал ситуацию командиру полка, Уодсворт выбрался из танка и несмотря на плотный вражеский огонь с того берега залез на мост и сумел перерезать провода, ведущие к зарядам. Это был чрезвычайно смелый поступок, так как я вполне ожидал, что мост взлетит на воздух в любую секунду. Его взвод быстро пересек мост, за ним вплотную последовали я и остальной эскадрон, в дальнейшем мы заняли позиции для охраны переправы. Захват моста оказался критически важным, так как вся дивизия смогла использовать эту переправу для продолжения наступления. Лейтенант Уодсворт вполне заслуженно получил *Военный Крест* за свои действия.

Следующей целью дивизии было форсирование реки Везер/Weser. 29-я Танковая Бригада с 23-м Гусарским Полком во главе шла по одному маршруту, а 159-я Пехотная Бригада параллельно по другому. Оба соединения добились успешно вышли к реке, где, как и ожидалось, все мосты были взорваны. Саперные группы в Штольценау/Stolzenau и Шлюссельбурге/Schlusselburg быстро приступили к работе, и 8-й Батальон Стрелковой Бригады сумел переправиться через реку и создать прочный плацдарм, несмотря на решительные беспокоящие действия немцев.

Было решено, что это станет основным местом переправы дивизии, но прежде чем инженеры смогли завершить наведение мостов, сильные воздушные атаки противника (*Ju-88* и несколько *Штук*) задержали работы. Было запрошено истребительное прикрытие, и, хотя противник упорствовал в своих атаках, в конечном итоге они были отогнаны, и мосты достроены рано утром следующего дня, 7 апреля.

Затем у нас были один или два довольно спокойных дня: мы неуклонно продвигались вперед, почти не встречая сопротивления, идущие в авангарде эскадроны чередовались, и наконец мы пересекли реку в Нойштадте/Neustadt и двинулись на Швармштедт/Schwarmstedt. 11 апреля 3-й КТП двинулся за Швармштедт с моим эскадроном ввпереди. Командиром моего головного взвода был второй лейтенант Джон Пирсон (John Pearson), который лишь недавно прибыл в батальон в возрасте девятнадцати лет и имел мало боевого опыта. С ним были очень опытный взводный сержант Крэнстон (Cranston) и еще один довольно новый субалтерн Джефф Ломас (Jeff Lomas), исполнявший обязанности капрала взвода. Это была обычная практика в танковых войсках, применявшаяся специально для того, чтобы молодые офицеры набирались боевого опыта. Наш путь к реке Аллер/Aller пролегал через деревню

Эссель/Essel, и я велел Пирсону внимательно следить за возможным появлением *фаустников*. Он доложил, что видел лишь нескольких мертвых немцев, и быстро двинулся к реке. Это была трудная для танков местность: прямая дорога вела через реку, а местность по обе стороны дороги была очень болотистой, что делало невозможным развертывание вне дорожного полотна.

Я подтянул свои штабные танки довольно ближе к взводу Пирсона и, укрывшись в небольшой роще у дороги, оценил обстановку. В бинокль мне показалось, что я вижу движение врага в лесу на том берегу, и соответственно предупредил Пирсона о необходимости быть начеку и готовым атаковать всё, что шевелится. «Вас понял, конец связи», — последовал его ответ, и он двинулся к мосту. Примерно в 100 ярдах от него он увидел, что мост взорван, и доложил об этом мне, добавив, что, по его мнению, ширина реки в этом месте составляет около сорока ярдов.

Я был несколько обеспокоен движением на другой стороне, так как знал, что 1-я Бригада Коммандо с боем переправилась через реку прошлой ночью, и мы не были точно уверены в их местонахождении. Я как раз докладывал командиру полка, что мост через реку взорван, когда внезапно — Бах! Бах! — танки Пирсона и Крэнстона вспыхнули, и я увидел, как один или два танкиста выбрались наружу, явно раненые. Лейтенант Ломас в третьем танке сумел съехать с дороги, укрылся в кустах и принялся обстреливать противотанковую пушку, подбившую Пирсона и Крэнстона. Хотя в его танк попали дважды, он мужественно продолжал дуэль и, в конце концов, прямым попаданием уничтожил вражеское орудие. Тем временем я подошел вплотную к горящим танкам и выбрался наружу, чтобы прийти на помощь раненым экипажам. Джон Пирсон и двое его людей — Шипли (Shipley) и Уайатт (Wayatt, радист) - лежали в высокой траве у дороги, все с сильными ожогами рук и лиц. Рядовой Роу (Rowe), еще один член экипажа, также сумел выбраться и не был сильно ранен. Водитель Мэннинг (Manning) погиб на месте. Сержант Крэнстон и младший капрал Тернбулл (Turnbull) во втором танке погибли мгновенно, остальным членам экипажа удалось выбраться с легкими ранениями.

С того берега по нам вели ружейно-пулеметный огонь, но не очень точный, чтобы вызвать проблемы, к тому же мы были скрыты от глаз противника горящими танками. Я немедленно запросил по радио медицинскую помощь, и мне ответили, что доктор Уайтхаус уже в пути. Первые несколько дней Джонни Пирсона в батальоне оказались весьма насыщенными — два жарких боя. Несмотря на очень серьезные ожоги, он держался бодро и, без сомнения, был чрезвычайно благодарен судьбе за то, что остался жив. Он также предпринял все попытки, чтобы прийти на помощь экипажу Крэнстона. Вскоре прибыл доктор Уайтхаус (Whitehouse) со своими двумя санитарными бронетранспортерами, и раненые были эвакуированы.

От командира полка поступил приказ по радио: Эскадрон *А* должен быть переправлен через реку на плотах вместе с ротой *Шопширцев*. Я должен был обеспечить огневое прикрытие оставшимися танками и соответственно подойти как можно ближе к береговой линии. Джонни Лэнгдон, один из моих старых командиров взводов, переправлялся первым и быстро повел свои танки по тропам от реки, а пехота *Шопширцев* продвигалась через лес по обе стороны пешим порядком. В ходе коротких и жарких стычек танки и пехота выбили немало врагов из их лисьих нор, при этом *Херефордширцы* понесли некоторые потери.

Некоторое время спустя, когда ситуация казалась более спокойной, Джонни разрешил экипажам сделать перерыв на чай. Внезапно сквозь деревья просвистел бронебойный снаряд, и один из его танков был подбит и выведен из строя; экипажу удалось покинуть его невредимыми. Второй снаряд прошил башню, полностью разрушив её. Всего в ста

ярдах появился *Тигр* и принялся обстреливать всё, что было в его поле зрения, особенно транспорт на дороге. Разведывательная машина и еще один грузовой автомобиль вскоре были объяты пламенем.

Было очевидно, что дальнейшее продвижение по дороге станет проблемой, и оставалось неизвестным, бродят ли по лесу другие *панцеры*: для танка нетипично действовать в одиночку. К счастью, некоторым танкам Эскадрона *C* удалось найти путь в обход по правому флангу через лес в тыл *Тигру*. После нескольких тревожных мгновений довольно восторженный голос по радио произнес: «Он у меня в прицеле, поехали!». Сержант Хардинг (Harding), один из взводных сержантов Эскадрона *C*, приблизился на расстояние сто ярдов к вражескому танку и двумя меткими выстрелами мгновенно поджег его.

Хотя больше танков в районе не наблюдалось, там, на хорошо укрепленных позициях, всё еще оставалось значительное количество вражеских солдат, в основном пехоты, которую поддерживали противотанковые пушки. Эскадрон *A*, пытаясь прорваться вперед, потерял еще один танк; лейтенант Буллок (Bullock) и рядовой Блай (Bligh), его водитель, погибли. Джонни Лэнгдон получил приказ вести свой взвод (теперь сократившийся в численности до трех танков) на поддержку пехоты, наступавшей через лес. Однако при попытке пересечь небольшой ручей два его танка сели на брюхо, а его собственный танк оказался в изоляции. Противник вел сильный минометный и пулеметный огонь, и его положение стало довольно серьезным. К счастью, поступил приказ отойти к реке. На обратном пути он с изумлением обнаружил, что большая часть машин Эскадрона *A* увязла в болотистой почве — крайне неприятная ситуация: их танки не могли сдвинуться с места, хотя всё еще могли вести огонь из своих пушек, надеясь, что не появится еще один *Тигр*, так как они были неподвижными мишенями. К счастью, ничего не произошло, и, хотя они провели очень унылую ночь в сырости, все танки были вытащены на следующее утро силами нашего ремонтного подразделения под командованием капитана Чарлза Эдкинса (Charles Adkins).

В тот вечер 3-й КТП встал лагерем у деревни Энгехаузен/Engenhousen. Была организована горячая еда, одежда просушена, а долгожданная порция рома заставила нас снова почувствовать себя людьми. Когда на следующее утро мы тронулись в путь, мой эскадрон шел впереди. Мы продвигались через густо заросшую лесом местность, и так как прогресс был медленным, пехота (рота 1-го Херефордширского Полка) решила сопровождать танки пешком.

Мой головной взвод — 1-й Взвод под командованием лейтенанта Дона Рикеттса — в тех обстоятельствах продвигался успешно, встречая лишь спорадический огонь из стрелкового оружия от небольших групп немецкой пехоты, с которыми быстро расправлялись. Достигнув небольшой деревушки Винзон/Winson, мы обнаружили, что она пуста, и я приказал Рикеттсу прорываться к Бельзену/Belsen. Это название мне ни о чем не говорило, и мы не могли предвидеть тех ужасов, что ждали нас впереди.

Когда мы приблизились к месту, явно похожему на концентрационный лагерь, внезапно появилась немецкая машина с двумя офицерами на борту, несущими белый флаг. После совещания с командиром пехотной роты два немецких офицера были препровождены к бригадиру Черчеру и оттуда к генералу Робертсу, командиру дивизии. Из информации, которую я получил от командира пехоты, я понял, что большинство заключенных лагеря (многие тысячи) серьезно больны, а многие мертвы. Вскоре после этого по указанию штаба бригады нам сообщили, что лагерь объявлен зоной, закрытой для ведения боевых действий. И немцы, и мы сочли, что продолжение боев в лагере и вокруг него было бы крайне опасным из-за риска того, что ворота лагеря будут открыты,

и заключенные разбредутся по округе, разнося болезни. Немцы были готовы уйти из этого района. Были согласованы время и линия отхода, и организована специальная медицинская группа для обследования лагеря.

Тем временем я и пара моих командиров танков рискнули зайти в лагерь, чтобы осмотреться. Я не был готов к тем ужасающим зрелищам, которые открылись уже в первых нескольких сотнях ярдов от входа в лагерь. Бараки были полны почти голых заключенных — кто-то был мертв, кто-то едва жив и жалок в своей худобе. Повсюду в канавах, окружающих бараки, лежали трупы, вонь стояла неописуемая. Так как мы поняли, что лагерь тянется еще, возможно, на милю или две, невозможно было представить, каковы условия там. Это то, что я никогда не забуду, и я поспешно вернулся к своему эскадрону.

К этому времени командир полка подтянул остальную часть батальона, и мы остановились в нескольких сотнях ярдов от лагеря в ожидании дальнейших приказов. Эта мини-остановка продлилась до 10 утра следующего дня, и когда наступление возобновилось, 3-й КТП и 4-й Полк Шопширской Легкой Пехоты были направлены на Люнебург/Luneburg и к реке Эльба. Люнебург был взят практически без сопротивления, и Эскадрону *С*, шедшему в авангарде 3-го КТП, приказали двигаться на Лауэнбург/Lauenburg. Здесь командир головного танка доложил, что железнодорожный мост через реку цел, но на этой стороне реки находятся около 200 немцев и один *Тигр*. Эскадрон *С* и рота *Шопширцев* окружили мост, надеясь предотвратить его разрушение, но всего в нескольких сотнях ярдов от них мост был взорван и с шумом погрузился в реку. После короткого боя с вражеским арьергардом около 100 человек были взяты в плен, включая экипаж *Тигра*, который так и не смог принять участие в бою из-за полного отсутствия горючего и боеприпасов.

Следующие несколько дней прошли в спорадических стычках в ходе зачистки небольших деревень силами пехотных рот при поддержке нескольких танков. Выяснилось, что деревни защищались лишь небольшими пехотными гарнизонами с одной-двумя противотанковыми пушками. Их боевой дух был низок, сопротивление лишь вялым, и они не представляли большой проблемы. В ходе одной из таких акций был занят лагерь военнопленных, и, к моему великому удивлению, в нем оказались несколько бойцов 3-го КТП, захваченных в Кале в 1940 году. Среди них был мой старый приятель - сержант *Соккер* Хит (*Socker* Heath). Он залез на мой танк, схватил меня за руку и сказал: «Я всегда знал, что 3-й придет за мной».

К концу апреля были достроены два моста через Эльбу, и дивизии приказали переправляться 30 апреля. Продвижение шло отлично, и 5 мая 3-й КТП и 4-й Шопширский Полк вошли в Бад Зегеберг/Bad Segeberg. 23-й Гусарский Полк и 8-й Батальон Стрелковой Бригады прорывались к Травемюнде/Travemunde и Нойштадту/Neustadt, а 2-й Файфский и Форфарский Полк с 1-м Чеширским были направлены на Любек/Lubeck.

Мы все были весьма удивлены, когда поступил приказ остановиться: по рациям пришло сообщение о прекращении всех боевых действий. Затем нам официально объявили, что фельдмаршал Монтгомери принял капитуляцию всех вражеских сил, противостоящих 2-й Армейской Группе. Сообщение о полной капитуляции перед союзниками последовало через два дня. По всем признакам война закончилась, и большинство танковых экипажей было этим некоторым образом разочаровано. Нужно было провести кое-какую зачистку — подразделения 8-й Парашютной Дивизии противника, которая к том времени уже капитулировала, сами собирали отдельные изолированные немецкие части, но 3-му КТП сообщили, что сильный отряд войск СС засел в лесу *Segeberg Forst*, отказываясь

сдаваться кому-либо, кроме британцев. Для того, чтобы помочь дожать этих немцев, потребовался эскадрон танков. Жребий выпал мне, и я послушно отправился со своим эскадроном и ротой *Шопширцев* в лес Зегеберг — не без некоторого трепета, так как накануне у нас была грандиозная вечеринка по случаю победы, и я чувствовал себя не в лучшей форме.

Однако никаких трудностей не возникло. Мы обнаружили, что подразделением СС был целый противотанковый батальон, недавно вернувшийся с русского фронта. Они построились в полном составе, офицеры в парадной форме, почти как для смотра. Выйдя из танка, я подошел к старшим офицерам, стоявшим перед своими войсками. Тут же один из них шагнул вперед и на идеальном английском произнес: «Мой полковник сдаст свое подразделение только британскому офицеру в полевом чине!».

Однако я смог заверить его, что нахожусь в полевом чине (майора), и это подтверждали семнадцать танков моего эскадрона, окружившие его батальон. Я сказал ему, что с удовольствием приму кортик и револьвер его полковника. Колонной мы отконвоировали всё подразделение обратно в Бад Зегеберг, при этом полковник и его адъютант ехали на броне моего танка. При осмотре выяснилось, что противотанковые пушки были оснащены специальными прицельными приборами, позволявшими вести точный огонь ночью. Одно из орудий вместе с оборудованием было немедленно отправлено в Великобританию для дальнейшего изучения.

Мы провели еще несколько недель в Бад-Зегеберге, прежде чем нас направили на несение караульной службы вдоль [полуострова] Эйдерштедта, где разбили лагеря все дислоцированные на севере немецкие войска перед их демобилизацией. Это было странное время для 3-го КТП. Изменения в батальоне происходили почти ежедневно: офицеры и солдаты военного времени демобилизовывались, и эскадроны вскоре сократились до минимального состава. Многие старшие офицеры, находившиеся на штабных должностях и в военных миссиях, сочли целесообразным вернуться в полк, чтобы сохранить выслугу и, возможно, получить командные должности. В результате я вскоре обнаружил, что переведен на должность заместителя командира эскадрона, имея очень мало шансов на производство в кадровые офицеры.

Когда я получил офицерское звание в полевых условиях в 1942 году, мне был обещан перевод в кадры по окончании боевых действий. Теперь этого не последовало: хотя я прошел отборочную комиссию военного министерства в Ганновере с хорошим результатом, и производства, которого я так хотел, не случилось. В качестве альтернативы мне предложили еще пять лет службы по контракту или возвращение в рядовой состав в звании уорент-офицера I класса (полкового сержант-майора). Я отклонил предложение и решил покинуть 3-й КТП, перейдя в военную администрацию. Это был печальный момент, так как я был в 3-м КТП с 1933 года, прошел через операции в Кале в 1940-м, Западную пустыню, Грецию и весь путь от Нормандии до Балтики.

Эпилог

3-й КТП передислоцировался в казармы во Фленсбурге/Flensburg, занимаясь более или менее мирными делами. В октябре 1945 года я присоединился к отряду военной администрации в Киле, где, всё еще в своем временном звании майора, был назначен председателем судов суммарной юрисдикции в Киле/Kiel и Фленсбурге.

Почти через год меня перевели в отряд *930K*, дислоцированный в Хузуме/Husum на западном побережье земли Шлезвиг-Гольштейн. Я стал заместителем командира отряда, и в мои обязанности входила помощь в реорганизации немецкой транспортной системы, как автомобильной, так и железнодорожной. Это было очень интересное

время, но я всё больше разочаровывался в работе военной администрации. Во время короткого отпуска в Гамбурге я встретил старого армейского друга, подполковника Фредди Спенсера-Чепмена (Freddy Spencer-Chapman). Он тогда был директором британской школы в Плёне/Plön и сказал: «Я ищу завхоза. Хочешь эту работу?». Я ухватился за этот шанс и в течение пары недель сумел добиться перевода. В то же время я подал прошение об увольнении из регулярной армии, но подал заявку на производство в офицеры Территориальной Армии. В конце концов прошение было удовлетворено, и я получил звание капитана.

У меня было несколько дней отпуска в Англии, пока решались эти формальности, после чего я вернулся в Германию уже как гражданское лицо, чтобы занять должность завхоза в школе имени короля Альфреда в Плёне. После двух с половиной очень приятных лет в Плёне срок моих полномочий в школе истек, и я вернулся в Великобританию. Я подавал заявки на несколько хозяйственных должностей, но без успеха, поэтому снова подал заявку на производство в офицеры кадровой армии — на этот раз в Корпус Королевских Инженеров-Электриков и Механиков. В итоге я был принят на службу в звании второго лейтенанта и 28 мая 1951 года прибыл на базу Корпуса в Арборфилде/Arborfield. В общей сложности я прослужил на ней двенадцать лет, выйдя в отставку в апреле 1962 года в звании майора и с пенсией вместо выходного пособия.

Моя связь с Королевским Танковым Полком по-прежнему поддерживается через различные отделения Ассоциации Старых Товарищей. 3-й КТП, к сожалению, больше не существует, будучи объединенным со 2-м КТП, и теперь в полку осталось всего два батальона. Посетив недавно 2-й КТП, дислоцированный в Фаллингбостеле/Fallingbostel в Германии, я обнаружил, что дух 3-го КТП живет: танковые экипажи полны бодрости, и я совершенно уверен, что при необходимости они поддержат традиции Королевского Танкового Полка военного времени.

James Palmer. The Militia Boy. 2018

Peter Willett. Armoured Horseman. With the Bays and Eighth Army in North Africa and Italy. 2015

Tank Commander: From the Fall of France to the Defeat of Germany: The Memoirs of Bill Close. 2013

Перевод, компиляция, дополнения и комментарии – Владимир Крупник